

860

КНИГА

X 491.7(082)
П 212

Д Л Я

ЧТЕНІЯ И ПРАКТИЧЕСКИХЪ УПРАЖНЕНІЙ

ВЪ РУССКОМЪ ЯЗЫКЪ.

УЧЕБНОЕ ПОСОБІЕ ДЛ Я НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩЪ,

ОДОБРЕННОЕ УЧЕНЫМЪ КОМИТЕТОМЪ ГЛАВНАГО ПРАВЛЕНІЯ УЧИЛИЩЪ.

СОСТАВИЛЪ

I. Наульсонъ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ИЗМѢНЕННОЕ, БЕЗЪ БУКВАРЯ.

С. - ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИБЛЕНА И КОМП.

1861.

1864

КНИГА

ВЪЗРАЖЕНІЯ НА ПЕЧАТАНІЕ СЕБЕ

ВЪЗРАЖЕНІЯ НА ПЕЧАТАНІЕ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 29-го Апрѣля 1864 года.

Ценсоръ В. Бекетовъ.

Н. К. П. РСФСР.
Центральная библиотека
по народному
образованию

Государствен. библиотека
— по народному —
образованию
№ 17013

КОНТРОЛЬНЫЙ

ПРЕДИСЛОВІЕ ДЛѢ УЧЕНИКОВЪ.

Хорошій ученикъ обладаетъ слѣдующими качествами:

1) Онъ любитъ свой родной языкъ, и потому
2) старается научиться правильно и свободно говорить и писать на немъ. Для этого онъ

3) внимательно прислушивается къ тому, какъ говорятъ взрослые образованные люди, и прилежно читаетъ все, что написано въ его книгѣ для чтенія;

4) старается отчетливо и основательно уразумѣть и усвоить себѣ всѣ представленія, понятія и мысли, выражаемыя на родномъ языкѣ, и

5) бываетъ особенно внимателенъ въ классѣ, не пропускаетъ ни одного слова своего наставника, спрашиваетъ о томъ, чего не понялъ, записываетъ объясненное, для памяти, въ тетрадь, и всегда тщательно приготовляетъ заданный ему урокъ.

Таковы качества ученика, который желаетъ изучить свой родной языкъ. Если ты, юный другъ мой, усвоишь себѣ эти качества, то языкоученіе доставитъ тебѣ много удовольствія. А если ты и во всѣхъ другихъ учебныхъ предметахъ будешь такъ же усерденъ и прилеженъ, то вырастешь на радость наставникамъ твоимъ и родителямъ, и со временемъ сдѣлаешься способнымъ, полезнымъ и всѣми уважаемымъ человѣкомъ. Свѣтла, отрадна будущность твоя, другъ мой, если ты разумно воспользуешься настоящимъ!

Опечатки, которыя необходимо исправить до употребленія книги.

Стран.	Строка:	Напечатано:	Должно быть:
50	4 снизу	Не давши слово	Не давши слова
122	13 сверху	206	205
—	7 снизу	207	206
127	9 снизу	215	215
249	16 сверху	енѣ	енѣгъ

Кромѣ того во многихъ мѣстахъ, по ошибкѣ, напечатано: *изчезъ, изчезла, изчезать*, а должно быть: *исчезъ, исчезла, исчезать*.

ОГЛАВЛЕНИЕ ОБЩЕЕ.

	<i>Стран.</i>
I. Изъ семейнаго быта.	1 — 32
II. Изъ городского быта.	32 — 63
III. Изъ сельскаго быта	64 — 142
А. Деревня	64 — 87
Б. Поле	88 — 98
В. Дорога	98 — 107
Г. Лугъ	107 — 113
Д. Лѣсъ	114 — 134
Е. Воды	134 — 142
IV. Человѣческій организм	142 — 164
V. Животныя, растенія и минералы	164 — 218
VI. Мировыя явленія	218 — 254
VII. Отношенія человѣка къ Богу: статьи нравственнаго и религiознаго содержанія	254 — 288
На русскомъ языкѣ	254 — 263
На церковно-славянскомъ языкѣ	263 — 288
VIII. Родина, отечество: очерки изъ отечественной геогра- фiи и исторiи	289 — 340
Объясненiе церковно-славянскихъ буквъ, словосокращенiй и цифръ	341 — 344
<i>Примѣчанiе.</i> Статьи, отмѣченныя въ книгѣ звѣздочкою, назначаются преимуще- ственно для первоначальнаго чтенiя.	

ОГЛАВЛЕНИЕ ПОДРОБНОЕ, АЛФАВИТНОЕ.

(Статьи въ стихахъ означены здѣсь буквою с.)

	<i>№ №</i>
Августъ сильный и кузнецъ	272
Александръ Невскiй. Изъ «Исторiи Россiи» Ишимовой	460
Анекдоты о крысахъ. Изъ «Звѣздочки»	285
Арабское судопроизводство	89
с. Беззаботность птички. Пушкина.	295
Бережливость и скупость	76
Битва Куликовская	463
с. Богъ не оставляетъ сиротъ. К. Петерсона	402

	Богъ низпосылаетъ на насъ свое благословеніе различнымъ образомъ. II	379
с.	Болото. А. Майкова	230
	Большая собака	4
	Большой столъ. II	160
	Борисъ Годуновъ. Изъ «Записокъ Русской Исторіи»	467
	Бумага. Изъ «Звѣздочки»	336
с.	Буря. И. Козлова	274
	Бутлерь	63
	Бѣдность лучше увѣчья.	271
	Бѣдный Гнѣдко. Одоевскаго	62
	Вазуза и Волга. Изъ «Народныхъ сказокъ» Аванасьева	436
с.	Ваня и няня Бенедиктова	3
	Великодушная дочь	42
	Великодушный незнакомецъ	397
с.	Веселость птички. Изъ «Звѣздочки».	114
с.	Весеннія воды. Ѳ. Тютчева.	364
с.	Весеннія пѣсенки. 1. А. Майкова; 2. Изъ Гейне, Михайлова; 3. Плещеева; 4. Изъ «Басенъ и пѣсенъ для дѣтей»; 5. Б. Федорова	369
с.	Весенняя гроза. Ѳ. Тютчева	370
	Веспа. 1 II. 2 с. А. Майкова.	367
	Весна въ Россіи. Карамзина	368
с.	Вечерь. 1. Изъ «Пѣсенъ и разсказовъ». 2. Изъ «Звѣздочки» 3. Кудряшева	357
с.	Вечерь въ лѣсу. Никитина.	194
с.	Вечерь на сѣнокосѣ. Никитина	183
	Виноградъ и плодовые деревья	323
	Виттингтонъ	280
	Владиміръ Великій. По Соловьеву	451
	Владиміръ Мономахъ. Изъ «Исторіи Россіи» Ишимовой	455
	Владиміръ на Клязьмѣ. Изъ «Путев. записокъ» М. Жданова	457
с.	Внутренность избы. Мея	103
	Вода. С. Аксакова.	224
с.	Водонадъ. Державина.	226
с.	Водопадъ и ручей. Крылова	227
с.	Водяной. Ю. Жадовской	163
	Волкъ	283
с.	Волкъ и журавль. Крылова.	206
с.	Волкъ и котъ. Крылова	129
с.	Волкъ и лисица. Измайлова	209
	Волкъ, лошадь, собака, лиса и мужикъ. Изъ «Народныхъ сказокъ.» Аванасьева	215
	Волосатикъ. Изъ Чтеній Гугеля	317
	Волчьи ягоды. II	333
с.	Воробы и овсянка. Измайлова	459

Тороллин

с. Ворона и кувшинъ. Измайлова	146
с. Ворона и лисица. Крылова	204
с. Вороненокъ. Крылова	187
Времена года. II	363
с. Всенощная въ деревнѣ. II. Аксакова	133
Всякій долженъ работать. Изъ «Звѣздочки»	7
с. Вырубка лѣса. Н. Некрасова	197
Вѣжливость украшаетъ всякое состояніе II	92
Вѣрное средство разбогатѣть. II.	66
Вѣрность. Изъ Круммахера	403
Вѣрочка и коноплянка	123
Гвоздика. Изъ Шмита	254
Глупому сыну не въ помощь богатство. Изъ «28 пословиць»	44
с. Гнѣздо ласточки. Никитина	162
Годуновъ	467
с. Гонецъ. Пушкина	480
Городъ и деревня. Изъ книги «Деревня»	99
Горькій цвѣтокъ. Изъ «Звѣздочки»	251
Грибы.	335
Гроза. Изъ Шмита	371
Грузія. Пушкина	440
Грушевое дерево	119
Гряда гвоздики.	111
Гусеницы, куколки и ихъ враги. II.	304
Гуси	290
с. Два великана. Лермонтова	483
с. Два ворона. Пушкина	202
Два друга и медвѣдь.	221
с. Два крестьянина и облако. Измайлова	153
Два мороза (сказка). Изъ «Народнаго Чтенія»	273
с. Два мужика. Крылова	131
Два работника	57
Двѣ яблони	38
с. Демьянова уха. Крылова	128
с. Деревенскій вечеръ. II. Аксакова	139
с. Деревенскій сторожъ. Н. Огарева	141
с. Дерево. Хемницера . <i>Круммахе</i>	195
Десять правилъ для жизни. Изъ «Звѣздочки»	46
Дитя и шелковичный червь. II.	307
Для чего нужны деньги. Изъ «Разск. о Богѣ, челов. и природѣ»	32
Добрая слава лучше богатства	122
* Доброе сердце.	22
Добрый отецъ. Изъ Круммахера	401
Долгіе и короткіе дни. II	347
Долгоруковъ, Яковъ	476

	№ №
Домашніе совѣтники. П.	45
Домикъ Петра Великаго	484
Дорогая травка.	60
Драгоценные камни	73
Древесная лягушка. П.	303
с. Дремучій лѣсъ. Кольцова	190
Друзья послѣ смерти. Изъ Гердера	405
Дубъ и верба. Изъ Шмита	161
Думы (сказка). Изъ «Народнаго чтенія»	203
Дурная кухарка	250
Духовное завѣщаніе Владиміра Мономаха. Изъ «Исторіи Россіи»	
Ишимовой	456
Дѣтское желаніе	155
Дѣтство Франклина	47
Еванг. Матѳея гл. ѿ1, ст. б — ѿ1.	426
Еванг. Луки гл. б, ст. ке — лб.	427
с. Елка. Свѣчина	322
с. Жаворонокъ. Жуковскаго	198
Жгучая вода. П.	338
Жизнь Петра Великаго въ Сардамѣ	475
Жуки. П.	313
с. Завтра. Б. Федорова	14
Загадки. 13, 18, 24, 26, 49, 68, 101, 104, 107, 121, 134, 152, 157, 165, 175, 178, 196, 229, 237, 246, 252, 277, 296, 299, 305, 314, 328, 332, 340, 346, 372, 377, 394.	
с. Загадочный цвѣтокъ. Изъ дѣтской книги «Золотой Цвѣтокъ»	330
* Задача для смѣливыхъ дѣтей. Изъ «Звѣздочки»	11
Замѣчательная собака. Изъ «Звѣздочки»	281
Зачѣмъ данъ тебѣ вкусъ? Изъ «Разсказовъ о Богѣ, человекѣ и природѣ»	249
Зачѣмъ не видалъ? Изъ той же книги	244
Зачѣмъ не слышалъ? Изъ той же книги	247
Заяць. С. Аксакова	284
с. Звѣзды. Хомякова	360
Здѣсь удобрено гипсомъ. П	337
Земля и находящіяся на ней государства. Изъ «Сельскаго Чтенія»	428
с. Зима. 1. Баратынскаго. 2. 3. и 4. Пушкина	390
с. Зимнее утро. А. Майкова	395
с. Зимнее утро въ столицѣ. Пушкина	54
с. Зимняя дорога. Пушкина	170
с. Зимняя ночь. Лихачева	396
с. Зимняя ночь въ деревнѣ. Никитина	140

с.	Змѣя и пѣвица. П. Дмитриѣва.	302
	Золотые орѣхи. П.	23
	Зрѣніе. Изъ «Мира Божія».	243
	Иванъ Сусанинъ	472
	Играющія собаки	2
с.	Изаб. Н. Огарева	100
	Извилистыя тропинки.	217
	Изобрѣтеніе пороха. Изъ «Звѣздочки».	343
	Искатели меда	310
	Искусство жить долго	259
	Испытаніе	404
	Истинное благочестіе. Изъ «Первоначальнаго учителя» Канту.	412
*	Истинное добродушіе. П	64
	Исторія дождевой капли. П	381
	Источникъ живой воды	232
	Иова гл. ѿѢ — ѿ	419
	Іоаннъ Грозный. Изъ «Записокъ Русской Исторіи»	465
	Іоаннъ Даниловичъ Калита.	461
	Іоаннъ III. Изъ «Русской Исторіи» Бутовскаго	464
с.	Кавказъ. Пушкина.	439
	Казанскій Соборъ	486
	Какъ баба сама себя вылъчила. В. Даля	263
	Какъ кошки ловятъ рыбу. С. Аксакова.	300
с.	Какъ ласточка прощается съ воробьемъ. Изъ дѣтской книжки «Театръ звѣрей»	387
	Какъ образуется снѣгъ.	393
*	Какъ пишетъ котенокъ. П.	12
	Какъ правда терлется. Изъ «Звѣздочки»	98
	Канарейка. Изъ Круммахера	20
	Капуста. Изъ Шмита.	115
	Картофель. П	331
	Каспійское море. Марлинскаго.	441
с.	Квартетъ. Крылова	83
	Кивачъ. А. Грена.	432
с.	Кіевъ. Хомякова	444
*	Клочокъ ваты. П	19
	Книги Бытія глава ѿ	415
	— — — ѿз	416
	— — — ѿа	417
	— — — ѿб	418
	Князь Пожарскій	471
	Князь Я. Ѡ. Долгоруковъ	476
	Когда бъ на дятла не свой носокъ, никто бъ его въ дуплѣ не нашелъ. Изъ «28 пословицъ»	292

Кола	431
с. Колосья. Изъ «Звѣздочки»	158
Кому кукушка куковала.	218
с. Косарь. Кольцова	184
Костя и жукъ П	36
с. Котъ и поварь. Крылова	51
Кофе	329
с. Крестьянинъ и лошадь. Крылова	147
с. Крестьянинъ и работникъ. Крылова	222
с. Крестьянинъ и топоръ. Крылова	102
с. Крестьянинъ съ ношею. Хемницера	173
с. Крестьянская пирушка. Кольцова	130
Крещеніе Руси. Карамзина	452
Кротъ. Изъ «Звѣздочки».	286
с. Кто онъ? Я. Полонскаго.	477
Кузнецъ. Изъ Шмита	265
с. Кукушка. Измайлова	200
Куликовская битва	463
Курица и утята. С. Аксакова	291
Къ чему нужно обоняніе?	253
с. Ларчикъ. Крылова	72
Ласточки. Ишимовой.	294
с. Ласточки. А. Майкова	388
Лебедь. С. Аксакова	289
с. Левъ состарѣвшійся. Крылова	211
Летучая мышь. П.	287
Лиса и журавль. Изъ «Народн. сказокъ» Аванасьева	207
Лиса и тетеревь. Изъ «Народн. сказокъ» Аванасьева	208
с. Лисица и виноградъ. Крылова	117
с. Лисица и осель. Крылова	212
Ложный стыдъ. П.	30
Лошадь и верблюдъ. Изъ Лессинга	279
с. Лошадь и осель. Хемницера	177
Луна—образъ человеческой жизни. П	349
* Лучшая приправа. П	258
Лучшее украшеніе матери. П.	40
с. Лѣтний мужикъ. Кольцова	143
Лѣса. Изъ «Звѣздочки»	189
с. Лѣтній вечеръ. Жуковскаго	378
с. Лѣтній дождь. А. Майкова	151
с. Любопытный. Крылова	58
с. Лягушка и волъ. Крылова	185
Магнитъ	341
с. Мальчикъ съ пальчикъ. Жуковскаго	112
с. Мартышка и очки. Крылова	245

Изъ моего
 списка
 Л. П. Жуковскаго

Медвѣдъ Данил

№ №

с. Медвѣдъ пласунъ. Хемницера	210
с. Мельникъ. Крылова	164
Мертвая голова	308
Мининъ	470
Мнимоумершая дѣвица. П	268
Много желать, добра не видать. Изъ «28 пословиць»	33
с. Могу ли я увидѣть Бога? Я. Грота	400
Можно ли въ разгоряченномъ состояніи пить холодную воду? П	261
с. Мой садикъ. Пещеева	110
Молодая муха	27
с. Монастырь. И. Козлова	411
с. Морозъ. Б. Федорова	391
с. Морская тишь. Изъ Гёте, Ф. Миллера	235
с. Москва. Ф. Глинки	442
с. Мужикъ и корова. Хемницера	171
<i>Муко. и</i> Мужикъ и царедворецъ. Изъ «Народн. сказ.» Аванасьева	87
<i>речу</i> Муравьи. П	315
с. Муха. И. Дмитриева	145
Награда по заслугамъ	86
Надъ тѣлесными недостатками смѣяться не должно	257
<i>Народ.</i> Наклонись. П <i>про Чарова. Карелия.</i>	93
с. Наступленіе ночи. Жуковского	358
Находчивость русскаго солдата. В. Даля	84
с. Начало весны. 1. Пушкина; 2. Изъ «Звѣздочки»	365
Начало Москвы. Карамзина	458
Ишествіе Татаръ. Изъ «Исторіи Россіи» Ишимовой	459
Не давши слова крѣпись; а давши слово, держись. Изъ «28 пословиць»	78
Не завидуйте богатству. В. Даля	260
Не положивъ, не ищи. В. Даля	219
Неприятели пчелъ. Изъ «Міра Божія»	309
Неумышленное похищеніе	248
Неустрашимый мальчикъ. Изъ «Сельскаго чтенія»	137
Нечистоплотный крестьянинъ. В. Даля	262
с. Нива. 1. А. Майкова. 2. Ю. Жадовской	154
Нижній Новгородъ. А. Разина	443
с. Нищіе. Никитина	65
Новгородъ	466
с. Ночь. 1. Касилыча; 2. Никитина. <i>Туркестанъ</i>	359
Облака. Изъ «Звѣздочки»	352
О волосатикѣ. Изъ Чтеній Гугеля	317
Одесса	482
О землѣ и находящихся на ней государствахъ, особенно русскомъ. Изъ «Сельскаго Чтенія»	428
Окунь. Изъ «Міра Божія»	298

	№ №
О ласточкахъ. Ишимовой	294
Олеги. Изъ «Исторіи Россіи» Ишимовой	448
Ольга Святая	449
О паукахъ. Изъ Чтеній Гугеля	316
с. Осель и соловей. Крылова	214
с. Осенняя пѣсенка. Пушкина	386
с. Осень. 1. Фета; 2. Карамзина; 3. А. Майкова	384
с. Осень въ деревнѣ. Изъ «Звѣздочки».	385
с. Осиротѣлая птичка. А. Загоскина	199
Ось и чека. В. Даля	179
О томъ, какъ страствуютъ деревья. II	321
Палицынъ	469
Пастушья свирѣль	95
Пауки. Изъ Чтеній Гугеля	316
с. Пейзажъ. А. Майкова	192
Первые русскіе князья. Изъ «Исторіи Россіи» Ишимовой	447
Первый русскій гофъ-мазеръ	82
с. Передъ дождемъ. Н. Некрасова	373
Перелетныя птицы	293
Переправа черезъ рѣку	61
Персики. Изъ Круммахера	126
Персианинъ и сынъ его. Изъ Чтеній Гугеля	94
Петропавловская крѣпость и церковь въ С. Петербургѣ	485
Петръ Великій подъ судомъ	88
Печаль маленькаго садовника	324
Печорскій край. Изъ «Чтенія для взрослыхъ дѣтей»	430
Письма гимназиста къ роднымъ (3 письма) Н. Гоголя	17
Письмо къ матери послѣ первой разлуки	16
с. Негибнущій иловецъ	236
Подарокъ отъ чистаго сердца	1
Подкова. Изъ Шмита	176
Пожарскій, князь	471
Покрытое блюдо	79
Полтава	479
Польза отъ животныхъ. Изъ «Сельскаго Чтенія»	275
Польза отъ птицъ	288
Померанцевое дерево. II	266
Пословицы диететическія	270
Пословицы изъ повседневной жизни	52
Пословицы изъ ремесленнаго и купеческаго быта	81
Пословицы изъ сельскаго быта	142
Пословицы и поговорки, заимствованныя изъ царства животныхъ	318
Пословицы и поговорки, имѣющія отношеніе къ лѣсу и водѣ	238
Пословицы и поговорки, относящіяся къ человѣческому тѣлу	256
Пословицы и поговорки, относящіяся къ явленіямъ природы	399

Пословицы историческія	473
Пословицы о добрѣ и худѣ, о правдѣ и лжи	96
Пословицы о любви и послушаніи	43
Пословицы о нуждѣ и бѣдности	69
Пословицы объясненныя	83, 44 и 78
Пословицы о пользѣ ученія и знанія	45
Пословицы о трудолюбіи и праздности	40
Пословицы религиозныя	413
Правосудіе	90
Премудрости Іисуса сына Сирахова	423
Прозваніе Варяговъ Руси. Изъ «Исторіи Россіи» Ишимова	446
с. Прозваніе колокола. Изъ дѣтской книги «Вѣнокъ»	409
с. Примѣты осени. Грекова	383
Природа днемъ и ночью. Н. П. Вагнера	362
с. Природа до и послѣ дождя. Демидова	191
с. Природа и жизнь въ деревнѣ. Н. Некрасова	138
Присутствіе духа крестянской дѣвочки. Изъ «Сельскаго Чтенія».	127
Притча о дубовой бочкѣ. В. Даля	118
Притчи I. Христа. Еванг. Матѳ. гл. VI	414
Притчи Соломоновы	422
с. Приходъ царя. Изъ дѣтской книги «Золотой цвѣтокъ».	366
Причина и дѣйствіе. II	267
Пробка. Изъ «Звѣздочки»	326
Пророка Даниила гл. 5	425
Пророка Іереміи гл. м5	424
Пророки и волшебники. Карамзина	454
с. Прохожіе и собаки. Крылова	53
с. Прохожіи. Гербеля	436
Псаломъ ДІ	420
Псаломъ ПІ	421
Пустынникъ и мѣдвѣдь	216
Путешествія по міровому пространству. II	344
с. Путникъ. Н. Огарева	169
с. Путь. Кольцова	168
с. Пчела и курица	106
с. Пчела и мухи. Крылова	311
Пчела и овца. II	108
с. Пѣснь Баяна. Н. Языкова	450
с. Пѣснь Русскому Царю	487
с. Пѣсня бѣдняка. Жуковскаго	125
с. Пѣсня о городахъ. Изъ «Бесѣдъ съ дѣтьми» А. Пчельниговой.	429
с. Пѣсня пахаря. Кольцова	144
с. Пѣтухъ, котъ и мышенокъ. И. Дмитріева	28
Раздѣленіе дня. II	345
с. Раздѣлъ. Крылова	80

	№ №
Различіе разстенія отъ животнаго. Изъ «Сельскаго Чтенія»	320
с. Разсвѣтъ. Лермонтова	354
с. Разсказъ мышенка о помощи льву. Жуковскаго	213
Резедная бабочка. П.	306
Рогатый скотъ. Изъ «Сельскаго Чтенія»	276
Роса и иней. П.	382
с. Рукодѣльная пѣсня. Одовскаго	9
с. Русская зима. Вяземскаго	392
Русская тройка. Н. Гоголя.	167
с. Русскія рѣчки. Э. Миллера	481
Ручей. Изъ Круммахера	231
с. Ручей и море. Лихачева	233
Рѣдкая честность. Изъ «Звѣздочки».	75
с. Рѣчка. Цыганова	228
Садовыя деревья	39
Самарскія степи. А. Разина	438
Самозванецъ	468
Сапожные гвозди. Изъ Шмита	67
Сахаръ	327
с. Свиныя подъ дубомъ. Крылова	109
Святая Ольга. Изъ «Исторіи Россіи» Ишимовой	449
Священникъ и крестьянинъ	149
с. Сельское кладбище. Жуковскаго	135
с. Сельскій вечеръ. Изъ «Звѣздочки»	132
Сказка о лисицѣ и волкѣ. Изъ «Народн. сказ.» Аванасьева	180
Сказка о цугѣ зубастой. Изъ «Народн. сказ.» Аванасьева	225
с. Скворецъ и кукушка. Хемницера	201
Скоро, да не здорово <i>на споро.</i>	174
Скука. П.	31
Скупой	34
Славяне. Изъ «Исторіи Россіи» Ишимовой	445
Слово въ Великій Пятокъ. Иннокентія	410
с. Слонъ и моська. Крылова	59
Смерть Лжедмитрія	470
* Смышленная мышка. П	25
Смѣлые мальчики. П.	220
Снигирь и мальчикъ. <i>Свят. мѣсяц. муромск.</i>	398
Собака и волкъ.	186
с. Собака и лошадь. Крылова	105
Сожъ и Дѣвиръ. Изъ «Народныхъ сказокъ» Аванасьева.	437
Солдатъ и падающая звѣзда. П	361
Солнечное сіяніе и дождь. П	380
Солнце. П	348
с. Солнце и мѣсяцъ. Я. Полонскаго.	350
Солнце, морозъ и вѣтеръ. Изъ «Народн. сказокъ» Аванасьева	389

с. Соловей. Изъ дѣтской книги: «Разказы и пѣсни»	297
с. Соловей и чижъ. Хемницера	50
Соляной источникъ. II	339
Сонъ и смерть. Изъ Гердера	407
Соперничество домашнихъ животныхъ. II	278
Сострадательная Наташа	35
Спусти лѣто, да въ лѣсъ по малину. Изъ «28 пословицъ»	240
Сраженіе на берегахъ р. Вожи	462
Старикъ	241
с. Старикъ и ребята своевольные. Хемницера	234
Старые и молодые люди.	239
Старый волкъ. Изъ «Подсѣжника»	188
Стекло	342
Странникъ. II	91
Станный рецептъ. II	70
Строевая лошадь	85
с. Строитель. Хемницера	56
с. Стрѣлка часовая. Хемницера	53
с. Сумерки	356
Сусанинъ	472
Сцена въ типографіи. Измайлова.	71
Съ пользою употребленные деньги	41
Сѣяніе ржи. Изъ «Звѣздочки».	148
с. Сѣнокосъ. А. Майкова	182
Теплокровныя и холоднокровныя животныя	274
с. Тишина почи. Никитина	97
Товія. Изъ Круммахера	406
Три золотыя рыбки	29
с. Три пары и одинъ. Изъ Рикерта.	242
с. Тришкинъ кафтанъ. Крылова	74
с. Трудъ	8
с. Туча. Пушкина	375
Угорь и змѣя	301
с. Улетѣвшая птичка. Изъ «Звѣздочки»	113
Умный червякъ. II	351
с. Урожай. Кольцова:	156
Усталость маятника. Изъ «Чтенія для дѣтей.» Классовскаго	48
У страха глаза велики. В. Даля	223
Утреннія занятія Петра Великаго	478
с. Утренняя звѣзда. Жуковскаго.	353
с. Утренняя пѣсня. Одоевскаго	6
с. Утро. 1. Изъ Пѣсень, разказовъ и басенъ для дѣтей; 2. Никитина; 3. Мерзлякова	353
Утро на луку	181
Ученіе Петра Великаго	474

	№ №
Финляндія. Батюшкова	435
Худой плательщикъ	77
с. Цвѣтокъ. Кольцова	193
Цвѣты плодовыхъ деревьевъ	325
Церковный староста. Народная легенда	269
Церковь. Изъ «Сельскаго Чтенія»	408
Цикута. П	334
с. Цыганенокъ. Д. Ленскаго	124
<i>Чернышъ</i> Черныльная муха. А. Дараганъ	312
Четыре стихии. Изъ Шмита	37
с. Чижъ и голубь. Крылова	116
с. Чижъ и ежъ. Крылова	205
Чистое небо и тучи. П.	150
Члены человѣческаго тѣла	255
Что знаешь, о томъ не спрашивай. В. Даля	172
Что такое растеніе?	319
Чувство любви сильнѣе боли. П.	21
Чудный врачъ. П.	264
с. Чудское озеро. Н. Языкова	424
<i>Чужая роща</i> Швейцарскія собаки на горѣ Сентъ-Готардъ	282
с. Школьникъ. Н. Некрасова	5
с. Шоссе и обыкновенная дорога. П. Аксакова	166
Щегленокъ	120
Эльтонское озеро	433
Эхо. Изъ Шмита	376
Ярославъ Первый. Изъ «Русской исторіи» Бутовскаго	453

1. ИЗЪ СЕМЕЙНАГО БЫТА.

* 1. Подарокъ отъ чистаго сердца.

Госпожа Зимина была нездорова и не могла выходить изъ комнаты. Призвавъ пятилѣтняго сына Володю, она сказала ему: «Володя, возьми эту корзинку съ яблоками и отнеси къ бабушкѣ, потому что сегодня день ея ангела. Поздравь ее хорошенько и поцѣлуй ручку; а вотъ это яблоко ты можешь скушать.» Съ этими словами госпожа Зимина подала ему большое, румяное яблоко. Поблагодаривъ мамашу, Володя взялъ корзинку, положилъ свое яблоко въ карманъ, и въ сопровожденіи стараго слуги пошелъ къ бабушкѣ. — «Поздравляю васъ съ днемъ ангела, милая бабушка», сказалъ онъ, входя къ ней, и прибавилъ, подавая корзинку: «это отъ маменьки». А потомъ, робко вынимая яблоко изъ кармана, проговорилъ тихо: «а это отъ Володи».

* 2. Играющія собаки.

Володя стоялъ у окна и смотрѣлъ на улицу, гдѣ грѣлся на солнышкѣ большой дворовый песъ, Полканъ.

Къ Полкану подбѣжала маленькая моська и стала на него кидаться и лаять; хватала его зубами за огромныя лапы, за морду и, казалось, очень надоѣдала большой и угрюмой собакѣ. «Погоди-ка, вотъ онъ тебѣ задастъ!» сказалъ Володя: «про-

учить онъ тебя!» Но моська не переставала играть, а Полканъ смотрѣлъ на нее очень благосклонно.

— Видишь ли, сказалъ Володѣ отецъ: Полканъ добръе тебя! Когда съ тобой начнутъ играть твои маленькіе братья и сестры, то непременно дѣло кончится тѣмъ, что ты ихъ обидишь. Полканъ же знаетъ, что большому и сильному стыдно обижать маленькихъ и слабыхъ.

3. Ваня и няня.

— Говорятъ: война! война! рѣзвый мальчикъ Ваня лепеталъ. Да гдѣ жъ она? Расскажи-ка, няня.

— Тамъ — далеко. Подрастешь — послѣ растолкую.

— Нѣтъ, теперь скажи: за что жъ? какъ же тамъ воюють?

— Ну, сойдутся, стануть въ рядъ по срединѣ луга, да изъ пушки и палаятъ, да и бьютъ другъ друга. Дымъ-то такъ валить тогда, что ни зги не видно.

— Такъ они дерутся?

— Да.

— Да вѣдь драться стыдно? Миѣ сказалъ папаша самъ: «заниматься этимъ — только нѣннымъ мужикамъ, а не умнымъ дѣтямъ!» Помнишь — какъ-то съ Мишей я за игрушку спорилъ; онъ давай толкать меня, да и раззадорилъ. Я прибилъ его. Вотъ на! побѣдили наши! «Это что у васъ? война?» слышимъ крикъ папаша: «розгу!» — Съ Мишей тутъ у насъ было слезъ довольно. Насъ папаша въ этотъ разъ высѣкъ очень больно. «Стыдно драться», говоритъ; «ссорятся лишь злые». Ишь! И маленькимъ-то стыдъ! а вѣдь тамъ — большіе! Самъ я видѣлъ сколько разъ: мимо шли солдаты. У! большущіе! я глазъ не спускалъ: все хваты! Шапки мѣдныя съ хвостомъ! Ружей много, много! Барабаны — тромъ-томъ-томъ! Вся гремитъ дорога!

«Тромъ-томъ-томъ!» — и весь горитъ отъ восторга Ваня; но, подумавъ, говоритъ: «а вѣдь вѣрно, няня, на войну шло столько ихъ, гдѣ палаятъ изъ пушки: вѣрно, вышла и у нихъ ссора за игрушки!

Бенедиктовъ.

4. Большая собака.

Въ гостинницѣ маленькаго городка сидѣлъ человѣкъ, водившій ручного медвѣдя, и ужиналъ; а Мишенька стоялъ на дворѣ, привязанный къ столбу. Въ верхней комнатѣ гостинницы играли въ это время три мальчика; старшему было шесть лѣтъ, а младшему только два года. Имъ не оставили свѣчки, но съ нихъ довольно было свѣту и отъ блѣдныхъ лучей мѣсяца. Въ эту минуту послышались тяжелые шаги на лѣстницѣ.... шаги не человѣческіе.... Дверь отворилась, и кто же вошелъ? Мишенька! Огромный, мохнатый Мишенька. Ему одному стало скучно на дворѣ, и онъ случайно нашелъ дорогу наверхъ.

Дѣти испугались, увидѣвъ страшнаго звѣря, и скорѣе попрыгали по угламъ. — Напрасно! Онъ скоро отыскалъ ихъ, обнюхалъ, но не сдѣлалъ имъ никакого вреда. Дѣти ободрились и подумали: это вѣрно большая собака, и начали ласкать ее, сначала робко, потомъ посмѣлѣе. Медвѣдь прилегъ на полъ, младшій мальчикъ взлѣзъ на него и пряталъ золотые кудри свои въ его теплой шубѣ. Старшій началъ бить въ барабанъ, и тогда-то настало истинное веселье для дѣтей: Мишенька всталъ на заднія лапы, началъ плясать и показывать всѣ свои штуки; чудно было смотрѣть на него! Потомъ каждый мальчикъ взялъ по деревянному ружью въ руки, медвѣдю дали также одно, и онъ прекрасно держалъ его въ лапахъ. Каковъ былъ товарищъ? Послушный добрый Миша! и всѣ вмѣстѣ пустились маршировать: разъ, два! разъ, два!

На лѣстницѣ опять послышались шаги—вошла маменька малютокъ. Боже мой, какъ она испугалась! Отъ страха остановилась она у дверей, какъ окаменѣлая. Лицо ея покрылось смертельною блѣдностію, глаза остановились неподвижно. Но младшій мальчикъ, весело кивнувъ ей головой, закричалъ: «Маменька, посмотри, мы играемъ въ солдаты.» Въ эту минуту вошелъ и проводникъ медвѣдя.

5. Школьникъ.

— Ну, пошелъ же, ради Бога!... Небо, ельникъ и песокъ: не веселая дорога.... Эй! садись ко мнѣ, дружокъ!... Ноги босы,

грязно тѣло и едва прикрыта грудь.... Не стыдися! что за дѣло? это многихъ славныхъ путь. Вижу я въ котомкѣ книжку. Такъ учиться ты идешь.... Знаю: батька на сынишку издержалъ послѣдній грошъ. Знаю, старая дьячиха отдала четвертачокъ, что проѣзжая купчиха подарила на чаекъ. Или, можетъ, ты дворовый изъ отпущенныхъ?... Ну, что жь! случай тоже ужъ не новый: не робѣй, не пропадешь!... Скоро ты узнаешь въ школѣ, какъ Архангельскій мужикъ, по своей и Божьей волѣ, сталъ разумень и великъ. Не безъ добрыхъ душъ на свѣтѣ: кто-нибудь свезетъ въ Москву, будешь въ университетѣ—сонъ свершится на яву! Тутъ ужъ поприще широко: знай работай, да не трусь!...

Некрасовъ.

*** 6. Утренняя пѣсня.**

Встань по утру, не лѣнись! мыломъ вымойся, утрись. Кто растрепанъ, не умыть, тотъ собой людей смѣшить.

Зубы, десны крѣпче три, и снаружи и внутри; чистымъ гребнемъ причешись, да и Богу помолись.

Долго спать тебѣ не въ прокъ, лишь забудешь про урокъ; ты за книжку—повторить, а ужъ начали звонить.

Знай заранѣе, что взять, времени чтобъ не терять. Въ классъ когда идти велятъ, тутъ ужъ некогда искать.

То забылъ налить чернилъ, то пера не очинилъ; книжку бросилъ безъ пути, а потомъ и не найти.

Но въ порядкѣ что лежитъ, подь руку само бѣжить. Въ классѣ быть, такъ не зѣвать, а стараться понимать!

Кто зѣваетъ, негодяй; ты ему не подражай. Слышишь новое—смекни, да въ тетрадкѣ отчеркни.

Полѣнился, пропустилъ,—смотришь, завтра позабылъ. А написано—прочтешь, лучше въ толкъ себѣ возьмешь.

Одоевскій.

*** 7. Всякій долженъ работать.**

Былъ одинъ маленькій мальчикъ; папенька и маменька послали его въ училище. Утро было прекрасно; солнце свѣтило ярко; голосистыя птички весело распѣвали; мальчику не хотѣлось

учиться, ему лучше хотѣлось бы поиграть. Онъ былъ еще глупенькій малютка. Оглядываясь вокругъ, онъ увидѣлъ пчелку, которая летала съ цвѣтка на цвѣтокъ.—«Пчелка», сказалъ онъ, «поиграй немножко со мною!»—«Нѣтъ», отвѣчала пчела, «миѣ играть некогда; миѣ надобно собирать медъ.»

Пройдя нѣсколько шаговъ, мальчикъ встрѣтилъ собаку и сказалъ ей: «собачка, поиграй немножко со мною!»—«Нѣтъ» отвѣчала собака, «миѣ играть некогда; миѣ надобно идти стеречь дворъ моего хозяина, чтобы туда не зашелъ воръ.»

Далѣе мальчикъ увидѣлъ птичку, которая таскала носикомъ своимъ клочки сѣна изъ копны. — «Птичка», сказалъ онъ ей, «поиграй немножко со мною!»—«Нѣтъ», отвѣчала птичка. «миѣ играть некогда; миѣ надобно собрать сѣна, моху, шерсти, чтобы свить себѣ гнѣздышко.»

Потомъ мальчикъ увидѣлъ лошадь и сказалъ ей: «лошадка, поиграй немножко со мною!»—«Нѣтъ», отвѣчала лошадь, «миѣ играть некогда; миѣ надобно пахать землю, на которой будутъ сѣять хлѣбъ. Если я не стану пахать, то негдѣ будетъ сѣять хлѣба; а если хлѣбъ не будетъ посеянъ, то нечего будетъ ѣсть.»—«Никто не хочетъ играть», подумалъ мальчикъ; «видно и миѣ лѣниться не должно.» Онъ пошелъ въ училище, учился прилежно, учитель похвалилъ его, и ему было весело.

8. Трудъ.

Дѣти, надобно трудиться: Богъ насъ создалъ для труда; лишь отъ праздности родится часто горе и нужда. Въ жизни лучшія мгновенья покупаются трудомъ; сладкій часъ отдохновенья лишь усталому знакомъ. Цвѣтъ здоровья возвышаетъ прелесть всѣхъ житейскихъ благъ; тотъ полнѣй его вкушаетъ, кто проводитъ дни въ трудахъ. Не въ богатствѣ счастье наше; но кому же нищета и ея лохмотья краше, чѣмъ достатокъ—плодъ труда? У прилежнаго веселье украшаетъ домъ и столъ; скуку лишь даритъ бездѣлье,—праздный голодень и голъ. Тотъ, кто хочетъ доброй славы, долженъ хлѣбъ свой въ потѣ ѣсть: не за игры и забавы достается людямъ честь. Безъ усилій, безъ терпѣнья не бывалъ никто великъ; трудъ—источникъ возвыщенья: счастливъ, кто къ нему привыкъ.

Дѣти, дѣти, не лѣниться! Трудъ всегда приноситъ плодъ: будешь съ молоду трудиться, встрѣтишь старость безъ заботъ.

✓ 9. Руководѣльная пѣсня.

Ну, подруженьки, скорѣе! солнце красное взошло; за работу мы дружиѣ! пока время не ушло. Помолись, потрудись, только знай не лѣнись! Безъ нужды проживешь, да добра наживешь.

Чтобъ добра себѣ прибавить, надо въ жизни работать, все самимъ умѣть исправить, а другимъ не докучать. Что за стыдъ! какъ не знать ни кроить, ни стирать? Я и платье скрою, и рубашку сошью.

У хозяйки все поспѣло, только надо присмотрѣть, не сидѣть самой безъ дѣла, да и дѣло разумѣть. Что за стыдъ! какъ не знать, что обѣдать подать? Я и хлѣбъ испеку, да и кашу сварю.

У плохой хозяйки въ домѣ ходятъ дѣти босикомъ, не въ порядкѣ, не въ приборѣ, все разбросано кругомъ. Всюду соръ, всякій вздоръ, для хозяйки позоръ. Этакъ домъ не сберешь и концовъ не сведешь.

Если любить кто трудиться, вправѣ тотъ и отдохнуть, погулять и порѣзвиться, да и въ книжку заглянуть. Что за стыдъ! какъ не знать ни читать, ни писать? Я и книжку прочту, да и счетъ подведу.

Станемъ дружно мы трудиться и другъ другу помогать! Надо многому учиться, чтобы что нибудь да знать. На другихъ погляжу, да свой умъ приложу; и чего не смогу, то я въ книжкѣ найду.

Не страшна работѣ бѣдность! (Кто работаетъ, тотъ сытъ; кто къ труду имѣетъ ревность, Богъ того благословитъ. Будемъ шить, будемъ мыть, будемъ деньги копить! И себѣ сберегу, и роднымъ помогу!

Одоевскій.

10. Пословицы о трудолюбіи и праздности.

Богъ труды любить. Кто работаетъ, тому Богъ помогаетъ. Трудъ человѣка кормитъ, а лѣнь портитъ. Когда станешь лѣниться, будешь съ сумой волочиться. Лѣнь добра не дѣлаетъ,

безъ соли обѣдаетъ. Кто лѣнивъ, тотъ и сонливъ. Праздность есть мать пороковъ. Праздный живетъ, только небо коптить. Гулявши много съ молоду, умрешь подь старость съ голоду. Игра игрою, а дѣло дѣломъ. Дѣлу время, а потѣхѣ часъ. Маленькое дѣло лучше большого бездѣлья.

11. Задача для смѣтливыхъ дѣтей.

Два пастушка, Василий и Петръ, возвращаясь вечеромъ домой, каждый съ своимъ маленькимъ стадомъ, встрѣтились и стали разговаривать. Василий, посмотрѣвъ на овецъ Петра, сказалъ: «Знаешь ли, Петруша, что я тебѣ предложу: отдай ты мнѣ одну изъ твоихъ овецъ, такъ у меня будетъ стадо ровно вдвое числомъ противъ твоего.» Петръ посмотрѣлъ на овецъ, немножко подумалъ и отвѣчалъ: «Нѣтъ, Вася, я же предложу тебѣ лучше и справедливѣе: отдай ты мнѣ одну изъ твоихъ овецъ, такъ у насъ будетъ по ровну; никому не завидно.»

Теперь вопросъ: сколько у каждаго было овецъ?

12. Какъ пишетъ котенокъ.

Былъ дождливый день, и Ваня долженъ былъ оставаться дома; кромѣ того ему нужно было приготовить къ классу письменный урокъ. Но ему лучше хотѣлось скакать по комнатѣ, шумѣть и щѣлкать кнутомъ, чѣмъ заниматься дѣломъ. Такъ онъ и сдѣлалъ. Но вотъ его «поди!» и «держи правѣй!» услышала мать, и велѣла ему приняться за работу. Ваня же, не будучи расположенъ писать, началъ плакать и выдумывать различныя отговорки: и чернила густы, и перо брызгаетъ, и нѣтъ больше бумаги, и Богъ вѣсть! какія еще причины мѣшали ему работать. Но все это не помогло: онъ долженъ былъ сѣсть за письменный столъ, взять бумагу и начать писать. Однако не долго онъ занимался; скоро сталъ онъ зѣвать, задумался и наконецъ — заснулъ. Мать все это замѣтила, но покачала только головой и оставила его въ покоѣ.

Въ это время съ печки прыгиваетъ котенокъ и бойко начинаетъ бѣгать по комнатѣ. По стульямъ онъ взобрался и на столъ; тутъ онъ обнюхиваетъ перо, беретъ его въ зубы и на-

чинаетъ усердно танцовать по столу. Но — о Боже! лапочка его понападаетъ въ чернильницу. И этой лапкой онъ выводитъ на бумагѣ Вани самыя замысловатыя фигуры; никакой живописецъ не придумалъ бы такихъ узоровъ. Наконецъ, сдѣлавъ свое дѣло, котенокъ соскочилъ со стола и пошелъ чистить запачканную лапку. Спустя нѣсколько времени Ваня просыпается, протираетъ глаза, смотритъ на бумагу и не можетъ надивиться; а потомъ начинаетъ плакать и жаловаться, что кто-то подшутилъ надъ нимъ, запачкавъ чернилами и бумагу его, и руки.

«Напрасно ты жалуешься», сказала ему мать, смѣясь; «тебѣ не хотѣлось писать урокъ, такъ за тебя написалъ его котенокъ.»

13. Загадка.

Сорву косматому голову, выну сердце, дамъ пить, станеть говорить.

14. Завтра.

Завтра, завтра, не сегодня! такъ лѣнивцы говорятъ: завтра — все я дѣлать радъ, хоть въ день праздника Господня! А сегодня отдохну. Завтра свой урокъ начну, завтра не хочу лѣниться, завтра надобно трудиться; нынче лучше поиграть, завтра — трудъ свой докончатъ. Вотъ сужденіе какое! Для чего же не теперь? Завтра сдѣлаешь другое, нынче это сдѣлай; вѣрь, что на каждый день есть дѣло. Что успѣло, то созрѣло; что ты сдѣлалъ, то съ концомъ вижу я, и поздравляю. А что сдѣлаешь потомъ, я, дружокъ, еще не знаю. Если кто идетъ впередъ, то назадъ идетъ навѣрно; день за днемъ вся жизнь пройдетъ невозвратно и мгновенно. Быстро каждый часъ летитъ, далѣ, далѣ время мчитъ! То лишь наше, что имѣемъ, и своимъ назвать мы смѣемъ настоящей только часъ; будущій — сокрытъ отъ насъ. Каждымъ часомъ настоящимъ въ жизни пользоваться знай, мигомъ дорожи летящимъ, завтраму не довѣрай!

15. Пословицы о пользѣ ученія и знанія.

Ученье свѣтъ, а неученье тьма. Ученье красота, а неученье сухота. Ученье атаманъ, а неученье комаръ. Ученье лучше бо-

гатства. Ученье въ счастье украшаетъ, а при несчастіи утѣшаетъ. Учись доброму, такъ худое на умъ не поидеть. Корень ученья горекъ, да плодъ сладокъ. Повторенье мать ученья. Чему съ молоду не научился, того и подъ старость не будешь знать. Къ мягкому воску печать, а юну челоуѣку ученье. Вѣкъ живи, вѣкъ учись. За ученаго двухъ неученыхъ даютъ. Азбука къ мудрости ступенька. Кто грамотѣ гораздъ, тому не пропасть. Наука не бука, она не страшаетъ, а мракъ незнанья отгоняетъ. Не на пользу книги читать, когда только вершки съ нихъ хватать. Знай больше, да говори меньше. Много будешь знать, такъ скоро состаришься.

16. Письмо къ матери послѣ первой разлуки.

Милая маменька! Вы приказали мнѣ писать къ Вамъ. Это приказаніе служить мнѣ теперь утѣшеніемъ въ разлукѣ съ Вами.

Мое путешествіе было благополучно. Я пріѣхалъ сюда совершенно здоровымъ. Мой будущій наставникъ, его жена и дѣти приняли меня какъ родного. Но я еще грущу, дорогою даже плакалъ много. Вы простите мнѣ эти слезы; я еще не могу забыть, что разстался съ Вами на долгое время, хотя знаю, что Вы изъ любви ко мнѣ послали меня на чужую сторону. Надѣюсь, что скоро привыкну къ разлукѣ съ Вами и полюблю чужое семейство, съ которымъ теперь живу.

Какое счастье будетъ для меня чрезъ нѣсколько времени опять быть у Васъ, видѣть Вашу любовь ко мнѣ и цѣловать Ваши руки.

Прощайте, милая маменька! Обрадуйте поскорѣе дорогими Вашими строками Вашего покорнаго сына.

Н. Н.

17. Письма гимназиста къ роднымъ.

1.

Почтеннѣйшіе родители, папенька и маменька!

Я весьма радъ, что узналъ о благополучномъ здравіи Вашемъ. Я поставилъ для себя первымъ долгомъ и первымъ удовольствіемъ молить Бога о сохраненіи безцѣннаго для меня здравія Вашего.

Вакаціи быстро приближаются; я не успѣлъ еще окончить всего: слѣдовательно нужно заняться вакаціями, чтобы успѣть съ честью во второй классъ. Учитель математики мнѣ необходимъ. Если Вы будете въ Полтавѣ сами скоро, то я увѣренъ, что все устроите для моей пользы.

Цѣлуя безцѣнные ручки Ваши, имѣю честь быть съ сыновнимъ моимъ къ Вамъ высокопочтениемъ

Вашъ послушный сынъ

Николай Гоголь.

Полтава,

— Мая 1820 г.

2.

Дражайшая бабушка!

Извините меня въ томъ, что долгое время не могъ писать къ Вамъ, дражайшая бабушка. Покорно Васъ благодарю, что Вы прислали гостинецъ мнѣ. Отъ всего сердца желаю Вамъ благополучія и долголѣтней жизни, при чемъ остаюсь

Вашъ покорный внукъ

Николай Гоголь.

Полтава,

1820 г.

П. П. Пришлите мнѣ, дражайшая бабушка, погребецъ; я куплю для него приборъ. Обрадуйте папеньку и маменьку, что я успѣлъ въ наукахъ, — то, что въ первомъ классѣ гимназіи, и учитель мною доволенъ. Прошу поцѣловать за меня няню и сестрицъ моихъ.

3.

Милая сестрица!

Благодарю тебя, другъ мой, за твою приписочку и за воспоминаніе частое обо мнѣ. Я не знаю только, почему ты думаешь, какъ о несбыточной вещи, о нашемъ свиданіи. Вѣрь, милый другъ мой, что мы непременно увидимся съ тобою, и раньше, нежели ты думаешь. Если только я буду имѣть возможность пріѣхать домой къ вамъ на свой счетъ, не доставя вамъ никакихъ издержекъ, то это будетъ мое первое дѣло и долгъ—

поблагодарить васъ лично за ваши великодушныя пожертвованія для меня. Не могу тебѣ объяснить, какъ я радъ счастію милой и доброй сестрицы нашей Александры Ѳедоровны. Отъ всей души желаю ей продолженія его на всю жизнь. Она его достойна по своей доброй, кроткой и прекрасной душѣ. Подарокъ твой, моя милая сестрица, носили ли бы его или нѣтъ, я всегда буду носить на себѣ, если тебѣ только вздумается прислать его.

Цѣлую несчетно моихъ прелестныхъ сестрицъ и горю нетерпѣніемъ видѣть ихъ. Бабушкамъ, дѣдушкѣ, всѣмъ родственникамъ, знакомымъ и всѣмъ, кто только помнитъ обо мнѣ, поклонъ.

18. Загадки.

1.

Я молча говорю издалека съ тобою; не слышу, не смотрю, но то, что видѣли и слышали, — откроею.

2.

Бѣлое поле, черное сѣмя; кто его съѣтъ, тотъ и разумѣтъ.

19. Ключокъ ваты.

Маленькая Оля сидѣла у окна съ матерью своей и шла халатъ въ подарокъ отцу ко дню его рожденія. Мать, пользуясь этимъ временемъ, чтобы внушить дочери своей то, что важнѣе всякаго рукодѣлья, рассказывала ей о премудрости и благости Божіей, какъ все созданное Богомъ имѣетъ свою цѣль и ничто на свѣтѣ не пропадаетъ даромъ. Наконецъ халатъ былъ готовъ; отъ него остался маленькій ключокъ ваты. Оля не знала, что съ нимъ дѣлать, и такъ какъ она не смѣла оставлять обрѣзковъ въ комнатѣ, то выбросила его за окно, сказавъ при этомъ: «милая маменька, съ этимъ кусочкомъ ваты, я думаю, и Богъ не будетъ знать, что дѣлать, потому что, не правда ли, Богу не нужно ни халатовъ, ни ваточныхъ одѣялъ?» — Конечно, возразила мать; но все же этотъ ключокъ не пропадетъ даромъ. Если мы

и не знаемъ, на что онъ пригодится, но онъ непременно къ чему нибудь да послужить. — «Но мнѣ бы хотѣлось знать, къ чему именно онъ послужить», сказала Оля, глядя изъ окна. Вдругъ подулъ вѣтерокъ и понесъ клочокъ ваты; Оля смотрѣла ему вслѣдъ. Вотъ подлетѣлъ воробей и, кажется, очень обрадовался, увидя клочокъ ваты, — схватилъ его носикомъ и полетѣлъ съ нимъ. Между тѣмъ налетѣло еще нѣсколько воробьевъ съ громкимъ чилюканьемъ; они подоспѣли сзади: каждый щипнулъ себѣ по клочочку ваты и полетѣлъ съ нимъ прочь. Забавно было смотрѣть на нихъ. — «Что же воробьи будутъ дѣлать съ ватою?» спросила Оля. — Они отнесутъ ее къ себѣ въ гнѣздо, чтобъ ихъ малюткамъ было тепло. Не говорила ли я тебѣ, что Богъ знаетъ лучше насъ, на что полезна каждая вещь въ мірѣ? Вотъ теперь изъ маленькаго клочка ваты вышло не одно, а много покрываль, — конечно не для людей, но вѣдь и птички также созданія Божіи.

20. Канарейка.

У маленькой Лизы была канарейка, которая пѣла съ утра до вечера и была чрезвычайно красива. Дѣвочка очень любила ее и усердно ходила за нею, давала ей сѣмя и зелень, а иногда выпрашивала для ней у матери и кусочекъ сахару, и всякій день ставила ей свѣжую воду.

Но вдругъ птичка начала скучать, и въ одно утро, когда Лиза принесла ей воды, она лежала мертвая въ клѣткѣ.

Малютка подняла громкій, жалобный вопль и горько плакала о любимой птичкѣ. Чтобъ утѣшить ее, мать купила другую канарейку, которая была еще красивѣе и такъ же прекрасно пѣла, какъ и та, и посадила ее въ прежнюю клѣтку.

Но дѣвочка, какъ скоро увидѣла птичку, еще болѣе начала плакать. Мать очень удивилась и сказала: «Дитя мое! что же ты все плачешь и такъ печалишься? Твои слезы не воскресятъ умершей птички, и у тебя же есть теперь другая, которая нисколько не хуже той!»

— Ахъ, маменька! сказала дитя: я худо обращалась съ канарейкой и не все для ней дѣлала, что должна была.

«Милая Лиза», сказала мать, «ты такъ много всегда заботилась объ ней.»

— Ахъ, пѣтъ! отвѣчало дитя; еще незадолго до ея смерти я не отнесла ей, а съѣла сама кусочекъ сахару, который ты дала мнѣ для нея. Такъ говорило дитя съ смущеннымъ сердцемъ.

Мать не смѣялась надъ слезами малютки. Она узнала и почтила священный голосъ истины въ сердцѣ дитяти. Глубокій вздохъ вылетѣлъ изъ груди ея, и она сказала: «Каково же будетъ неблагодарному сыну при гробѣ родителей!»

21. Чувство любви сильнее боли.

Мальчикъ, бѣжа черезъ улицу, попалъ подъ колесо роспусковъ, которое переломило ему ногу. Когда его принесли домой стонущаго, больная мать отъ испугу соскочила съ постели и упала въ обморокъ. Мальчикъ, видя это, тотчасъ пріостановилъ свой стонъ и въ продолженіе всего времени, какъ ему вправляли и перевязывали ногу, не испустилъ ни одного звука, который бы обнаружилъ видимое его страданіе. «Да развѣ тебѣ не больно?» спросилъ наконецъ костоправъ.—О, очень! отвѣчалъ мальчикъ шопотомъ; но я не хочу, чтобъ маменька знала объ этомъ: она слишкомъ огорчается.

22. Доброе сердце.

На канунѣ Троицына дня Вася, сынъ богатаго помѣщика, разговаривалъ на дворѣ съ крестьянскимъ мальчикомъ, своимъ ровесникомъ, когда вышедшій слуга позвалъ его обѣдать.

«Хорошаго аппетита!» сказалъ ему мальчикъ: «я васъ подожду здѣсь.»

— А ты развѣ не пойдешь обѣдать? спросилъ его Вася.

«У насъ нечего обѣдать!» отвѣчалъ тотъ, вздохнувши.

Вася вошелъ въ комнату и, бросившись на шею отцу, сказалъ:

«Папенька, сколько будетъ стоить платье, которое вы обѣщали купить мнѣ на праздники?»

— Рублей тридцать. А что?

«Да я хотѣлъ... милый папенька, не разсердитесь только: я хотѣлъ васъ попросить, вмѣсто этого платья, подарить мнѣ тридцать рублей.»

Отец согласился; и читатели мои вѣроятно уже угадали, что сдѣлалъ Вася съ этими деньгами.

* 23. Золотые орѣхи.

На канунѣ Рождества Христова дѣти стояли вокругъ елки, зеленѣющія вѣтви которой изукрашены были множествомъ зажженныхъ свѣчъ и разноцвѣтныхъ вещицъ. Маленькой Леночкѣ болѣе всего бросались въ глаза золотые орѣхи, и она стала просить ихъ. «Эти орѣхи только украшаютъ дерево», сказала мать, «пускай они висятъ. Вотъ тебѣ другіе орѣхи.» Но Леночка начала плакать. «Не хочу я темныхъ орѣховъ», кричала она, «а хочу золотыхъ; у нихъ вѣрно вкуснѣе ядро.» Мать подумала, что нѣтъ лучшаго наказанія для упрямыхъ дѣтей, какъ исполнить ихъ прихоть; поэтому она дала Леночкѣ золотые орѣхи, а прочіе раздала другимъ дѣтямъ. Леночка очень обрадовалась и съ нетерпѣніемъ стала ихъ расколачивать. Но какова же была ея досада, когда она увидѣла, что они все пустыя. Все дѣти стали смѣяться надъ нею. «Эти орѣхи», сказали отецъ, «повѣшены только для виду, а не для того, чтобъ ихъ кушать. Они сдѣланы изъ пустыхъ чашечекъ орѣховой скорлупы, которыя я склеилъ и позолотилъ.»

24. Загадка.

Росло, повывросло, изъ куста повывлзю, по рукамъ покати-лось, на зубахъ очутилось.

25. Смышленная мышка.

Вышла мышка изъ своей щели и увидѣла ловушку. «Ага!» сказала она, «тутъ стоитъ ловушка! Какіе, право, хитрецы эти люди! Подпираютъ тяжелый кирпичъ тремя палочками и къ одной изъ нихъ прищепляютъ кусочекъ сала. И это они называютъ мышеловкой. Просто бѣда! еслибъ наша братія была менѣе смышлена. Но мы знаемъ: какъ только дотронешься до са-

ла, бухъ! кирпичъ упадетъ и убьетъ до смерти. Нѣтъ, пѣтъ, меня на этомъ не проведешь!

«Но», продолжала мышка послѣ нѣкотораго молчанія, «понюхать бы, кажется, можно. Отъ этого кирпичъ вѣдь еще не упадетъ. А я очень, очень люблю запахъ сала. Дай, понюхаю немножко!» Она подбѣжала къ ловушкѣ; но едва носикъ ея коснулся сала, какъ кирпичъ — хлопъ! — упалъ и раздавилъ невоздержную умницу.

26. Загадка.

Подъ поломъ, поломъ — ходитъ барыня съ коломъ.

* 27. Молодая муха.

Молодая муха сидѣла съ матерью на очагѣ, не далеко отъ котелка, въ которомъ кипѣла вода.

Старая муха должна была отлучиться отъ дочери и, улетая, сказала ей, чтобъ она не оставляла своего мѣста.

«А почему, матушка?» спросила любопытная дочь.

— Я боюсь, отвѣчала старая муха, чтобъ ты не подлетѣла къ этому кипящему колодезю (такъ называла она котелокъ съ водою).

«А это почему же?»

— Ты упадешь въ него и потонешь.

«Какъ это можетъ случиться?»

— Причины сказать тебѣ не могу; однако я еще не видала, чтобъ муха, подлетѣвши къ такому колодезю, не упала въ него и не утонула.

Старая муха, сказавши это, полетѣла, куда ей было надобно.

Дочь, оставшись одна, разсуждала сама съ собою: «Какъ чудны старики!—Они всего боятся. Для чего мнѣ не позволить себѣ этого невиннаго удовольствія, чтобъ пролетѣть раза два надъ кипящимъ колодеземъ. У меня есть уже столько ума, чтобъ остерегаться. Что матушка ни говори, однако я отъ скуки полетаю немного надъ колодеземъ. Посмотримъ, какъ-то я упаду!

Лишь только подлетѣла она къ котелку, какъ паръ лишилъ ее чувствъ, и она упала въ кипящую воду и—сварилась.

28. Пѣтухъ, котъ и мышенокъ.

Мышенокъ, не видавши свѣта, попалъ было въ бѣду, и вотъ какъ онъ объ ней рассказывалъ въ семьѣ своей: «Оставя нашу пору и перебравшись черезъ гору, границу нашихъ странъ, пустился я бѣжать, какъ молодой мышенокъ, который хочетъ показать, что онъ ужъ не ребенокъ. Вдругъ съ розмаху на двухъ животныхъ набѣжалъ: какіе звѣри, самъ не зналъ. Одинъ такъ смиренъ, добръ, такъ плавно выступалъ, такъ миловиденъ былъ собою! Другой: нахаль, крикунъ, теперь лишь будто съ бою; весь въ перьяхъ; у него косматый крюкомъ хвостъ, надъ самымъ лбомъ дрожить царость какой-то, огненного цвѣта, и будто двѣ руки, служащи для полета; онъ ими такъ махалъ и такъ ужасно горло дралъ, что я хоть и не трусь, а подавай Богъ ноги—скорѣе отъ него съ дороги. Какъ больно! Безъ него я вѣрно бы въ другомъ нашелъ наставника и друга. Въ глазахъ его написана была услуга; какъ тихо шевелилъ пушистымъ онъ хвостомъ! съ какимъ усердіемъ бросалъ ко мнѣ онъ взоры смиренны, кроткіе, но полные огня! Шерсть гладкая на немъ, почти какъ у меня: головка пестрая, и вдоль спины узоры; а уши, какъ у насъ, и я по нимъ сужу, что у него должна быть симпатія съ нами, высокородными мышами.»—«А я тебѣ на то скажу», мышенка мать остановила, «что этотъ доброхотъ, котораго тебя наружность такъ прельстила, смиренникъ этотъ — котъ! Подъ видомъ кротости онъ врагъ нашъ, злой губитель; другой же былъ пѣтухъ, миролюбивый житель. Не только отъ него не видимъ мы вреда иль огорченья, но самъ онъ пицей намъ бываетъ иногда. Впередъ по виду ты не дѣлай заключенья.

И. Дмитриевъ.

* 29. Три золотыя рыбки.

1.

Одинъ добрый человекъ имѣлъ у себя три маленькія рыбки, пригожія собою, и чешуйка на нихъ была будто золотая. Онъ пустилъ ихъ въ чистый прудокъ и любовался ими, смотря на ихъ свободу.

Часто онъ садился на берегу прудка и бросалъ хлѣбный

мякишь въ воду; тогда прекрасныя рыбки приплывали и ѣли мякишь. Въ это время онъ имъ всегда говаривалъ: «рыбки, рыбки! берегитесь двухъ вещей, если хотите жить всегда такъ счастливо, какъ вы теперь живете: не ходите сквозь рѣшетку изъ этого маленькаго въ большой, смежный съ нимъ прудъ, и не плавайте поверхъ воды, когда меня здѣсь нѣтъ.»

Но рыбки словъ его не разумѣли. Тогда этотъ добрый человекъ самъ въ себѣ подумалъ: ужъ я имъ это какъ нибудь растолкую; и сталъ подлѣ рѣшетки. Какъ скоро которая нибудь изъ нихъ приходила туда и хотѣла проплыть сквозь рѣшетку, то онъ хлопалъ по водѣ палочкой, чтобъ она испугалась и ушла назадъ. То же самое дѣлалъ онъ, когда какая нибудь изъ нихъ всплывала поверхъ воды, чтобъ она опять ушла на дно. Теперь вѣрно онѣ меня поняли, думалъ онъ, и пошелъ домой.

2.

Тогда три пригоженькія рыбки сплылись вмѣстѣ, и качаютъ головками, и не могутъ понять, для чего этотъ добрый человекъ не хочетъ, чтобъ онѣ сквозь рѣшетку въ большой прудъ и поверхъ воды плавали. «Самъ онъ ходитъ по верху», сказала одна изъ нихъ, «для чего же намъ не всплывать иногда къ верху?»— «И для чего быть здѣсь взаперти?» сказала другая; «что намъ сдѣлается, если мы на часокъ выйдемъ погулять въ большой прудъ?»— «Конечно это злой человекъ», повторила первая; «онъ насъ не любитъ и не хочетъ, чтобъ мы жили весело.»— «Я на него не посмотрю»; примолвила вторая, «и пойду себѣ, погуляю въ большомъ пруду.»— «А я», сказала опять первая, «всплыву между тѣмъ на верхъ и тамъ на солнышкѣ поиграю.»

Но третья золотая рыбка была благоразумнѣе ихъ и такъ размышляла: «Добрый этотъ человекъ конечно имѣетъ какія нибудь причины намъ то запрещать. По всему видно, что онъ насъ любитъ. Зачѣмъ бы ему приносить намъ такъ часто хлѣбный мякишь и радоваться, глядя, какъ мы его ѣдимъ? Нѣтъ, онъ конечно не злой человекъ, и я все то буду дѣлать, что ему угодно, хотя сама и не знаю, для чего онъ этого хочетъ.»

Такимъ образомъ добренькая эта рыбка осталась на днѣ пруда, а другія пошли и исполнили, что сказали. Одна проплыла сквозь рѣшетку въ большой прудъ, а другая всплыла по-

859/51
15/58
17013
63252

Государствен. Библиотека
— по народному —
образованию
№

верхъ воды, играла на солнышкѣ, и обѣ онѣ смѣялись надъ третьею сестрою своею, что она къ нимъ пристать не хотѣла.

Но что сдѣлалось? Лишь только первая рыбка вошла въ большой прудъ, то бросилась на нее щука и проглотила ее. А другую увидѣла чайка, спустилась, схватила ее въ когти и понесла клевать.

Осталась только третья, благоразумная рыбка. Добродушный хозяинъ радовался, найдя ее столь послушною, и приносилъ ей каждое утро самый лучшій кормъ. Такимъ образомъ жила она всегда въ довольствѣ и достигла глубокой старости.

30. Ложный стыдъ.

— Здравствуй, Лиза!

— Здравствуйте, Иванъ Петровичъ.

— Почему ты вчера не остановилась, когда я тебя звалъ?

— Ахъ, да вѣдь съ вами шли двѣ женщины.

— Ну такъ что же? развѣ ты сдѣлалась нелюдимкою?

— О, нѣтъ!... Я торопилась.

— Ну, на одну минуту—то ты бы могла остановиться.

— Да... но я несла кувшинъ съ водою, и потому стыдилась.

— Вотъ тебѣ на! Ты смѣшишь. Такъ по твоему стыдно носить воду?

— Да—нести на улицѣ.

— На что же у насъ руки? Работать вовсе не стыдно; а стыдно то, что теперъ многія дѣвушки стыдятся работать.

— Но вѣдь носить воду прилично только служанкамъ.

— А развѣ ты не знаешь, гдѣ и какъ встрѣтилъ Авраамъ Ревекку?

— Знаю очень хорошо: онъ встрѣтилъ ее, когда она несла на плечахъ своихъ ведро съ водою.

— Да, она несла на плечахъ ведро и, почерпнувъ имъ воды, дала напиться рабамъ Авраама.

— А также и верб.подамъ.

— Вотъ видишь ли! А ея отецъ былъ очень богатый чело-
вѣкъ, которому служили сотни рабовъ; да и сама Ревекка имѣ-
ла много рабынь. Кому же, какъ не ей, можно было оставаться
праздною и требовать прислуги отъ другихъ?

— Да, вы правы, Иванъ Петровичъ; я не буду больше этого стыдиться.

— И хорошо сдѣлаешь, потому что это ложный стыдъ. И онъ можетъ дойти до того, что наконецъ дочь не захочетъ подать стаканъ воды больной матери; вѣдь и это, пожалуй, можетъ показаться неприличнымъ.

31. Скука.

Андрей. Что ты вчера дѣлалъ, Коля?

Коля. Я ужасно скучалъ.

Андр. Скучалъ? Но какъ же можно скучать?

Коля. Я былъ совершенно одинъ.

Андр. Значить—ты самъ виноватъ, что тебя мучить скука, когда остаешься одинъ на одинъ съ собой.

Коля. Что же мнѣ дѣлать, чтобы убить время, когда я остаюсь одинъ?

Андр. Зачѣмъ убивать время, это драгоценное время? Въѣсть съ временемъ убивается и жизнь. Время поэтому слѣдуетъ не убивать, а употреблять, какъ можно, благоразумнѣе. Жизнь наша и безъ того очень коротка.

Коля. Да, но иногда время тянется слишкомъ медленно.

Андр. Такъ, конечно; но это отъ того, что мы не умѣемъ употреблять его на дѣло.

Коля. Но скажи, пожалуй—ста, что мнѣ дѣлать, когда я одинъ сижу дома и ни къ чему не расположенъ?

Андр. Займись какою нибудь работою.

Коля. Такъ; но если у меня нѣтъ охоты заниматься?

Андр. Все зависитъ отъ начала; начни только, какъ можно, бодрѣе, какъ будто тебѣ непременно нужно сдѣлать известную работу. Сначала конечно она пойдетъ не лучше игры на разстроенномъ инструментѣ. Но это ничего! Не теряй только бодрости! Чѣмъ дальше будешь трудиться, тѣмъ легче будетъ казаться тебѣ твоя работа, и тѣмъ успешнѣе будетъ она совершаться; время пролетитъ быстро и незамѣтно для тебя, и душа твоя снова просвѣтится и прояснѣетъ.

Коля. Попробую послѣдовать твоему совѣту.

Андр. Скука—это злой духъ, подобный тому, который нѣ-

когда мучилъ царя Саула. Его можно прогнать только трудомъ и прилежаніемъ.

32. Для чего нужны деньги.

Сельскій учитель замѣтилъ въ одномъ уже довольно взросломъ мальчикѣ необыкновенную любовь къ деньгамъ. Этотъ мальчикъ часто говорилъ, что у его родителей много денегъ, и что у него самого столько и столько; онъ часто въ школѣ вынималъ деньги и показывалъ ихъ другимъ; наконецъ молодой скряга началъ то то, то другое продавать и, продавая, обманывать. Видно было, что онъ готовъ былъ продать все за деньги, которыя цѣнили выше всего.

Въ одинъ день, когда не было ученья въ школѣ, учитель призвалъ къ себѣ мальчика утромъ и пошелъ съ нимъ гулять по полямъ и лѣсамъ, по холмамъ и долинамъ. Въ полдень сѣли они подъ деревомъ немного отдохнуть. «Я ѣсть хочу», сказалъ мальчикъ.—Здѣсь ничего нѣтъ, отвѣчалъ учитель; пойдѣмъ дальше.

Было около пяти часовъ вечера, когда они подошли къ стоявшей у дороги часовнѣ, у которой сидѣлъ нищій и просилъ милостыни. Старикъ протянулъ свою шляпу, въ которой было нѣсколько кусковъ хлѣба. Учитель, подавая нищему грошъ и посмотрѣвъ на мальчика, спросилъ: «а ты ничего не дашь бѣдному?»

— Я готовъ отдать ему всѣ мои деньги, если онъ дастъ мнѣ кусокъ хлѣба.

При этихъ словахъ бѣднякъ немедленно подалъ ему свою шляпу, говоря: «возьми, если ты голоденъ. Бери сколько хочешь, я не возьму за это ничего; я знаю, что такое голодъ!» У мальчика навернулись слезы на глазахъ, и какъ ни былъ онъ голоденъ, но отъ стыда не захотѣлъ ѣсть.

Послѣ этого учитель съ своимъ ученикомъ повернулъ домой. Онъ шелъ нѣсколько времени, не говоря ни слова, наконецъ сказалъ: «Ты теперь видишь, для чего нужны деньги? Что тебѣ пользы въ нихъ, когда онѣ лежатъ въ твоей шкатулкѣ или карманѣ? Вѣдь ты не можешь ихъ ѣсть, когда ты голоденъ. Сейчас ты хотѣлъ было отдать всѣ свои деньги за кусокъ хлѣба. Нищій ихъ не взялъ и, изъ состраданія къ тебѣ, предложилъ

тебѣ свой хлѣбъ даромъ. Можешь ли ты послѣ этого быть жестокосердымъ къ бѣднымъ и терпящимъ нужду? Голодъ причиняетъ страшную муку. Тебѣ часто представляется случай, когда ты можешь избавить людей отъ голода, если не будешь скупъ.— Скупъ тотъ, кто не пользуется тѣмъ, что онъ имѣетъ, но постоянно старается умножать свое имущество, жадничаетъ, все хочетъ взять одному себѣ. Скупые люди противны Богу и людямъ.»

Мальчикъ былъ тронутъ и хотѣлъ было всѣ свои деньги отдать учителю, съ тѣмъ чтобы онъ употребилъ ихъ на доброе дѣло; но учитель не взялъ денегъ и сказалъ: «ишь ты, ты самъ употреби ихъ на добро, и смотри всегда на деньги, какъ на средство дѣлать добро».

33. Много желать, добра не видать.

Если вы привыкнете къ простой жизни, то не узнаете самой мучительной болѣзни: неумѣренности въ желаніяхъ. Если вы знаете, что вамъ не много надобно, чтобъ быть сытыми, что все получается молитвою и терпѣніемъ; то вѣрно не измучитесь надъ пустыми и несбыточными желаніями. Желайте только того, что вамъ полезно,—а много желать, добра не видать, говорить пословица.

34. Скупой.

«Великій Боже!» говорилъ скупой, вздыхая: «есть у меня имѣньишко, но я желалъ бы больше. Не для того, чтобъ запретить сокровище на всегда въ сундукъ; не для того, чтобы предъ людьми тщеславиться: ибо никто не знаетъ лучше меня суеты пышности; но для того, чтобъ быть въ состояніи дѣлать больше добра. Тогда былъ бы я отцомъ всѣхъ бѣдныхъ; всѣ несчастные находили бы у меня утѣшеніе, и ни одного не отпустилъ бы я отъ себя безъ помощи.»

Юпитеръ услышалъ желаніе недовольнаго, и скупой вдругъ нашелъ въ сундукъ у себя несчетное сокровище. Чья радость могла сравниться съ радостію скупого! Онъ не могъ насмот-

рѣться на деньги, и, павъ на колѣни, благодарилъ Юпитера за его благодѣтельность.

Какъ скоро первый восторгъ миновалъ, онъ услышалъ стукъ у дверей и знакомый голосъ: «Милосердый человѣкъ! говоришь кто-то вздыхая, подай милостыню бѣдному, несчастному, который долго лежалъ въ болѣзни и не въ состояннн уже доставать себѣ пропитаннє работою рукъ своихъ.»

Скупой отворилъ двери, но сердце его затворилось предъ несчастнымъ, онъ забылъ свое обѣщаннє и подалъ бѣдному—что?—кусочекъ заплеснѣвшаго хлѣба.

Благодѣтельному человѣку не нужны для благотвореннн великнн сокровища. Хотя самъ онъ мало имѣеть, но всегда находитъ довольно чѣмъ дѣлать счастливыми другихъ, которые бѣднѣе его. Эта добродѣтель обитаетъ не въ кошелькѣ, а въ сердцѣ.

35. Сострадательная Наташа.

Мать. Куда ты дѣвала свои деньги?

Наташа. Я ихъ отдала, маменька.

Мать. Кому?

Наташа. Одному шалуни мальчику.

Мать. Небось для того, чтобы онъ не шалилъ впередъ?

Наташа. Да, маменька, чтобы онъ не шалилъ впередъ. Не правда ли, вѣдь птички принадлежать Богу?

Мать. Какъ и мы, другъ мой, и всѣ прочнн существа, которые сотворены Богомъ.

Наташа. А этотъ мальчикъ унесъ у Бога птичку и хотѣлъ ее продать. Она такъ жалобно пищала, а онъ ей все носикъ зажималъ: онъ вѣрно боялся, что Богъ услышитъ крикъ птички и накажетъ его.

Мать. Что же ты сдѣлала?

Наташа. Я дала мальчику деньги, а птичку пустила на волю. Вѣдь это Богу прнятно?

Мать. Конечно ему прнятно, что ты была сострадательна.

Наташа. Можетъ быть, мальчикъ сдѣлалъ это изъ нужды.

Мать. Я тоже такъ думаю.

Наташа (сестрѣ Лизѣ). Тѣмъ лучше, что я отдала ему всѣ деньги.

Лиза (матери). Маменька, у насъ споръ. Наташа отдала мальчику всѣ свои деньги, не спросивъ его, чего онъ за птичку хочетъ; а я говорю ей, что этого не должно было дѣлать.

Наташа. Кто изъ насъ правъ, маменька?

Мать. Ты не совсѣмъ права, душа моя. Ну, еслибъ послѣ того попался тебѣ другой мальчикъ съ такою же птичкою, а у тебя не было бы болѣе денегъ?

Наташа. Тогда бы я къ тебѣ пришла, милая маменька.

Мать. А еслибы и у меня не было денегъ?

Наташа. Ну тогда...

Мать. Надобно быть бережливымъ, хоть бы для того только, чтобы можно было дѣлать болѣе добра. Тебѣ бы во всякомъ случаѣ слѣдовало поторговаться съ мальчикомъ; но еслибъ онъ не захотѣлъ уступить дешевле, то дѣло другое. Какая же это была птица?

Наташа. Я не спросила, маменька. Вѣдь ты же сама говорила мнѣ, что не должно справляться объ имени, когда дѣлаешь добро; не такъ ли?

Мать (улыбаясь и цѣлуя Наташу). Такъ, такъ, другъ мой.

Наташа. И еслибъ ты видѣла! птичка отъ радости почти не могла летать; но я взяла съ мальчика обѣщаніе, чтобы онъ ее болѣе не ловилъ.

Мать. Ты очень хорошо сдѣлала. Вотъ тебѣ опять деньги.

Наташа. Благодарю, милая маменька.

Мать (цѣлуя ее). Будь всегда такъ сострадательна и добра, и Богъ тебя благословитъ.

36. Костя и жукъ.

«Точка! кончено!» сказалъ Костя самодовольно, сдѣлавъ всѣ свои уроки къ слѣдующему дню; «теперь можно пойти поиграть на свѣжемъ воздухѣ.» Сказано, сдѣлано; убравъ тетради и книги, онъ побѣжалъ въ садъ и прямо къ тому мѣсту, гдѣ росла молодая яблонь, которую ему подарилъ отецъ. Вдругъ онъ увидѣлъ на ней чернаго жука, который взбирался вверхъ по стволу. «Ахъ, ты злодѣй!» воскликнулъ Костя въ сердцахъ; «вотъ я тебѣ дамъ портить мое деревцо!» Схвативъ жука, онъ привязалъ его за ножку къ ниткѣ, которую досталъ изъ кармана, и пошелъ тѣшиться надъ нимъ. Бѣдный жукъ всячески

пытался уйти, но напрасно: нитка не пускала; наконецъ онъ сталъ летать, но Костя вдругъ такъ сильно дернулъ за нитку, что оторвалъ ножку, и жукъ упалъ на землю. Тогда мальчику послышался голосъ—жука? Нѣтъ; заговорило его собственное сердце, какъ бы отъ имени жука: «подумай, что еслибъ я былъ на твоёмъ мѣстѣ, а ты на моемъ, и тебѣ захотѣлось бы ѣсть, а я сталъ бы мучить тебя за то, что ты ищешь себѣ пищи. Каково бы тебѣ было? И еслибъ ты зналъ, какъ мнѣ больно, ахъ, какъ больно!»

Костя тотчасъ же оставилъ жука въ покоѣ и ушелъ; но веселость его исчезла.

Дѣти, замѣйте себѣ то, что говорило сердце этого мальчика, и никогда не мучьте ни малѣйшаго животного: оно такое же созданіе, какъ вы, и такъ же точно чувствуетъ боль.

* 33. Четыре стихія.

«Я хочу быть садовникомъ», говорилъ пятнадцатилѣтній Филиппъ, желая избрать для себя ремесло; «пріятно жить посреди зелени и душистыхъ цвѣтовъ!» Но чрезъ нѣсколько времени онъ возвратился домой, жалуясь, что долженъ безпрестанно нагибаться къ землѣ и ползать по ней: у него заболѣли и спина, и колѣна. Тогда Филиппъ задумалъ сдѣлаться охотникомъ. «Въ зеленѣющемъ лѣсу—говорилъ онъ—можно жить очень пріятно.» Но скоро и это ему опротивѣло; онъ не могъ сносить свѣжести утренняго воздуха, то сырого, то холоднаго или туманнаго; сѣверный вѣтеръ дулъ ему въ лицо. Тогда вздумалъ онъ сдѣлаться рыбакомъ. «Плавать въ легкой лодочкѣ по чистой и прозрачной рѣкѣ и, не подвергаясь усталости, вытаскивать сѣти, наполненныя рыбой! Какъ это весело!» Но и это занятіе ему скоро не понравилось. «На водѣ очень сыро, говорилъ нашъ рыбакъ, а это нездорово.» Наконецъ онъ рѣшился быть поваромъ. По его мнѣнію, садовникъ, охотникъ и рыбакъ должны были доставлять ему плоды своихъ трудовъ; у повара же никогда не бываетъ недостатка въ лакомомъ кускѣ. Однако онъ скоро сталъ опять жаловаться своему отцу. «Все было бы хорошо безъ огня», говорилъ онъ; «но когда я стою подлѣ пылающей печи, мнѣ кажется, что я растаю отъ жару.» Тогда отецъ строго сказалъ ему: «Ты никогда и ничѣмъ не доволенъ. Что

съ начала тебѣ правится, къ тому послѣ ты чувствуешь отвращеніе. Если ты не можешь привыкнуть ни къ водѣ, ни къ воздуху, ни къ землѣ, ни къ огню, то тебѣ трудно жить на свѣтѣ; ты всегда найдешь на что жаловаться. Теперь ты останешься при своей послѣдней должности.»

38. Двѣ яблони.

У одного садовника было два сына, почти однолѣтки. Въ Маѣ мѣсяцѣ подарилъ онъ имъ по яблонѣ. Деревья эти были одинаковаго роста, одинаковаго сорта, и хотя стояли на разныхъ концахъ сада, но оба роскошно разцвѣли въ одно время. «Дѣти мои, сказалъ садовникъ, дарю вамъ эти деревья; отъ васъ будетъ зависѣть содержать ихъ въ одинаковомъ порядкѣ; но предупреждаю, что много предстоитъ вамъ труда и заботы.» Старшій сынъ, прилежный и благоразумный мальчикъ, обрадованный отцовскимъ подаркомъ, принялся за него съ должнымъ стараніемъ. Очистивъ деревцо отъ гусеницъ, онъ привязалъ его къ шесту, взрыхлилъ вокругъ землю, чтобы влага удобнѣе доходила до корней, однимъ словомъ, употребилъ всѣ мѣры для его воспитанія. Меньшой же, лѣнивый и невнимательный, совершенно позабылъ о своей яблонѣ, и вспомнилъ о ней только въ Сентябрѣ, когда всюду въ садахъ начали собирать яблоки. Прибѣжавъ къ деревцу, онъ не нашелъ на немъ ни одного яблочка: одну часть плодовъ гусеницы съѣли еще въ зародышѣ, другую обило вѣтромъ. Опечаленный, пошелъ онъ посмотрѣть на яблоню брата, и остановился въ недоумѣніи. Деревцо значительно выросло, а прекрасныя, большія яблоки видѣлись издалека. Видъ этотъ огорчилъ его, возбудилъ зависть, и мальчикъ побѣждалъ жаловаться отцу. «Папенька, сказалъ онъ, зачѣмъ вы подарили брату хорошее и плодovitое дерево, а мнѣ гадкое и безплодное?» — «Обоимъ вамъ я подарилъ по одинаковой яблонѣ; но братъ твой умѣлъ ходить за своею, а ты лѣнился и не обращалъ на свою вниманія. Каковъ трудъ, таково и вознагражденіе. Подобныя примѣры случаются часто и въ жизни человѣка. Родители даютъ дѣтямъ одинаковое воспитаніе, одинаковое имѣніе, но дѣти и тѣмъ, и другимъ пользуются не одинаково. Кто же этому причиною?»

39. Садовыя деревья.

Въ одно прекрасное весеннее утро господинъ Бобровъ пошелъ съ своимъ сыномъ Петрушею въ садъ, гдѣ они оба разсматривали деревья и цвѣты, на которыхъ еще блистала роса.

«Отъ чего это дерево стоитъ такъ прямо, а то совершенно криво?» спросилъ Петруша своего отца.

—«Отъ того, сынъ мой», отвѣчалъ отецъ, «что за этимъ деревомъ смотрѣли; его обрѣзывали и привязывали къ тычинкѣ, чтобъ оно росло прямо, а то росло безъ всякаго примотра по своей волѣ.»

«А почему эти цвѣты уже такъ хорошо цвѣтутъ, а тѣ даже не имѣютъ ни одной почки?» спросилъ Петръ.

—«А потому, что за этими имѣютъ присмотръ и хождение, т. е. ихъ полюютъ и поливаютъ, а за другими и не смотрятъ.»

«Слѣдовательно отъ этого много зависитъ?» сказалъ Петруша съ большимъ вниманіемъ.

—«Безъ сомнѣнія», отвѣчалъ отецъ. «Изъ этого ты можешь вывести для себя хорошее правило. Ты молодое дерево, за которымъ должно ходить. Если я буду исправлять твои погрѣшности и научать тебя полезному, а ты будешь во всемъ слѣдовать моимъ совѣтамъ, не станешь поступать по своей волѣ и будешь всегда послушенъ, — то возрастешь хорошо и прямо и будешь полезнымъ человѣкомъ.»

40. Лучшее украшеніе матери.

Корнелія, дочь знаменитаго римскаго полководца Сципіона и супруга римскаго же консула Семпронія, однажды находилась въ обществѣ знатныхъ римлянъ, которые хвастались своими драгоценными камнями, золотыми украшениями и богатыми нарядами. Наконецъ онѣ и Корнелію попросили показать имъ что нибудь изъ своихъ драгоценностей. Корнелія тотчасъ же позвала своихъ дѣтей, въ которыхъ она старалась развивать для будущей славы отечества всевозможныя добрыя качества. Указавъ на нихъ, она сказала: «вотъ вамъ мои наряды, мое украшеніе, мои драгоценности!»

41. Съ пользою употребленные деньги.

Одинъ прилежный столяръ, при всѣхъ своихъ хорошихъ заработкахъ, жилъ весьма умѣренно. Онъ довольствовался самою умѣренною пищею, носилъ простое платье, а также и дѣтей своихъ одѣвалъ въ небогатое, но опрятное платье.

«Куда ты дѣлаешь свои деньги?» спросилъ его однажды соседъ его, токарь.

— «Частию я уплачиваю свой долгъ», отвѣчалъ столяръ, «а частию отдаю въ проценты.»

«И, помилуй, Семень!» вскричалъ токарь: «у тебя, сколько я знаю, нѣтъ ни долговъ, ни капитала въ процентахъ!»

— «То и другое есть», возразилъ столяръ. «Вотъ я тебѣ растолкую. Деньги, которыя я отдаю своимъ престарѣлымъ родителямъ, почитаю уплачиваемымъ долгомъ, а которыя употребляю на воспитаніе своихъ дѣтей, считаю капиталомъ, съ котораго проценты уже получаю; когда же доживу до старости, а дѣти мои придутъ въ возрастъ, то получу и весь капиталъ, ибо надѣюсь, что мои дѣти въ состояніи будутъ заплатить мнѣ свой долгъ. Какъ мои родители ничего не жалѣли для моего воспитанія, такъ и я ничего не жалѣю для своихъ дѣтей. Какъ я считаю обязанностію вознаграждать моимъ родителямъ за всѣ ихъ ко мнѣ благодѣянія, такъ и отъ своихъ дѣтей надѣюсь получить вознагражденіе, коль скоро они будутъ въ состояніи то дѣлать.»

42. Великодушная дочь.

Въ Китаѣ есть древній законъ, по которому должно отрубить руки тому, кто уличенъ будетъ въ какомъ либо обманѣ. Одинъ мандаринъ заслужилъ эту казнь, и когда уже хотѣли ее совершить надъ нимъ, дочь его приняла на себя оправдать отца своего. Представили ее государю. «Великій монархъ!» сказала она: «отецъ мой по справедливости заслужилъ наказаніе, и долженъ лишиться рукъ своихъ. Вотъ онъ!» примолвила она, поднимая свои руки: «эти руки, великій государь, принадлежатъ моему несчастному отцу. Онъ не способенъ доставлять пропитаніе его семейству; и такъ онъ подвергаетъ ихъ строгости зако-

новъ, дабы сохранить тѣ, которыми можетъ пропитать себя и свое семейство.» Императоръ былъ тронутъ такою дѣтскою любовью и простилъ виновнаго.

43. Пословицы о любви и послушаніи.

Кто кого любить, тотъ того и слушаетъ. Гдѣ любовь, тамъ угожденье; гдѣ же страхъ, тамъ принужденье. Любовь братская лучше каменныхъ стѣнъ. Смиренье дѣвущкѣ ожерелье. Кто отца и матери не слушаетъ, тотъ послушаетъ телячьей кожи. Тѣ счастливы дѣти, отъ коихъ отецъ и мать радость могутъ имѣти.

44. Глупому сыну не въ помощь богатство.

Пословица говоритъ: глупому сыну не въ помощь богатство. Отъ чего же? Отъ того, друзья мои, что богатство требуетъ также ума, расчетливости, оборотовъ; а глупецъ умѣетъ только лѣниться, праздновать и бросать деньги. А деньги счетъ любятъ; деньгамъ счетъ, хлѣбу мѣра, говоритъ пословица. Глупецъ этого не знаетъ: ему кажется, что его богатство никогда не переведется.

Надобно, чтобъ наши расходы не были выше приходоу; надобно безпрестанно повѣрять себя: такъ ли мы употребляемъ деньги, какъ должно? Точно ли нужны намъ тѣ вещи, которыя мы купили? Бѣда, бѣда, если забудемъ это правило! Много богатыхъ сынковъ пошло по міру, отъ того только, что они не сами считали свои деньги и покупали все безъ разбору. Объ нихъ есть и пословица: щеголялъ съ молоду, а подъ старость умираетъ съ голоду.

45. Домашніе совѣтники.

Скажите, любезный сосѣдъ, какъ вы дѣлаете, что у васъ такъ хорошо все устроено въ хозяйствѣ, такой порядокъ въ домѣ, тогда какъ не замѣтно никакой особенной причины? И мы

также хлопочемъ, стараемся, толкуемъ о томъ, чтобъ и у насъ хорошо шло, но все какъ-то не ладится.—Вотъ видите ли, отвѣчалъ сосѣдъ, я бы и самъ не зналъ, отъ чего это происходитъ, если бъ у меня не было трехъ домашнихъ совѣтниковъ: имъ обязанъ я всѣмъ этимъ. — Домашнимъ совѣтникамъ? Кто же они?—Домовая собака, пѣтухъ и кошка.—Вы шутите?—Нимало. Видите ли, когда воръ подкрадывается къ моему дому, собака лаетъ; это значить: не зѣвай, смотри! Когда начинается свѣтать, поетъ пѣтухъ; это значить: вставай! Когда приближается дорогой гость, кошка умывается; это значить: приготовься угостить его.—А! понимаю, сосѣдъ, что вы хотите этимъ сказать. Это значить, что для домашняго благоустройства не необходимы три качества: *заботливость*, чтобы предупредить все вредное для насъ,—*дѣятельность* во всемъ полезномъ и *радушiе* къ тѣмъ, которые доброхотны и привѣтливы.—Я очень радъ, что вы меня такъ понимаете; своихъ же домашнихъ совѣтниковъ хвалю я за то, что они напоминаютъ мнѣ во всякое время, что должно дѣлать, иначе я легко могъ бы позабыть объ этомъ.

46. Десять правилъ для жизни.

Джефферсонъ, бывшiй президентъ Соединенныхъ Штатовъ (умершiй въ 1826 году), написалъ въ письмѣ къ своему тезкѣ Томасу Джефферсону Смигу десять слѣдующихъ правилъ для жизни.

1. Никогда не откладывай до завтра того, что ты можешь сдѣлать сегодня.

2. Никогда не утруждай другихъ тѣмъ, что ты самъ можешь сдѣлать.

3. Никогда не расточай денегъ своихъ прежде, нежели получишь ихъ.

4. Никогда не покупай бесполезныхъ вещей потому только, что онѣ дешевы.

5. Гордость дороже намъ приходится, нежели голодъ, жажда и холодъ.

6. Никогда не случится человѣку раскаяваться въ томъ, что мало ѣлъ.

7. Никогда не бываетъ трудно то, что дѣлается охотно.
8. Какъ часто чувствуемъ мы въ воображеніи нашемъ то страданіе, которое въ дѣйствительности никогда не наступаетъ для насъ.
9. Смотри на все съ хорошей стороны.
10. Если случится тебѣ разсердиться на что нибудь, то прежде, нежели начнешь говорить, просчитай десять; если же случится очень разсердиться, то считай до ста.

47. Дѣтство Франклина.

Интересно узнать нѣкоторыя подробности дѣтства и юности изобрѣтателя громовыхъ отводовъ. Вся жизнь этого великаго человѣка есть образецъ добродѣтели, мудрости, неутомимыхъ трудовъ и желанія блага ближнимъ; но первые годы его въ особености содержатъ въ себѣ много полезныхъ уроковъ: они могутъ приготовить къ тѣмъ обязанностямъ, которыя возлагаются на человѣка обществомъ, когда онъ достигаетъ совершеннаго возраста.

Веніаминъ Франклинъ, столь много содѣйствовавшій успѣхамъ просвѣщенія въ Америкѣ, родился въ 1706 году въ новой Англіи, въ городѣ Бостонѣ. Семейство его было многочисленно, бѣдно, но честно и трудолюбиво. Отецъ его, простой ламповщикъ, думалъ, что изъ этого ребенка, такъ же какъ изъ братьевъ его, выйдетъ скромный фабрикантъ; но вскорѣ замѣченная имъ въ маленькомъ Веніаминѣ охота къ чтенію и наукамъ подала ему мысль посвятить его духовному званію. Для этого отдалъ онъ его въ школу, когда ему было только восемь лѣтъ. Спустя нѣсколько времени оказалось, что воспитаніе его стоитъ слишкомъ дорого, и отецъ, полагая, что сыну его совсѣмъ не нужно такое блестящее образованіе, чтобъ быть хорошимъ ремесленникомъ, взялъ его изъ этой школы и помѣстилъ въ другую, гдѣ учили только читать и писать. И такъ Франклинъ очень мало былъ обязанъ учителямъ за свое воспитаніе, потому что всему остальному выучился самъ собою. Возвратясь изъ школы, онъ принялся за ремесло отца; но по страсти своей къ наукамъ не могъ оказывать въ ней никакихъ успѣховъ. Въ свободное время онъ занимался чтеніемъ и успѣлъ прочитать всѣ книги отцовской библіотеки и тѣ, которыя могъ покупать на

собственные деньги. Благоразумный отецъ не хотѣлъ противиться наклонностямъ его и, чтобы упрочить его состояніе, рѣшился наконецъ опредѣлить его въ типографію; у него уже былъ тамъ одинъ сынъ, и потому ничего не стоило отдать къ нему въ ученіе молодого Веніамина. Хотя ему было тогда не болѣе 12 лѣтъ, однако въ короткое время онъ оказалъ удивительные успѣхи въ семь новомъ занятіи. Тутъ ему уже не трудно было доставать книги отъ прикащиковъ тѣхъ книгопродавцевъ, съ которыми онъ имѣлъ сношеніе по своей должности. Всего болѣе любилъ онъ читать путешествія, исторію и все, что только входило въ составъ общепользныхъ знаній.

Иногда въ числѣ прочихъ книгъ случалось ему находить стихотворенія; они возбуждали въ нашемъ маленькомъ типографшикѣ желаніе, свойственное многимъ молодымъ людямъ, тоже сочинять стихи. Онъ написалъ двѣ пѣсни, которыя въ послѣдствіи времени самъ же называлъ пѣснями сдѣлцовъ. Братъ его напечаталъ эти два произведенія, изъ коихъ одно, какъ кажется, имѣло успѣхъ; это польстило самолюбію молодого Франклина, и, можетъ быть, онъ потерялъ бы еще много времени на пустое занятіе—писать плохіе стихи, еслибъ отецъ не показалъ ему всѣхъ недостатковъ его сочиненія и тѣмъ самымъ не спасъ отъ несчастія остаться навсегда дурнымъ поэтомъ, т. е. самымъ бесполезнымъ существомъ въ мірѣ. Этого не довольно: въ послѣдствіи добрый отецъ оказалъ ему еще другую услугу. У Франклина былъ другъ по имени Коллинсъ, съ которымъ онъ для упражненія велъ спорную переписку. Молодой типографшикъ отличался умомъ и правописаніемъ; противникъ его щеголеватостію оборотовъ и выборомъ выраженій. Отецъ Франклина замѣтилъ ему недостатки его и превосходство предъ нимъ соперника; Веніаминъ почувствовалъ всю справедливость этихъ замѣчаній и далъ себѣ обѣщаніе приобрести то, чего ему доставало. Такое послушаніе служило доказательствомъ двухъ прекрасныхъ его качествъ: уваженія къ благоразумію и опытности отца и превосходства разсудка предъ гордостью.

Воздержность Франклина въ пищѣ и удовольствіяхъ доставляла ему возможность копить деньги на покупку книгъ, которыхъ онъ не могъ доставать отъ своихъ пріятелей и которыя составляли для него единственное средство образованія. Онъ всегда такъ благоразумно распредѣлялъ свое время, что должность его по типографіи нисколько не мѣшала страсти къ чте-

нію. Такимъ образомъ одинъ, безъ всякой другой помощи, кромѣ книгъ и прилежанія, онъ пріобрѣталъ познанія въ наукахъ, которыя предназначено было ему въ послѣдствіи усовершенствовать.

Таково было дѣтство сего знаменитаго мужа, который въ послѣдствіи возвысился между учеными, занималъ первыя должности въ государствѣ, былъ избираемъ защитникомъ выгодъ и правъ своего отечества противъ другихъ націй. Таково было воспитаніе Франклина, который хотя и сдѣлался однимъ изъ правителей государства, однако не переставалъ трудиться въ пользу народнаго образованія: его Альманахъ служить еще и до сихъ поръ образцовымъ сочиненіемъ.

II. ИЗЪ ГОРОДСКОГО БЫТА.

48. Усталость маятника.

Старые стѣнные часы, находившіеся болѣе двадцати лѣтъ въ дортуарѣ одного пансіона, ни разу дотолѣ ни на что не пожаловавшись, въ одно зимнее утро совершенно неожиданно остановились. Открытое, румяное лицо циферблата вдругъ какъ будто окаменѣло, стрѣлки съ уныніемъ опустились, колеса, къ не малому своему удивленію, перестали придирааться другъ къ другу, гири повисли, какъ хвостъ пѣтуха на проливномъ дождѣ... Захваченныя въ распахъ обморокомъ, составныя части часовъ имѣли однако же довольно еще жизни, чтобы ссориться между собою и сваливать вину другъ на друга.

«Молчать, господа!» повелительно вскрикнулъ циферблатъ: «разберемъ дѣло обстоятельно, и тогда доищемся, кто виновать.»

У маятника совѣсть была не чиста, съ другой стороны онъ, какъ добрякъ, не умѣлъ лукавить. «Что таить грѣхъ», со вздохомъ сказалъ онъ, «я всему виновать; я первый остановился.

Если же вы спросите, почему я такъ поступилъ, то говорю на прямыя: мнѣ стало наконецъ не въ мочь качаться направо и налево; усталъ, совсѣмъ выбился изъ силъ; воля ваша, товарищи, не стану болѣе работать.

—«Ахъ ты безсовѣстный, грубиянъ! лѣнтяй ты эдакой! Еще смѣешь говорить при всемъ почтенномъ собраніи, что онъ не станетъ работать. Какъ это языкъ у тебя повернулся на такую дерзость?»

—«Хорошо тебѣ говорить про дерзость да про лѣнь другихъ! Ты выбралъ себѣ видное и спокойное мѣсто; у тебя только и дѣла, что смотрѣть, вышуча глаза, на всѣхъ. Поставь-ка себя на мое мѣсто; подумай, каково мнѣ болтаться всю жизнь въ темномъ ящикѣ, похожемъ на гробъ!»

—«Что за бѣда, что ты висишь въ ящикѣ? Да притомъ же не ври: тебѣ совсѣмъ не темно; вѣдь въ ящикѣ прорѣзано окошечко. Смотри и ты на кого хочешь, и съ кѣмъ угодно перемигивайся!»

—«Окно-то есть въ моей квартирѣ», продолжалъ со вздохомъ маятникъ, «да некогда мнѣ смотрѣть въ него: чтобы видѣть то, да что смотришь, надобно остановиться хоть на минуту у окна; а ты же мнѣ теперь простить не можешь, что я остановился. Впрочемъ, упреки твои ни къ чему не служатъ: не стану болѣе работать. Усталъ; пора и на покой.»

—«Отъ чего же ты именно сегодня остановился—послѣ безпорочной двадцатидвухлѣтней службы?» прошипѣли въ одинъ голосъ колеса.

—«Отъ того, что умныя мысли обыкновенно приходятъ поздно въ голову. Вѣдь и у меня есть голова; хоть она плоская и свѣшена къ низу, но все же голова. Я сталъ считать, сколько разъ мнѣ приходится покачнуться въ теченіе однѣхъ сутокъ, и насчиталъ....»

—«Восемьдесятъ шесть тысячъ четыреста разъ», подхватили проворныя стрѣлки, всю жизнь имѣвшія дѣло съ цифрами.

—«Именно столько», продолжалъ маятникъ. «Какъ вамъ кажется? Мало этого, чтобы утомить хоть кого угодно? И когда я потомъ помножилъ сумму суточныхъ моихъ качаній на число дней въ году, то мною овладѣло невольное уныніе. Подумалъ, подумалъ я, да и сталъ.»

—«Вспылчивый, полнокровный циферблатъ хотѣлъ было въ прахъ разбранить маятникъ, но счелъ за нужное сдержать себя

и поддѣльно-спокойнымъ, притворно-ласковымъ голосомъ произнесъ:

—«Многоуважаемый г. маятникъ! Я, право, не могу понять, какъ, бывъ доселѣ образцомъ благонамѣренности и смиреннаго трудолюбія, ты сегодня невпопадъ заумничалъ и, вмѣсто того чтобы дѣйствовать, сталъ мѣрять да вычислять свои труды.— Если бы всѣ, сидя надъ работою, только думали, а не работали сами, то мертвый застой смѣнилъ бы нынѣшнюю животрепещущую, безконечно-разнообразную дѣятельность. Не привлекательна дѣнь со стороны, и сама себя наказываетъ она скукою. Но оставимъ разсужденія. Не откажись исполнить мою просьбу—сдѣлай полдюжины качаній.»

«Полдюжины—изволь: это не трудно.» И согласившись на просьбу циферблата, маятникъ качнулся трижды направо и налево.

—«Утомили ли тебя эти движенія?»

«Нимало», отвѣчалъ маятникъ: «шесть разъ покачнуться— все равно, что ничего; но шестьсотъ, шесть тысячъ, шесть милліоновъ, это другое дѣло.»

—«Хорошо. Разсуди однако же: въ теченіе одной полусекунды ты можешь конечно подумать о милліонѣ качаній, но все-таки не болѣе двухъ разъ покачнешься ты въ секунду.

«Что же отсюда слѣдуетъ?»

—«А отсюда слѣдуетъ то, что, не вычисляя предстоящаго милліона качаній, качайся спокойно по два раза въ секунду, тогда и самъ не замѣтишь своей работы: такъ легка она будетъ для тебя.»

«И въ самомъ дѣлѣ! Мигъ не пришла эта мысль въ голову», вскрикнулъ добрякъ маятникъ. «Ну, господа, къ дѣлу! вниманіе! Разъ! два! три!» И маятникъ пустился по прежнему летать направо и налево; колеса толкнули подъ бокъ другъ друга и пошли дружно вертѣться на осяхъ своихъ; стрѣлки принялись указывать на цифры, и циферблатова фізіономія оживилась по прежнему, осмыслилась. Черезъ тридцать минутъ часы пробили 7, и дежурный гувернеръ сталъ будить воспитанниковъ.

Заботы о минутахъ, а часы, дни, мѣсяцы, годы составятся уже сами собою. Долгъ нашъ вести себя хорошо въ настоящемъ; прошлое невозвратно, будущее неизвѣстно.

Усталость начинается и возрастаетъ вслѣдъ за тѣмъ, какъ мы въ настоящую минуту вычисляемъ трудъ будущаго часа.

Одна минута легка сама по себѣ; за нею слѣдуетъ и другая, столько же кратковременная и столько же легкая; если мы переносимъ незамѣтно первую, почему же тяготиться второю, третьею и всѣми дальнѣйшими, равно быстро-текущими, совершенно похожими одна на другую?...

49. Загадка.

Кто всегда идетъ впередъ, не трогаясь съ мѣста?

50. Соловей и чижъ.

Былъ домъ, гдѣ подь окномъ и чижъ и соловей висѣли и пѣли. Лишь только соловей, бывало, запоетъ, сынъ маленькій отцу проходу не даетъ: все птичку показать къ нему онъ приступаетъ, что такъ хорошо поетъ. Отецъ, обонхъ снявъ, мальчишкѣ подаетъ. «Ну, говоритъ, узнай, мой свѣтъ, которая тебя такъ много забавляетъ.» Тотчасъ на чирика мальчишка указалъ. «Вотъ, батюшка, она!» сказалъ; и мальчикъ отъ чижа въ великомъ восхищенъ: «какія перушки! куда какъ онъ пригожъ! затѣмъ вѣдь у него и голосъ такъ хорошъ!»

Хелницерь.

51. Котъ и поваръ.

Какой-то поваръ, грамотѣй, съ поварни побѣжалъ своей въ кабакъ (онъ въ этотъ день по кумѣ тризну правилъ), а дома стеречи съѣстное отъ мышей кота оставилъ. Но что же, возвратясь, онъ видитъ? На полу объѣдки пирога; а Васька котъ въ углу, принавъ за укуснымъ боченкомъ, мурлыча и ворча, трудится надъ курченкомъ.

«Ахъ, ты обжора! ахъ, злодѣй!» тутъ Ваську поваръ укоряетъ: «не стыдно ль стѣнъ тебѣ, не только что людей? (А Васька все-таки курченка убираетъ.) Какъ! бывъ честнымъ котомъ до этихъ поръ, бывало, за примѣръ тебя смиренства кажутъ; а ты—ахти, какой позоръ! Теперя всѣ сосѣди скажутъ: котъ Васька плутъ! котъ Васька воръ! и Ваську-де не только

что въ поварню, пускать не надо и на дворъ, какъ волка жаднаго въ овчарню: онъ порча, онъ чума, онъ язва здѣшнихъ мѣстъ!» (А Васька слушаетъ, да ѣстъ.)

Тутъ риторъ мой, давъ волю словъ теченью, не находилъ конца правоученью. Но что жъ? Пока его онъ пѣлъ, котъ Васька все жаркое съѣлъ.

Крыловъ.

52. Пословицы изъ повседневной жизни.

Порядокъ душа всякаго дѣла. Гдѣ работаютъ, тамъ и густо; а въ лѣнивомъ домѣ пусто. Хозяйкою все стоитъ. Береженье лучше вороженья. Приказывай слугѣ; да дѣлай самъ, такъ и дѣлу ладъ. Одинъ рабъ двумъ господамъ не служить. Всякій человекъ у дѣла познавается. Не говори, что не могу; говори, что не хочу. Мѣсто человека не просвѣщаетъ, но человекъ мѣсто. Съ поклону голова не болитъ. За честное обхожденье всегда получишь почтенье. Начиная дѣло, о концѣ размышляй. Людскихъ рѣчей не переслушаешь. Худой солдатъ, который не надѣется быть генераломъ. Скажи, съ кѣмъ ты другъ, а я скажу, кто ты таковъ. Шапочко знакомство не пойдетъ въ потомство. Доброе братство лучше богатства. Новыхъ друзей наживай, а старыхъ не забывай. Старый другъ лучше новыхъ двухъ. Другъ познается въ несчастіи.

53. Прохожіе и собаки.

Шли два пріятеля вечернею порой, и дѣльный разговоръ вели между собой, какъ вдругъ изъ подворотни дворняжка тякнула на нихъ; за ней другая, тамъ еще двѣ-три, и въ мигъ со всѣхъ дворовъ собакъ сбѣжалось съ полсотни. Одинъ было уже прохожій камень взялъ.—«И, полно, братецъ!» тутъ другой ему сказалъ: «собакъ ты не уймешь отъ лаю; лишь пуще всю раздразишь стаю; пойдемъ впередъ, я ихъ натуру лучше знаю.» И подлинно, прошли шаговъ десятковъ пять, собаки начали по малу затихать, и стало наконецъ совсѣмъ ихъ не слышать.

Крыловъ.

54. Зимнее утро въ столицѣ.

Встаётъ кунецъ, идетъ разнощикъ; на биржу тянется извощикъ; съ кувшиномъ охтенка спѣшить, подъ ней снѣгъ утренній хруститъ. Проснулся утра шумъ пріятный; открыты ставни; трубный дымъ столбомъ восходитъ голубымъ, и хлѣбникъ, нѣмецъ акуратный, въ бумажномъ колпакѣ, не разъ ужъ отворялъ свой васисдасть.

Пушкинъ.

55. Стрѣлка часовая.

Когда-то стрѣлка часовая на башнѣ городской, свои достоинства счисляя, расхвасталась собой, и прочимъ часовымъ частямъ въ пренебреженье, — не должно ль, говорить, имѣть ко мнѣ почтенье? Всему я городу служу какъ бы въ законъ; все, что ни дѣлаютъ, по мнѣ располагаютъ: по мнѣ работаютъ, по мнѣ и отдыхаютъ; по мнѣ чрезъ колокольный звонъ къ молитвѣ даже созываютъ; и только часъ я покажу, какъ будто прикажу. Да я жъ стою домовъ всѣхъ выше, весь городъ подо мной; всѣмъ видима и всѣхъ я вижу подъ собой! А вы что значите? кто видитъ васъ?

— «Постой, нельзя ли какъ нибудь потише, и слово дать и намъ сказать», другія части отвѣчали: «знай, что когда бъ не мы тобою управляли, тебя бы ни во что считали; важна ты нами, не собой.»

Хемницеръ.

56. Строитель.

Что можешь начинать теперь, теперь и начинать старайся; лишь настоящему ты вѣрь, на завтра не полагайся.

Построить нѣкто домъ желалъ, и нужные къ тому собирать припасы сталъ; и собралъ ужъ не мало. Построить долго ли? лиха бѣда начало. Проходить день за днемъ, за годомъ годъ идетъ, а все строенья нѣтъ; все нашъ строитель отлагаетъ строенье до другого дня. Внезапно смерть пришла: строитель оставляетъ припасы лишь одни.

Хемницеръ.

* 57. Два работника.

Одинъ работникъ долженъ былъ для постройки дома носить камни, между которыми былъ одинъ весьма большой. Работникъ не трогалъ этого камня, а носилъ сперва маленькіе, думая, что и послѣ можетъ перенести его. Наконецъ дошла очередь и до большого камня; но работникъ уже такъ усталъ, нося маленькіе камни, что не въ состояніи былъ уже поднять его. Дѣлать было нечего; онъ долженъ былъ оставить большой камень на мѣстѣ и лишиться нѣкоторой части платы, за которую уговорился переносить всѣ камни.

Другой работникъ долженъ былъ исправить такую же работу. Онъ началъ съ самаго большого камня и, зная, что ему необходимо надобно было перенести его, перенесъ не скучая, хотя и съ немалымъ трудомъ. Исполнивъ это, онъ еще съ большею охотою принялся за маленькіе камни. Работа казалась ему легка, потому что онъ самое трудное уже сдѣлалъ, и кончилъ ее въ надлежащее время.

Который изъ сихъ двухъ работниковъ поступилъ благоразумнѣе?

58. Любопытный.

«Пріятель дорогой, здорово! Гдѣ ты былъ?»

— «Въ кунсткамерѣ, мой другъ! Часа тамъ три ходилъ; все видѣлъ, высмотрѣлъ; отъ удивленья, повѣришь ли, не станеть ни умѣнья пересказать тебѣ, ни силъ. Ужъ подлинно, что тамъ чудесь палата! Куда на выдумки природа таровата! Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я не видалъ! какія бабочки, букашки, козявки, мушки, таракашки! Однѣ какъ изумрудъ, другія какъ коралль! Какія крохотны коровки! есть, право, менѣе булавочной головки!».

— А видѣлъ ли слона? Каковъ собой на взглядъ! Я чай, подумалъ ты, что гору встрѣтилъ?»

— «Да развѣ тамъ онъ?»

— «Тамъ.»

— «Ну, братецъ, виноватъ: слона-то я и не примѣтилъ.»

Крыловъ.

59. Слонъ и моська.

По улицамъ слона водили, какъ видно, на показъ, — извѣстно, что слоны въ диковинку у насъ, — такъ за слономъ толпы зѣвакъ ходили. Отколѣ ни возмись, на встрѣчу моська имъ. Увидѣвши слона, ну на него метаться, и лаять, и визжать, и рваться, ну, такъ и-лѣзеть въ драку съ нимъ.

«Сосѣдка, перестань срамиться», ей шавка говоритъ; «тебѣ ль съ слономъ возиться? Смотри, ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ впередъ и лаю твоего совсѣмъ не примѣчаетъ.»

— «Эхъ, эхъ!» ей моська отвѣчаетъ: «вотъ то-то мнѣ и духу придаетъ, что я совсѣмъ безъ драки могу попасть въ большіе забіяки. Пускай же говорятъ собаки: ай, моска! знать она сильна, что лаеетъ на слона!»

Крыловъ.

* 60. Дорогая травка.

Двѣ служанки, Анна и Катерина, шли въ городъ. Каждая изъ нихъ несла на головѣ корзину съ плодами.

Анна безпрестанно ворчала и вздыхала, а Катерина смѣялась и шутила. Анна сказала: «Какъ ты можешь быть такъ весела? Вѣдь твоя корзина такъ же тяжела, какъ моя, да и ты сама не сильнѣе меня!»

— Я положила въ мою корзину, отвѣчала Катерина, такую травку, которая облегчаетъ всякій трудъ.

«О это, должно быть, дорогая травка!» сказала Анна; «я желала бы также облегчить ею свою ношу. Скажи мнѣ, какъ зовутъ эту травку?»

Катерина отвѣчала: эта травка — терпѣніе, котораго у тебя нѣтъ.

61. Переправа черезъ рѣку.

Молодой человѣкъ, еще никогда не ѣздившій по водѣ, подошелъ къ берегу широкой и быстрой рѣки, и попросилъ лодочника перевезти его на другую сторону. Деревня, куда нужно было придти ему, лежала на другой сторонѣ, какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ; но перевозчикъ, вмѣсто

того чтобы прямо ѡхвать, куда хотѣлъ молодой человекъ, сталъ подыматься вверхъ по рѣкѣ, и давно уже миновалъ деревню. — «Куда же это ты ѡдешь, пріятель?» спросилъ его юноша. — «Прямо туда, куда нужно», отвѣчалъ перевозчикъ. — «Если это называется прямо», сказалъ юноша, «то я ужъ и не знаю, что значить криво. Если мы будемъ все такъ ѡхвать, то пристанемъ шаговъ за пятьсотъ отъ деревни.» — «Да, мой добрый баринъ, еслибъ мы все такъ ѡхвали», возразилъ перевозчикъ; «но когда мы выѣдемъ на средину рѣки, то сильное теченіе снесетъ насъ далеко внизъ. Мой покойный батюшка, дай Богъ ему царство небесное, говаривалъ часто: хорошій перевозчикъ и добрый христіанинъ должны ставить цѣль свою повыше: одного снесетъ внизъ теченіе воды, а другого теченіе жизни.» И дѣйствительно, подъѣзжая къ другому берегу, перевозчикъ долженъ былъ употребить всѣ свои силы, чтобы не пристать ниже деревни. Выходя изъ лодки, молодой человекъ заплатилъ перевозчику двойную плату. «Вотъ тебѣ», сказалъ онъ, «за перевозъ и за добрый совѣтъ.»

62. Бѣдный Гиѣдко.

Посмотрите, посмотрите, мои друзья, — какой злой извощикъ, какъ онъ бьетъ лошадку!... Въ самомъ дѣлѣ; она бѣжитъ очень плохо... Отъ чего жъ это? Ахъ, бѣдный Гиѣдко! да онъ хромаетъ...

Извощикъ, извощикъ! какъ не стыдно: вѣдь ты совсѣмъ испортишь свою лошадь; ты ее до смерти убьешь!

— «Что нужды», отвѣчаетъ извощикъ; «ужъ или мнѣ, или ей умереть, — нынче праздникъ.»

То-то и есть, что праздникъ, любезный! Ты подгулялъ, да и не посмотрѣлъ, что лошадь потеряла подковку; отъ того она поскользнулась, спотыкнулась и зашибла ногу. Что мудренаго, что она не можетъ бѣжать? Она, бѣдная, что шагнетъ, то ей больно, — тутъ не побѣжишь. А ты знаешь, что тебѣ надо будетъ платить за ея лѣченье, за подковку, да еще хозяинъ тебя будетъ бранить, такъ тебѣ хочется, во что бы то ни стало, выручить деньги, навести, какъ ты говоришь. Теперь же благо праздникъ, ѣзды много, платять дорого, — да бѣдная-то лошадка въ чемъ виновата? Виноватый-то ты, глупый извощикъ: зачѣмъ ты не смотрѣлъ за нею, зачѣмъ не видалъ, когда она потеряла подковку?...

Но онъ не слушаетъ насъ; онъ уже далеко. Вотъ онъ на Невѣ—и все погоняетъ бѣдную лошадь; а лошадь все спотыкается, и что шагнетъ, то ей больно.

А еще ребяташки бѣгутъ за санями, да смѣются и надъ лошадкой, и надъ извозникомъ; а онъ еще больше злится и вымещаетъ свою злость на лошадекъ.

Но скажите, сдѣлайте милость, какъ не стыдно этому толстому господину, который сидитъ въ саняхъ? какъ онъ не запретить извознику мучить бѣдную лошадку? Этотъ толстый господинъ завернулся въ шубу, нахлобучилъ на глаза шляпу и сидитъ сиднемъ, какъ ни въ чемъ не бывалый.

«А мнѣ что за дѣло», бормочетъ про себя толстый господинъ: «я спѣшу на обѣдъ, — пусть извозникъ убьетъ свою лошадь, — не моя лошадь, — мнѣ что за дѣло?»

Бѣдный Гнѣдко! какъ мнѣ жаль его! Я его давно знаю. Я помню, какъ онъ былъ еще жеребенкомъ. Тогда, бывало, по веснѣ солнце свѣтитъ, птички чиркаютъ, роса блеститъ на лужайкахъ, въ воздухѣ свѣжо и душисто; вотъ Сѣрко пашетъ землю, а нашъ жеребенокъ бѣгаетъ вокругъ матки: то подбѣжить къ ней, то отскочить, пощиплетъ молодую травку, и опять къ матери, и опять брыкнетъ, — веселая тогда была его жизнь! Вечеромъ возвратится домой, его встрѣтятъ Ванюша съ Дашею, расчесутъ его коротенькую гривку, вытрутъ соломкою.... Ужъ какъ Ванюша съ Дашею любили своего жеребеночка! Бывало, вмѣсто того чтобы бѣгать безъ всякаго дѣла, они нарвутъ молодой травки, положить въ коробокъ и кормятъ своего жеребеночка; на ночь натаскаютъ ему подстилки, да в днемъ кусочка хлѣба не съѣдятъ, чтобы не подѣлиться съ своимъ пріятелемъ. И какъ жеребенокъ—то зналъ ихъ: бывало, издали увидитъ Ванюшу съ Дашею, пустится къ нимъ со всѣхъ ногъ, прибѣжить, остановится и смотреть на нихъ, какъ собачка. Въ такой холъ подросъ нашъ жеребеночекъ, выровнялся и сталъ статною лошадкой. Вотъ отецъ Ванюши подумалъ, погадалъ: жалко такую лошадку въ соху запрячь! сведу—ка я его въ городъ, да продамъ: мнѣ за ея цѣну двухъ лошадей дадутъ. Сказано, сдѣлано: свели Гнѣдко на конную, въ Петербургъ, продали извознику. А ужъ какъ плакали Ванюша съ Дашею, какъ они упрашивали извозника беречь ихъ Гнѣдко, не заставлятъ его возить тяжести, не мучить его.... Они возвратились домой очень пе-

чальные, чего-то имъ недоставало; отецъ радовался, что получилъ за Гнѣдко хорошія деньги, — дѣти же горько плакали.

Но въ этихъ разговорахъ мы прошли почти всю набережную... Посмотрите, посмотрите! что это тамъ столчился народъ?... Подойдемъ!

Ахъ! это нашъ бѣдный Гнѣдко! Посмотрите: онъ упалъ и не можетъ болѣе встать, — прохожіе помогаютъ извощику поднять его; — они поднимаютъ, онъ опять упадетъ. Какъ нога у него вспухла; самъ извощикъ теперь плачетъ навзрыдъ. «По дѣломъ ему!» скажете вы. Нѣтъ, не говорите этого, — онъ уже самъ видитъ свою вину и уже довольно наказанъ. Какъ онъ покажется на глаза хозяину? Да и что теперь дѣлать съ лошадыю? Оставить ее на улицѣ нельзя; сама она идти не можетъ; надо нанять другую лошадь съ саними, и на сани взвалить бѣднаго Гнѣдко. Но на это нужны деньги, — а у извощика ихъ нѣтъ: толстый господинъ разсердился, зачѣмъ лошадь упала, и не заплатилъ ничего.... Бѣдный Гнѣдко! онъ не можетъ пошевелиться, зарылъ голову въ снѣгъ, тяжело дышетъ и поводитъ глазами, какъ бы требуя помощи; бѣдный! онъ не можетъ даже кричать, потому что лошади не кричатъ, какъ бы жестоко ни страдали. «Злой извощикъ! зачѣмъ ты такъ измучилъ бѣднаго Гнѣдко?» — Но перестанемъ упрекать его, хотя онъ и много виноватъ; а лучше дадимъ ему денегъ: пусть онъ найметъ товарища свезти Гнѣдко на квартиру, да прибавимъ совѣтъ: впередъ не ѣздить на хромой лошади и не требовать отъ больной, чтобы она бѣжала, какъ здоровая.

Одоевскій.

63. Бутлеръ.

Англичанинъ Бутлеръ, извѣстный по своему остроумію, заѣхалъ однажды осенью въ одинъ трактиръ, гдѣ уже было много гостей, которые сидѣли вокругъ топившагося камина и разговаривали между собою, не обращая вниманія на прибывшаго незнакомца, который дрожалъ отъ холоду.

«Эй! человекъ! вскричалъ Бутлеръ, отнеси моей лошади блюдо устриць.»

— Четверку овса, хотѣли вы сказать, сударь, отвѣчалъ слуга.

«Я знаю, что говорю, возразилъ Бутлеръ съ гнѣвомъ: не овса, а устриць дай моей лошади.»

Слуга пошелъ, и гости, сидѣвшіе около камина, оставляли комнату одинъ за другимъ, желая видѣть чудную лошадь, которая ѣла устриць. Между тѣмъ Бутлеръ садится къ камину и грѣется.

Вскорѣ послѣ сего слуга возвращается, а съ нимъ вмѣстѣ являются и любопытные гости.

— Милостивый государь, сказалъ первый, ваша лошадь не ѣсть устриць. — «Хорошо, отвѣчалъ Бутлеръ, такъ насыпь ей овса; а устрицы подай мнѣ, ужъ я справлюсь съ ними.»

64. Истинное добродушіе.

Одна крестьянка въ Стразбургѣ несла корзину съ яйцами для продажи. Вдругъ откуда ни взялись два маленькіе шалуна, опрокинули корзинку и съ хохотомъ убѣжали прочь. Видя это, другой мальчикъ, сжавъ кулаки, погнался за ними; они ужъ было струсили. Но вдругъ мальчикъ остановился и, какъ бы задумавшись, повернулъ назадъ и побѣжалъ домой. Между тѣмъ крестьянка стояла и плакала надъ разбитыми яйцами. Вдругъ она видитъ предъ собою маленькую руку, которая высыпаетъ ей въ передникъ всѣ деньги изъ копилки, — эта рука была та самая, которая за нѣсколько минутъ въ негодованіи сжимала свой кулакъ, — и прежде чѣмъ крестьянка успѣла поблагодарить, маленькій благотворитель исчезъ изъ виду.

65. Нищіе.

И вечерней, и ранней порою много старцевъ и вдовъ и сиротъ подь окошками ходитъ съ сумою, Христа ради на помощь зоветь. Надѣваетъ ли сумку неволя, неохота ли взяться за трудъ: тяжела и горька твоя доля, безпріютный, оборванный людъ! — Не откажутъ тебѣ въ подайнѣ, не умрешь ты безъ крова зимой: жаль разумное Божье созданье — человѣка въ грязи и съ сумой!...

Никитинъ.

66. Вѣрное средство разбогатѣть.

Лѣтомъ 1791-го года, когда я еще былъ студентомъ, — рассказываетъ одинъ французскій писатель — я каждое Воскресенье отпраплялся пѣшкомъ въ Версаль, гдѣ жила моя матушка. У самой заставы въ то время постоянно находился нищій, дѣтина рослый и молодой, но на видъ хилый и болѣзненный; низкіе поклоны его и жалобный возгласъ: «Подайте милостыню, Христа ради!» издали уже обращали на него вниманіе прохожихъ. Антонъ (такъ звали этого нищаго) получалъ отъ меня всякій разъ два су.

Однажды, въ одно время со мною, къ заставѣ подошелъ очень небольшого роста, сухощавый господинъ. Услышавъ кликъ нищаго, онъ остановился, посмотрѣлъ на него, и послѣ нѣкотораго молчанія сказалъ ему:

«Ты, братецъ, на взглядъ кажешься человѣкомъ не глупымъ, да и работать еще можешь, а занимаешься такимъ гадкимъ промысломъ! Хочешь ли, я тебя научу, какъ сдѣлаться богачомъ?»

Антонъ разсмѣялся, и я также.

«Смѣйся, любезный, сколько угодно», возразилъ маленькій господинъ добродушно, «только послушайся моего совѣта, и ты, право, не будешь раскаиваться въ этомъ. Вотъ тебѣ примѣръ: я былъ точно такимъ же бѣднякомъ, какъ и ты; но, вмѣсто того чтобы просить милостыни, я ходилъ съ сумой по городамъ и селамъ собирать — не подаваніе, а старья тряпки, которыя я находилъ въ мусорныхъ кучахъ, или же даромъ получалъ отъ добрыхъ людей. Эти тряпки я продавалъ бумажнымъ фабрикантамъ, и въ одинъ годъ приобрѣлъ столько денегъ, что могъ завести себѣ телѣжку и осла для перевозки моего товара, который я съ тѣхъ поръ уже не бралъ даромъ, а покупалъ. По истеченіи пяти лѣтъ у меня было десять тысячъ франковъ наличными деньгами, и тогда одинъ бумажный фабрикантъ принялъ меня къ себѣ въ товарищи. Я былъ молодъ, дѣятеленъ и бережливъ, и вотъ у меня теперь два каменныхъ дома въ Парижѣ; а фабрику свою я уступилъ сыну, котораго съ малолѣтства приучалъ къ трудолюбію и устойчивости. Послѣдуй моему примѣру, и ты будешь такъ же богатъ, какъ и я.» Съ этими словами маленькій господинъ сталъ успѣшно продолжать свой путь; а Антонъ

до того углубился въ размышленіе, что безъ всякаго вниманія пропустилъ двухъ проходившихъ мимо него дамъ.

Въ 1815 году, будучи мимоходомъ въ Брюссель, я однажды вошелъ въ книжный магазинъ. За прилавкомъ, у конторки, стоялъ видный и довольно красивый мужчина, который давалъ различныя приказанія нѣсколькимъ прикащикамъ. Лицо его мнѣ показалось знакомымъ; но я не могъ припомнить, гдѣ именно я его видѣлъ. Взглянувъ пристально на меня, онъ послѣ нѣкотораго размышленія подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Мы, кажется, знакомы... позвольте спросить, не ходили ли вы двадцать пять лѣтъ тому назадъ по Воскресеньямъ въ Версаль?»—Антонъ! воскликнулъ я, удивленный. «Да, я дѣйствительно тотъ самый Антонъ... и вы видите, что маленькій господинъ былъ правъ: неутомимая дѣятельность и бережливость лучшія средства для приобрѣтенія богатства. Благодаря его совѣту, я теперь хозяинъ этого магазина.»

* 67. Сапожные гвозди.

Трудолюбивый Павелъ работалъ въ кузницѣ такъ ловко, что искры градомъ сыпались подъ ударами его молотка. Сынъ богатаго дворянина Броуна, жившаго по сосѣдству, часто приходилъ къ Павлу и смотрѣлъ по цѣлымъ часамъ на его работу.— «Выучитесь, сударь, для препровожденія времени, хоть дѣлать гвозди», сказалъ ему однажды Павелъ; «кто знаетъ? можетъ быть, это вамъ когда нибудь пригодится.»

Праздникъ молодой человекъ, для шутки, согласился на предложеніе. Усмѣхаясь, онъ сталъ передъ наковальнею, и черезъ нѣсколько времени сдѣлалъ въ новомъ для него искусствѣ такіе успѣхи, что могъ довольно легко выковать хорошіе сапожные гвозди.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ того война лишила дворянина Броуна всего его имѣнія и принудила его оставить отечество. Онъ скрылся въ отдаленной деревнѣ. Тамъ жило множество сапожниковъ, которые покупали сапожные гвозди въ сосѣдственномъ городѣ; но въ это время они не находили ихъ въ достаточномъ количествѣ, потому что должны были изготовить для арміи нѣсколько тысячъ паръ сапогъ. Тутъ молодой Броунъ вспомнилъ, что онъ выучился дѣлать сапожные гвозди. Онъ

предложилъ сапожникамъ доставлять имъ большое количество гвоздей, если только они согласятся выстроить для него мастерскую. Они охотно согласились, и съ тѣхъ поръ онъ жилъ спокойно и безъ нужды.

«Какъ хорошо умѣть что нибудь дѣлать, хоть сапожные гвозди!» говаривалъ онъ часто: «это для меня теперь полезнѣе, нежели все мое прежнее богатство, котораго я лишился; а приобретеннаго искусства никто не отниметъ.»

68. Загадки.

1.

Мы какъ арапы чернотой, ростъ одинакій, небольшой, а защищаемся гвоздями, и неразлучными друзьями по городу гуляемъ съ вами.

2.

Когда прибьютъ меня къ ногамъ, то я хожу на головѣ.

69. Пословицы о нуждѣ и бѣдности.

Кто въ нуждѣ не бывалъ, тотъ ее не видалъ. Нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поетъ. Нужда и по воскреснымъ днямъ постится. Нужда послѣднюю копѣйку ребромъ. Нужда остритъ разумъ. Нужда научить Богу молиться. Бѣдность не порокъ. Лучше бѣдность да честность, нежели прибыль да стыдъ. Бѣдность учить, а счастье портить. Избытка убожество ближній наслѣдникъ. Скупой богачъ бѣдище нищаго. Подъ толстымъ сукномъ не хуже согрѣешься, какъ подъ бархатомъ. Приведи Богъ подать, не приведи Богъ примать. Коль можешь, веселись, а все на бѣдныхъ оглянись. Дающая рука не оскудѣетъ. Съ міру по питкѣ, голому рубаха. Не проси у богатаго, проси у добраго. Дорога милостыня во время скудости.

70. Странный рецептъ.

Вѣдь, кажется, въ томъ нѣтъ ничего смѣшнаго, когда чело-вѣкъ принужденъ идти въ аптеку за лѣкарствомъ? Но разъ какъ-

то по этому поводу вышел довольно забавный случай. Входить въ аптеку человекъ, втаскивая съ собою огромную сосновую дверь. Аптекарь, думая, что тотъ вошелъ по ошибкѣ, кричитъ ему: «Куда ты, братецъ? Здѣсь аптека; а столяръ живетъ насупротивъ.» Но вошедшій преспокойно ставитъ дверь передъ аптекаремъ и, показывая на нее, отвѣчаетъ: «Вотъ, батюшка, приготовьте-ка лѣкарство по этому рецепту. У меня ночью жена захворала; я и позвалъ доктора. А когда онъ хотѣлъ прописать лѣкарство, у меня въ домѣ не нашлось ни пера, ни бумаги. Вотъ онъ, по моему предложенію, и написалъ рецептъ мѣломъ на этихъ дверяхъ. Сдѣлайте одолженіе, приготовьте лѣкарство.»

Аптекарь посмѣялся; но долженъ былъ сознаться, что мальчикъ былъ догадливый.

31. Сцена въ типографіи.

Неизвѣстный. Здѣсь напечатана эта книга?

Факторъ. Здѣсь.

Н. А продается она у васъ?

Ф. Никакъ нѣтъ; здѣсь только печатаются книги, а не продаются; извольте спросить въ книжныхъ лавкахъ.

Н. Я спрашивалъ, да ни у кого нѣтъ. Нашелъ только одинъ экземпляръ въ публичной библиотекѣ, да и тотъ не продажный.

Ф. Не мудрено, что въ пятнадцать лѣтъ вся книга разошлась.

Н. А что стоитъ напечатать вновь?

Ф. Двадцать листовъ ровно... за наборъ и напечатаніе по пятнадцати рублей съ листа—триста... бумаги три стопы на листъ, хоть по три рубля... сто восемьдесятъ... четыреста восемьдесятъ рублей всего за полный заводъ, то есть за тысячу двѣсти экземпляровъ.

Н. (отдавая трехрублевую бумажку). Дай же, братецъ, сдачи, и напечатай мнѣ скорѣе одинъ экземпляръ.

32. Ларчикъ.

Къ кому-то принесли отъ мастера ларецъ. Отдѣлкой, чистой ларецъ въ глаза кидался; ну, всякій ларчикомъ прекраснымъ любовался.

«Вотъ входитъ въ комнату механики мудрецъ. Взглянувъ на ларчикъ, онъ сказалъ: «Ларецъ съ секретомъ; такъ, онъ и безъ замка; а я берусь открыть; да, да, увѣренъ въ этомъ. Не смѣйтесь такъ изподтишка! Я отыщу секретъ, и ларчикъ вамъ открою: въ механикѣ и я чего нибудь да стою.»

Вотъ за ларецъ принялся онъ: вертитъ его со всѣхъ сторонъ, и голову свою ломаетъ; то гвоздикъ, то другой, то скобку пожимаетъ. Тутъ, глядя на него, иной качаетъ головой; тѣ шепчутся, а тѣ смѣются межъ собой. Въ ухахъ лишь только отдается; «не тутъ, не такъ, не тамъ!» Механикъ пуше рвется. Потѣлъ, потѣлъ; но наконецъ усталъ, отъ ларчика отсталъ, и какъ открыть его, никакъ не догадался: а ларчикъ просто открывался.

Крыловъ.

* 33. Драгоценные камни.

Одинъ золотыхъ дѣлъ мастеръ взялся приготовить какой-то знатной госпожѣ уборъ, для котораго она дала ему нѣсколько драгоценныхъ камней. Робертъ, его ученикъ, разсматривалъ ихъ часто съ большимъ удовольствіемъ. Вдругъ мастеръ замѣтилъ, что пропали два самые красивые драгоценные камня. Подозрѣніе пало на Роберта, и мастеръ сталъ искать пропавшихъ камней въ его спальнѣ. Тамъ онъ нашелъ ихъ въ щели, которая находилась въ стѣнѣ, надъ постелью мальчика. Робертъ божился, что не онъ бралъ камни; но не смотря на то, мастеръ наказалъ его и выгналъ изъ своего дома. Спустя нѣсколько времени опять пропалъ одинъ драгоценный камень, и мастеръ нашелъ его въ той же самой щели. Тогда онъ сталъ присматривать прилежно за неизвѣстнымъ воромъ, и вскорѣ замѣтилъ, что воръ этотъ былъ—ручная сорока Роберта. Она-то брала камни и прятала ихъ въ щель. Мастеръ очень сожалѣлъ, что обидѣлъ невиннаго мальчика. Онъ взялъ Роберта опять къ себѣ въ домъ, любилъ его и обходился съ нимъ, какъ съ своимъ собственнымъ сыномъ.

34. Тришкинъ кафтанъ.

У Тришки на локтяхъ кафтанъ продрался. Что долго думать тутъ? Онъ за иглу принялся: по четверти обрѣзалъ рукавъ—и

локти заплатилъ. Кафтанъ опять готовъ; лишь на четверть голѣе руки стали. Да что до этого печали? Однако же смѣется Тришкѣ всякъ. А Тришка говоритъ: «Такъ я же не дуракъ, и ту бѣду поправлю: длиннѣе прежняго я рукава наставлю. «О, Тришка малый не простой! Обрѣзалъ фалды онъ и полы, наставилъ рукава, и весель Тришка мой, хоть носить онъ кафтанъ такой, котораго длиннѣе и камзолы.

Крыловъ.

35. Рѣдная честность.

Одинъ Лондонскій купецъ бился объ закладъ съ фабрикантомъ Н. Черезъ два мѣсяца фабрикантъ умеръ. И вотъ является къ его вдовѣ купецъ и объявляетъ ей, что покойный мужъ ея бился съ нимъ объ закладъ о 1000 фунтовъ стерлинговъ и проигралъ этотъ закладъ. Онъ явился теперь къ ней узнать, считаетъ ли она долгомъ своимъ заплатить проигранный закладъ? Вдова тотчасъ встала, подошла къ своему бюро и хотѣла тогда же заплатить этотъ долгъ; но купецъ остановилъ ее и сказалъ: «Такъ какъ вы думаете, сударыня, что закладъ вашего мужа дѣйствителенъ и послѣ его смерти, то вотъ 1000 ф. ст.: я проигралъ этотъ закладъ.

36. Бережливость и скуность.

Въ одномъ маленькомъ городкѣ два добрые человека желали оказать вспомоствованіе бѣдному семейству; но какъ они не были въ состояніи сдѣлать большой помощи, то обратились съ просьбами къ тѣмъ изъ своихъ согражданъ, которые имѣли болѣе средствъ помочь страждущимъ, и для этого, посѣщая достаточныхъ людей, излагали имъ крайнюю нужду бѣднаго семейства и просили ихъ о возможной помощи.

Такимъ образомъ они зашли къ одному зажиточному купцу, въ надеждѣ получить отъ него какое-либо вспомоствованіе. Но какъ же они удивились, когда, вошедши къ нему на дворъ, услышали брань купца на своего кучера, который забылъ положить въ сарай веревки и оставилъ ихъ прошедшую ночь подъ дождемъ. «Развѣ ты не знаешь,» говорилъ купецъ, «что верев-

ки могутъ сгнить отъ мокроты? Вѣдь онѣ сто́ятъ денегъ, которыя заработать не такъ легко, какъ ты думаешь.»—«О, этотъ купецъ ничего не дастъ!» сказалъ одинъ изъ пришедшихъ, «когда онъ за такую ничтожную вещь такъ сердится и бранится. Пойдемъ лучше въ другой домъ. «Можно попробовать», отвѣчалъ другой; «подойдемъ къ нему и скажемъ, зачѣмъ пришли.» Между тѣмъ купецъ, побранивши своего кучера, подошелъ вѣжливо къ нимъ и пригласилъ ихъ въ свои покои.

Узнавши о причинѣ посѣщенія этихъ добрыхъ людей, онъ безъ всякихъ отговорокъ далъ имъ довольно значительную сумму денегъ, а сверхъ того обѣщалъ еще прислать бѣдному семейству нѣсколько четвертей муки. Такая щедрость удивила просителей, и они не могли не сказать ему о своемъ мнѣнii, которое о немъ имѣли, услышавши его брань за такую ничтожную вещь. «Отъ того-то я и могу иногда помогать неимущимъ», отвѣчалъ онъ, «что былъ всегда бережливъ. Бережливость не есть скудость.»

33. Худой плательщикъ.

Семень не умѣлъ пріобрѣтать денегъ трудомъ и увеличивать ихъ бережливостію. Дѣла его пошли такъ плохо, что ему пришлось занять. По счастью онъ нашелъ добраго, великодушнаго друга, который не отказался помочь ему.

Пришла пора расплачиваться. Семень думаетъ: «Отдавъ эти деньги, я сдѣлаюсь такимъ же несчастнымъ, какъ былъ прежде; лучше присвою ихъ себѣ: скажу, что я не бралъ у друга ничего, и буду чудесно продолжать дѣла свои.»

Такъ онъ и сдѣлалъ: отказался отъ платежа и упорствовалъ во лжи. Но плохо ему пришлось. Другъ долго ждалъ и терпѣлъ; но когда увидѣлъ, что его должникъ не сто́итъ никакого снисхожденія, онъ потребовалъ его въ судъ. Семень, уличенный въ ложномъ показаніи, присужденъ былъ возвратитъ занятую сумму и сверхъ того заплатилъ большой штрафъ.

38. Не давши слово, вѣрнись; а давши слово, держись.

Хорошій человекъ никогда не клянется, никогда не божится — грѣхъ! Скажеть: хорошо, согласенъ, буду, даю честное

слово—и довольно! Честное слово добраго человѣка крѣпко, какъ алмазь. Клянутся, божатся — лгуны, трусы, дурные люди. Хорошій человѣкъ, что общается, то выполняетъ, не смотря ни на какія препятствія: его честное слово дороже ему всѣхъ почестей и богатства. Надобно съ малолѣтства затвердить, что «объщать значитъ исполнить». Для этого всегда надобно прежде подумать, можно ли намъ исполнить то, что общаемъ. Не давши слова, крѣпись; а далъ слово, держись! Слово не воробей,—выпустишь, не поймашь!

79. Покрытое блюдо.

Гамбургскій купецъ Бель давалъ однажды обѣдъ и непременно хотѣлъ поподчивать своихъ гостей свѣжею лососяною, которой въ то время года почти невозможно было достать. Онъ самъ обошелъ всѣ рыбныя лавки и, послѣ долгихъ поисковъ, нашель наконецъ одну довольно большую лососку, только что пойманную. Рыбакъ, зная, что въ городѣ едва ли можно отыскать другую, потому что въ это время года эта рыба не ловится, запросилъ за нее 50 марокъ, то есть почти семь червонцевъ. Бель предложилъ ему 20, 25, наконецъ 30; но рыбакъ и слышать не хотѣлъ объ уступкѣ. Конечно Белю ничего не значило бросить 50 марокъ; но жадность и упрямство рыбака взбѣсили его, и онъ рѣшился обойтись на обѣдѣ безъ лососяны. Въмѣсто нея поставили на столъ покрытое блюдо. Когда дошла очередь до лососяны, хозяинъ снялъ крышу съ блюда, и въ немъ оказалось — нѣсколько золотыхъ монетъ. Гости чрезвычайно изумились; но хозяинъ разсказалъ имъ о своихъ переговорахъ съ рыбакомъ и присовокупилъ, что деньги за рыбу онъ назначилъ въ пользу одного бѣднаго семейства и надѣется, что его друзья будутъ довольствоваться, вмѣсто лососяны, другою рыбою, менѣе цѣнною. Всѣ одобрили рѣшеніе хозяина и изъявили желаніе участвовать въ его добромъ дѣлѣ. Блюдо обнесли вокругъ стола, и каждый положилъ на него свое пожертвованіе. Такимъ образомъ набралось нѣсколько сотенъ марокъ, помощію которыхъ бѣдное, честное семейство не только вышло изъ нужды въ настоящее время, но даже могло поправить свои дѣла, разстроенныя несчастнымъ случаемъ.

80. Раздѣль.

Имѣя общій домъ и общую контору, какіе-то честные торгаши наторговали денегъ гору; окончили торги и дѣлятъ барыши. Но въ дѣлежѣ когда безъ спору? Заводятъ шумъ они за деньги, за товаръ, — какъ вдругъ кричатъ, что въ домѣ ихъ пожаръ. «Скорѣй, скорѣй спасайте товары вы и домъ!» кричитъ одинъ изъ нихъ: «ступайте, а счета послѣ мы сведемъ!»—«Мнѣ только тысячу мою сперва добавьте!» шумитъ другой: «я съ мѣста не сойду долой.»—«Мнѣ двѣ не додано, а вотъ тутъ счета ясны», еще одинъ кричитъ.—«Нѣтъ, нѣтъ, мы не согласны! Да какъ, за что и почему!...» Забывши, что пожаръ въ дому, проказники тутъ до того шумѣли, что захватило ихъ въ дыму, и всѣ они со всѣмъ добромъ своимъ сгорѣли.

Крыловъ.

81. Пословицы изъ ремесленнаго и купеческаго быта.

Всякое дѣло мастера боится, а иного дѣла и мастеръ боится. Не худое ремесло, кто умѣетъ сдѣлать и весло. Ремесло за плечами не виситъ, а ко время годится. Всякій своего счастья кузнецъ. Куй желѣзо, пока горячо. Торгуй правдою, больше барыша будетъ. Фунтъ пуду долженъ уступить. Починъ дорожке денегъ. На свой аршинъ не мѣрай. Семь разъ отмѣрай, однажды отрѣжь. На хорошій товаръ много купцовъ. Долгъ платежомъ красенъ. Займомъ богатъ не будешь. Худо нажитое въ прокъ не пойдетъ. Выигрышъ съ проигрышемъ на однѣхъ саняхъ ѣздить. Береги денежку про черный день.

82. Первый русскій гофъ-малеръ.

Петръ Великій, посѣщавшій въ 1718 году Новгородъ, слушалъ обѣдню въ Софійскомъ соборѣ. Въ густой непроницаемой тѣснотѣ, у праваго клироса, стоялъ бѣдный, но пріятной наружности мальчикъ, и стоялъ не безъ дѣла: пристально всматриваясь въ лицо государя, украдкой въ шляпѣ чертилъ что-то карандашомъ. Никто на это не обращалъ вниманія; отъ одного

лишь всевидящаго Петра не могли укрыться дѣйствія ребенка. Великій и въ этой густой толпѣ замѣтилъ бѣднаго маленькаго мальчика; однако жъ, чтобъ не помѣшать его работѣ, взгляды-валъ на него только изрѣдка и какъ бы мимоходомъ. Служба кончилась, народъ почтительно подался назадъ и очистилъ государю довольно просторную дорогу къ вратамъ западнымъ; но вдругъ, къ общему изумленію, Петръ поворотилъ къ южнымъ и прямо къ бѣдному мальчику, который въ это время былъ такъ занятъ своимъ дѣломъ, что даже не слышалъ шума отъ хлынушаго, разступившагося народа; но легкой ударъ царя по плечу вывелъ его изъ задумчивости. Мальчикъ поднялъ глаза свои, и, вмѣсто ожидаемаго смущенія и испугу, на лицѣ его просіяли радость и удовольствіе.

— «Что ты дѣлалъ во время обѣдни?» кротко и ласково спросилъ его государь.

— «Чертилъ ликъ твой», отвѣчалъ смѣло и не запинаясь прекрасный мальчикъ.

— «Зачѣмъ?»

«Земля русская полна славою твоею; все восхваляютъ тебя. Я хотѣлъ для себя на память сохранить образъ твой и носить его при себѣ до гроба. И слезы брызнули изъ глазъ его, какъ онъ ни силился удержать ихъ.

— «Ну-ка, покажи!»

И бѣдный мальчикъ, до того отличившійся смѣлостью и неустрашимостью, вдругъ ужасно какъ испугался, оробѣлъ; вспыхнувши до ушей, дрожащею рукою онъ подаль лоскутокъ бумаги. Что, вы думаете, было на этомъ лоскуткѣ бумажки? Вѣрно схваченный образъ Петра Великаго? Какъ бы не такъ!.. Это было какое-то странное, смѣшное очертаніе, едва похожее на лицо человѣческое. Но тотъ, кто изъ низшей массы народа избралъ Меншикова и Шафирова, тотъ съ перваго разу угадалъ призваніе и назначеніе мальчика. Судьба его рѣшена—и передъ вами является извѣстный первый русскій гофъ-малеръ Матвѣевъ.

83. Квартетъ.

Проказница мартышка, осель, козелъ да косолапый Мишка затѣяли сыграть квартетъ. Достали нотъ, баса, альты, двѣ скрип-

ки, и сѣли на лужокъ подь лишки, плѣнять своимъ искусствомъ свѣтъ. Ударили въ смычки, деруть, а толку нѣтъ.

«Стой, братны, стой!» кричитъ мартышка, «погодите! Какъ музыкѣ идти? вѣдь вы не такъ сидите. Ты съ басомъ, Мишенька, садись противъ альты, я, прима, сяду противъ вторы; тогда пойдетъ ужъ музыка не та: у насъ запляшутъ лѣсъ и горы!»

Разсѣлись, начали квартетъ; онъ все-таки на ладъ нейдетъ.

— «Постойте жъ, я сыскалъ секретъ», кричитъ осель; «мы вѣрно ужъ поладимъ, коль рядомъ сядомъ.»

Послушались осла: усѣлись чинно въ рядъ; а все-таки квартетъ нейдетъ на ладъ.

Вотъ пуще прежняго пошли у нихъ разборы и споры, кому и какъ сидѣть. Случилось соловью на шумъ ихъ прилетѣть. Тутъ съ просьбой всѣ къ нему, чтобъ ихъ рѣшить сомнѣнье: — «Пожалуй», говорятъ, «возьми на часъ терпѣнье, чтобы квартетъ въ порядокъ нашъ привести: и ноты есть у насъ, и инструменты есть; скажи лишь, какъ намъ сѣсть!»

— «Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнье и уши вашихъ понѣжиѣй», имъ отвѣчаетъ соловей; «а вы, друзья, какъ ни садитесь, все въ музыканты не годитесь.»

Крыловъ.

84. Находчивость русскаго солдата.

Часовой, стоявшій у пристани на рѣкѣ, увидѣлъ, что офицеръ шелъ мимо него по льду прямо на широкую полынью, которую чуть только подернуло льдомъ и запырило снѣгомъ. Часовой сталъ кричать офицеру, чтобы онъ туда не ходилъ; но за сильнымъ встрѣчнымъ вѣтромъ офицеръ не могъ слышать: оглянулся было, но пошелъ опять своимъ путемъ. Часовой закричалъ ему въ другой разъ изо всей силы, и когда офицеръ опять на него оглянулся, то часовой брякнулъ ему ружьемъ на погребень. Офицеръ поглядѣлъ, призадумался и подошелъ ближе спросить, что это значитъ. Часовой растолковала ему дѣло, и спасъ такимъ образомъ офицера отъ смерти.

В. Даль.

85. Стрелевая лошадь.

Въ военное время остановился въ одномъ городкѣ на корот-

кое время гусарскій полкъ. Крестьянинъ Климъ, который не только торговалъ лошадьми, но также и кралъ ихъ, подмѣтилъ стоящую у воротъ красивую лошадь, и угналъ ее въ лѣсъ. Когда гусары выступили изъ городка, Климъ отправился въ отдаленную страну, на ярмарку, чтобы продать тамъ украденную лошадь.

Дорогою онъ долженъ былъ проѣзжать черезъ одинъ городъ. Климъ побоялся показаться въ городъ на украденной лошади и рѣшился объѣхать его стороною. Недалеко отъ городской стѣны онъ увидѣлъ въ полѣ эскадронъ драгуновъ. Начиалось учение. Лишь только раздался звукъ трубы, какъ лошадь Клима перепрыгнула черезъ ровъ на большую дорогу, понеслась съ дороги въ поле и, примкнувъ къ драгунамъ, дѣлала по командѣ всѣ обороты, то рысью, то вскачь, съ величайшею точностію. Солдаты смѣялись надъ испуганнымъ конокрадомъ, но ему было не до смѣха: отъ страха катился съ него потъ градомъ.

По окончаніи ученія офицеры и солдаты окружили Клима, а начальникъ отряда сказалъ ему: «Эта лошадь офицерская; она красива и хорошо обучена. Откуда ты взялъ ее?» Климъ смѣшался, отвѣчалъ, что купилъ, однако жъ не могъ сказать — у кого. И такъ онъ былъ обличенъ въ похищеніи и наказанъ по закону.

86. Награда по заслугамъ.

Петръ Великій, бережливый въ своихъ расходахъ, щедро награждалъ людей, служившихъ ему вѣрно. Онъ жаловалъ многихъ деревнями въ завоеванныхъ провинціяхъ, даже вдовамъ и сиротамъ морскихъ и полевыхъ офицеровъ назначалъ пенсіи. Однажды доложили ему объ иностранцѣ, который прослужилъ около 30 лѣтъ и теперь за старостию и слабостию здоровья не можетъ продолжать службу, и просили разрѣшенія государя: назначить ли ему при отставкѣ полное, или половинное жалованье? Государь отвѣчалъ съ неудовольствіемъ: «Какъ же! Развѣ тотъ въ старости долженъ терпѣть нужду, кто лучшія лѣта свои посвятилъ мнѣ на службу? Выдавайте ему полное жалованье и не принуждайте его къ службѣ, если онъ не въ состояніи болѣе служить; но совѣтуйтесь съ нимъ о дѣлахъ, касающихся прежней его службы, и пользуйтесь его искусствомъ. Кто бы захотѣлъ

служить мнѣ, еслибъ зналъ напередъ, что я, которому онъ посвятилъ лучшіе годы свои, въ старости оставлю его въ нуждѣ и бѣдности?»

87. Мужикъ и царедворецъ.

Оралъ мужикъ въ полѣ и выоралъ самоцвѣтный камень. Идетъ домой, а на встрѣчу ему сосѣдъ, такой стародревній; показалъ ему камень: «кому гоже?» — Неси, говоритъ, къ царю. Понесъ; приходитъ во дворецъ и повстрѣчалъ царедворца. Поклонился ему до земли: «Батюшка, доведи до царя!» — Зачѣмъ тебѣ нужно? «Несу изъ деревни подарокъ.» — Ну, мужичокъ, чѣмъ царь тебя наградить, отдай мнѣ половину; а не хочешь, — во вѣкъ не дойти тебѣ до царя. Мужикъ согласился.

Вотъ царедворецъ довелъ его до самаго царя. «Благодарю, мужичокъ! говоритъ царь; вотъ тебѣ въ награду за то двѣ тысячи рублей.» Мужикъ палъ на колѣни: «Не надо мнѣ, царь-государь, иной награды, кромѣ пятидесяти стегей въ спину.» Возжалъ его царь, и приказалъ дать ему пятьдесятъ стегей легонько. А мужичокъ зачалъ считать; какъ дали двадцать пять, онъ и закричалъ; «Полно, будетъ-съ меня; другая половина посулена тому, что довелъ меня до вашего царскаго величества. Позвали царедворца, и сполна отсчитали половину награды, какъ слѣдовало; только онъ не радъ былъ такой наградѣ. Царь поблагодарилъ мужика и подарилъ ему цѣлыхъ три тысячи.

88. Петръ Великій подъ судомъ.

По взятіи Риги императоръ Петръ Великій наградилъ генералъ-фельдмаршаловъ, князя Меншикова и графа Шереметьева, гаками (участками) въ завоеванной землѣ. Одинъ изъ подобныхъ гаковъ принадлежалъ рижскому гражданину, который, не зная за собою никакихъ преступленій, просилъ государя объявить, за что у него отнять гакъ. Монархъ, выслушавъ его просьбу, сказалъ ему, что если онъ правъ, то можетъ судомъ отыскивать принадлежащее ему. Гражданинъ написалъ просьбу на Меншикова, какъ на насильственнаго завладѣтеля его гака; судьи приняли просьбу. Но Меншиковъ объявилъ, что гакъ пожалованъ

ему отъ государя. Дѣло по повелѣнію монарха продолжалось. Петръ I-й призываемъ былъ въ судъ, и наконецъ было рѣшено возвратитъ какъ просителю, а государя обвинили. Когда монархъ выслушалъ рѣшеніе, то поблагодарилъ судей за безпристрастіе, поцѣловалъ каждого изъ нихъ въ голову, и сказалъ, что когда онъ повинуется закону, то да не дерзнетъ никто на противное.

89. Арабское судопроизводство.

Однажды въ городѣ Багдадѣ турецкій купецъ потерялъ кошелекъ съ 200 червонцевъ. Онъ поручилъ объявить о потерѣ публичному крикуну, обѣщая нашедшему половину. Является матросъ, и требуетъ обѣщанной награды. Желая отдѣлаться, купецъ увѣряетъ, что въ кошелекѣ, кромѣ 200 червонцевъ, находился еще драгоценный камень, и что матросъ, для полученія обѣщанной награды, долженъ возвратитъ алмазъ. Матросъ клянется, что не видалъ камня. Купецъ однако жъ обвиняетъ его въ похищеніи алмаза и жалуется судѣ; а какъ этотъ не въ состояніи рѣшитъ дѣло, то обоихъ ведутъ къ великому визирю. Выслушавъ жалобу купца, визирь произнесъ слѣдующій приговоръ: «Въ кошелекѣ, который ты потерялъ, находился, кромѣ 200 червонцевъ, еще драгоценный камень; матросъ же увѣряетъ, что въ найденномъ имъ кошелекѣ находились только одни червонцы: слѣдовательно ясно, что этотъ кошелекъ не тотъ, который ты потерялъ. Чтобы не ошибиться вторично, вели публичному крикуну объявлять о потерѣ кошелька съ 200 червонцами и алмазомъ. Что же касается до матроса, то онъ долженъ хранить у себя находку въ теченіе 40 дней, а потомъ, если не явится потерявшій его, онъ можетъ считать его своею собственностію.» Такимъ образомъ несправедливый купецъ былъ наказанъ за свою жадность и неблагодарность.

90. Правосудіе.

«Подайте милостыню ради правовѣрныхъ!» прокричали жалобнымъ голосомъ два странника подъ окномъ богатаго дома кади Гусейна, который сидѣлъ на роскошномъ диванѣ и читалъ книгу.

— Да подасть вамъ великій пророкъ, сказалъ кади, облокотясь на окошко.

«Подайте милостыню ради пророка!» снова повторили странники.

— Нишіе, убирайтесь прочь! закричалъ грозно кади, и съ досады бросилъ книгу на полъ.

«О, сжальтесь надъ нами и подайте милостыню хотя ради истиннаго Аллы!» со слезами повторили странники. Тогда кади вскочилъ съ дивана и закричалъ страшнымъ голосомъ: «Гей, невольники! Махмудъ, Азаметь, свяжите этихъ бродягъ и бросьте въ темницу! Но странниковъ уже не было.

Прошло послѣ сего три дня; у кади было многочисленное собраніе. Все, что роскошь востока изобрѣла, было видно въ огромныхъ залахъ его, и онъ, облокотясь на окошко, стоялъ съ великимъ муфтіемъ и смотрѣлъ на окрестности Багдада, когда къ окну подошли два странника.

«Радость и веселіе у тебя, великій кади», сказали жалобно два странника; «удѣли и бѣднымъ частицу оныхъ.»

— Великій муфтіи! вотъ уже второй разъ приходятъ сіи бродяги докучать мнѣ», сказалъ кади. — Что смотритъ мудрый халифъ нашъ? Онъ теперь спитъ, а намъ не приказываетъ брать въ темницу сихъ праздношатающихся; но я ослушаюсь и прикажу ихъ заковать въ желѣзо, дабы они не бродили по улицамъ Багдада. Гей! закричалъ грозно кади своимъ невольникамъ: подите, свяжите сихъ бродягъ.

Въ это время странники вошли въ залу собранія, и одинъ изъ нихъ, сбросивъ скудную епанчу свою, сказалъ грознымъ голосомъ: «Кади! такъ-то ты сострадателенъ и правосуденъ къ бѣднымъ? Я полагаю видѣть въ тебѣ милосердаго и справедливаго судію моего народа, но горько ошибся. Джафаръ! возьми сего ничтожнаго червя и суди по мудрымъ законамъ нашимъ. Пусть знаютъ всѣ, что государя обмануть не можно, и что — рано ли, поздно ли — худыя дѣла будутъ открыты и наказаны.»

Все собраніе поверглось въ прахъ, узнавъ въ говорящемъ своего государя, халифа Гаруна аль-Рашида, а въ товарищѣ его великаго визиря Джафара.

91. Странникъ.

Въ одномъ прекрасномъ замкѣ, отъ котораго въ настоящее время не осталось ни одного камня, жилъ богатый рыцарь. Онъ

тратилъ много денегъ на великолѣпное украшеніе своего замка, но бѣднымъ мало дѣлалъ добра.

Однажды пришелъ въ замокъ странникъ, и просилъ ночлега. Рыцарь гордо отказалъ страннику и сказалъ: «этотъ замокъ не гостинница». Тогда странникъ сказалъ: «позвольте мнѣ предложить вамъ только три вопроса». Рыцарь отвѣчалъ: «спрашивай, сколько угодно; я охотно буду отвѣчать».

И странникъ спросилъ: «кто до васъ жилъ въ этомъ замкѣ?»

— «Мой отецъ», отвѣчалъ рыцарь.

«А до него кто жилъ въ немъ?»

— «Мой дѣдъ.»

«А послѣ васъ кто будетъ жить въ этомъ замкѣ?»

— «Надѣюсь, сынъ мой.»

«И такъ, продолжалъ странникъ, если каждый живетъ въ этомъ замкѣ только опредѣленное время и потомъ уступаетъ свое мѣсто другому, то кто всѣ вы, какъ не гости? Значитъ замокъ этотъ дѣйствительно гостинница. Не тратьте же такъ много денегъ на украшеніе этого дома, который можетъ давать вамъ пріютъ только на самое короткое время; лучше дѣлайте больше добра бѣднымъ.»

Рыцарь принялъ къ сердцу эти слова, далъ ночлегъ страннику, и съ этого времени сдѣлался гораздо сострадательнѣе къ бѣднымъ.

92. Вѣзливость украшаетъ всякое состояніе.

Одинъ знатный и богатый человѣкъ, управлявшій цѣлою провинціею, встрѣтился однажды съ другимъ, такимъ же богатымъ и знатнымъ лицомъ, и вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Въ то самое время проходилъ мимо этихъ господъ бѣдный крестьянинъ, и очень вѣжливо поклонился имъ, на что губернаторъ отвѣчалъ очень привѣтливо. «Какъ!» замѣтилъ ему другой господинъ, съ которымъ тотъ говорилъ: «вы, ваше превосходительство, унижаетесь до того, что отвѣчаете на поклонъ какогонибудь ничтожнаго мужика?!»—А почему же и не отвѣчать? возразилъ ему губернаторъ;—я не хочу, чтобы какой нибудь бѣдный мужикъ, не получившій никакого образованія, былъ вѣзливѣе меня.

93. Наклонись.

Когда знаменитый Вениаминъ Франклинь былъ еще восемнадцатилѣтнимъ юношею, ему однажды случилось посѣтить священника Медера въ Бостонѣ, который принялъ его весьма ласково и, при уходѣ, вывелъ кратчайшимъ путемъ изъ своего дома. Но выходная дверь была такъ низка, что взрослому человѣку нужно было наклониться, чтобы не стукнуться о поперечную балку. Франклинь, уходя, продолжалъ разговаривать съ ласковымъ хозяиномъ, и потому не обратилъ вниманія на дорогу передъ собою. «Наклонись, наклонись!» вскричалъ священникъ, но въ ту самую минуту Франклинь ударился лбомъ о балку. «Эта маленькая неприятность», сказалъ улыбаясь священникъ, «можетъ послужить тебѣ наукою; не забывай ея. Ты молодъ и передъ тобой жизнь; наклоняйся почаще на пути, и ты избѣгнешь многихъ жестокихъ ударовъ.»

Это наставленіе сдѣлало такое глубокое впечатлѣніе на молодого Франклина, что онъ помнилъ его еще, будучи 80-лѣтнимъ старикомъ, и рассказывалъ этотъ анекдотъ сыну упомянутаго священника, присовокупивъ: «этотъ добрый совѣтъ вашего покойнаго батюшки былъ мнѣ чрезвычайно полезенъ; и теперь еще онъ приходитъ мнѣ на мысль, когда я вижу, какъ гордость часто бываетъ пристыжена, и какъ многіе губятъ себя только тѣмъ, что слишкомъ высоко держатъ голову».

94. Персіанинъ и сынъ его.

Одинъ Персіанинъ съ девятилѣтнимъ своимъ сыномъ отправился изъ деревни въ городъ Тегеранъ, чтобы продать тамъ осла своего. Дорога была весьма дурная, по причинѣ сильныхъ дождей, которые уже нѣсколько дней сряду шли безостановочно. Пройдя нѣсколько сотъ шаговъ, Персіанинъ сѣлъ на осла и продолжалъ путь свой верхомъ, между тѣмъ какъ сынъ его шелъ пѣшкомъ. Попадаетя имъ на встрѣчу прохожій и, видя, что малютка тащится по грязи, кричитъ старику: «Не стыдно ли тебѣ сидѣть на ослѣ, когда ребенокъ чуть тащится за тобой?» — Персіанинъ, подумавъ, нашель, что прохожій правъ, и потому слѣзаетъ съ осла и сажаетъ на него мальчишку своего. Едва прошли они такимъ образомъ шаговъ двадцать, какъ вдругъ имъ кричитъ другой прохожій: «Экой недогадливый, что бы

ему съѣсть вмѣстѣ съ малюткой на осла; нѣтъ, охота же ему тащиться по грязи. — Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ про себя нашъ путешественникъ, вѣдь я могу съѣсть вмѣстѣ съ сыномъ. Сказалъ и сѣлъ. Только едва выѣзжаютъ они въ городъ, какъ со всѣхъ сторонъ окружаетъ ихъ народъ крича: «Экіе безсовѣстные! сидятъ себѣ спокойно, и не видятъ, что тварь едва передвигаетъ ноги.» И пошли ругательства и насмѣшки. — Ахъ, Господи! вскричалъ нашъ старикъ, слѣзая съ осла; ну, какъ на всякаго угодить? Нѣтъ! вскричалъ онъ, сбуду же скорѣе этого осла; съ нимъ только бѣда и хула. Пошелъ и продалъ осла. Помни: на всякаго не угодишь. Послушать всѣ людскія рѣчи, придется и осла взвалить себѣ на плечи.

95. Пастушья свирѣль.

Какому-то царю однажды донесли, что его казначей, къ которому онъ имѣлъ большое довѣріе, похищаетъ государственныя сокровища и прячетъ ихъ въ своемъ домѣ, въ какой-то особенной комнатѣ, за желѣзною дверью. Царь отправился лично въ домъ казначея, велѣлъ показать себѣ таинственную комнату и отпереть желѣзную дверь. Но какъ велико было его изумленіе, когда онъ въ этой комнатѣ, вмѣсто похищенныхъ сокровищъ, увидѣлъ только — четыре голыя стѣны, продолговатый столъ и соломенный стулъ! На столѣ лежали пастушеская свирѣль и пастушеская сума. Изъ окна комнаты былъ превосходный видъ на зеленые луга и лѣсистыя горы. Казначей сказалъ царю: «Въ моей юности я пасъ овецъ. Ты, государь, взялъ меня къ своему двору. Съ тѣхъ поръ я провожу въ этой комнатѣ ежедневно по нѣскольку минутъ и, смотря отсюда на луга и лѣса, съ удовольствіемъ вспоминаю о моемъ прежнемъ состояніи. Ахъ, тогда въ бѣдной хижинѣ я былъ счастливѣе, чѣмъ теперь въ богатыхъ палатахъ!» — Лучше жить въ неизвѣстности, но спокойно, чѣмъ быть знатнымъ и подвергаться напраснымъ клеветамъ и преслѣдованіямъ.

96. Пословицы о добрѣ и худѣ, о правдѣ и лжи.

Какъ поживешь, такъ и прослывешь. Кто за худымъ пойдетъ, тотъ добра не найдетъ. На злодѣѣ и шапка горитъ. Честь

на волоскѣ висить. а потеряешь, такъ и канатомъ не привяжешь. Добраго не бѣгай, а худого не дѣлай. Будь голъ, да не воръ, а бѣдень, да честень. Рцы слово твердо! Стой за правду горой, и Богъ съ тобой. Правда ходитъ въ лаптяхъ, а неправда въ кривыхъ сапогахъ. Правда избавляетъ отъ смерти. Все минется, одна правда остается. Царю правда лучшей другъ. Засыпъ правду золотомъ, а она всплыветъ. Дѣроги твои сорокъ соболей, а на правду пѣны пѣтъ. Живи не ложью, все будетъ по Божью. Въ комъ честь, въ томъ и правда. Судя праведный— ограда каменная. Праведному законъ не писанъ. Правда глаза колетъ. Правду всякъ хвалить, да не всякъ ее хранить. Кто вчера солгалъ, тому и завтра не повѣрятъ. Ложь ходитъ на гнилыхъ ногахъ. У лжеца на одной недѣлѣ семь пятницъ. Кто лжетъ, тотъ и крадетъ. Берегись козла спереди, лошади сзади, а лихого человекъ со всѣхъ сторонъ.

97. Тишина ночи.

Въ глубинѣ бездонной, полны чудныхъ силъ, идутъ миллионы вѣковыхъ свѣтилъ. Тускло освѣщенный блѣдною луной, городъ утомленный смолкъ во тьмѣ ночной. Спитъ онъ, очарованъ чудной тишиной, будто заколдованъ властью неземной. Лишь объять дремотой, закричитъ порой сторожъ беззаботный въ улицѣ пустой. Кажется мѣръ сонный, полный сладкихъ грезъ, отдохнуль спокойно отъ заботъ и слезъ. Но взгляни: вотъ домикъ освѣщенъ огнемъ, на столѣ покойникъ ждетъ могилы въ немъ. Онъ, бѣднякъ голодный, утѣшенъя чуждъ, кончилъ вѣкъ безплодный тайной жертвой нуждъ. Дочери не спится. Въ уголкѣ сидитъ... и въ глазахъ мутится, и въ ухахъ звенитъ. Ночь минетъ,— быть можетъ, Христа ради ей кто нибудь поможетъ изъ чужихъ людей. Можетъ быть, какъ нищей, ей на гробъ дадутъ, въ гробѣ на кладбище старика снесутъ.... И никто не знаетъ, что въ нѣмой тоскѣ сирота рыдаетъ въ тѣсномъ уголкѣ. Мѣръ заснулъ.... и только съ неба видитъ Богъ тайны жизни горькой и людскихъ тревогъ.

Никитинъ.

98. Какъ правда теряется.

Въ городѣ нашемъ жилъ давно одинъ страстный охотникъ

до собакъ всякаго рода. Можно было знать навѣрное, что онъ всякую приметь къ себѣ въ домъ и еще будетъ благодарить, какъ за какое нибудь благодѣяніе, того, кто приведетъ ее къ нему. Вотъ въ одинъ день разнеслась по городу нашему странная новость, будто къ этому охотнику одинъ мальчикъ принесъ собаку о двадцати головахъ. Это говорилъ человекъ, слышавшій о томъ отъ жены своей. Съ удивленіемъ спрашивали все у ней, правда ли это? «Да, отвѣчала она, совершенная правда.»—Вы видѣли это собственными глазами?— «Нѣтъ, мои милые, не собственными; но все равно, мнѣ сказывалъ на рынкѣ одинъ купецъ, который бываетъ въ домѣ у этого собачьяго охотника.

Вотъ любопытные пошли и на рынокъ, къ этому купцу, и спрашивали у него, что за собака о двадцати головахъ. «Я ее не видалъ, отвѣчалъ онъ; да я и не говорилъ о двадцати головахъ, а только о десяти. Это правда, мнѣ сказывалъ дворникъ изъ того дома.»

Нѣкоторые изъ любопытныхъ побѣжали даже и къ дворнику, спрашивали его, гдѣ это чудо, и просили показать имъ собачку о десяти головахъ. «Кто это выдумалъ — о десяти головахъ? заворчалъ сердито Андрей. Я сказалъ только о двухъ.»—Такъ кто же выдумалъ, что о десяти?— «Да ужъ не я же, отвѣчалъ угрюмый Андрей; я слышалъ, какъ говорили, что принесли собаку о двухъ головахъ, а больше я ничего не знаю; да я еще и не ходилъ посмотрѣть на эту диковину: работы столько, что вздохнуть некогда.»

Какъ быть! Добрались до самого охотника, и ну просить его показать имъ собаку о двухъ головахъ. Удивился онъ такой сказкѣ, и никогда не добрался бы, кто сочинилъ ее, если бы не вошла въ эту минуту жена его и не объяснила дѣла. «Добрые люди, сказала она, у насъ нѣтъ никакой ни двадцатиголовой, ни двухголовой собаки; я говорила только мальчику, который принесъ намъ обыкновенную собачку дворняжку, выброшенную на рѣку, только вчера покрывшуюся льдомъ: развѣ онъ о двухъ головахъ, что пускается ходить по такому тонкому льду?»

III. ИЗЪ СЕЛЬСКАГО БЫТА.

А. ДЕРЕВНЯ.

99. Городъ и деревня.

Что такое деревня? Чѣмъ отличается деревня отъ города? Что есть въ ней такого особеннаго, чего нѣтъ въ городѣ, и на оборотъ, что есть въ городѣ, чего нѣтъ въ деревнѣ?

Въ городѣ дома большіе, красивые, по большей части каменные, въ два, въ три этажа, а въ большихъ городахъ и еще выше; они стоятъ ровными рядами, одинъ вплотъ подлѣ друго-го. Между рядами домовъ проходятъ улицы, по большей части ровныя, гладкія, мощеныя; на улицахъ встрѣчается много идущихъ и ѣдущихъ, и не столько крестьянъ, какъ купцовъ, ремесленниковъ и чиновниковъ. Часто встрѣчаются лавки, магазины, въ которыхъ продаются разные товары; встрѣчаются заводы, фабрики. Лѣсу, полей, луговъ въ городѣ нѣтъ; только подлѣ иныхъ домовъ сады, да въ иныхъ городахъ мѣстами встрѣчаются парки и небольшія, ровныя, расчищенныя лужайки, или незастроенныя еще пустыри. Лѣтомъ въ городѣ видишь мало зелени и цвѣтовъ: потому изъ многихъ городовъ на лѣто большая часть жителей разѣзжаются по дачамъ и деревнямъ.

За городомъ, напротивъ, много открытаго, незастроеннаго мѣста, гдѣ нѣтъ ни домовъ, ни какихъ либо другихъ зданій; за городомъ, куда ни помотришь, вездѣ увидишь поля, луга, лѣсъ съ деревьями и кустарниками. Лѣтомъ все зелено кругомъ, все цвѣтеть.

Около иныхъ городовъ есть дачи, т. е. ближайшія къ нимъ окрестности застроены домиками, въ которыхъ горожане проводятъ лѣто. Тутъ не совсѣмъ городъ, но и не совсѣмъ еще деревня: мало простору, мало полей, луговъ и лѣсу; мало живетъ крестьянъ земледѣльцевъ, или вовсе не живетъ. Тутъ жизнь обитателей болѣе походитъ еще на городскую.

Но подальше отъ города, — тамъ только начинается настоящая деревня. Тамъ ѣдешь версту, другую, третью, иногда пройдешь десять верстъ сряду—и все видишь около себя только луга, да поля, да лѣсъ. Черезъ нѣсколько верстъ, а въ иныхъ мѣстахъ и черезъ нѣсколько десятковъ верстъ разстоянія одно отъ другого, встрѣчаются *селенія*, состоящія изъ крестьянскихъ домовъ; но эти дома, называемые *избами*, совсѣмъ не такіе, какъ городскіе, а особеннаго вида и устройства: небольшіе, низенькіе, бревенчатые. Окно съ лицевой стороны помѣщается въ рядъ не болѣе двухъ или трехъ, а съ другихъ сторонъ и того менѣе. Окна эти маленькія, въ вышину почти такія же, какъ въ ширину. Тесовая крыша спускается на двѣ боковыя стороны избы длиннымъ навѣсомъ, въ видѣ шатра. У тѣхъ избъ, которыя побольше и покрасивѣе, и которыя принадлежатъ зажиточнымъ крестьянамъ, по краямъ крыши идетъ рѣзба, иногда довольно искусно и затѣливо сдѣланная; такую же рѣзбою украшены иногда ставни у оконъ, или расписаны яркими красками. Подлѣ каждой крестьянской избы—огородъ, а на нѣкоторомъ разстояніи отъ избы гумно, амбарикъ, или какое нибудь хозяйственное строеніе. Скотные хлѣвы бываютъ обыкновенно пристроены къ самой избѣ, съ задней стороны, или съ боку. Въ огородѣ гряды, на которыхъ посажены самые необходимые овощи, употребительные въ крестьянскомъ быту.

Но въ деревнѣ бываютъ не однѣ крестьянскія избы. Тутъ встрѣчаются еще, и на такихъ же разстояніяхъ, какъ селеніе отъ селенія, отдѣльно стоящія усадьбы помѣщиковъ, т. е. красивые господскіе домики, окруженные разными хозяйственными строеніями, съ садомъ или огородомъ, къ нему примыкающимъ.

100. Изба.

Небо въ часъ дозора обходя, луна свѣтитъ сквозь узора мерзлаго окна. Вечеръ зимній длится; дѣдушка въ избѣ на печи ложится, и ужъ спитъ себѣ. Помолися Богу, улеглася мать; дѣти понемногу стали засыпать. Только за работой молодая дочь борется съ дремотой во всю долгу ночь, и лучина блѣдно передъ ней горитъ. Все въ избушкѣ блѣдной тишиной томитъ; лишь звучитъ докучно болтовня одна прялки однозвучной да веретена.

Огаревъ.

101. Загадка.

Пляшу по горницѣ съ работою моею, чѣмъ болѣе верчусь, тѣмъ болѣе толстѣю.

102. Крестьянинъ и топоръ.

Мужикъ, избу рубя, на свой топоръ озлился; пошелъ топоръ въ худыхъ; мужикъ взбѣсился: онъ самъ нарубить вздоръ, а виноватъ во всемъ топоръ: бранить его, хоть какъ, мужикъ найдеть причину.

«Негодный!» онъ кричитъ однажды: «съ этихъ поръ ты будешь у меня обтесывать тычину; а я съ моимъ умѣньемъ и трудомъ, притомъ съ досужестью моею, знай, безъ тебя прибавиться умѣю, и сдѣлаю простымъ ножомъ, чего другой не срубить топоромъ».

—«Рубить, что мнѣ велишь, моя такая доля», смиренно отвѣчалъ топоръ на окрикъ злой; «и такъ, хозяинъ мой, твоя святая воля, готовъ тебѣ я всячески служить; да только ты смотри, чтобъ послѣ не тужить: меня ты по-пусту иступишь, а все ножомъ избы не срубишь.»

Крыловъ.

103. Внутренность избы.

Въ низенькой свѣтелкѣ, съ створчатымъ окномъ, свѣтится лампада въ сумракѣ ночномъ: слабый огонечекъ то совсѣмъ замретъ, то дрожащимъ свѣтомъ стѣны обольетъ. Новая свѣтелка чисто прибрана: въ темнотѣ блѣдетъ занавѣсъ окна; полъ отшуганъ гладко, ровень потолокъ; печка развальная стала въ уголокъ. По стѣнамъ укладки съ дѣдовскимъ добромъ, узкая скамейка, крытая ковромъ, крашенные пяльцы съ стуломъ раздвижнымъ и кровать рѣзная съ пологомъ цвѣтнымъ.

Мей.

104. Загадки.

1.

Что за звѣрь: въ зиму ѣсть, а лѣтомъ спать; тѣло теплое,

а крови нѣтъ; сѣсть сядешь на него, но съ мѣста тебя не свезетъ?

2.

Мать толста, дочь красна, внукъ храберъ, подъ небеса ушелъ.

105. Собака и лошадь.

У одного крестьянина служба, собака съ лошадыю считаются какъ-то стали.

«Вотъ», говорилъ Барбосъ, «большая госпожа! По мнѣ хоть бы тебя совсѣмъ съ двора согнали. Велика вещь возить или пахать! Объ удалствѣ твоёмъ другого не слышать; и можно ли тебѣ равняться въ чемъ со мною? Ни днемъ, ни ночью я не вѣдаю покою: днемъ стадо подъ моимъ надзоромъ на лугу, а ночью домъ я стерегу».

— «Конечно», лошадь отвѣчала, «твоя правдива рѣчь; однако же когда бъ я не пахала, то нечего бъ тебѣ здѣсь было и стеречь.»

Крыловъ.

106. Пчела и курица.

Съ пчелою курица затѣяла считаются и говоритъ пчелѣ: «Ну подлинно, пчела, ты въ праздности одной весь вѣкъ свой прожила. Тебѣ бы тѣмъ лишь заниматься, чтобъ на цвѣтокъ съ цвѣтка летать, да медь съ нихъ собирать. И впрямъ, о чемъ тебѣ стараться? Довольно, что лишь мы не въ праздности живемъ и въ день по ящику несемъ».

— «Не смѣйся», курица пчела на то сказала, «что я тебѣ не подражала; когда ты, вставъ съ гнѣзда, съ надсадою кричишь, что ты яйцо снесла, и всѣмъ о томъ твердишь: такъ ты и заключала, что праздно я живу. Нѣтъ, нѣтъ! ты ошибаешься, мой свѣтъ! А въ улей загляни; споръ тотчасъ нашъ рѣшится; узнаешь, кто изъ насъ побольше трудится: мы, нашей матери наставлены умомъ, прилежностью, трудомъ себѣ уютный строимъ домъ и пищу со цвѣтовъ собираемъ; избытокъ нашъ съ людьми дѣлимъ,

ихъ яствы услаждаемъ, во тьмѣ ихъ освѣщаемъ; а жало для враговъ и трутней лишь хранимъ.»

Хемницеръ.

107. Загадка.

Не княжеской породы, а ходитъ съ короной; не ратный фз-докъ, а съ ремнемъ на ногѣ; не сторожемъ стоитъ, а всѣхъ рано будить.

* 108. Пчела и овца.

«Есть ли у тебя животныя, полезныя и благодѣтельныя насъ?» спросила пчела человѣка.

— Разумѣется, есть! возразилъ человѣкъ.

«А именно?»

— Да овца, напримѣръ: ея шерсть мнѣ необходима, а твой медъ мнѣ только *приятель*. Кромѣ того овца имѣетъ еще другое преимущество: она даетъ мнѣ шерсть свою безъ всякаго затрудненія; а ты, отдавая медъ, того и гляди, что *ужалишь*.

109. Свинья подъ дубомъ.

Свинья подъ дубомъ вѣковымъ наѣлась желудей до сыта, до отвала; наѣвшись, выпалась подъ нимъ; потомъ, глаза продравши, встала и рыломъ подрывать у дуба корни стала.

«Вѣдь это дереву вредитъ», ей съ дуба воронъ говорить; «сколь корни обнажишь, оно засохнуть можетъ.»

— «Пусть сохнетъ», говорить свинья; «ни чуть меня то не тревожить; въ немъ проку мало вижу я; хоть вѣкъ его не будь, ни чуть не пожажю; лишь были бъ желуди: вѣдь я отъ нихъ жирѣю.»

— «Неблагодарная!» примолвилъ дубъ ей тутъ; «когда бы вверхъ могла поднять ты рыло, тебѣ бы видно было, что желуди на мнѣ растутъ.»

Крыловъ.

110. Мой садикъ.

Какъ мой садикъ свѣжъ и зеленъ! Распустилась въ немъ сирень; отъ черемухи душистой и отъ лиць кудрявыхъ тѣнь.... Правда, нѣтъ въ немъ блѣдныхъ лилій, горделивыхъ георгинъ; и лишь пестрыя головки возвышаетъ макъ одинъ. Да подсолнечникъ у входа, словно вѣрный часовой, сторожить себѣ дорожку, всю поросшую травой.... Но люблю я садикъ скромный; онъ душѣ моей милѣй городскихъ садовъ унылыхъ съ сѣтью правильныхъ аллей. И весь день въ травѣ высокой, лежа, слушать бы я радъ, какъ заботливыя пчелы вокругъ черемухи жужжать.

Плещеевъ.

*** 111. Гряда гвоздики.**

«Ахъ, маменька! подарите всѣмъ намъ по грядочкѣ цвѣтовъ: мнѣ одну, Сонѣ другую, а Васѣ третью; каждый изъ насъ будетъ ухаживать за своею.» Такъ говорилъ Петя матери, которая, выслушавъ эту просьбу, подарила каждому изъ дѣтей по грядкѣ превосходной гвоздики. Обрадованныя первою въ жизни собственностію, дѣти прыгали отъ радости и говорили: «Вотъ будетъ весело, какъ разовьется наша гвоздика!»

Въ то время эти цвѣты выбрасывали еще только бутоны; однако Петя былъ нетерпѣливъ, не любилъ ожидать и хотѣлъ, чтобы его гвоздика разцвѣла прежде другихъ. Поминутно ходилъ онъ возлѣ своей грядки, бралъ бутоны, засматривалъ во внутрь каждаго, и чрезвычайно обрадовался однажды вечеромъ, когда замѣтилъ, что края листковъ покраснѣли. Проснувшись на другое утро рано, онъ тотчасъ же побѣжалъ въ садъ, въ полной увѣренности, что разцвѣли всѣ его цвѣты; но они едва начали развертываться. Нетерпѣливый Петя придумалъ средство помочь цвѣткамъ: онъ разорвалъ зеленые бутоны, растрепалъ листики, и началъ звать брата и сестру.

— Идите, идите скорѣе! у меня уже разцвѣла гвоздика!

Прибѣжали Вася и Соня, и удивлялись, какъ это могло случиться. Но едва солнце взошло выше, цвѣты наклонили головки — и завяли.

112. Мальчикъ съ пальчикъ.

Жилъ маленькій мальчикъ, былъ ростомъ онъ съ пальчикъ; лицомъ былъ красавчикъ, какъ искры глазенки, какъ пухъ волосенки. Онъ жилъ межъ цвѣточковъ, въ тѣни ихъ листочковъ въ жары отдыхалъ онъ, и ночью тамъ спалъ онъ; съ зарей просыпался, живой умывался росой, наряжался въ листочекъ атласный лилеи прекрасной; проворную пчелку въ свою одноколку изъ легкой скорлупки потомъ запрягалъ онъ, и съ пчелкой леталъ онъ, и жадныя губки съ ней вмѣстѣ впивалъ онъ въ цвѣты луговые. Къ нему золотые цикаты слетались и съ нимъ забавлялись, кружась съ мотыльками, жужжа и порхая и ярко сверкая на солнцѣ крылами. Ночною жъ порою, когда темнотою земля покрывалась, и въ небѣ съ луною одна за другою звѣзда зажигалась: на лугъ благовонный съ лампадой зажженной лазурно-блестящей къ малюткѣ являлся свѣтлякъ, и собирался къ нему въ круговую на пляску почпую рой альфовъ летучій; они, какъ бѣгучій источникъ волнами, шумѣли крылами, сливались, сплетались, проворно качались на тонкихъ былинкахъ, въ перловыхъ купались на травкѣ росинкахъ, какъ искры сверкали и шумно плясали предъ нимъ до полночи. Когда же на очи ему усыпленье подъ пляску и пѣнье сходило, — смолкали и вмгъ исчезали плясуны ночныя; тогда, подъ живые цвѣты угнѣздившись, онъ спалъ подъ защитой ихъ кровли, омытой росой, до восхода зари лучезарной съ границы янтарной небеснаго свода. Такъ милый красавчикъ жилъ, мальчикъ нашъ съ пальчикъ....

Жуковский.

*** 113. Улетѣвшая птичка.**

Горько плача и рыдая, Женя по саду бѣжалъ. Самъ того не замѣчая, ножками цвѣты топталъ. Но до нихъ ему нѣтъ дѣла. Ахъ! изъ клѣтки золотой птичка Жени улетѣла, чтобъ вернуться въ лѣсъ родной. Вотъ на дубъ густой, высокій, сѣла птичка и глядитъ, какъ пріятель одинокій, плача, по саду бѣжитъ.

Вдругъ увидѣлъ онъ летунью и, рученкой ей маия, легкокрылую пѣвунью призываетъ, говоря: Для чего ты улетѣла, пташка милая моя? Что жъ такъ скоро опустѣла клѣтка чудная

твоя! О, вернись ко мнѣ скорѣе! посмотри на домикъ свой; жить въ немъ право веселѣе, чѣмъ въ лѣсу тебѣ зимой! Проволочкой золотистой всю рѣшетку пробралъ я, и пучки травы душистой къ уголкамъ привѣсилъ я. Самый лучший кормъ зернистый для тебя я покупалъ и всегда водичей чистой твой стаканчикъ наполнялъ. Кто жъ теперь по утру будетъ Женю пѣсенкой будить?... Ахъ! тебя онъ не забудетъ... онъ привыкъ тебя любить!

Но напрасно звалъ онъ пташку; та, качаясь на дубу, смотритъ сверху на бѣдняжку и въ отвѣтъ поетъ ему: Какъ, дружокъ мой, ни чудесно въ клеткѣ чудной жить твоей, все жъ въ ней лѣтомъ грустно, тѣсно, все жъ свобода мнѣ милѣй. Но повѣрь, я не забуду, какъ лелѣялъ ты меня; звонкой пѣсенкой все жъ буду по утрамъ будить тебя. Осенью жъ съ тобой прощуся, въ край далекий полечу; а весной опять вернуся и тебѣ все расскажу. Такъ сказавъ, она кивнула на прощанье головой, встрепенулася, вспорхнула—скрывшись изъ виду стрѣлой.

Слово пташечка сдержала: каждый день издалека въ садъ знакомый прилетала, пѣсенкой будить дружка.

* 114. Веселость птички.

Птичка надъ моимъ окошкомъ гнѣздышко для дѣтокъ вьетъ: то соломку тащить въ ножкахъ, то пушокъ въ носку нестеть. Птичка домикъ сдѣлать хочетъ; солнышко взойдетъ, зайдетъ,—цѣлый день она хлопочетъ, но и цѣлый день поетъ. Ночь холодная настанетъ, отъ рѣвки туманъ пойдетъ, птичка душенька устанетъ, спать и пѣть перестаетъ; но чуть утро, птичка снова пѣсно звонко заведетъ: весела, сыта, здорова и поетъ себѣ, поетъ. Люди время убиваютъ, время быстрое идетъ; птичка праздности не знаетъ и поетъ себѣ, поетъ. Отъ чего жъ она счастлива, отъ чего такъ весела? Отъ того, что хлопотлива и лѣнливой не была. Надо утромъ помолиться, — для того она встаетъ очень рано и трудится, и въ трудахъ поетъ, поетъ.

* 115. Капуста.

Въ саду трудолюбивой матери семейства разведено было нѣсколько разныхъ огородныхъ растений. Однажды она сказала ма-

ленькой своей дочкѣ: «Лизенька! видишь ли ты на капустномъ листкѣ жёлтенькія яички; изъ нихъ породятся вредныя гусеницы. Постарайся сегодня послѣ обѣда очистить листки и растереть прилипшія къ нимъ яички; тогда капуста наша останется хороша, свѣжа и зелена. Лиза, полагая, что всегда будетъ время заняться работою, перестала объ этомъ и думать. Мать ея, по болѣзни своей, нѣсколько недѣль не приходила въ садъ; но когда выздоровѣла, то взяла за руку небрежную дѣвочку и подвела ее къ грядѣ капусты. Она вся была изѣдена; оставались только одни стебельки. Пристыженная и испуганная маленькая дѣвочка плакала о своей небрежности; но мать сказала ей: «то, что можно сдѣлать сегодня, дѣлай тотчасъ, и никогда не отлагай до завтрашняго дня».

* 116. Чижъ и голубь.

Чижъ захлопнула злодѣйка западня; бѣдняжка въ ней и рвался, и метался, а голубь молодой падъ нимъ же издѣвался. «Не стыдно ль», говоритъ, «среди бѣла дня попался! Не провели бы такъ меня; за это я ручаюсь смѣло.» Анъ смотришь, тутъ же самъ запутался въ силокъ. И дѣло! впередъ чужой бѣдѣ не смѣйся, голубокъ.

Крыловъ.

117. Лисица и виноградъ.

Голодная кума лиса залѣзла въ садъ; въ немъ винограду кисти рдѣлись. У кумушки глаза и зубы разгорѣлись; а кисти сочныя, какъ яхонты горятъ; лишь то бѣда, висятъ онѣ высоко: отколь и какъ она къ нимъ ни зайдетъ, хоть видитъ око, да зубъ нейметъ.

Пробившись по-пусту часъ цѣлой, пошла и говоритъ съ садаю: «Ну, что жъ! на взгляды-то онъ хорошъ, да зелень—ягодки нѣтъ зрѣлой: тотчасъ оскомину набьешь».

Крыловъ.

118. Притча о дубовой бочкѣ.

Выросъ въ лѣсу, въ зеленой дубравѣ, дубъ, безъ малаго въ

обхватъ толщины, и сталь онъ старѣться, дряблѣть. Пришелъ хозяинъ, срубилъ его и отдалъ въ руки мастеру; мастеръ распилилъ дубъ на доски, изъ досокъ подѣлалъ клепки, собралъ ихъ, связалъ обручами, вставилъ по дну въ уторы—и вышла бочка. За бочку эту люди даютъ три цѣлковыхъ, въ бочкѣ этой люди воду возять, на бочку кто ни посмотритъ, говоритъ, что сработана хорошо, и мастеру на славу и добрымъ людямъ на нужду, и что безъ бочки нельзя жить хозяйствомъ, нельзя жить безъ воды, а возить ее не близко, ведрами не наносишься.

Все бы это хорошо, да бочка наша какъ-то разохлась и рассыпалась. Хозяинъ ли не доглядѣлъ, сами ль клепки промежь собой повздорили да вмѣстѣ жить раздумали,—не знаю; да только рассыпалась бочка вся. Ребятишки растаскали обручи, стали катать ихъ по улицамъ и погонять хворостиной; клепки, подъ ногами навалывшись, пошли то въ печь, то подъ лавку, а о бочкѣ и помину не стало, словно ее и на свѣтѣ не бывало.

Въ притчѣ этой рѣчь идетъ вотъ къ чему: дубъ—это православный прадѣдъ твой; клепки—все его сѣмя, и малъ и великъ; обручи—честь и смиреніе и доброе согласіе, которое держитъ и живитъ и питаетъ односельчанъ; покуда клепки держались обручами, а цѣлая семья добрымъ согласіемъ въ одномъ кружкѣ, потуда все было хорошо, а какъ рассыпались клепки врозь, какъ не стало добраго согласія въ семьѣ, такъ всѣ пропали по разнь, и слуху объ нихъ не стало.

Дружно не грузно, а врозь хоть брось; двѣ головки и въ чистомъ полѣ дыматся, а одна и на шесткѣ гаснетъ.

В. Даль.

119. Грушевое дерево.

Старикъ Матвѣевъ сидѣлъ подъ тѣнью большого грушеваго дерева, которое стояло передъ его домомъ. Его внучата бѣли груши и не могли нахвалиться сладкими плодами.

Тогда дѣдъ сказалъ: я расскажу вамъ, какимъ образомъ это дерево здѣсь выросло. Прошло уже болѣе пятидесяти лѣтъ, какъ я стоялъ однажды здѣсь — гдѣ въ то время ничего не было и гдѣ теперь стоитъ это дерево—и жаловался богатому сосѣду на

свою бѣдность. Ахъ, говорилъ я, я былъ бы совершенно доволенъ, если бы могъ приобрести хоть сто рублей.

Сосѣдъ, который былъ человѣкъ умный, сказалъ: это приобрести не трудно, если только съумѣешь хорошо приняться за дѣло. Вотъ на томъ мѣстѣ, гдѣ ты стоишь, сокрыто въ землѣ больше ста рублей. Тебѣ слѣдуетъ только достать ихъ.

Я былъ тогда еще неопытный молодой человѣкъ, и въ слѣдующую же ночь началъ рыть въ землѣ большую яму, но къ сожалѣнію не нашелъ ни одного рубля.

Когда на другой день сосѣдъ увидѣлъ яму, то такъ засмѣялся, что ухватился за оба бока, и сказалъ: «Я не думалъ, чтобы ты былъ такъ глупъ!.. Но постой, и эта работа не пропала еще. Я подарю тебѣ молодое грушевое деревцо; посади его въ яму, которую ты вырылъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ у тебя появятся рубли.

Я посадилъ молодое деревцо въ землю; оно выросло и стало тѣмъ прекраснымъ большимъ деревомъ, какимъ вы его теперь видите. Отличные плоды, которые оно съ тѣхъ поръ постоянно приносить, доставили мнѣ уже гораздо больше ста рублей, и кромѣ того составляютъ постоянный капиталъ, приносящій значительные проценты. Я не забылъ еще любимой поговорки умнаго сосѣда касательно этого; замѣьте ее и вы: «самый надежный доходъ приносить трудъ и здравый смыслъ».

* 120. Щегленокъ.

Въ сильную стужу щегленокъ началъ биться въ окно поселанина, какъ бы желая влетѣть въ хижину. Поселянинъ открылъ окно и ласково впустилъ милую птичку въ свое жилище. Щегленокъ принялся клевать крошки хлѣба, упавшія со стола. Дѣти поселанина очень полюбили его.

Когда воротилась весна, и кусты покрылись зелеными листьями, поселанинъ отворилъ окно, и маленькій его гость улетѣлъ въ сосѣдную рошу, свиль себѣ гнѣздо и запѣлъ веселую пѣсенку.

И что же? Когда наступила зима, щегленокъ опять прилетѣлъ въ хижину поселанина и привелъ съ собою свою маленькую подругу. И поселанинъ и дѣти его обрадовались, видя, что птичка оказала имъ такое довѣріе; а дѣти высказали при томъ

слѣдующее замѣчаніе: птички смотрятъ на насъ, какъ будто желая сказать что-то.

Правда, отвѣчалъ отецъ; и если бы онѣ могли говорить, то сказали бы вамъ: довѣріе рождаетъ довѣріе, а любовь производитъ любовь.

121. Загадка.

Шапочка алая, жилетка не тканая, кафтанчикъ рябенкій, а ходитъ босикомъ.

122. Добрая слава лучше богатства.

Въ одномъ селѣ жилъ бѣдный работникъ Иванъ; жена его умерла, остался одинъ ребенокъ. Онъ кормилъ его тѣмъ, что зарабатывалъ; но однажды на работѣ онъ сильно простудился, и долженъ былъ съ недѣлю просидѣть дома. Къ концу недѣли у Ивана не оставалось никакого запаса; нечего было ѣсть ни ему, ни ребенку. Ивану оставалось одно—просить милостыни. Съ грустію, полубольной, Иванъ въ сумерки вышелъ изъ своей избушки,—чтобы попросить милостыни. Но страхъ и стыдъ овладѣвали имъ, какъ скоро онъ подходилъ къ воротамъ какого нибудь дома.—«О! какъ тяжело протягивать руку за подаваніемъ», говорилъ онъ самъ себѣ.—И вотъ онъ хотѣлъ уже воротиться домой, какъ вдругъ почувствовалъ, что подъ ногою у него что-то зазвенѣло. Онъ нагибается, и что же? мѣшокъ съ серебряными деньгами. Съ радостію поднялъ онъ мѣшокъ и поспѣшилъ домой. «Теперь, говорилъ онъ самъ себѣ, я не буду бояться голода, есть на что купить хлѣба и мнѣ, и ребенку; мнѣ не нужно будетъ просить милостыни.» Но потомъ внутри его заговорила совѣсть: «Вѣдь деньги не твои, ты не нажилъ ихъ трудомъ; ты долженъ ихъ возратить тому, кому онѣ принадлежатъ.» Иванъ послушался голоса совѣсти, рано утромъ отнесъ деньги къ сельскому старшинѣ и просилъ объявить по селенію о его находкѣ. Хозяинъ денегъ тотчасъ нашелся; то былъ богатый торговецъ скотомъ. Онъ радъ былъ, что его деньги нашлись, и еще болѣе, что ихъ нашелъ честный человекъ; онъ щедро наградилъ бѣднаго Ивана. Все село узнало о его честномъ поступкѣ; всѣ спѣ-

шили облегчить его положеніе, и Иванъ съ тѣхъ поръ не сталъ знать нужды, не надо было ему просить милостыни.

123. Вѣрочка и коноплинка.

Деревенскій староста, пришедшій на поклонъ къ своему господину, вздумалъ принести съ собою коноплинку, только что пойманную имъ въ самомъ гнѣздѣ. Онъ подарилъ ее пятилѣтней Вѣрочкѣ, дочери помѣщика, миленькой малюткѣ, составлявшей утѣшеніе и надежду родителей. Вѣрочка, полная радости, свойственной ей возрасту, схватила птичку, стала ласкать, цѣловать ее и въ восторгѣ побѣжала къ матери.

Маменька, маменька! сказала она: посмотрите, какая хорошенькая коноплиночка? Посмотрите, какъ она щиплетъ меня своимъ носикомъ; послушайте, какъ она поетъ?

— Она плачетъ, отвѣчала мать.

— Она плачетъ! Развѣ она злая? Чего жъ она плачетъ?

— Знаешь ли чего? она была у себя въ гнѣздѣ, и грѣла и кормила своихъ дѣтей, какъ кормятъ и грѣютъ ихъ насѣдки въ курятникѣ; а теперь ее унесли отсюда.

— А ея дѣти? что они будутъ дѣлать?

— Дѣти будутъ плакать, такъ же какъ и она, и будутъ звать ее и, можетъ быть, умрутъ отъ голоду и холоду.

Малютка задумалась; ея большіе голубые глаза устремлялись попеременно то на коноплинку, то на мать, и она сказала:

— Такъ это все равно, что еслибъ у меня отняли мою маменьку?

— Представь себѣ, что такъ и случилось: чего бъ ты пожелала въ такомъ случаѣ?

— Чтобъ мнѣ ее возвратили въ ту же минуту, въ ту же минуту!

— И такъ? спросила мать.

— И такъ! отвѣчала малютка, и пальчики ея, державшіе птичку, разжались. Коноплинка, почувствовавъ свободу, радостно взлетѣла вверхъ и понеслась домой, возвратитъ дѣтямъ счастье и жизнь.

124. Цыганенокъ.

Мальчишка цыганенокъ—для всѣхъ чужой ребенокъ, сиротка

круглый я. Гдѣ есть земля и небо, вода и корка хлѣба, тамъ родина моя.

Пустыня мнѣ обитель; и гдѣ ты мой родитель, и гдѣ ты мать моя? Гдѣ васъ искать по свѣту, и живы ль вы, или нѣту, увы! не знаю я.

Кто отопретъ мнѣ двери? Лѣсныя птицы, звѣри—вотъ вся моя семья. Въ судьбѣ моей безвѣстной отецъ мой Царь небесный, а мать—сыра земля.

125. Шѣсня бѣдника.

Куда мнѣ голову склонить? покинуть я и сирь! Хотѣлъ бы весело хоть разъ взглянуть на Божій миръ.

И я въ семьѣ моихъ родныхъ когда-то счастливъ былъ! но горе спутникъ мой съ тѣхъ поръ, какъ я ихъ скоронилъ.

Сады веселыхъ богачей и нивы ихъ кругомъ. Моя жъ дорога мимо ихъ, съ заботой и трудомъ.

Но я счастливыхъ не дичусь, моя печаль въ тиши: я всѣмъ веселымъ радъ сказать «Богъ помощь!» отъ души.

О щедрый Богъ, не вовсе жъ я Тобою позабытъ! источникъ милости Твоей для всѣхъ равно открытъ.

Въ селеньѣ каждомъ есть Твой храмъ съ сіяющимъ крестомъ, съ молитвой сладкой и съ Твоимъ доступнымъ олтаремъ.

Мнѣ свѣтитъ солнце и луна; любясь на зарю и слыша благовѣсть, съ Тобой, Создатель, говорю.

И знаю: будетъ добрымъ пиръ въ небесной сторонѣ,—тамъ буду праздновать и я! тамъ мѣсто есть и мнѣ!

Жуковский!

126. Персики.

Одинъ помѣщикъ привезъ изъ города пять прекрасныхъ персиковъ. Дѣти его въ первый разъ увидѣли эти плоды, и потому съ удивленіемъ смотрѣли на нихъ и любовались красивою ихъ наружностію и нѣжнымъ пушкомъ. Отецъ раздѣлилъ ихъ четырьмя сыновьямъ своимъ, а остальной достался матери.

Вечеромъ, когда дѣти собрались ужинать, отецъ спросилъ ихъ: «а что, дѣти, каковы персики? вкусны ли?»

— Прекрасные, батюшка, сказалъ старшій; такъ сочны и такъ вкусны! Я косточку спряталъ и выращу изъ нея дерево. «Хорошо», сказалъ отецъ, «это знакъ хозяйства и попеченія о будущемъ, какъ прилично сельскому хозяину.»

— А я персикъ свой тотчасъ съѣлъ, сказалъ младшій, и косточку бросилъ; матушка дала мнѣ еще половину отъ своего. Пресладкій персикъ, такъ и таетъ!

«Ну», сказалъ отецъ, «ты поступилъ не очень благоразумно, но естественно и по дѣтски; для благоразумія еще будетъ время.»

Тогда сказалъ второй сынъ: косточку, которую бросилъ Петруша, я поднялъ и разбилъ; въ ней было зернышко, вкусное какъ орѣхъ. А персикъ свой я продалъ, и мнѣ дали за него столько денегъ, что я, когда поѣду въ городъ, могу купить себѣ за нихъ цѣлую дюжину.

Отецъ покачалъ головою и сказалъ: «конечно, это благоразумно, но не по дѣтски и не натурально.» «А ты Никаноръ?» спросилъ отецъ.

Никаноръ спокойно отвѣчалъ: я персикъ свой отнесъ сыну нашего сосѣда, больному Егорушкѣ. Онъ не хотѣлъ взять его отъ меня, но я положилъ къ нему на постель, и ушелъ.

«Кто жъ изъ васъ, дѣти», сказалъ тогда отецъ, «сдѣлалъ лучшее употребленіе изъ своего персика?»—«Никаноръ», отвѣчали всѣ трое. Но Никаноръ молчалъ; а мать, со слезами на глазахъ, бросилась обнимать его.

127. Присутствіе духа крестьянской дѣвочки.

Московской губерніи, Дмитровскаго уѣзда, въ деревню Коняеву ворвался волкъ; но случившіеся на улицѣ крестьяне прогнали его. Звѣрь кинулся бѣжать вдоль рѣки, гдѣ по несчастію въ то время ходили въ оврагѣ четыре крестьянскія дѣвочки: Настасья — 13, Оекла — 11, Степанида — 10 и Дарья — 7 лѣтъ.

Разъяренный звѣрь бросился на нихъ, и сначала схватилъ самую меньшую, Дарью; но она успѣла вырваться и убѣжать въ деревню. Тогда волкъ бросился на Степаниду, схватилъ ее пастью, перекинулъ себѣ на спину и скрылся въ кусты.

Изъ двухъ оставшихся на мѣстѣ дѣвочекъ одна Оекла не потерялась. Старшую Настасью она послала въ деревню звать людей на помощь, а сама схватила палку и побѣжала вслѣдъ за вол-

комъ. Волкъ же былъ не далеко: остановясь за ближними кустами, онъ грызъ несчастную Степаниду, а она бѣдная громко вопила и стонала. Оекла не только не оробѣла, но еще съ большею смѣлостію подбѣжала къ волку, крича и махая палкою. Звѣрь не выпускалъ добычи изъ своихъ челюстей. Оекла продолжала кричать, подвигаясь ближе и ближе, такъ что наконецъ стала у волка передъ глазами, все махая палкою. Тогда волкъ озлился, бросилъ изгрызенную дѣвочку, поднялся на ноги и оскалилъ кровавые зубы на ея защитницу. Оекла и тутъ не испугалась: она заслонила собою израненную подругу и, продолжая махать палкою, успѣла дать время Степанидѣ взползти кое-какъ на берегъ оврага. Но тутъ Степаниду оставили силы, и она упала на землю въ изнеможеніи; здѣсь нашла ее Настасья, возвращавшаяся изъ деревни, и понесла домой.

Между тѣмъ Оекла, видя, что подруга спасена, стала сама отступать, отмахиваясь палкою отъ звѣря, который въ свою очередь, свирѣпѣя болѣе и болѣе, не отставалъ отъ дѣвочки; но къ счастью уже бѣжали изъ деревни на помощь взрослые люди, и волкъ, испугавшись крика, повернулся и пустился бѣжать въ лѣсъ.

Такъ, съ Божіею помощію, одиннадцатилѣтняя Оекла отбила у свирѣпаго звѣря свою подругу, а саму ее спасъ Господь за такое доброе дѣло. Спасенную Степаниду принесли въ деревню безъ чувствъ; но раны были не смертельны: ее стали лѣчить, и она выздоровѣла.

128. Демьянова уха.

«Сосѣдушка, мой свѣтъ! пожалуй-ста, покушай.»

— Сосѣдушка, я сытъ по горло.

— «Нужды нѣтъ, еще тарелочку; послушай: ушица, ей же ей, на славу сварена?»

— Я три тарелки съѣлъ.

— «И полно, что за счеты; лишь стало бы охоты, а то во здравье: ѣшь до дна! Что за уха! да какъ жирна: какъ будто янтарець подернулась она! Потѣшь же, миленькій дружочекъ! Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ. Еще хоть ложечку!... Да кланяйся, жена!»

Такъ подчивалъ сосѣдъ Демьянъ сосѣда Фоку, и не давалъ

ему ни отдыху, ни сроку; а съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ. Однако же еще тарелку онъ беретъ: собирается съ послѣдней силой и очищаетъ всю.

— «Вотъ друга я люблю!» вскричалъ Демьянъ; «за то ужъ чванныхъ не терплю. Ну, скушай же еще тарелочку, мой милой!» Тутъ бѣдный Фока мой, какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой, схвата въ оханку кушакъ и шапку, скорѣй безъ памяти домой — и съ той поры къ Демьяну ни ногой.

Крыловъ.

129. Волкъ и котъ.

Волкъ изъ лѣсу въ деревню забѣжалъ, не въ гости, но животь спасая; за шкуру онъ свою дрожалъ: охотники за нимъ гнались, и гончихъ стая. Онъ радъ бы въ первые тутъ шмыгнуть ворота—да то лишь горе, что всѣ ворота на запорѣ.

Вотъ видитъ волкъ мой на заборѣ кота, и молить: «Васенька, мой другъ! скажи скорѣе, кто здѣсь изъ мужиковъ добрѣе, чтобы укрыть меня отъ злыхъ моихъ враговъ? Ты слышишь лай собакъ и страшный звукъ роговъ! все это вѣдь за мной.»

— «Проси скорѣй Степана; мужикъ предобрый онъ», котъ Васька говорить.

— «То такъ; да у него я ободралъ барана.»

— «Ну, попытайся жъ у Демьяна.»

— «Боюсь, что на меня и онъ сердить: я у него унесъ козленка.»

— «Бѣги жъ, вонъ тамъ живетъ Трофимъ.»

— «Къ Трофиму? Нѣтъ, боюсь и встрѣтиться я съ нимъ: онъ на меня съ весны грозится за ягненка!»

— «Ну, плохо жъ!... Но авось тебя укроетъ Климъ!»

— «Охъ, Вася, у него зарѣзалъ я теленка!»

— «Что вижу, кумъ! ты всѣмъ въ деревнѣ насолилъ», сказалъ тутъ Васька волку; «какую жъ ты себѣ защиту здѣсь сулилъ? Нѣтъ, въ нашихъ мужичкахъ не столько мало толку, чтобъ на свою бѣду тебя спасли они. И правы; самъ себя вини: что ты посѣялъ, то и жни.»

Крыловъ.

130. Крестьянская пирушка.

Ворота тесовы растворилися, на коняхъ, на санихъ гости въѣхали; имъ хозяинъ съ женой низко кланялись; со двора повели въ свѣтлу горенку. Передъ Спасомъ Святымъ гости молятся; за дубовы столы, за набранные, на сосновыхъ скамьяхъ сѣли званые. На столахъ куръ, гусей много жареныхъ, пироговъ, ветчины блюда полныя. Гости пьютъ и ѣдятъ, рѣчи гуторятъ: про хлѣбъ, про покосъ, про старинушку: какъ-то Богъ и Господь хлѣбъ уродить намъ? Какъ-то сѣно въ степи будетъ зелено? — Гости пьютъ и ѣдятъ, забавляются отъ вечерней зари до полуночи. По селу пѣтухи перекликнулись; призатихъ говоръ, шумъ въ темной горенкѣ; отъ воротъ поворотъ видѣнъ по снѣгу.

Кольцовъ.

131. Два мужика.

— «Здорово, кумъ Ѡаддей!»

— «Здорово, кумъ Егоръ!»

— «Ну, каково, пріятель, поживаешь?»

— «Охъ, кумъ, бѣды моей ты, вижу, и не знаешь! Богъ посѣтилъ меня: я сжегъ до тла свой дворъ, и по міру пошелъ съ тѣхъ поръ».

— «Какъ такъ? Плохая, кумъ, игрушка!»

— «Да такъ! О Рождествѣ у насъ была пирушка; я со свѣчей пошелъ дать корму лошадямъ: признаться, въ головѣ шумѣло; я какъ-то заронилъ, насилиу спасся самъ; а дворъ и все добро сгорѣло. Ну ты какъ?»

— «Охъ, Ѡаддей, худое дѣло! и на меня прогибался знать Богъ: ты видишь, я безъ ногъ; какъ самъ остался живъ, считаю право дивомъ. Я, тожъ о Рождествѣ, пошелъ въ ледникъ за пивомъ, и тоже черезъ чуръ, признаться, я хлѣбнулъ съ друзьями полугара; а чтобъ въ хмѣлю не сдѣлать мнѣ пожара, такъ я свѣчу совсѣмъ задулъ: анъ бѣсъ меня въ потьмахъ такъ съ лѣстницы толкнулъ, что сдѣлалъ изъ меня совсѣмъ не-человѣка, и вотъ я съ той поры калѣка».

— «Пеняйте на себя, друзья!» сказалъ имъ свать Степанъ; «коль молвить правду, я совсѣмъ не чту за чудо, что ты сожегъ

свой дворъ, а ты на костыляхъ: для пьянаго и со свѣчою худо, да врядь не хуже ль и въ потьмахъ.»

Крыловъ.

* 132. Сельскій вечеръ.

Солнышко заходитъ и темнѣетъ день; отъ горы упала на селенье тѣнь; лишь церковный куполъ солнцемъ озаренъ, и открыта церковь, и несется звонъ.

Колоколъ къ вечернѣ христіанъ зоветъ: завтра Воскресенье—отдыхъ отъ работъ. И услыша въ полѣ колокола зовъ, селянинъ къ селенью ужъ погналъ воловъ.

А въ селеньѣ церковь ужъ полна людей и блеститъ огнями множества свѣчей; свѣчи трудовыя ярче звѣздъ горять, и молитву люди въ простотѣ творять.

А въ опрятной хатѣ молодая мать, сына усыпляя, стала припѣвать: «Спи сынокъ, а завтра въ церковь мы пойдемъ, свѣчку и молитву Богу принесемъ. Богъ увидитъ свѣчку, Богъ услышитъ насъ,—и на поле дождикъ дастъ намъ въ добрый часъ. Хлѣбъ намъ уродится, хлѣбъ мы соберемъ,—и сынка накормимъ сытнымъ пирогомъ.»

133. Весенняя въ деревнѣ.

День вечерѣлъ. Косая тѣнь ложилась низко и широко.... Заутра праздникъ, вѣщій день Ильи, гремящаго пророка....

Приди ты, немощный, приди ты, радостный! Звонятъ ко всенощной, къ молитвѣ благодной; и звонъ смиряющій всѣмъ въ душу просится; окрестъ сзывающій, въ поляхъ разносится....

Въ Холмахъ, селѣ большомъ, есть церковь новая; воздвигла Божій домъ сума торговая; и службы Божія богато справлены, иконъ подножія свѣчами уставлены.

И старъ и младъ войдетъ: сперва помолится, поклонъ земной кладегъ, кругомъ поклонится.... И стройно клирное несется пѣніе, и дьяконъ мирное твердитъ глашеніе: о благодарственномъ трудѣ молящихся, о градѣ царственномъ, о всѣхъ трудящихся, о тѣхъ, кому въ удѣлъ страданье задано....

А въ церкви дымъ висѣлъ густой отъ ладона, и заходящими лучами сильными и вкось блестящими столбами пыльными—отъ

солнца—Божій храмъ горитъ и свѣтится; стоитъ Алешка тамъ и также свѣтится довольствомъ, радостью, здоровьемъ въ добрый часъ, удачей, младостью и тѣмъ, что въ первый разъ на кружку вынулъ онъ изъ сумы кожаной и слышалъ мѣдный звонъ копѣйки вложенной, въ трудѣ добытой имъ.... Въ окно жь открытое несется синій дымъ и пѣнье слитое.

И. Аксаковъ.

134. Загадка.

Летитъ звѣрокъ чрезъ Божій домокъ, самъ съ собой говоритъ: вотъ моя силка горитъ.

135. Сельское владбище.

Уже блѣднѣетъ день, скрываясь за горою; шумящая стада толпятся надъ рѣкой; усталый селянинъ медлительной стопою идетъ, задумавшись, въ шалашъ покойный свой.

Въ туманномъ сумракѣ окрестность исчезаетъ.... повсюду тишина, повсюду мертвый сонъ; лишь изрѣдка, жужжа, вечерній жукъ мелькаетъ, лишь слышится вдали роговъ унылый звонъ. Лишь дикая сова, таясь подъ древнимъ сводомъ той башни, сътуетъ, внимаема луной, на возмутившаго полуночнымъ приходомъ ея безмолвнаго владычества покой.

Подъ кровомъ черныхъ сосенъ и вязовъ наклоненныхъ, которые окрестъ, развѣсившись, стоятъ, здѣсь праотцы села, въ гробахъ уединенныхъ на вѣки затворясь, сномъ непробуднымъ спятъ.

Жуковский.

136. Прохоній.

На дворѣ темно и грязно; вѣтеръ ивами шумитъ, да въ окно однообразно дождикъ хлещетъ и стучитъ.

Я подѣлъ къ окну, и слышу тихій шорохъ надъ собой: то вода течетъ подъ крышу водосточною трубой.

Темно въ комнатѣ холодной.... вокругъ ни звука—все молчитъ, лишь въ углу сверчокъ голодный, надрываясь, кричитъ.

Вотъ прояснило немножко—свѣтъ зажегся въ сторонѣ, отра-

зился сквозь окошко и забѣгалъ по стѣнѣ: обогнувши изгороду, кто-то вышелъ съ фонаремъ, и сквозь темень-непогоду пробирается съ трудомъ.

Кто онъ, путникъ одинокой? Тяжелы его шаги: что ни шагъ— въ грязи глубокой тяжко вязнуть сапоги.

Онъ ступаетъ осторожно; освѣщенный фонаремъ, онъ тоскливо и тревожно озирается кругомъ; онъ плетется стороною; онъ ворчитъ—усталъ горюнь, и заботливой рукою подбираетъ свой зипунъ....

Но и этотъ свѣтъ далекій, видно, вѣтеръ потушилъ, и окрестность мракъ глубокой снова залилъ, затопилъ.

Вѣтеръ стонетъ, вѣтеръ злится, дождикъ въ стекла такъ и бьетъ, и лишь слышно, какъ бранится запоздалый пѣшеходъ.

Гербель.

133. Неустрашимый мальчикъ.

Въ Ковенской губерніи, въ городѣ Шавляхъ, Казимиръ Глосовскій, по бѣдности, жилъ въ сушильнѣ своего сосѣда Александровича. Въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1845 года Глосовскій отлучился въ городъ Россіены. Дома осталась жена Глосовскаго и трое малолѣтнихъ дѣтей: дочь Эекла 6-ти лѣтъ и сыновья Петръ 4-хъ и Михайла 3-хъ лѣтъ. Мать затопила печку и вышла на время изъ дома, посмотреть скотину. Что дѣлали оставленные безъ присмотра дѣти, неизвѣстно,—но вѣроятно, по неразумію, стали шалить съ огнемъ, потому что въ сушильнѣ сдѣлался пожаръ. Первый замѣтилъ это девятилѣтній мальчикъ, Калиникъ, сынъ хозяина, игравшій на дворѣ.

Не думая долго, Калиникъ бросился въ сушильню; видитъ, что пламя уже почти охватило дѣтей. Онъ схватилъ ихъ въ охапку и вытащилъ на дворъ.—Межъ тѣмъ прибѣжали и взрослые; пожара потушить уже было невозможно; сушильня сгорѣла, но трое дѣтей были спасены неустрашимостію 9-тилѣтняго Калиника.

138. Природа и жизнь въ деревнѣ.

Все такъ спокойно; кругомъ тишина, сосны вершинами ма-

шуть привѣтно; кажется, шепчуть, струясь незамѣтно, волны подь сводомъ зеленыхъ вѣтвей: «Путникъ усталый! бросайся скорѣй въ наши объятя: мы добры и рады дать тебѣ сколько ты хочешь прохлады».

Полеми идешь — все цвѣты да цвѣты; въ небо глядишь — съ голубой высоты солнце смѣется.... Ликуеть природа! Всюду приволье, покой и свобода; только у мельницы злится рѣка: нѣтъ ей простора.... неволя горька!... Бѣдная, какъ она вырваться хочетъ! брызжеться пѣной, бурлитъ и клокочетъ; но не прорвать ей плотины своей и не уйти.... такъ назначено ей.

Вотъ на распаханной, черной полянѣ, землю взрывая, бредутъ поселяне.... Весело видѣть семью поселянъ, въ землю бросающихъ горсти сѣмянъ; дорого-любо, кормилица нива! видѣть, какъ ты колосишься красиво, какъ ты, янтарнымъ зерномъ налита, гордо стоишь, высока и густа!... Но веселѣй нѣтъ поры умолота! Легкая дружно спорится работа; вторить ей эхо лѣсовъ и полей, словно кричитъ: «поскорѣй! поскорѣй!» Звукъ благодатный! Кого онъ разбудитъ, вѣрно весь день тому весело будетъ!... Утромъ проснешься — бѣжишь на гумно. Солнышка нѣтъ — ни свѣтло, ни темно; только что шумное стадо прогнали... Какъ на подмерзшей грязи натоптали лошади, овцы!... Парнымъ молокомъ въ воздухѣ пахнетъ.... Мотая хвостомъ за нагруженной снопами телѣгой чинно идетъ жеребеночекъ пѣгой. Паръ изъ отворенной риги валить, кто-то въ огнѣ тамъ у печки сидитъ; а на гумнѣ только руки мелькають, да высоко молотила взлетаютъ, не успѣваетъ улечься ихъ тѣнь — скоро на отдыхъ пошлетъ ее день....

Н. Некрасовъ.

139. Деревенскій вечеръ.

Жаръ свалилъ. Повѣяла прохлада. Длинный день покончили рядъ заботъ; по дворамъ давно загнали стадо, и косцы вернулись съ работъ. Потемнѣть заря уже готова; тихо все. Часъ ночи не далекъ. Подымался и улегся снова на закатѣ легкой вѣтерокъ!.. Говоръ смолкъ; лишь изрѣдка собачій слышенъ лай; промолвятъ голоса... Пыль слеглась; остылъ песокъ горячій, пала сильно на землю роса. По краямъ темнѣющаго свода тѣни всѣ, широкія, слились; встрѣтить ночь готовится природа, запахи отсюду понеслись. Въ тишинѣ жизнь новая творится: зря-

чею проснулась сова, и встаетъ и будто шевелится, и ростеть и шепчется трава! Гдѣ жъ крестьяне? День работавъ бодро, всѣ теперь за ужинномъ они: толкъ идетъ, чтобъ устояло ведро, чтобъ еще продлились эти дни! Нѣтъ, ужъ дождь ихъ къ утру не разбудить, облака давно сбѣжали прочь!... Что за вечеръ!... И какая будетъ теплая и мѣсячная ночь!

И. Аксаковъ.

140. Зимняя ночь въ деревнѣ.

Весело сіяетъ мѣсяцъ надъ селомъ; бѣлый снѣгъ сверкаетъ синимъ огонькомъ. Мѣсяца лучами Божій храмъ облитъ; крестъ подъ облаками, какъ свѣча, горитъ. Пусто, одиноко сонное село; вьюгами глубоко избы занесло. Тишина нѣмая въ улицахъ пустыхъ и не слышно лая псовъ сторожевыхъ.

Помоляся Богу, спитъ крестьянскій людъ, позабывъ тревогу и тяжелый трудъ. Лишь въ одной избушкѣ огонекъ горитъ: бѣдная старушка тамъ больна лежитъ. Думаетъ, гадаетъ про своихъ сиротъ: кто ихъ приласкаетъ, какъ она умретъ. Горемыки дѣтки! Долго ли до бѣды! Оба малолѣтки, разуму въ нихъ нѣтъ; какъ начнутъ шататься по двѣрамъ чужимъ, мудрено ль связаться съ человѣкомъ злымъ. А ужъ тутъ дорога не къ добру лежитъ: позабудутъ Бога, потеряютъ стыдъ. Господи, помилуй горемыкъ сиротъ! дай имъ разумъ—силу, будь ты имъ въ оплотъ!

И въ лампадкѣ мѣдной теплится огонь, освѣщая блѣдно ликъ святыхъ иконъ и черты старушки, полныя заботъ, и въ углу избушки дремлющихъ сиротъ. Вотъ пѣтухъ бессонный гдѣ-то закричалъ; полночи спокойной долгій часъ насталъ. И Богъ вѣсть отколѣ пѣсенникъ лихой вдругъ промчался въ полѣ съ тройкой удалой, и въ морозной дали тихо потонулъ и напѣвъ печали, и тоски разгулъ.

Никитинъ.

141. Деревенскій сторожъ.

Ночь темна, на небѣ тучи, бѣлый снѣгъ кругомъ, и разлитъ морозъ трескучій въ воздухъ ночномъ. Вдоль по улицѣ широ-

кой избы мужиковъ—ходить сторожъ одинокій, слышитъ скрипъ шаговъ. Зябнетъ сторожъ, вьюга смѣло злится вокругъ него, на морозѣ побѣлѣла борода его. Скучно! радость измѣнила, скучно одному; пѣснь его звучитъ уныло сквозь мятежь и тьму. Ходитъ онъ въ ночи безлунной, бѣла утра ждетъ, и въ края доски чужинной съ тайной грустью бьетъ; и качаясь завываетъ звонкая доска... пуще сердце замираетъ, тяжелѣй тоска.

Огаревъ.

142. Пословицы изъ сельскаго быта.

Что городъ, то поровъ; что деревня, то обычай. Не выноси изъ избы сору, такъ меньше вздору. Пряди всякъ свою пряжу. Не плей въ чужой колодезь, случится въ немъ воды испить. Новая метла чисто мететь. Готовъ лѣтомъ сани, а зимою телѣгу.

Хвастать не колѣса мазать. Хата бѣла, да безъ хлѣба бѣда. Не красна изба углами, красна пирогами. Частыя пирушки изведутъ полушки. Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Подчивать подчуй, а неволить не неволь. Хлѣбъ—соль ѣшь; а правду рѣжь. Хлѣбъ—соль кушай, а добрыхъ людей слушай. Около хлѣба и мыши водятся. Твоими бы устами да медъ пить! Ышь до сыта, работай до поту. Работа да руки надежныя въ людяхъ поруки. Дѣлать — не я, работать — не я, а ѣсть кисель — пѣтъ противъ меня. Сытъ поросенокъ каши не ѣстъ. На ретивую лошадь не кнуть, а возжи. Одна паршивая овца все стадо портитъ. Коли орать, такъ въ дуду не играть. Хотя хлѣбы хороши, а пашню паши. Всякому овощу свое время. Что посеешь, то и пожнешь. Худая трава изъ поля вонь. Не хвали вѣтра, не извѣявь жита. Не смѣйся горохъ, не лучше бобовъ!—Не всякій хлѣбъ нашеть, да всякій его ѣсть. Не будетъ пахатника, не будетъ и бархатника. Кто потѣетъ на нивѣ, да молится Богу въ клѣтѣ, тотъ съ голоду не умретъ. Нашла коса на камень. Мни лень долѣ, волокна будетъ болѣ. Зяблыя сѣмена всегда поздно всходятъ. Жернова сами не ѣдятъ, а людямъ муку строятъ. Всякому зерну своя борозда.

Б. П О Л Е.

143. Лѣтний мужикъ.

Что ты спишь, мужичокъ? Вѣдь весна на дворѣ; вѣдь сосѣди твои работаютъ давно. Встань, проснись, подымись, на себя погляди: что ты былъ? и что сталъ? и что есть у тебя? На гумнѣ—ни снопа, въ закромахъ—ни зерна; на дворѣ, по травѣ—хоть шаромъ покати. Изъ клѣтей домовой соръ метлою посмелъ, и лошадокъ за долгъ по сосѣдямъ развелъ. И подъ лавкой сундукъ опрокинуть лежитъ; и погнувшись изба, какъ старушка стоитъ. Вспомни время свое: какъ катилось оно по полямъ и лугамъ золотою рѣкой,—со двора и гумна, по дорожкѣ большой, по селамъ, городамъ, по торговымъ людямъ! И какъ двери ему растворяли вездѣ, и въ почетномъ углѣ было мѣсто твое! А теперь подъ окномъ ты съ нуждою сидишь, и весь день на печи безъ просыпу лежишь. А въ поляхъ, сиротой, хлѣбъ не скошенъ стоитъ. Вѣтеръ точитъ зерно, птица клюетъ его!...

Что ты спишь, мужичокъ? Вѣдь ужъ лѣто прошло, вѣдь ужъ осень на дворъ черезъ прясло глядитъ. Вслѣдъ за нею зима въ теплой шубѣ идетъ, путь снѣжкомъ порошокъ, подъ санями хруститъ. Всѣ сосѣди на нихъ хлѣбъ везутъ, продаютъ, собираютъ казну, бражку ковшикомъ пьютъ.

Кольцовъ.

144. Шѣсна пахаря.

Ну! тащися, сивка, пашней десятиной, выбѣлимъ желѣзо о сырую землю. Красавица зорька въ небѣ загорѣлась, изъ большого лѣса солнышко выходитъ. Весело на пашнѣ: ну! тащися, сивка! я самъ—другъ съ тобою, слуга и хозяинъ. Весело я лажу борону и соху, телѣгу готовлю, зерна насыпаю. Весело гляжу я на гумно, на скирды, молочу и вѣю... ну! тащися, сивка!

Пашеньку мы рано съ сивкою распашемъ, зернышку сготовимъ колыбель святую. Его вспоить, вскормить мать земля сырая; выйдетъ въ полѣ травка—ну! тащися, сивка!—выйдетъ въ полѣ травка, выростетъ и колосъ, станетъ спѣть, рядиться въ

золотыя ткани. Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь, зазвенятъ здѣсь косы; сладокъ будетъ отдыхъ на снопахъ тяжелыхъ.

Ну, тащися сивка! Накормлю до сыта, напою водою, водой ключевою. Съ тихою молитвой я вспашу, посею: уроди мнѣ, Боже, хлѣбъ—мое богатство!

Кольцовъ.

* 145. Муха.

Быкъ съ плугомъ на покой тащился по трудахъ, а муха у него сидѣла на рогахъ, и муху же они дорогой повстрѣчали. Откуда ты, сестра? отъ этой былъ вопросъ. А та, поднявши носъ, въ отвѣтъ ей говоритъ: откуда? мы пахали!

Дмитріевъ.

146. Ворона и кувшинъ.

Во всѣхъ почти дѣлахъ догадка намъ нужна.—Ворона бѣдная отъ жажды умирала, и гдѣ-то на полѣ она кувшинъ съ водою съискала; но вотъ бѣда: низка была для ней въ колодецѣ томъ вода,—какъ станешь пить? Не можно влѣзть туда; кувшинъ великъ, нельзя его воронѣ сдвинуть, не только опрокинуть; а надобно воды достать. Вотъ стала камешки она въ него бросать; съ краями наравнѣ вода приподнялася, и тутъ уже моя ворона напилася.

Измайловъ.

147. Крестьянинъ и лошадь.

Крестьянинъ засѣвалъ овесъ; то видя, лошадь молодая такъ про себя ворчала, разсуждая: «За дѣломъ столько онъ овса сюда принесъ! Вотъ говорятъ, что люди насъ умнѣе: что можетъ быть безумнѣй и смѣшнѣе, какъ поле цѣлое изрыть, чтобъ послѣ разсорить на немъ овесъ свой по пустому? Стравилъ бы онъ его иль мнѣ, или гнѣдому; хоть курамъ бы его онъ вздумалъ разбросать; все было бѣ болѣе похоже то на стая; хоть спряталъ бы его: я видѣла бѣ въ томъ скупость; а по-пусту бросать! нѣтъ, это просто глупость!»

Вотъ къ осени межъ тѣмъ овесъ тотъ убранный былъ, и нашъ крестьянинъ имъ того жъ коня кормилъ.

Крыловъ.

148. Сѣяніе ржи.

Сѣятель сыплетъ сѣмена полною рукою въ рыхлую землю, и чудно воскресаетъ посѣянное.

Земля принимаетъ зернышко въ нѣдра свои, и въ тишинѣ развиваетъ его; нѣжный отросточекъ выходитъ изъ него и поднимаетъ вверхъ свою красноватую головку.

Голый малютка стоитъ и зябнетъ, и молить у неба росы и солнышка; а солнышко на высококомъ пути своемъ съ любовію смотритъ на земную малютку.

Вскорѣ настаютъ морозы и бури, отъ которыхъ прячется человѣкъ и червякъ; отросточку также не избавиться отъ нихъ; онъ долженъ стоять на вѣтру и на холодѣ. Но ему не вредитъ ни то, ни другое: небо, полное любви къ нему, покрываетъ его бѣлымъ снѣгомъ, и малютка засыпаетъ тихимъ сномъ.

Скоро пролетаетъ мрачная зима; начинается пѣть жаворонокъ, просыпается зернышко; весна заставляетъ цвѣсть деревья и луга, и убираетъ долину свѣжею зеленью.

Хлѣбное поле покрывается прекрасными курчавыми колосьями; подуетъ вѣтеръ—и оно заволнуется туда и сюда, какъ тихое зеленое море.

Солнышко сіяетъ съ небесъ на хлѣбные колосья; земля поконтится въ безмятежномъ блескѣ; золотой вѣнокъ ржи украшаетъ ее.

Жатва подходитъ: серпы звучать, снопы шумятъ, и къ небу стремятся громкіе крики радости и тихое благодареніе сердца.

* 149. Священникъ и крестьянинъ.

Прогуливаясь въ полѣ, одинъ деревенскій священникъ, почтенный старикъ, встрѣтился съ крестьяниномъ, который задумчиво стоялъ и смотрѣлъ на ниву.

— Что съ тобою, сынъ мой? спросилъ его добрый священникъ.

— «Горюю, батюшка, что ячмень мой не хочет всходить», отвѣчалъ крестьянинъ.

— Напрасно и неразумно твое горе, сказалъ старикъ; развѣ можно скорбѣть о томъ, чему ты помочь не въ состояніи? Если бы ты цѣлый день простоялъ здѣсь, задумавшись, то отъ этого ни одно зерно не дастъ отпрыска. И мой ячмень до сихъ поръ не всходитъ, однако же я не горюю. Я вспахалъ хорошо поле, очистилъ отъ травъ, посѣялъ въ него здоровое зерно, а остальное поручилъ Господу Богу. Вспахать и посѣять можетъ человекъ и долженъ, но возрастить и дать плодъ—не въ нашей волѣ. Мы обязаны исполнять только то, что отъ насъ требуется, все же остальные заботы и плоды трудовъ поручить Творцу: Онъ позаботится о нашемъ благоденствіи.

* **150. Чистое небо и тучи.**

Крестьянскій мальчикъ сказалъ съ презрѣніемъ о тучахъ, что онѣ только и дѣлаютъ, что застилаютъ чудную синеву неба. На это ему отецъ возразилъ: «Другъ мой, ты говоришь очень неразумно; конечно видъ чистаго неба приятенъ, но сѣрыя тучи для насъ благодать Божія.»

151. Лѣтній дождь.

«Золото, золото падаетъ съ неба!» Дѣти кричатъ и бѣгутъ за дождемъ...—Полно-те, дѣти, его мы сберемъ, только сберемъ золотистымъ зерномъ въ полныхъ амбарахъ душистаго хлѣба!

Помнишь—мы не ждали ни дождя, ни грома, вдругъ засталъ насъ ливень далеко отъ дома. Мы спѣшили скрыться подъ мохнатой елью... Не было конца тутъ страху и веселью! Дождикъ лилъ сквозь солнце, и подъ елью мшистой мы стояли точно въ клѣткѣ золотистой; по землѣ вокругъ насъ точно жемчугъ прыгаль; капли дождевыя, скатываясь съ иголь, падали, блистая, на твою головку.... Помнишь—какъ все тише смѣхъ нашъ становился... Вдругъ надъ нами прямо громъ перекатился—ты ко мнѣ прижался, въ страхѣ очи жмурия... Благодатный дождикъ! золотая буря!

А. Майковъ.

152. Загадки.

1.

Меня частенько просят, ждуть; а только покажусь, то прятаться начнутъ.

2.

Въ ненастье долженъ я гулять, а въ ясный день въ углу стоять; вы носите меня надъ вами; но что же я? скажите сами.

153. Два крестьянина и облако.

«Смотри-ка, братъ Антонъ!» сосѣду говоритъ крестьянинъ Агафонъ, а самъ весь поблѣднѣлъ и такъ, какъ листъ, трясется: «смотри-ка туча къ намъ несется!»

— Такъ что жъ?

— «Какъ что? да градъ пойдетъ и хлѣбъ у насъ побьетъ; все пропадетъ, озимое и яровое; голодный будетъ годъ, а тамъ, гляди, и моръ!...»

— Пустое, братъ сосѣдъ, пустое. Какой несешь ты вздоръ! Не градъ, а дождь пойдетъ: давно къ дождю вѣдъ парить... Вотъ каплетъ, кажется. Ужъ то-то хлѣбъ поправитъ! Мы уберемъ его и много продадимъ, да браги наваримъ: гуляй и пей уже зимою! Пусть дождь идетъ, я очень радъ!

— «Ну, посмотри посыплетъ градъ.»

— Нѣтъ, дождь пойдетъ.

— «Градъ»

— Дождь.

— «Не спорь же ты со мною.»

— Да что и спорить съ дуракомъ?...

Антонъ за это хватъ сосѣда кулакомъ; тотъ въ ухо самъ его, и драка началась. Ни градъ, ни дождь еще неидетъ, а кровь изъ обоихъ ужъ льетъ. Межъ тѣмъ прочистилось и—туча пропеслася.

Измайловъ.

154. Нива.

1.

По нивѣ прохожу я узкою межей, поросшей кашкою и цѣпкой лебедой. Куда ни оглянусь—повсюду рожь густая! Иду—съ трудомъ ее руками разбирая. Мелькаютъ и жужжать колосья предо мной, и колютъ мнѣ лицо... Иду я наклоняясь, какъ будто бы отъ пчелъ тревожныхъ отбиваясь, когда, перескочивъ чрезъ ивовый плетень, средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный день.

О Божья благодать!... О, какъ прилечь отраднo мнѣ въ тѣнь высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно! Заботы полные, колосья надо мной бесѣду важную ведутъ между собой. Имъ внемля, вижу я—на всемъ полей просторѣ и жницы, и жнецы, ныряя точно въ морѣ, ужъ вяжутъ весело тяжелые снопы; вонь—по зарѣ стучать проворные цѣпы; въ амбарахъ воздухъ полнъ и розана, и меда; вездѣ скрипятъ возы; средь шумнаго народа на пристаняхъ кули валятся; вдоль рѣки, гуськомъ какъ журавли, проходятъ бурлаки, нагнувши головы, плечами напирая, и длинной бичевой по влагѣ ударяя...

А. Майковъ.

2.

Нива, моя нива, нива золотая! зрѣешь ты на солнцѣ, колосъ наливая. По тебѣ отъ вѣтру, словно въ синемъ морѣ, волны такъ и ходять, ходять на просторѣ; надъ тобою съ пѣсней жаворонокъ вьется; надъ тобой и туча грозно пронесется. Зрѣешь ты и спѣешь, колосъ наливая, о людскихъ заботахъ ничего не зная. Унеси ты, вѣтеръ, тучу градовую; сбереги намъ, Боже, ниву трудовую!

Жадовская.

* 155. Дѣтское желаніе.

«Ахъ, если бы всѣ нивы были засѣяны одними только васильками!» говорили поочередно Варя и Лиза, проходя съ ма-

менькой мимо поля, покрытаго колосистою рожью: «какіе чудные были бы у насъ вѣночки! А то едва нарвали мы пучокъ, потому что васильковъ мало, а этихъ некрасивыхъ колосьевъ такое множество.» — Дѣти, дѣти! отвѣчала имъ мать, желаніе ваше весьма неблагоразумно. Развѣ вы не знаете, что земледѣлецъ трудится въ потѣ лица для этихъ колосьевъ, а не для цвѣтовъ, красивыхъ, но бесполезныхъ. Поле можно сравнить съ жизнью: василька — съ удовольствіями, а колосья — съ трудомъ и заботами. Кто посвятилъ бы дни свои забавамъ и удовольствіямъ, былъ бы подобенъ тому, кто желаетъ засѣять васильками всѣ нивы: нѣсколько лишь дней наслаждался бы онъ красивымъ видомъ, но не собралъ бы ничего во время жатвы.

156. Урожай.

Краснымъ полымемъ заря вспыхнула, по лицу земли туманъ стелется: разгорѣлся день огнемъ солнечнымъ, подобралъ туманъ выше темя горъ, нагустилъ его въ тучу черную. Туча черная понахмурилась, понахмурилась — что задумалась, словно вспомнила свою родину... Понесутъ ее вѣтры буйные во всѣ стороны свѣта блага: ополчается — громомъ, бурей, огнемъ, молніей, дугой радугой; ополчилась и расширилась, и ударила, и пролилась слезой крупною — проливнымъ дождемъ на земную грудь, на широкую.

И съ горы небесъ глядитъ солнышко; напилась воды земля до сыта. На поля, сады, на зеленые, люди сельскіе не насмотрятся; люди сельскіе Божьей милости ждали съ трепетомъ и молитвою. За одно съ весной пробуждаются ихъ завѣтныя думы мирныя. Дума первая: хлѣбъ и зѣкрома насыпать въ мѣшки, убирать воза. А вторая ихъ была думушка: изъ села гужомъ въ пору выѣхать. Третью думушку какъ задумали — Богу Господу помолилися; чѣмъ свѣтъ по полю всѣ развѣхались, и пошли гулять другъ за дружкой, горстью полною хлѣбъ раскидывать, и давай пахать землю плугами, да кривой сохой перепахать, бороны зубьемъ порасчесывать...

Посмотрю пойду, полюбуюся, что послалъ Господь за труды людямъ: выше пояса рожь зернистая дремать колосомъ почти до земли. Словно Божій гость на всѣ стороны дню веселому улыбается; вѣтерокъ по ней плыветъ, носится, золотой волной раз-

бѣгается... Люди семьями принялись жать, косить подъ корень рожь высокую. Въ копны частыя снопы сложены; отъ возовъ всю ночь скрипитъ музыка. На гумнахъ вездѣ, какъ князья, скирды широко сидятъ, поднявъ головы.

Видитъ солнышко — жатва кончена: холоднѣй оно пошло къ осени; но жарка свѣча поселанина предъ иконою Божьей Матери.

Кольцовъ.

157. Загадка.

Маленькій, горбаченькій, все поле просакалъ.

158. Колосья.

Вдалекѣ видна поляна, храма сельскаго глава, и за ней, кругомъ бурьяна, пашень пестрая канва. Легкій вѣтеръ въ полѣ чистомъ гнетъ колосики волной и по нивѣ золотистой точно стелеть пеленой. Какъ роскошная корзина съ пышной прелестью цвѣтовъ, блещетъ ровная долина матомъ разныхъ колосковъ: разрумяненною кистью или шелковымъ перомъ смотреть просо, все безъ листьевъ, наклонившись стебелькомъ. Перепутанный, рога-тый, въ завиткахъ горохъ лежить; по его листкамъ измятымъ мышка торопко бѣжитъ. Озабоченная мышка смотритъ быстренькимъ глазкомъ, и съ воробушкомъ воришкой точитъ зернышко тайкомъ. Вотъ гречиха ужъ поспѣла, кашей темною дрожитъ, вся отъ солнца загорѣла, не блѣдетъ, не блеститъ. Вотъ и матушка пшеница все лобуется собой — точно красная дѣвица подъ прозрачную фатой. Зарябѣлся, зажелтѣлся, словно перышки разнесъ, золотой парчей одѣлся раскудрявленный овесъ. И ячмень, какъ котъ сибирскій, долгимъ усомъ шевелить, чудный ростомъ богатырскимъ, статнымъ молодцомъ глядитъ. Будто солнцу улыбаясь, на соломкѣ молодой дремлетъ, медленно качаясь, ржи колосикъ золотой. Весь одеждой онъ украшенъ, весь, какъ пухомъ, оперенъ, и среди раздольныхъ пашень спѣлой ношей отягченъ. Весь съ рогами — какъ улитка, жизни внутренней полна — онъ пригнулся отъ избытка полнобѣснаго зерна; а вблизи, поднявшись важно, смотритъ чопорно другой все лишь къ верху, такъ отважно, — такъ и видно, что пустой.

159. Воробьи и овсянка.

Накрывши сѣтью воробьевъ, мужикъ имъ говорилъ: «Вотъ я васъ всѣхъ, воровъ! Вы на поле мое летали, горохъ клевали! Не долго дамъ теперь сидѣть вамъ въ полону: всѣмъ головы сверну, и въ кашицу... да ты, овсянка, какъ попала?»

Овсянка такъ ему подъ сѣтью отвѣчала: — Послушай, мужичокъ, всю истину скажу: я съ ними только лишь летала, а право твоего гороха не клевала. Пусти меня; ничѣмъ тебѣ я не врежу. Ужли поступишь такъ со мною, какъ съ воробьями?

— «Да не помидую конечно и тебя! Пеняй сама ты на себя: зачѣмъ была съ плутами?»

Измайловъ.

160. Большой столъ.

Одинъ учитель однажды при началѣ жатвы сказалъ своимъ ученикамъ: «сегодня я намѣренъ показать вамъ очень большой столъ, за которымъ въ теченіе цѣлаго года ѣдятъ и насыщаются не нѣсколько только голодныхъ людей, но цѣлыя тысячи народа со всѣми животными, которыя живутъ при нихъ».

Сказавъ это, онъ взошелъ съ дѣтьми на высокую гору, и велѣлъ имъ посмотрѣть на обширныя, простирающіяся на цѣлыя мили, прекрасныя, плодородныя поля. «Вотъ видите, любезныя дѣти», сказалъ онъ, «это большой столъ, который ежегодно для всѣхъ созданій накрывается и обильно уставляется пищею нашимъ благимъ Отцомъ, Который живетъ на небесахъ. Мы всѣ—Его гости, и Онъ по благодати своей насыщаетъ всѣхъ насъ съ безчисленнымъ множествомъ животныхъ. Поэтому и за искусно накрытымъ столомъ никогда не забывайте съ искреннею благодарностію обращаться къ Нему, вседержителю невидимому Благодѣтелю.»

Проникнутые словами учителя, дѣти стали спускаться съ горы, и во время пути одинъ изъ нихъ сказалъ: «Теперь только я вполнѣ понялъ молитву: Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ, и Ты даешь имъ пищу въ свое время; Ты открываешь свою щедрую руку и исполняешь все, что живетъ, благоволенія. Какъ часто я произносилъ эти слова, вовсе не понимая ихъ!»

*** 161. Дубъ и верба.**

Въ одно утро, послѣ бурной ночи, отецъ и его маленькій сынъ пошли въ поле посмотреть, не причинила ли буря какого либо вреда. Малютка вскричалъ: «Посмотри, батюшка, большой, крѣпкій дубъ вырвало изъ земли съ корнемъ, между тѣмъ какъ слабая верба, растущая у ручья, стоитъ прямехонько! А я всегда думалъ, что буря скорѣе опрокинетъ слабую вербу, чѣмъ крѣпкій дубъ, который до сего времени противостоялъ всеѣмъ порывамъ вѣтра.»

— «Дитя», сказалъ отецъ, «крѣпкій дубъ долженъ былъ сломаться, потому что не могъ согнуться; но гибкая верба уступила напору бури, и потому она не могла ей причинить никакого вреда. Уступчивость лучше гордости и упрямства.»

162. Гнѣздо ласточки.

Кипитъ вода, реветъ ручьемъ, на мельницѣ и стукъ и громъ; колеса-то въ водѣ шумятъ, а брызги вверхъ огнемъ летятъ; отъ пѣны-то бугоръ стоитъ, что мостъ живой, весь полъ дрожитъ. Шумитъ вода, рукавъ трясеть, на камни рожь дождемъ течетъ, подъ жерновомъ муку родитъ: идетъ мука, въ глаза пылитъ. О мельникѣ и рѣчи нѣтъ...

Одна пѣвуня ласточка подѣ крышей обжилась, свила, слѣпила гнѣздышко, дѣтьми обзавелась. Въ ночь темную подѣ крыльышко головку подогнетъ, и спитъ себѣ подѣ громъ и стукъ, носкомъ не шевельнетъ.

Никитинъ.

163. Водяной.

Тамъ, гдѣ на рѣкѣ мельница шумитъ, разъ я, въ вечеръ тихій, стукъ ея колесъ по зарѣ внимала; вдругъ изъ струй холодныхъ, какъ туманъ, съдой надъ рѣкой поднялся дядя Водяной, бороду густую до колѣнъ спустивши и зелены очи на меня уставя. Духа водяного разсмотреть желая, я къ шумливой рѣкѣ подходила ближе... но всплеснувъ струями и холодной пѣной всю меня обрызгавъ, онъ исчезъ въ туманѣ.

Жадовская.

164. Мельникъ.

У мельника вода плотину прососала: бѣда бѣ не велика съ начала, когда бы руки приложить; но кстати ль? Мельникъ мой не думаетъ тужить; а течь день ото дня сильнѣе становится: вода такъ бьетъ, какъ изъ ведра. — «Эй, мельникъ, не зѣвай! Пора, пора тебѣ за умъ хватиться!» А мельникъ говоритъ: — «Далеко до бѣды, не море надо миѣ воды, и ею мельница во весь мой вѣкъ богата.» Онъ спитъ, а между тѣмъ вода бѣжитъ какъ изъ ушата, и вотъ бѣда пришла совѣмъ: сталь жерновъ, мельница не служить. Хватился мельникъ мой: и охаетъ, и тужить, и думаетъ, какъ воду уберечь.

Вотъ у плотины онъ, осматривая течь, увидѣлъ, что къ рѣкѣ пришли напиться куры: «Негодныя», кричитъ, «хохлатки, дуры! я и безъ васъ воды не знаю гдѣ достать; а вы пришли ее здѣсь вдосталь допивать.» И въ нихъ полнѣномъ хватъ. Какое жъ сдѣлалъ тѣмъ себѣ подспорье? Безъ куръ и безъ воды пошелъ въ свое подворье.

Крыловъ.

165. Загѣдка.

Два барашка грызутся, промежъ нихъ пѣна валить.

В. ДОРОГА.

166. Шоссе и обыкновенная дорога.

Прямая дорога, большая дорога! Простору не мало взяла ты у Бога; ты въ даль протянулась, пряма, какъ стрѣла, широкою гладью, что скатерть легла! Ты камнемъ убита, жестка для копыта, ты мѣрена мѣрой, трудами добыта!.. Въ тебѣ, что ни шагъ, мужикъ работалъ: прорѣзывалъ горы, мосты настилалъ; все дружною силой и съ пѣнями взято, — вкочачивалъ молотъ, и рыла лопата, и дебри топоръ вѣковыя просѣкъ... Куда какъ

упоренъ въ трудѣ челоуѣкъ! Чего онъ не сможетъ, лишь было бы терпѣнье, да разумъ, да воля, да Божье хотѣнье!..

А съ каменкой рядомъ, поодаль немножко, окольная вьется живая дорожка! Дорожка, дорожка, куда ты ведешь? безъ званья ли ты, или со званьемъ слывешь? Идешь, колесишь ты, не зная разбору, по рвамъ и долинамъ, чрезъ рѣчку и гору! Не много ты мѣста себѣ отняла: просторомъ телѣжнымъ легла, гдѣ могла! Тебя не равняли топоръ и лопата, мягка ты копыту, и пылью богата, и кочки мѣстами, и взрѣжетъ соха... Грязна ты въ пенасть, а въ вѣдро суха!

П. Аксаковъ.

162. Русская тройка.

Какой русскій не любить быстрой ѣзды?.. Ея ли не любить, когда въ ней слышится что-то восторженно чудное? Кажись, невѣдомая сила подхватила тебя на крыло къ себѣ, и самъ летишь, и все летить: летять версты, летять на встрѣчу купцы на облучкахъ своихъ кибитокъ, летить съ обѣихъ сторонъ лѣсъ съ темными строями елей и сосенъ, съ топорнымъ стукомъ и воронимъ крикомъ; летить вся дорога нивѣсть куда въ пропадающую даль; и что-то страшное заключено въ семь быстромъ мельканьѣ, гдѣ не успѣваетъ означиться пропадающій предметъ; только небо надъ головою, да легкія тучи, да продирающійся мѣсяць одни кажутся недвижны.

Ѥхъ тройка, птица тройка! кто тебя выдумалъ? Знать, у бойкаго народа ты могла только родиться, — въ той землѣ, что не любить шутить, а ровнемъ-гладнемъ разметнулась на полсвѣта, да и стунай считать версты, пока не зарябитъ тебѣ въ очи. И не хитрый, кажись, дорожный снарядъ, не желѣзнымъ схваченъ винтомъ, а наскоро, живьемъ, съ однимъ топоромъ да долотомъ снарядилъ и собралъ тебя Ярославскій расторопный мужикъ. Не въ нѣмецкихъ ботфортахъ ямщикъ: борода да рукавицы, и сидитъ Богъ знаетъ на чемъ; а привсталъ да замахнулся, да затянулъ пѣсню — кони вихремъ, спицы въ колесахъ смѣшались въ одинъ гладкій кругъ, только дрогнула дорога, да вскрикнулъ въ испугѣ остановившійся пѣшеходъ, — и вонъ она понеслась, понеслась, понеслась!.. И вонъ уже видно вдали, какъ что-то пылать и сверлять воздухъ.

Гоголь.

168. Путь.

Путь широкой давно предо мною лежитъ , да нельзя мнѣ по немъ ни летать, ни ходить... Кто же держитъ меня, и что кинуть мнѣ жаль? И за чѣмъ до сихъ поръ не стремлюся я вдаль? Или доля моя сиротой родилась! или со счастьемъ слѣпымъ безъ ума разошлась! По лѣтамъ и кудрямъ не старикъ еще я: много думъ въ головѣ , много въ сердцѣ огня! Много слугъ и казны подь замками лежить; и лихой вороной ужъ осѣдланъ стоитъ. Да на путь — по душѣ — крѣпкой воли мнѣ пѣть, чтобъ въ чужой сторонѣ, на людей поглядѣть; чтобъ порой предъ бѣдой за себя постоять, подь грозой роковой назадъ шагу не дать, и чтобъ съ горемъ въ пиру быть съ веселымъ лицомъ, на погибель идти — пѣсни пѣть соловьемъ!

Кольцовъ.

169. Путникъ.

Доль туманенъ, воздухъ сыръ, туча небо кроетъ; грустно смотреть тусклый мѣръ, грустно вѣтеръ воеетъ. Не страшися, путникъ мой, на землѣ все битва: но въ тебѣ живетъ покой, сила да молитва.

Огаревъ.

170. Зимняя дорога.

Сквозь волнистые туманы пробирается луна, на печальныя поляны леть печально свѣтъ она. По дорогѣ зимней, скучной, тройка борзая бѣжитъ, колокольчикъ однозвучный утомительно гремитъ. Что-то слышится родное въ долгихъ пѣсняхъ ящика: то разгулье удалое, то сердечная тоска... Ни огня, ни черной хаты... глушь и снѣгъ... на встрѣчу мнѣ только версты полозаты попадаются одиѣ.

Пушкинъ.

171. Мужикъ и корова.

Коня у мужика не стало, такъ онъ корову осѣдлалъ; а самъ о томъ не разсуждалъ, что, говорятъ, сѣдло коровѣ не приста-

ло; но не смотря на то, онъ на корову сѣлъ, затѣмъ что вдаль пѣшкомъ идти не захотѣлъ. Онъ сѣлъ, корову понукаетъ; корова лишь подъ сѣдокомъ шагаетъ. Сѣдокъ корову погоняетъ; корова выступкой все тою же ступаетъ, и только лишь подъ нимъ пыхтитъ. Сѣдокъ, имѣвъ въ рукахъ не хлыстикъ, а дубину, корову понуждалъ какъ вялую скотину, считая, что она отъ палки побѣжитъ. Корова пуше лишь пыхтитъ, потѣветъ и крихтитъ. Сѣдокъ удары утраляетъ; корова все шагаетъ, а рыси, хоть убей, такъ нѣтъ у ней; корова наконецъ подъ сѣдокомъ свалилась. Не мудрено: скакать корова не родилась; а потому и должно знать: кто ползать родился, тому ужъ не летать.

Хелницерьъ.

*** 112. Что знаешь, о томъ не спрашивай.**

Мужикъ возъ сѣна везетъ, а другой ему на встрѣчу. «Здорово!» — Здорово. — «А что везешь?» — Дрова. — «Какія дрова, вѣдь у тебя сѣно?» — А коли видишь, что сѣно, такъ зачѣмъ и спрашиваешь.

Тогда только мужикъ нашъ, почесавъ затылокъ, подумалъ про себя: «а вѣдь и вправду, для чего жъ я спрашивалъ?»

В. Даль.

113. Крестьянинъ съ ношею.

Крестьянинъ нѣкакій путемъ-дорогой шелъ, и ношу на плечахъ имѣлъ, которая его ужъ такъ отяготила, что на пути пристановила. «Проваль бы эту ношу взял!» крестьянинъ проворчалъ: «я эту ношу сброшу, и налегкѣ безъ ноши я пойду; добра я этого вездѣ, куда приду, найду.» А ноша та была мѣшокъ, набитый сѣномъ; но мужику она казалась горькимъ хрѣномъ. Сталъ нашъ крестьянинъ въ пень, не знаетъ, что начать; однако вздумалъ отдыхать, и мыслить: «отдохнувъ немного, поплетуся; авось-либо дойду, хоть съ ношею пойду; быть такъ, добро, пушуся.»

Пошелъ крестьянинъ въ путь, и ношу взялъ съ собой. А надобно здѣсь знать, что было то зимой, когда лишь только рѣки стали, и снѣги льда еще не покрывали. Лежитъ крестьянину до-

рога черезъ ледъ. Крестьянинъ, ничего не думавши, идетъ: вдругъ, поскользнувшись, онъ свалился; однако же упалъ на ношу безъ вреда.

Близка быма бѣда! Крестьянинъ вѣрно бы убился, когда бы ношу взять съ собою полѣнился.

Хемницеръ.

* 134. Скоро да нездорово.

Чуть свѣтъ Андрей, сельскій торговецъ, хозяинъ небольшой лавки, бросился какъ сумасшедшій къ своей повозкѣ, и торопился какъ можно скорѣе выѣхать: ему хотѣлось пораньше поспѣть на базарь.

Отецъ сказалъ ему: вспомни пословицу — *скоро, да нездорово.*

Но Андрей ничего не слышалъ, и погналъ лошадь, не осмотрѣвъ ни збруи, ни повозки. А въ одной изъ подковъ не доставало гвоздя. На серединѣ дороги подкова зазвенѣла и сорвалась съ копыта.

Ни деревни, ни кузница; надо было продолжать путь, хоть дѣло было и неладно. Лошадь, ступая по каменистой дорогѣ, наколола ногу и стала хромать.

Пришлось ѣхать черезъ лѣсъ; на Андрей попали мошенники. Онъ попробовалъ было уйти, пустилъ въ скачъ своего коня, быстро бѣгуна, да теперь хромого и безъ подковы; его догнали и обобрали какъ липку.

Такимъ образомъ Андрей, такъ спѣшившій покончить дѣла свои, окалѣчилъ лошадь, лишился денегъ и, какъ былъ не очень храброго десятка, схватилъ лихорадку отъ перепуга.

И все это отъ чего? Отъ того, что черезъ поспѣшность не замѣтилъ, что въ подковѣ не доставало одного гвоздя.

«Поспѣшишь, людей насмѣшишь; тише ѣдешь, дальше будешь.»

135. Загадка.

Четыре брата на свѣтъ: два меньшіе впереди, два большіе позади, спѣшать, бѣгутъ, другъ друга не догонять.

* 126. Подкова.

Одинъ крестьянинъ шелъ изъ деревни въ городъ съ маленькимъ сыномъ Оедюшей.

«Посмотри-ка, сказалъ ему отецъ, вонъ тамъ на дорогѣ лежитъ подкова, подними ее и спрячь въ карманъ.»—«И, батюшка! отвѣчалъ Оедюша, изъ-за такой бездѣлицы не стоитъ и наклониться.» Отецъ не возразилъ ни слова, самъ поднялъ подкову и положилъ ее въ карманъ. На дорогѣ онъ продалъ ее за нѣсколько копѣекъ кузнецу, и купилъ на эти деньги вишенъ.

Они пошли дальше. Лѣтнее солнце палило зноемъ. По дорогѣ на большомъ разстояніи не видно было ни домовъ, ни лѣса, ни источника. Оедюша томился жаждою и едва могъ слѣдовать за отцомъ.

Отецъ нарочно уронилъ одну вишню. Оедюша схватилъ ее съ жадностію, точно драгоценность какую нибудь, и тотчасъ же съѣлъ ее; она нѣсколько освѣжила его.

Пройдя нѣсколько шаговъ, отецъ уронилъ другую вишню; Оедюша поднялъ ее такъ же скоро.

Такимъ образомъ онъ поднималъ вишни одну за другою.

Когда Оедюша съѣлъ послѣднюю вишню, отецъ посмотрѣлъ на него и сказалъ ему смѣясь: «Видишь, если бъ ты одинъ разъ наклонился, чтобъ поднять подкову, то тебѣ бы не пришлось столько разъ наклоняться за вишнями. Пусть это впредь послушаютъ тебѣ наукой.»

127. Лошадь и осель.

Случилось лошади въ дорогѣ быть съ осломъ, и лошадь шла порожнякомъ; а на ослѣ поклажи столько было, что бѣднаго совѣзмъ подъ нею задавило.—«Нѣтъ мочи», говоритъ: «я право упаду, до мѣста не дойду.» И просить лошадь онъ, чтобъ сдѣлать одолженье, хоть часть поклажи снять съ него. «Тебѣ не стоитъ ничего, а мнѣ бъ ты сдѣлала большое облегченье», онъ лошади сказала. — «Вотъ, чтобъ я съ ношею ослиною таскалась!» сказала лошадь, и помчалась. Осель потуда шелъ, пока подъ ношей палъ. И лошадь тутъ узнала, что ношу раздѣлить напрасно отказала, когда ее нести одна съ ослиной кожею была принуждена.

Хелмицеръ.

118. Загадка.

И долга, и коротка; а одинъ одному не вѣрить, всякъ самъ по себѣ мѣрить.

119. Ось и чека.

Ѣхалъ извозчикъ Семень съ кладью глухой дорогой, по голому, ровному степному мѣсту. Вдругъ у него задымилась ось; а до деревни далеко. Какъ онъ ни бился, что ни дѣлалъ — нѣтъ, ничѣмъ не уйметъ; кладь тяжелая, а какъ ужъ разъ загорѣлась ось, то извѣстно, хоть брось тотчасъ. Зальетъ, засыплетъ землей, бьется одинъ, какъ рыба объ ледъ; наконецъ справился кое-какъ, — съ версту проѣхали, опять стой, опять то же.

Наѣзжаетъ сзади шажкомъ другой извозчикъ, Архипка, по пути; Семень оглянулся, а у того ось запасная съ боку подвязана. Крѣпокъ заднимъ умомъ русскій человекъ — догадался Семень нашъ, что надо было бы и ему возить съ собою запасную ось. Обрадовавшись находкѣ, снимаетъ онъ шапку, кланяется товарищу и проситъ: «уступи, братъ, ось запасную, сдѣлай милость, вотъ и деньги сейчасъ отдамъ, что хочешь, бери, только уступи.» Тотъ подошелъ, поглядѣлъ: да, говоритъ, неладно у тебя дѣло; пожалуй возьми, коли хочешь — за два цѣлковыхъ.

У бѣднаго Семена волосъ дыбомъ сталъ, и обѣ руки полѣзли въ затылокъ. Онъ сказать сказалъ, какъ слышали: «что хочешь возьми, только продай», — да онъ, видишь, думалъ, что сѣхался съ православнымъ, что Господь послалъ ему помощь, а не бѣду; думалъ, что тотъ отдастъ ось, какъ слѣдуетъ въ такомъ случаѣ, за свои деньги, по христіански — не разживаться же чужой бѣдой; а тутъ вышло не то! «Помилуй, говорить, да она, гдѣ хочешь возьми ее, больше полтинника не стоитъ! — За моремъ телушка полушка, сказалъ тотъ, да рубль перевозу. Поди, да купи, коли нашелъ за полтинникъ. — А самъ было и поѣхалъ дальше. Семень за нимъ, и проситъ и кланяется — нѣтъ: два цѣлковыхъ, да и полно. Кинулъ мужикъ нашъ шапку объ землю, такъ ему жаль было денегъ — да дѣлать нечего; не ночевать тутъ; досталъ рублевики и отдалъ. «На, говорить, землякъ, Господь съ тобой; дай тебѣ Богъ разжиться съ легкой руки эти-

ми рублями». — Не видалъ я твоихъ рублей, молвилъ тотъ; нѣшто я тебя неволю, что ли? На, возьми ихъ, да подай сюда ось; я при своемъ буду, а ты при своемъ. — «Нѣтъ, землякъ, не ты неволишь, бѣда неволить; быть такъ, ступай съ Богомъ; спасибо, что устроилъ, а то пролежалъ бы я здѣсь сутки. Пособи пожалуйста поднять передокъ, да подвести ось.» Тотъ пособилъ, справились и поѣхали вмѣстѣ.

Только что тронулись, Архипка хватъ — чеки нѣтъ на задней оси; колесо скатилось, телѣга лежитъ на боку. «Стой! кричитъ онъ Семену, стой, братъ, вотъ и у меня бѣда случилась! Какъ тутъ быть? Чеки-то у меня запасной нѣтъ, а тутъ вокругъ ни прута; да вотъ что, землякъ, погоди, мы справимся! У меня топоръ есть, подай-ка, пожалуй-ста, обломокъ оси твоей, вѣдь ужъ она у тебя никуда не пойдетъ; я какъ разъ вытешу чеку, да и поѣдемъ вмѣстѣ.

— Пожалуй, говоритъ Семень, возьми; только ты миѣ за нее три цѣлковыхъ подай.

— «Съ ума что ли ты, братъ, спятилъ? три цѣлковыхъ за чеку, за обломокъ оси? Да онъ и гроша не стоитъ!»

— Вольному воля, сказалъ Семень; при тебѣ деньги, при миѣ товаръ. Поди, можетъ статься, гдѣ купишь и за грошъ.

Ударилъ Архипъ руками объ полы — хоть пропадай; не велика штука чека, а безъ нея не уѣдешь; либо сядь, да сиди, либо подай три цѣлковыхъ. Досталъ онъ мошну, вынулъ деньги, чуть не заплакалъ, и отдалъ Семену.

В. Даль.

180. Сказка о лисицѣ и волкѣ.

1.

Жилъ себѣ дѣдъ да баба. Дѣдъ говоритъ бабѣ: ты, баба, пеки пироги, а я поѣду за рыбой. Наловилъ рыбы, и везетъ домой цѣлый возъ. Вотъ ѣдетъ онъ и видитъ: лисичка свернулась калачикомъ, и лежитъ на дорогѣ. Дѣдъ слѣзъ съ воза, подошелъ къ лисичкѣ; а она и не ворохнется, лежитъ себѣ, какъ мертвая. «Вотъ будетъ подарокъ женѣ!» сказалъ дѣдъ, взялъ лисичку и положилъ на возъ, а самъ пошелъ впереди. А лисичка улучила время и стала выбрасывать изъ воза все по рыбкѣ да

по рыбку, все по рыбку да по рыбку. Повыбросала всю рыбу, и сама ушла. «Ну, старуха, говорить дѣдъ, какой воротникъ привезъ я тебѣ на шубу!» — Гдѣ? «Тамъ на возу — и рыба и воротникъ. Подошла баба къ возу: ни воротника, ни рыбы, и начала ругать мужа: ахъ ты, старый хрѣнь! такой-сякой! ты еще вздумалъ обманывать! — Тутъ дѣдъ смекнулъ, что лисичка-то была не мертвая; погоревалъ, погоревалъ, да дѣлать-то нечего.

2.

А лисичка собрала всю разбросанную по дорогѣ рыбу въ кучку, съѣла и ѣсть себѣ. На встрѣчу ей идетъ волкъ: здравствуй, кумушка! — Здравствуй, куманѣкъ! — Дай мнѣ рыбки! — Налови самъ, да и ѣшь. — Я не умѣю. — Эка, вѣдь я же наловила; ты, куманѣкъ, ступай на рѣку, опусти хвостъ въ прорубь, — рыба сама на хвостъ нацѣпляется; да смотри, сиди подольше, а то не наловишь. Волкъ пошелъ на рѣку, опустилъ хвостъ въ прорубь: дѣло-то было зимою. Ужъ онъ сидѣлъ, сидѣлъ, цѣлую ночь просидѣлъ; хвостъ его и приморозило; попробовалъ было приподняться — не тутъ-то было. «Эка, сколько рыбы привалило, и не вытащишь!» думаетъ онъ. Смотритъ, а бабы идутъ за водой и кричатъ, завидя сѣраго: волкъ, волкъ! бейте его, бейте его! Прибѣжали и начали колотить волка — кто коромысломъ, кто ведромъ, чѣмъ кто попало. Волкъ прыгалъ, прыгалъ, оторвалъ себѣ хвостъ и пустился безъ оглядки бѣжать. «Хорошо же, думаетъ, ужъ я тебѣ отплачу, кумушка!»

3.

А лисичка сестричка, покушавши рыбки, захотѣла попробовать, не удастся ли еще что-нибудь стянуть; забралась въ одну избу, гдѣ бабы пекли блины, да попала головой въ кадку съ тѣстомъ, вымазалась и бѣжить. А волкъ ей на встрѣчу: такъ-то учишь ты? меня всего исколотили! — Эхъ куманѣкъ, говоритъ лисичка сестричка, у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозгъ; меня больнѣй твоего прибили; я насилу шлепнусь. — И то правда, говоритъ волкъ; гдѣ тебѣ, кумушка, ужъ идти, садись на меня, я тебя доведу. Лисичка съѣла ему на спину, онъ ее и понесъ. Вотъ лисичка сестричка сидитъ, да потихоньку и говоритъ: «битый небитаго везеть!» — Что ты, кумушка, гово-

ришь?—Я, куманёкъ, говорю: битый битаго везеть.—Такъ, кумушка, такъ!

«Давай, куманёкъ, построимъ себѣ хатку. — Давай, кумушка.—Я себѣ построю лубяную, а ты себѣ ледяную.» Принялись за работу, сдѣлали себѣ хатки: лисичкѣ—лубяную, а волку—ледяную, и живутъ въ нихъ. Пришла весна, волчья хатка и растаяла.—А, кумушка, говоритъ волкъ, ты меня опять обманула; надо тебя за это съѣсть. «Пойдемъ, куманёкъ, еще поконаемся, кому-то кого достанется ѣсть.» Вотъ лисичка сестричка привела его въ лѣсъ къ глубокой ямѣ и говоритъ: «прыгай; если ты перепрыгнешь черезъ яму—тебѣ меня ѣсть, а не перепрыгнешь—миѣ тебя ѣсть.» Волкъ прыгнулъ и попалъ въ яму. «Ну, говоритъ лисичка, сиди же тутъ!» и сама ушла.

Г. ЛУГЪ.

181. Утро на лугу.

Кому не случилось быть весною, раннимъ утромъ, на лугу или по опушкѣ лѣса? Солнце свѣтитъ, въ воздухѣ тепло и тихо; куда ни помотришь, конца нѣтъ зелени, а по зелени ярко пестрѣютъ цвѣтки разукрашенные.

Все тихо, на деревѣ листь не шелохнется; вотъ поднялся жаворонокъ, и вьется въ воздухѣ и щебечетъ свою веселую пѣсню; вотъ — въ кустахъ порхаетъ малиновка, тамъ жужжитъ пчела, или пестрая бабочка перелетаетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ; здѣсь — по стебелькамъ ползетъ золотокрылый жукъ, тамъ внизу пробирается муравей и тащитъ соломинку. Все ликуетъ, все радуется Божіей благодати.

182. Сѣновось.

Пахнетъ сѣномъ надъ лугами... въ пѣснѣ душу веселя, бабы съ граблями рядами ходятъ, сѣно шевеля. Тамъ сухое убираютъ,

мужички его кругомъ на возъ вилами кидаютъ: возъ растеть, растеть какъ домъ... Въ ожиданіи конь убогій, точно вкопанный, стоитъ: уши врозь, дугою ноги и какъ будто стоя спитъ... Только Жучка удалая въ рыхломъ снѣгѣ, какъ въ волнахъ, то взлетая, то ныряя, скачетъ, лая въ попыхахъ.

А. Майковъ.

183. Вечеръ на сѣновосѣ.

Ярко звѣздъ мерцанье въ синевѣ небесъ; мѣсяца сіянье падаетъ на лѣсъ. Въ зеркало залива сонный лѣсъ глядитъ; въ чащѣ молчаливой темнота лежитъ. Слышенъ межъ кустами смѣхъ и разговоръ; жарко косарями разведенъ костеръ.

Вотъ ужъ пѣснь заводитъ пѣсенникъ лихой; изъ кружка выходитъ паренъ молодой. Шапку вверхъ кидаетъ, ловить—не глядитъ, пляшетъ, присѣдаетъ, соловьемъ свиститъ. Пѣснѣ отвѣчаетъ коростель въ лугахъ, пѣсня замираетъ далеко въ поляхъ...

Золотыя нивы, гладь и блескъ озеръ, свѣтлые заливы, безъ конца просторъ; звѣзды надъ полями, глушь да камыши... такъ и льются сами звуки изъ души!

Никитинъ.

184. Косарь.

Я куплю себѣ косу новую; отобью ее, наточу ее—и прости, прощай село рѣдное! Въ края дальніе пойдетъ молодецъ. Что внизъ по Дону, по набережью, хороши стоятъ тамъ слободушки! Степь раздольная далеко вокругъ, широко лежитъ, ковылемъ-травой разстилается!... Ахъ ты, степь моя, степь привольная! Широко ты, степь, пораскинулась, къ морю Черному на-надвинулась! Въ гости я къ тебѣ не одинъ пришелъ: я пришелъ самъ—другъ съ косою острою; мнѣ давно гулять по травѣ степной, вдоль и поперекъ, съ ней хотѣлося... Раззудись, плечо! Размахнись, рука! Ты пахни въ лицо, вѣтеръ съ полудня! Освѣжи, взволнуй степь просторную! Зажужжи, коса, засверкай кругомъ! Зашуми, трава, подкошенная; поклонись, цвѣты, головой землѣ! на ряду съ травой вы засохните.

Кольцовъ.

185. Лягушка и волъ.

Лягушка, на лугу увидѣвши вола, затѣяла сама въ дородствѣ съ нимъ сравняться: она завистлива была. И ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться.

— «Смотри-ка, квакушка, что, буду ль я съ него?» подругѣ говорить.

— Нѣтъ, кумушка, далеко!

— «Гляди же, какъ теперь раздуюсь я широко. Ну, каково? пополнилась ли я?»

— Почти что ничего.

— «Ну, какъ теперь?»

— Все то жъ.

Пыхтѣла да пыхтѣла, и кончила моя затѣйница на томъ, что, не сравнившись съ воломъ, съ натуги лопнула и околѣла.

Крыловъ.

186. Собака и волкъ.

Волкъ, примѣтивъ, что пастухъ заснулъ у своего стада, подошелъ къ собакѣ, охранявшей оное, и съ притворнымъ состраданіемъ сказалъ:

«Ахъ, какъ я сожалѣю о тебѣ! ты право несчастнѣйшее созданіе въ свѣтѣ! Съ утра до вечера ты должна находиться подъ открытымъ небомъ, въ какую бы погоду то ни было: то тебя мочить дождемъ, то палить солнцемъ; днемъ ты караулишь стадо, ночью заставляютъ тебя стеречь дворъ, ты никогда не имѣешь покоя; право, ты не живешь, а мучишься! Взгляни вотъ и теперь на своего хозяина: онъ себѣ спитъ спокойно, хотя, правду сказать, ему-то и надлежало бы болѣе заботиться о своемъ стадѣ, нежели тебѣ. Неужели ты никогда не устанешь вести такую безпокойную жизнь?»

— «Не устанешь, говоришь ты?» отвѣчала собака; «исполняя обязанность, не должно чувствовать усталости!»

— «Это правда», продолжалъ лстецъ; «однако же ты все-таки не вѣчный невольникъ своей обязанности. Это ты можешь видѣть изъ примѣра твоего хозяина.»

— «Что же ты находишь худого въ его поступкѣ? Развѣ ему

нельзя отдохнуть, имѣя вѣрнаго сторожа? Я полагаю, что онъ тѣмъ дѣлаетъ мнѣ честь, что ввѣряетъ моему бдѣнію все свое стадо; слѣдовательно онъ на меня надѣется.»

— «Конечно, это очень похвально съ его стороны, что онъ имѣетъ къ тебѣ полное довѣріе; однако же, какъ я думаю, и ему бы не мѣшало болѣе заботиться о своей обязанности, и не мучить тебя такъ жестоко.»

— «Потому-то именно, что я имѣю столько довѣрія отъ моего хозяина, мнѣ и должно удвоить свое бдѣніе. Что же касается до моего мученія, какъ ты говоришь, то ты очень ошибаешься: я, право, веду жизнь завиднѣе твоей.»

Сказавши это, она съ лаемъ бросилась на волка. Пастухъ, проснувшись отъ лая своего вѣрнаго Трезора, кинулся также на хитраго звѣря, и соединенными силами они прогнали летеца.

187. Вороненокъ.

Орелъ изъ-подъ небесъ на стадо налетѣлъ и выхватилъ ягненка; а воронъ молодой вблизи на то смотрѣлъ. Взмануло это вороненка, да только думаетъ онъ такъ: «ужь братъ, такъ братъ, а то и когти что марать! бываютъ и орлы, какъ видно, плоховаты. Ну, только ль въ стадѣ что ягняты? Вотъ я какъ захочу, да налечу, такъ царскій подлинно кусочекъ подхвачу!» Тутъ воронъ поднялся надъ стадомъ, окинулъ стадо жаднымъ взглядомъ: изъ множества ягнятъ, барановъ и овецъ высматривалъ, сличалъ и выбралъ наконецъ барана, да какого? прежирнаго, прематерого, который доброму бѣ и волку быть въ подъемъ. Изладясь, на него спустился, и въ шерсть ему, что силы есть, вцѣпился. Тогда-то онъ узналъ, что добыча не по немъ; что хуже и всего, такъ на баранѣ томъ тулупъ такой былъ прекосматый, густой, всклокоченный, хохлатый, что изъ него когтей не вытербилъ вонъ затѣйникъ нашъ крыматый, и кончилъ подвигъ тѣмъ, что самъ попалъ въ полонъ.

Съ барана пастухи его чинненько сняли; а чтобы онъ не могъ летать, ему всѣ крылья окарнали, и дѣтямъ отдали играть.

Крыловъ.

188. Старый волкъ.

1.

Злой волкъ, состарѣвшись, вздумалъ помириться съ пастухами. И пошелъ онъ къ пастуху, жившему ближе другихъ къ его логовищу.

«Пастухъ», сказалъ онъ, «ты называешь меня кровожаднымъ разбойникомъ; вѣдь это неправда! Конечно, когда я голодень, то бросаюсь на твоихъ овецъ: голодь тягостное чувство! Но защити меня отъ него, только корми меня, и ты будешь мною доволенъ. Я самое смиренное и кроткое животное, когда сытъ.»

— Когда ты сытъ, можетъ быть, отвѣчалъ пастухъ. Но когда же ты бываешь сытъ? Ты да скупой, вы никогда не бываете сыты. Убирайся прочь!

2.

Пошелъ волкъ къ другому пастуху. «Ты знаешь, пастухъ», сказалъ онъ, «что въ продолженіе года я могу удушить у тебя не мало овецъ. Согласись давать мнѣ въ годъ по шести овечекъ: я буду доволенъ, и тебѣ можно будетъ спокойно спать и не держать собакъ.»

— Шесть овецъ? сказалъ пастухъ. Да это цѣлое стадо!

«Ну, для тебя я удовольствуюсь пятью», возразилъ волкъ.

— Ты шутишь: пять овецъ! легко сказать.

«И четырехъ не дашь?» спросилъ опять волкъ.

Пастухъ насмѣшливо покачалъ головой.

«Трехъ? — двухъ?..»

— Ни одной! перебилъ его наконецъ пастухъ; глупо платить дань неприятелю, когда можно обезопасить себя отъ него бдительностію.

3.

Волкъ пошелъ къ третьему пастуху.

«Мнѣ очень прискорбно видѣть», сказалъ онъ, «что пастухи считаютъ меня самымъ злымъ и безсовѣстнымъ животнымъ. Я тебѣ сейчасъ докажу, какъ вы все несправедливы ко мнѣ. Давай мнѣ каждый годъ только по одной овцѣ, и твоему стаду

можно будетъ свободно пастись въ томъ лѣсу, въ которомъ только я и опасенъ. Одну овечку! сущая бездѣлица! можно ль быть великодушнѣе и безкорыстнѣе? Ты смѣешься, пастухъ? Чему же ты смѣешься?»

— Такъ, ничему. Но сколько тебѣ лѣтъ, пріятель? спросилъ пастухъ.

«А тебѣ что за дѣло до моихъ лѣтъ? Все-таки я въ силахъ еще удушить любого изъ твоихъ ягнятъ.»

— Не сердись, старина! Мнѣ очень жаль, что ты не сдѣлалъ мнѣ этого предложенія нѣсколькими годами раньше. Твои при- тупленные зубы измѣняютъ тебѣ. Ты прикидываешься безкоры- стнымъ, чтобы только легче и вѣрнѣе прокормить себя.

4.

Волкъ разсердился, но скоро опомнился и пошелъ къ четвер- тому пастуху, у котораго только что околѣла его вѣрная со- бака.

«Пастухъ», сказалъ волкъ, «я поссорился съ лѣсными брать- ями моими, и такъ поссорился, что никогда не помирюсь съ ни- ми. Тебѣ извѣстно, какъ они опасны. Но тебѣ стоитъ только взять меня въ услуженіе на мѣсто твоей умершей собаки, и я тебѣ ручаюсь, что ни одинъ изъ нихъ даже изкоса не посмо- трить на твоихъ овецъ.»

— Ты будешь защищать ихъ отъ твоей лѣсной братіи?

«Ну да, конечно.»

— Это было бы не худо! Но скажи-ка мнѣ: когда я при- ставлю тебя къ стаду, кто будетъ защищать моихъ бѣдныхъ овечекъ отъ тебя самого? Взять вора въ домъ, чтобы обезопа- сить себя отъ стороннихъ воровъ, — да это мы, люди, счи- таемъ....

— «А!» сказалъ волкъ, «ты начинаешь умничать. Прощай!»

5.

«О, если бъ я не былъ такъ старъ!» пробормоталъ сквозь зубы волкъ. «Но надобно покориться неизбѣжнымъ обстоятель- ствамъ!» И онъ пошелъ къ пятому пастуху.

«Знаешь ли ты меня, пастухъ?» спросилъ волкъ.

— Если не тебя лично, то по крайней мѣрѣ знаю тебѣ по- добныхъ, отвѣчалъ пастухъ.

«Мнѣ подобныхъ? Сомнительно. Я совершенно особенный волкъ, и заслуживаю быть въ дружбѣ не только съ тобою, но и со всѣми пастухами.»

— Что же въ тебѣ особеннаго?

«Я не могу ни съѣсть, ни удушить ни одной овцы. Я питаюсь только мертвыми овцами. Не похвально ли это? Позволь же мнѣ приходить иногда освѣдомляться, нѣтъ ли у тебя...»

— Замолчи лучше! сказалъ пастухъ. Волка, который ѣстъ мертвыхъ овецъ, голодь скоро научить считать больную овцу за мертвую, а здоровую за больную. Не надѣйся на мою дружбу, и иди прочь!

6.

«Чтобъ достигнуть своей цѣли, рискну теперь тѣмъ, что для меня всего дороже», подумалъ волкъ, и пошелъ къ шестому пастуху.

«Пастухъ, нравится ли тебѣ моя шкура?» спросилъ волкъ.

— Твоя шкура? сказалъ пастухъ. Посмотрим!.. Хороша; видно, собаки не часто теребили ее.

«Послушай же, пастухъ: я старъ и скоро не буду имѣть нужды въ ней. Корми меня до моей смерти, и я тебѣ откажу мою шкуру.»

— Вотъ что! сказалъ пастухъ. И ты прибѣгаешь къ уловкамъ старыхъ скрягъ?... Нѣтъ, этакъ твоя шкура обойдется мнѣ очень дорого. Если же тебѣ такъ хочется сдѣлать мнѣ подарокъ, то давай мнѣ ее сейчасъ.

Съ этими словами пастухъ схватилъ дубину, и волкъ умчался.

7.

«О, немилосердые!» вопилъ волкъ въ крайней ярости. «Такъ умру же я ихъ врагомъ, прежде чѣмъ уморить меня голодь; сами они хотятъ этого!»

Онъ побѣжалъ, ворвался въ жилища пастуховъ, разметалъ дѣтей ихъ, и не безъ труда былъ убитъ пастухами.

Тогда разсудительнѣйшій изъ пастуховъ сказалъ:

— Худо мы сдѣлали, что довели стараго вора до крайности и отняли у него всѣ средства къ исправленію, хотя позднему и невольному!

Д. ЛѢСЪ.

189. Лѣса.

Въ лѣсахъ пробуждается жизнь — весеннее солнышко освѣщаетъ ихъ. Кажется, будто тихіе вѣтерки западные говорятъ имъ: «распустите ваши листики, распустите ваши листики», и потомъ цѣлуютъ и снова цѣлуютъ ихъ.

Почки сіяютъ на солнышкѣ, и жаръ лучей расплавляетъ смолу, которая такъ долго защищала нѣжные отпрыски ихъ отъ стужи. Листья распускаются, и лѣса зеленѣютъ.

Вотъ опять съ ними происходитъ перемена—они въ полномъ блескѣ лѣтней красоты: всѣ листики развернулись; птички укрываются подъ ними, и густая тѣнь ложится отъ деревьевъ; цвѣты развертываются, и вѣтки колышутся отъ южнаго вѣтерка.

Но вотъ все уже вянетъ. Кленъ побагровѣлъ, ольха пожелтѣла. Роши вдали кажутся бронзовыми, и свѣтъ осенняго солнца пестритъ ихъ.

Листья падаютъ одинъ за другимъ; мохъ покрываетъ косматые корни; поля блекнутъ, и въ умирающемъ лѣсѣ поднимаются грибы, какъ жизнь въ царствѣ смерти.

Вотъ является острый топоръ: и какъ прежде листья падали, такъ теперь упадаютъ самыя деревья; они лежатъ, будто мертвыя тѣла, разбросанныя на полѣ сраженія.

Но настанетъ весна — и опять все зазеленѣетъ, и птички запоютъ, и пчелки зажужжатъ, и мошки начнутъ играть между деревьевъ, опять вездѣ будетъ жизнь и радость.

Такъ и мы вырастаемъ и цвѣтемъ, увядаемъ и падаемъ. Деревья — эмблема жизни и смерти нашей; они своимъ примѣромъ научаютъ насъ, что и для насъ нѣкогда настанетъ новая весна.

190. Дремучій лѣсъ.

Что дремучій лѣсъ призадумался? Грустью темною затуманился? Что Бова силачъ заколдованный, съ непокрытою головою въ бою, ты стоишь—поникъ, и не ратуешь съ мимолетною тучей-бурею? Густолиственный твой зеленый шлемъ буйный вихрь сорвалъ — и развѣялъ въ прахъ. Плащъ упалъ къ ногамъ и рассыпался... Ты стоишь — поникъ, и не ратуешь.

Гдѣ жъ дѣвалась рѣчь высокая, сила гордая, доблесть царская? У тебя ль, было, въ ночь безмолвную заливная пѣсь соловьиная... У тебя ль, было, дни—роскошество, другъ и недругъ твой прохладяются... У тебя ль, было, поздно вечеромъ грозно съ бурей разговоръ пойдетъ — распахнетъ она тучу черную, обойметъ тебя вѣтромъ—холодомъ, и ты молвишь ей шумнымъ голосомъ: «Вороти назадъ, держи около!» Закружить она, разыграется, дрогнетъ грудь твоя, зашатаешься—встрепенувшись, разбушуешься: только свистъ кругомъ, голоса и гулъ... Буря всплещется лѣшимъ, вѣдьмою, и несетъ свои тучи за море.

Гдѣ жъ теперь твоя мочь зеленая? Почернѣлъ ты весь, затуманился; одичалъ, замолкъ — только въ непогодь воешь жалобу на безвременье... Такъ-то, темный лѣсъ, богатырь Бова! ты всю жизнь свою маялъ битвами. Не осилили тебя сильные, такъ дорѣзала осень черная. Знать, во время сна, къ безоружному силы вражія понахлынули; съ богатырскихъ плечъ сняли голову — не большой горой, а соломенкой...

Кольцовъ.

191. Природа до и послѣ дожди.

Долго отраднѣйшій дождь не спадалъ: травы поблекли, душно въ лѣсахъ; сгибли цвѣточки, колосья златые въ полѣ лежать. Вдругъ благодатнѣйшій дождикъ отраднѣйшій съ неба упалъ. Все оживилось, все разцвѣло; въ рощахъ прохладно, въ полѣ опять колосья желтѣютъ, травы, цвѣточки веселы стали; небо свѣтлѣе, лѣсъ ароматнѣйшій, воздухъ пріятнѣйшій, птички запѣли.

192. Нейзалъ.

Люблю дорожкой лѣсною, не зная самъ куда, брести; двойной глубокой колеєю идешь—и нѣтъ конца пути... Кругомъ пестрѣетъ лѣсъ зеленый. Уже румянить осень клены, а ельникъ зеленъ и тѣнистъ; осинникъ желтый бьетъ тревогу; осыпался съ березы листь, и какъ коверъ устлалъ дорогу... Идешь, какъ будто по водамъ — нога шумить.... а ухо внемлетъ малѣйшій шорохъ въ чащѣ, тамъ, гдѣ пышный напоротникъ дремлетъ, а красныхъ мухоморовъ рядъ, какъ карлы сказочные спятъ....

Ужъ солнца лучъ ложится косо... вдали проглянула рѣка... на трясной мельницѣ колеса уже шумять издалека...

Вотъ на дорогу выѣзжаетъ тяжелый возъ—то промелькнетъ на солнцѣ вдругъ, то въ тѣнь уйдетъ.... И крикомъ клячѣ помогаетъ старикъ, а на возу дитя, и дѣда страхомъ тѣшить внучка; а хвостъ пушистый опустя, вокругъ съ лаемъ суетится Жучка, и звонко въ сумракъ лѣсномъ веселый лай идетъ кругомъ.

А. Майковъ.

193. Цвѣтокъ.

Природы милое творенье, цвѣтокъ, долины украшенье, на мигъ взлелѣянный весной, безвѣстенъ ты въ степи глухой! Скажи: зачѣмъ же такъ алѣешь, росой заискрясь, пламенѣешь, и дышишь чѣмъ-то какъ живымъ, благоуханнымъ и святымъ? Ты для кого въ степи широкой, ты для кого отъ селъ далеко? Не для крылатыхъ ли друзей, поющихъ въ воздухѣ степенъ? Для нихъ ли въ роскоши, семьями, румяной ягодой, цвѣтами и обаяньемъ для души, вы, травы, зрѣете въ тиши?

Кольцовъ.

194. Вечеръ въ лѣсу.

Смеркаетъ день. Въ бору темнѣеть; пожаръ зари надъ нимъ краснѣеть, во влажной почвѣ листь сухой безъ звука тонетъ подъ ногой. Недвижны сосны; сонъ ихъ чудный такъ полонъ грезъ. Едва, едва примѣтна неба синева сквозь вѣтви. Сѣтью изумрудной покрыла цѣпкая трава сухое дерево. Грозою оно на землю свалено и до корней обожжено. Тропинка черной полою лежитъ въ травѣ. По сторонамъ грибы бѣлѣютъ, тутъ и тамъ.

Порою вѣтеръ шаловливый разбудить листья, слышенъ шумъ, и вдругъ все стихнетъ — и на умъ приходятъ сказочныя дивы. Слухъ раздраженъ. Вотъ въ чащѣ трескъ, и мнится, видишь яркій блескъ двухъ яркихъ глазъ... одно мгновенье — и все пропало.

Вотъ рѣка. Въ зеленой рамѣ лозняка ея спокойное теченье такъ полно силы. Въ челноки собрали сѣти рыбаки, плывутъ, струи бѣгутъ отъ веселъ; угрюмый берегъ тѣнь отбросилъ, мостъ

подъ телѣгами дрожить, и скрипъ колесъ и стукъ копытъ тревожатъ цаплю, и пугливо она летитъ изъ подъ куста. Веселый шумъ и суета на мельницѣ. Нетерпѣливо вода сердитая реветъ, мелькаетъ жерновъ торопливо...

Никитинъ.

195. Дерево.

Стояло дерево въ долинѣ и, на судьбу свою пеняя, говоритъ: зачѣмъ оно не на вершинѣ какой нибудь горы стоитъ? И то жъ да то же все Зевесу докучаетъ. Зевесъ, который всѣмъ на свѣтѣ управляетъ, неудовольствіе отъ дерева внимаетъ и говоритъ ему: «Добро, перемѣню твое я состоянье, ко угожденью твоему.» И далъ Вулкану приказанье долину въ гору премѣнить. И такъ подъ деревомъ горою мѣсто стало. Довольнымъ дерево тогда казалось быть, что на горѣ стояло.

Вдругъ на лѣса Зевесъ за что-то гнѣвнѣе сталъ, и въ гнѣвѣ приказалъ всѣмъ вѣтрамъ на лѣса пуститься. Ужъ дѣйствуетъ свирѣпыхъ вѣтровъ власть: колеблются лѣса, листы столпомъ крутятся, деревья ломаются, валятся, все чувствуетъ свою погигель и напасть; и дерево теперь, стоявши на вершинѣ, трепещетъ о своей судьбинѣ. «Счастливы, говоритъ, деревья, что стоятъ въ долинѣ: имъ буря столько не вредитъ.» И только это лишь сказало, изъ корня вырвано — упало.

Хемницерь.

196. Загадка.

Что веселитъ весной, а лѣтомъ прохлаждаетъ, питаетъ осенью, зимою согрѣваетъ?

197. Вырубка лѣса.

Тамъ изъ-за старой, нахмуренной ели красные грозды калины глядѣли; тамъ поднимался дубокъ молодой... Птицы царили въ вершинѣ лѣсной, по низу всякіе звѣри таились....

Вдругъ мужики съ топорами явились — лѣсъ зазвенѣлъ, застоналъ, затрещалъ.... Заяцъ послушалъ — и вонъ побѣ-

жалъ; въ темную пору забила лисица, машеть крыломъ осторожиѣ птица, въ недоумѣнѣ тащатъ муравьи что ни поало въ жилища свои...

Съ пѣснями трудъ челоѣка спорился: словно подкошенъ, осинникъ валился; съ трескомъ ломали сухой березнякъ, корчили съ корнемъ упорный дубнякъ; старую сосну сперва подрубали, послѣ арканомъ ее нагибали и, поваливши, плясали на ней, чтобы къ землѣ прилегла поплотнѣй.... Много тутъ было печальныхъ картинъ: стономъ стонали верхушки осинъ, изъ перерубленной старой березы градомъ лилися прощальныя слезы и пропадали одна за другой данью послѣдней на почвѣ родной...

Кончились поздно труды роковыя. Вышли на небо свѣтила ночныя, и надъ поверженнымъ лѣсомъ луна остановилась кругла и ясна: трупы деревьевъ недвижно лежали; сучья ломались, скрипѣли, трещали; трепетно листья шумѣли кругомъ, — тѣни ходили по пнямъ бѣловатымъ, жидкимъ осинамъ, березамъ косматымъ; низко летали, вились колесомъ совы, шарахаясь о-земь крыломъ; звонко кукушка вдали куковала, да, какъ безумная, галка кричала, шумно летая надъ лѣсомъ... но ей не отыскать неразумныхъ дѣтей....

И. Некрасовъ.

* 198. Жаворонокъ.

На солнцѣ темный лѣсъ зардѣлъ, въ долину паръ бѣлѣтъ тонкій, и пѣсню раннюю запѣлъ въ лазури жаворонокъ звонкій. Онъ голосисто съ вышины поетъ, на солнышкѣ сверкая: весна пришла къ намъ молодая, я здѣсь пою приходъ весны; здѣсь такъ легко мнѣ, такъ радушно, такъ безпредѣльно, такъ воздушно; весь Божій міръ здѣсь вижу я, и славить Бога пѣснь моя.

Жуковский.

199. Осиротѣлая птичка.

Въ полѣ тихо; чуть-чуть вѣтъ перелетный вѣтерокъ; тѣнь полночная рѣдѣтъ; золотитъ заря востокъ. Въ тучкѣ блѣдный мѣсяцъ скрылся; звѣзды гаснутъ въ небесахъ; надъ рѣкой туманъ сгустился; роса бѣшетъ на лугахъ. Съ вѣтки бабочка слетѣла, къверху рѣзвая взвилась; въ рощѣ птичка ужъ запѣла,

заря ярче занялась. Будто огненной рѣкою разлилась она, — и вотъ за той пышною зарею солнце ясное встаетъ. Встрепенулись, запорхали тучи рѣзвыхъ мотыльковъ; они по полю летали, пили свѣжій сокъ цвѣтовъ. Къ верху жавронки взвивались выше, выше къ облакамъ; хоры птичекъ раздавались въ звучной рошѣ по кустамъ. Все какъ будто оживилось: солнце радость льетъ въ сердца; вся природа веселилась, славя дивнаго Творца. Пѣло все, не умолкая, солнце яснаго восходъ; лишь синичка молодая одна въ рошѣ не поетъ.

Что жъ на вѣткѣ такъ уныло, птичка милая, сидишь? Вотъ ужъ утро наступило, всѣ поютъ, а ты молчишь?

«Прежде пѣла я, бывало», птичка молвила въ отвѣтъ, «въ рошѣ первая встрѣчала свѣжій утренній разсвѣтъ. Трехъ малютокъ я родною тогда матерью была; имъ заботливо весною въ рошѣ гнѣздышко свила; свѣжій кормъ для нихъ собирала; днемъ я пѣсни пѣла имъ, въ ночь малютокъ согрѣвала я подъ крыльшкомъ моимъ. Сладко въ гнѣздышкѣ мы спали, и бывало безъ заботъ утромъ радостно встрѣчали солнца яснаго восходъ. Ахъ, жестоко сердце злое! Есть ли жалость у людей!... Мое гнѣздышко родное кто-то взялъ съ семьей моей! Съ той поры я все тоскую, съ той поры моя печаль: жаль семью мою родную, мнѣ малютокъ моихъ жаль!»

200. Кукушка.

«Послушайте меня, я не совру!» кукушка говорила птицамъ: чижамъ, щеглятамъ и синицамъ; «была я далеко, въ большомъ, густомъ бору; тамъ слышала, чего доселѣ не слыхала, какъ соловей поетъ. Ужъ не по нашему! Я хорошо пѣвала, да все не то... такъ сердце и замретъ отъ радости, когда во весь онъ голось свиснетъ, а тамъ защелкаетъ, или тихо пуститъ трель; забудешься совсѣмъ, и голова повиснетъ. Ну что противъ него свирѣль? Дивилась право я, дивилась... однако же не потаю: по соловьиному и я пѣть научилась. Для васъ, извольте, пропою точнѣхонько, какъ онъ... хотите?»

—Пропой, послушаемъ.

«Чуръ, не шумѣть, молчите! Вотъ выше сяду на суку. Ну, слушайте жъ теперь: куку, куку, куку!»

Измайловъ.

201. Скворецъ и кукушка.

Скворецъ изъ города, гдѣ въ клѣткѣ онъ сидѣлъ, на волю улетѣлъ. Къ нему съ вопросами кукушка приступила и говорила:

«Скажи, пожалуй, мнѣ, что слышалъ ты объ насъ, и городу каковъ нашъ голосъ показался? Я думаю, что вѣдь не разъ объ этомъ разговоръ случался. О соловѣй какая рѣчь идетъ?»

— На похвалу его и словъ не достаетъ.

«О жаворонкѣ что жъ?» кукушка повторяетъ.

— Всѣй городъ и его не мало похваляетъ.

«А о дроздѣ?»

— Да хвалятъ и его, хотя и не вездѣ.

«Позволишь ли ты мнѣ», кукушка продолжала, «тебя еще однимъ вопросомъ затрудить, и обо мнѣ, мой другъ, что слышалъ ты, спросить: весьма бѣ я знать о томъ желала, и я таки — пѣвала.»

— А про тебя, когда всю истину сказать, нигдѣ ни слова не слышать.

«Добро!» кукушка тутъ сказала; «такъ стану же я всѣмъ за это зло платить, и о себѣ сама все буду говорить.»

Хемницеръ.

202. Два ворона.

Воронъ къ ворону летитъ, воронъ ворону кричитъ: воронъ, гдѣ бѣ намъ пообѣдать! какъ бы намъ о томъ провѣдать?

Воронъ ворону въ отвѣтъ: знаю, будетъ намъ обѣдъ; въ чистомъ полѣ подъ ракитой богатырь лежитъ убитой.

Пушкинъ.

203. Думы.

Выкопалъ мужикъ яму въ лѣсу, прикрылъ ее хворостомъ: не попадется ли какого звѣря. Бѣжала лѣсомъ лисица. Заглядѣлась по верхамъ — бухъ въ яму! — Летѣлъ журавль. Спустился корму поискать, завязилъ ноги въ хворостъ; сталъ выбиваться — бухъ въ яму!

И лисѣ горе, и журавлю горе; не знаютъ, что дѣлать, какъ изъ ямы выбраться. Лиса изъ угла въ уголь мечется, — пыль по ямѣ столбомъ; а журавль одну ногу поджалъ и ни съ мѣста, и все передъ собой землю клюетъ. Думаютъ оба, какъ бы бѣдѣ помочь. Лиса побѣгаетъ, побѣгаетъ, да и скажетъ: «у меня тысяча, тысяча думушекъ!» Журавль поклюетъ, поклюетъ, да и скажетъ: «а у меня одна дума!» И опять примутся — лиса бѣгать, а журавль клевать. «Экой, думаетъ лиса, глупый этотъ журавль! что онъ все землю клюетъ? Того и не знаетъ, что земля толстая и насквозь ее не проклюешь.» А сама все кружить по ямѣ, да говорить: «у меня тысяча, тысяча думушекъ!» А журавль все передъ собой клюетъ, да говорить: «а у меня одна дума!»

Пошелъ мужикъ посмотрѣть, не попалось ли кого въ яму. Какъ слышала лиса, что идутъ, принялась еще пуще изъ угла въ уголь метаться, и все только и говоритъ: «у меня тысяча, тысяча думушекъ!» А журавль совсѣмъ смолкъ и клевать пересталъ. Глядитъ лиса — свалился онъ, ножки протянулъ и не дышетъ: умеръ съ перепугу, сердечный! Приподнялъ мужикъ хворостъ, видитъ—попались въ яму лиса да журавль: лиса юлитъ по ямѣ, а журавль лежитъ, не шелохнется. «Ахъ ты—говоритъ мужикъ—подлая лисица! Заѣла ты у меня такую птицу!» Вытащилъ журавля за ноги изъ ямы, пощупалъ его—совсѣмъ еще теплый журавль: еще пуще сталъ лису бранить. А лиса-то бѣгаетъ по ямѣ, не знаетъ, за какую думушку ей ухватиться: тысяча, тысяча думушекъ!

«Погоди жъ ты!» говоритъ мужикъ: «я тебѣ помну бока за журавля!» Положилъ птицу подлѣ ямы, да къ лисѣ. Только что онъ отвернулся, журавль какъ расправитъ крылья, да какъ закричитъ: «у меня одна дума была!» только его и видѣли. А лиса со своей тысячью, тысячью думушекъ попала на воротникъ къ шубѣ.

204. Ворона и лисица.

Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру; на ель ворона взгромоздясь, позавтракать было совсѣмъ ужъ собралась, да позадумалась, а сыръ во рту держала.

На ту бѣду лиса близехонько бѣжала; вдругъ сырнѣй духъ

лису остановилъ: лисица видитъ сыръ,—лисицу сыръ пѣнилъ. Плутовка къ дереву на цыпочкахъ подходитъ, вертитъ хвостомъ, съ вороны глазъ не сводить, и говоритъ такъ сладко, чуть дыша: «голубушка, какъ хороша! Ну что за шейка, что за глазки! Рассказывать, такъ право сказки! Какія перушки! какой носокъ! и вѣрно ангельскій быть долженъ голосокъ! Спои, свѣтикъ, не стыдись! Что ежели, сестрица, при красотѣ такой и пѣть ты мастерица, вѣдь ты бѣ у насъ была царь-птица!»

Вѣщущина съ похвалъ вскружилась голова, отъ радости въ зобу дыханье сперло—и на привѣтливой лисицыны слова ворона каркнула во все воронье горло: сыръ выпалъ—съ нимъ была плутовка такова.

Крыловъ.

206. Чижъ и ежъ.

Уединеніе любя, чижъ робкій на зарѣ чирикалъ про себя, не для того чтобы похвалъ ему хотѣлось, и не за что; такъ какъ-то пѣлось.

Вотъ, въ блескѣ и во славіи всей, Фебъ лучезарный изъ морей поднялся. Казалось, что съ собой онъ жизнь принесъ всему, и въ срѣтеніе ему хоръ громкихъ соловьевъ въ глухихъ лѣсахъ раздался. Мой чижъ замолкъ.

— «Ты что жъ», спросилъ его съ насмѣшкой ежъ, «приятель, не поешь?»

— «Затѣмъ, что голоса такого не имѣю, чтобъ Феба я достойно величалъ», сквозь слезъ чижъ бѣдный отвѣчалъ; «а слабымъ голосомъ я Феба пѣть не смѣю.»

Крыловъ.

207. Волкъ и журавль.

Что волки жадны, всякій знаетъ; волкъ, вѣни, никогда костей не разбираетъ. За то на одного изъ нихъ пришла бѣда: онъ костью чуть не подавился. Не можетъ волкъ ни охнуть, ни вздохнуть; пришло хотъ ноги протянуть. Но счастью близко тутъ журавль случился. Вотъ кой-какъ знаками сталъ волкъ его манить, и проситъ горю пособить.

Журавль свой носъ по шею засунулъ волку въ пасть, и съ трудностью большею кость вытащилъ, и сталъ за трудъ просить.

— «Ты шутишь!» звѣрь вскричалъ коварный: «тебѣ за трудъ? Ахъ, ты неблагодарный! А это ничего, что свой ты долгій носъ и съ глупой головой изъ горла цѣль унесъ! Поди жъ, пріятель, убирайся, да берегись: впередъ ты мнѣ не попадайся!»

Крыловъ.

207. Лиса и журавль.

Лиса съ журавлемъ подружилась, даже покумилась съ нимъ у кого-то на родинахъ. Вотъ и вздумала однажды лиса угостить журавля, пошла звать его къ себѣ въ гости: «приходи, куманекъ! приходи, дорогой! ужъ я какъ тебя угощу!»

Идетъ журавль на званный пиръ, а лиса наварила манной каши и размазала по тарелкѣ. Подала и подбиваетъ: «покушай, мой голубчикъ куманекъ! сама стряпала.» Журавль хлопъ-хлопъ носомъ, стучалъ, стучалъ, ничего не попадаетъ! А лисица въ это время лижетъ себѣ, да лижетъ кашу, такъ всю сама и скупшала. Каша съедена; лисица и говоритъ: «не осуди, любезный кумъ, больше подбивать нечѣмъ.» — «Спасибо, кума, и на этомъ! Приходи ко мнѣ въ гости.»

На другой день приходитъ лиса, а журавль приготовилъ окрошку, наклалъ въ кувшинъ съ малымъ горлышкомъ, поставилъ на столъ и говоритъ: «кушай, кумушка! право, больше нечѣмъ подбивать.» Лиса начала вертѣться вокругъ кувшина: и такъ зайдетъ и этакъ, и лизнетъ его и понюхаетъ—то, все ничего не достанетъ! не лѣзетъ голова въ кувшинъ. А журавль межъ тѣмъ клюетъ себѣ, да клюетъ, пока все съѣлъ. «Ну, не осуди, кума, больше угощать нечѣмъ!» Взяла лису досада: думала, что наѣстся на цѣлую недѣлю, а домой пошла какъ несолоно хлѣбала.

Какъ аукнулось, такъ и откликнулось! Съ тѣхъ поръ и дружба у лисы съ журавлемъ—врозь.

208. Лиса и тетеревъ.

Бѣжала лисица по лѣсу, увидала на деревѣ тетерева и говоритъ ему: «Терентій, Терентій! я въ городѣ была.»

— Бу-бу-бу! была, такъ была.

«Терентій, Терентій! я указъ добыла.»

— Бу-бу-бу! добыла, такъ добыла.»

Чтобы вамъ тетеревамъ не сидѣть по деревьямъ, а все бы гулять по зеленымъ лугамъ.»

— Бу-бу-бу! гулять, такъ гулять.

«Терентій, кто тамъ ѣдетъ?» спрашиваетъ лисица, услышавъ конскій топотъ и собачій лай.

— Мужикъ.

«Кто за нимъ бѣжитъ?»

— Жеребенокъ.

«Какъ у него хвостъ-то?»

— Крючкомъ.

«Ну, такъ прощай, Терентій! мнѣ дома недосугъ.»

209. Волкъ и лисица.

«Конечно, я не безъ грѣховъ», лисѣ волкъ говорилъ; «а право, изъ волковъ едва ли гдѣ найдешь другого, который бы, какъ я, великодушень былъ. Представь: ягненокъ разъ въ глаза меня бранилъ! не тронулъ я его, не молвилъ даже слова. Объ этомъ вотъ никто не скажетъ никогда. А если бъ слышала, кума, какъ онъ бранился...»

— Да помню: это вѣдь случилось тогда, какъ костью, кумъ, ты подавился.

Измайловъ.

210. Медвѣдь плясунъ.

Плясать медвѣдя научили, и долго на цѣпи водили; однако какъ-то онъ ушелъ и въ родину назадъ пришелъ. Медвѣди земляка лишь только что узнали, всѣмъ по лѣсу объ немъ, что тутъ онъ, промышали; и лѣсъ лишь тѣмъ наполненъ былъ, что всякъ другъ другу говорилъ: «вѣдь Мишка къ намъ опять явился». Откуда кто пустился, и къ Мишкѣ безъ души медвѣди всѣ бѣгутъ. Другъ перель другомъ Мишку тутъ встрѣчаютъ, поздравляютъ, цѣлуютъ, обнимаютъ; не знаютъ съ радости, что съ Мишкою начать, чѣмъ угостить и какъ принять. Гдѣ! развѣ торжество такое, какое ни разеказать, ни описать! И Мишку

всѣ кругомъ обстали. Потомъ просить всѣ Мишку стали, чтобъ похождение онъ свое имъ разсказалъ. Тутъ все, что только Мишка зналъ, разсказывать имъ сталъ; и между прочимъ показалъ, какъ на цѣпи плясалъ.

Медвѣди плясуна искусство всѣ хвалили, дивилися, превозносили, и каждый силу свою свою употреблялъ, чтобъ такъ же проплясать, какъ и плясунъ плясалъ. Однако сколько ни старались, и сколько всѣ ни умудрялись, и сколько ни кривлялись, не только чтобъ плясать, насилу такъ, какъ онъ, могли на лапы встать. Иной такъ со всѣхъ ногъ тутъ о землю хватился, когда плясать было пустился; а Мишка, видя то, и вдвое умудрился, и зрителей своихъ поставилъ всѣхъ въ ничто. Тогда на Мишку окрикъ всѣ: «прочъ, прочъ отсель сейчасъ! скотина этака, умнѣй быть хочешь насъ!» И всѣ на Мишку нападали, нигдѣ проходу не давали; и столько Мишку стали гнать, что Мишка принужденъ бѣжать.

Хемницеръ.

211. Левъ состарѣвшійся.

Могучій левъ, гроза лѣсовъ, постигнуть старостью, лишился силы: нѣтъ крѣпости въ когтяхъ, нѣтъ острыхъ тѣхъ зубовъ, чѣмъ наводилъ онъ ужасъ на враговъ, и самого едва таскаютъ ноги хилы. А что всего больнѣй, не только онъ теперь не страшенъ для звѣрей, но всякъ, за старыя обиды льва въ отмщенье, наперерывъ ему наноситъ оскорбленье: то гордый конь его копытомъ крѣпкимъ бьетъ, то зубомъ волкъ рванетъ, то острымъ рогомъ волъ боднетъ. Левъ бѣдный въ горѣ томъ великомъ, сжавъ сердце, терпитъ все и ждетъ кончины злой, лишь изъясняя ропотъ свой глухимъ и томнымъ рыкомъ. Какъ видить, что осель туда жъ, натужа грудь, собирается его лягнуть, и смотреть мѣсто лишь, гдѣ бъ было побольнѣе. «О, боги!» возопилъ, стеная, левъ тогда, «чтобъ не дожить до этого стыда, пошлите лучше мнѣ одинъ конецъ скорѣе! какъ смерть моя ни зла: все легче, чѣмъ терпѣть обиды отъ осла.»

Крыловъ.

212. Лисица и осель.

«Отколѣ умная бредешь ты голова?» лисица, встрѣтятся съ осломъ, его спросила.

— «Сейчасъ лишь ото льва! Ну, кумушка, куда его дѣвалась сила: бывало зарычитьъ, такъ стонетъ лѣсъ кругомъ, и я безъ памяти бѣгомъ, куда глаза глядятъ, отъ этого урода: а нынѣ въ старости и дряхлѣ и хилѣ, совсѣмъ безъ силъ, валяется въ пещерѣ, какъ колода. Повѣришь ли, въ звѣряхъ проналъ къ нему весь прежній страхъ; и полатился онъ старинными долгами! Кто мимо льва ни шель, всякъ вымещалъ ему по своему: кто зубомъ, кто рогами...»

— «Но ты коснуться льва конечно не дерзнуть?» лиса осла перерываетъ.

— «Вотъ-на!» осель ей отвѣчаетъ; «а мнѣ чего робѣть? и я его лягнулъ: пускай ослиныя копыты знаетъ!»

Крыловъ.

213. Разсказъ мышенка о помощи льву.

Разъ случилось, что множество насъ молодыхъ мышенятокъ бѣгало по полю въ запуски; я, какъ шальной раззадорясь, вспрыгнувъ съ разбѣгу на льва, отдохавшаго въ полѣ, и въ пышной гривѣ запутался. Левъ проснулся, и лапой огромной стиснулъ меня; я подумалъ, что буду раздавленъ какъ мошка. Съ духомъ собравшись, я высунулъ носъ изъ подъ лапы: «Левъ государь», ему я сказалъ, «мнѣ и въ мысль не входило милость твою оскорбить; пощади, не губи; не ровень часъ, самъ я тебѣ пригожуся.» Левъ улыбнулся (конечно онъ ужъ покушать успѣлъ) и сказалъ мнѣ: «Ты, вижу, забавникъ; льву услужить ты задумалъ, — добро! мы посмотримъ, какую милость окажешь ты намъ? Ступай.» Тогда онъ раздвинулъ лапу, а я давай Богъ ноги.

Но вотъ что случилось: дня не прошло, какъ все мы испуганы были въ поднольяхъ нашихъ львинымъ рыканьемъ: смутилась, какъ будто отъ бури, вся сторона; я не струсилъ; выбѣжалъ въ поле, и что же въ полѣ увидѣлъ? Царь левъ, запутавшись въ крѣпкихъ тенетахъ, мечется, бьется какъ бѣшенный; кровью глаза налилися; лапами рветъ онъ веревки, зубами грызетъ ихъ; но было все то напрасно, лишь болѣ себя онъ запутывалъ. «Видишь, левъ государь», сказалъ я ему, «что и я пригодился. Будь спокоень, въ минуту тебя избавимъ.» И тотчасъ созвалъ я дюжину ловкихъ мышатъ; принялись мы работать зу-

бомъ; узлы перегрызли тенеть, и левъ распутлялся. Важно кивнувъ головою косматою и насъ допустивши къ царской лапѣ своей, онъ гриву расправилъ, ударилъ сильнымъ хвостомъ по бедрамъ, и въ три прыжка очутился въ ближнемъ лѣсу, гдѣ въ мигъ и пропалъ.

Жуковский.

214. Осель и соловей.

Осель увидѣлъ соловья, и говоритъ ему: «Послушай-ка, дружище! ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище: хотѣлъ бы очень я самъ посудить, твое услышавъ пѣнье, велико ль подлинно твое умѣнье?»

Тутъ соловей являть свое искусство сталъ: защёлкалъ, зашвисталъ на тысячу ладовъ, тянулъ, переливался; то нѣжно онъ ослабѣвалъ и томной вдалекѣ свирѣлью отдавался, то мелкой дробью вдругъ по роцѣ разсыпался. Внимало все тогда любимцу и пѣвцу Авроры; затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры и прилегли стада. Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался, и только иногда, внимая соловью, пастушкѣ улыбался.

Скончалъ пѣвецъ. Осель, уставясь въ землю лбомъ, «изрядно!» говоритъ: «сказать не ложно, тебя безъ скуки слушать можно; а жаль, что незнакомъ ты съ нашимъ пѣтухомъ: еще бъ ты болѣ навострился, когда бы у него немножко поучился.»

Услыша судъ такой, мой бѣдный соловей вспорхнулъ и полетѣлъ за тридевять полей.

Крыловъ.

215. Волкъ, лошадь, собака, лиса и мужикъ.

Понался было бирюкъ въ капканъ, да кое-какъ вырвался и сталъ пробираться въ глухую сторону. Завидѣли его охотники и стали слѣдить. Пришлось бирюку бѣжать черезъ дорогу; а на ту пору шелъ по дорогѣ съ поля мужикъ съ мѣшкомъ и цѣпомъ. Бирюкъ къ нему: «сдѣлай милость, мужичокъ, схорони меня въ мѣшокъ! за мной охотники гонять.» Мужикъ согласился, запряталъ его въ мѣшокъ, завязалъ и взвалилъ на плеча. Идетъ дальше, а на встрѣчу ему охотники. «Не видалъ ли, му-

жичокъ, бирюка?» спрашиваютъ они. — Нѣтъ, не видалъ! отвѣчаетъ мужикъ. Охотники поскакали впередъ и скрылись изъ виду.

«Что, ушли мои злодѣи?» спросилъ бирюкъ. — Ушли. «Ну, теперь выпусти меня на волю.» Мужикъ развязалъ мѣшокъ и выпустилъ его на вольный свѣтъ. Бирюкъ сказалъ: «а что, мужикъ, я тебя съѣмъ! — Ахъ, бирюкъ, бирюкъ! я тебя изъ какой неволи выручилъ, а ты меня съѣсть хочешь! «Старая хлѣбъ-соль забывается», отвѣчалъ бирюкъ. Мужикъ видитъ, что дѣлито плохо, и говоритъ: «ну коли такъ, пойдемъ дальше, и если первый кто съ нами встрѣтится, скажетъ по твоему, что старая хлѣбъ-соль забывается, тогда дѣлать нечего — съѣшь меня!»

Пошли они дальше. Повстрѣчалась имъ старая лошадь. Мужикъ къ ней съ вопросомъ: «сдѣлай милость, кобылушка матушка! разсуди насъ. Вотъ я бирюка изъ большой неволи выручилъ, а онъ хочетъ меня съѣсть!» и рассказалъ ей все, что было. Лошадь подумала, подумала и сказала: — я жила у хозяина двѣнадцать лѣтъ, принесла ему двѣнадцать жеребятъ, изо всѣхъ силъ на него работала, а какъ стала стара и пришло мнѣ не въ моготу работать — онъ взялъ да и стацилъ меня подъ яръ; ужъ я лѣзла, лѣзла, насилу вылѣзла, и теперь вотъ плетусь, куда глаза глядятъ. Да, старая хлѣбъ-соль забывается! «Видишь, моя правда», молвилъ бирюкъ. Мужикъ опечалился и сталъ просить бирюка, чтобъ подождать до другой встрѣчи. Бирюкъ согласился и на это.

Повстрѣчалась имъ старая собака. Мужикъ къ ней съ тѣмъ же вопросомъ. Собака подумала, подумала и сказала: «служила я хозяину двадцать лѣтъ, оберегала его домъ и скотину, а какъ состарѣлась и перестала лаять — онъ прогналъ меня со двора, и вотъ плетусь я, куда глаза глядятъ. Да, старая хлѣбъ-соль забывается!» — Ну, видишь, моя правда! Мужикъ еще пуще опечалился и упросилъ бирюка обождать до третьей встрѣчи, а тамъ дѣлай, какъ знаешь, коли хлѣба-соли моей не помнишь.

Въ третій разъ повстрѣчалась имъ лиса. Мужикъ повторилъ ей свой вопросъ. Лиса стала спорить: «да какъ это можно, чтобы бирюкъ эдакая большая туша, могъ помѣститься въ эдакомъ маломъ мѣшкѣ?» И бирюкъ, и мужикъ побожились, что это истинная правда; но лиса все-таки не вѣрила, и сказала: «а ну-ка, мужичокъ, покажи, какъ ты сажалъ его въ мѣшокъ-то!» Мужикъ разставилъ мѣшокъ, а бирюкъ всунулъ туда голо-

ву. Лиса закричала: «да развѣ ты одну голову пряталъ въ мѣшокъ?» Бирюкъ влѣзъ совсѣмъ. «Ну-ка, мужичокъ, продолжала лиса, покажи, какъ ты его завязывалъ?» Мужикъ завязалъ. «Ну-ка, мужичокъ, какъ ты хлѣбъ-то молотилъ?» Мужикъ началъ молотить цѣпомъ по мѣшку. «Ну-ка, мужичокъ, какъ ты отворачивалъ?» Мужикъ сталъ отворачивать, да задѣлъ лису по головѣ и убилъ ее до смерти, приговаривая: «старая хлѣбъ-соль забывается!»

* 216. Пустынникъ и медвѣдь.

Пустынникъ, вскормивъ медвѣдя, такъ обучилъ его, что не нуждался больше въ услугахъ людей. Медвѣдь ловилъ ему дичь, носилъ дрова, стерѣгъ хижину и провожалъ его повсюду, не хуже иной собаки. Однажды, въ жаркій лѣтній день, пустынникъ спалъ на травѣ, подъ тѣнью густого дерева. Подлѣ него сидѣлъ медвѣдь и отгонялъ мухъ, которыя, летая роемъ вокругъ старика, не давали ему покоя. Особенно же надоѣдала ему одна муха. Ужъ нѣсколько разъ медвѣдь прогонялъ ее, но она все возвращалась и, садясь пустыннику то на ухо, то на щеку, кусала его; наконецъ она сѣла ему на самую середину лба. Тутъ медвѣдь не могъ ужъ больше вытерпѣть и вскричалъ сердито: «постой-ка ты, неотвязчивая! вотъ я тебѣ покажу, что значитъ безпокоить моего господина!» При этихъ словахъ онъ нагнулся и, поднявъ большой камень, бросилъ его такъ ловко пустыннику въ лобъ, что не только убилъ муху, но и раздробилъ черепъ пустыннику.

Басня эта показываетъ намъ, какъ опасно связываться съ глупцами и требовать отъ нихъ услугъ. Вѣдь не даромъ же говорить пословица, что «услужливый дуракъ опаснѣе врага».

217. Извилистыя тропинки.

«Скажите мнѣ, папаша, отъ чего такъ извилисты почти всѣ тропинки, которыя здѣсь проложены?» говорилъ сынъ отцу, гуляя съ нимъ по горамъ; «мнѣ кажется, что прямая дорога самая короткая. — А вотъ я объясню тебѣ, отвѣчалъ отецъ: одни вытоптали дорогу для удобства, изъ лѣности, желая обойти ка-

мень, ровъ или пригорокъ; другіе дѣлали это, не подумавъ, и шли то вправо, то влѣво, — и этихъ было гораздо больше; остальные пошли по ихъ слѣдамъ. Такъ привыкли поступать люди и въ жизни, стремясь по пути къ счастью: одни, не желая трудомъ и постоянствомъ преодолѣть препятствія, лежащія на прямой дорогѣ, стараются обойти ихъ и идутъ извилистыми дорожками; другіе — неразумительные, идутъ, куда глаза глядятъ, и сбиваются съ прямой дороги. Сынъ мой, если ты желаешь достигнуть скорѣе цѣли, не иди по ихъ слѣдамъ, избѣгай извилистыхъ тропинокъ и всегда держись прямой дороги.

* 218. Кому кукушка куковала.

Въ одно прекрасное майское утро Григорій и Михайла гуляли вмѣстѣ и, проходя черезъ рощу, услышали въ первый разъ пѣніе кукушки. «Кукушка хорошая предвѣстница», сказалъ суевѣрный Григорій; «крикъ ея предвѣщаетъ мнѣ что нибудь счастливое, по крайней мѣрѣ полный кошелекъ денегъ.» — «Отъ чего же тебѣ?» возразилъ Михайла, который былъ не умнѣе Григорія; «не знаю, для чего бы кукушкѣ предвѣщать счастье одному тебѣ? Я постарше и повидиѣ тебя, и увѣренъ, что она мнѣ предвѣщаетъ счастье.» Вмѣсто того чтобъ любоваться прекраснымъ утромъ, они заспорили и побранились; за бранью послѣдовали удары, и наконецъ два крестьянина разстались, оба избитые и въ сердцахъ другъ на друга. Противники встрѣтились у лѣкаря; и пока онъ перевязывалъ имъ раны, они рассказывали ему, какъ началась у нихъ ссора, и спрашивали, для кого изъ нихъ пѣла кукушка? Лѣкаръ засмѣялся и сказалъ имъ: «Ахъ, вы простаки! она пѣла не для васъ, а для меня, потому что вы пришли ко мнѣ лѣчиться и платить за лѣкарство; стало быть кукушка доставила мнѣ одному прибыль.»

219. Не положивъ, не ищи.

Приспилось мужику, что въ лѣсу, который называется у насъ заповѣдная кнея, лежитъ кладъ. Не дасть онъ нашему мужику ни спать, ни ѣсть, отбилъ отъ сна, отъ ѣды, — хоть что хочешь дѣлай, а надо искать кладъ. А какъ его искать? гдѣ искать?

Лѣсъ великъ; да опять же думаетъ про себя мужикъ: слышалъ я отъ стариковъ, что спроста кладъ не дается, а надо за него взяться умѣючи. Дай пойду, говоритъ, къ нашему кузнецу; онъ все знаетъ: и нашенътываетъ, и на картахъ гадаетъ, — авось поставитъ голову къ плечамъ, научитъ какъ быть. — Кузнецъ нашъ и точно научилъ; онъ за словомъ въ карманъ не полѣзетъ и знаетъ все. «Тебѣ, говоритъ, надо идти ночью на Ивановъ день въ лѣсъ; либо добудешь тамъ разрывъ-травы, когда папоротникъ разцвѣтетъ передъ разсвѣтомъ, либо самъ придетъ къ тебѣ кладъ, какъ онъ уже приходилъ къ тебѣ во снѣ. Ты сядь подъ деревомъ, не дремли, не шевелись, сиди смирно: придетъ къ тебѣ кладъ либо лѣшимъ какимъ, либо человѣкомъ, не то волкомъ, и прямо пойдетъ на тебя; ты все сиди, а какъ подойдетъ близко, ты не трусь, ничего не будетъ худого, коли не струсишь, а ударь его въ рожу на отмань, да примолви: «аминь, аминь, разсыпсь!» — онъ тутъ передъ тобой и разсыплется, и загребай. Ну, а мнѣ что же будетъ? смотри, все пополамъ. — «Все пополамъ», сказалъ мужикъ и перекрестился, снявъ шапку, что все пополамъ.

Пришелъ Ивановъ день. Кузнецъ научаетъ и наставляетъ мужика, повторяя опять, что кто бы ни подошелъ, ничѣмъ не смущайся, а ударь во все плечо на отмань и вели ему разсыпаться. Мужикъ пошелъ, просидѣлъ до самаго разсвѣта — нѣтъ никого, и кладъ не дается, и разрывъ-травы не цвѣтеть. Всталъ мужикъ, хочеть ужъ идти домой — глядь, идетъ кто-то, словно лѣшій, прямо на него. Собрался съ духомъ мужикъ, подпустилъ его, да какъ хватилъ!... а тотъ на него какъ вскинется: «что ты съ просонья одурѣлъ, что ли, аль не видишь? я провѣдать тебя пришелъ»... А это кузнецъ нашъ, проснувшись до свѣта, подумалъ, дай провѣдаю, не дался ли мужику кладъ, такъ чтобы не обманулъ, а подѣлился; пошелъ, да и съѣлъ такого треуха на отмань, что на силу шею опять выправилъ. За это онъ мужика за космы; тотъ отбиваться отъ него: ты самъ, говоритъ, велѣлъ на отмань ударить, кто ни подойдетъ, — я думалъ лѣшій, что ли...

И мужики наши подрались ни свѣтъ, ни заря; клада не нашли, а пришли домой съ подбитыми глазами.

В. Даль.

220. Смѣлые мальчики.

Недалеко отъ Лугоса, въ Венгрии, два мальчика собирали землянику въ лѣсу на горѣ. Вдругъ что-то зашумѣло надъ головами ихъ, и прежде нежели они успѣли опомниться, какъ огромный орелъ налетѣлъ сверху на одного изъ нихъ и уже захватилъ его острыми когтями, чтобы утащить въ гнѣздо свое. Но дерзость хищника была побѣждена присутствіемъ духа десятилѣтняго мальчика: онъ схватилъ орла за горло и сжалъ его такъ крѣпко, что силы страшной птицы въ одну минуту исчезли, и мальчикъ, уже поднятый на воздухъ, упалъ на землю вмѣстѣ съ врагомъ своимъ. Другой мальчикъ, увидѣвъ это, забылъ страхъ свой и бросился на помощь къ товарищу своему: съ начала кинулъ онъ на птицу свою курточку, а потомъ набѣжалъ на нее самъ, и чрезъ нѣсколько минутъ оба мальчика одержали совершенную побѣду надъ полузадохшимся орломъ. Связавъ ему крылья, они распустили ему горло и съ торжествомъ притащили въ городъ.

221. Два друга и медвѣдь.

Два друга, путешествуя вмѣстѣ, встрѣтились съ медвѣдемъ. Увидѣвъ звѣря, одинъ изъ нихъ взлѣзъ на дерево и спрятался тамъ, а другой, будучи оставленъ своимъ товарищемъ, упалъ на землю и притворился мертвымъ; когда же медвѣдь подошелъ къ нему и сталъ его обнюхивать, то онъ затаилъ дыханіе (ему извѣстно было, что медвѣдь рѣдко трогаетъ мертвыхъ). Медвѣдь въ самомъ дѣлѣ не тронулъ его и вскорѣ удался. Тогда путешественникъ, скрывавшійся на деревѣ, сошелъ внизъ и спросилъ своего друга, что такое медвѣдь шепталъ ему на ухо? — «Онъ мнѣ совѣтовалъ», отвѣчалъ другой путешественникъ, «впредь никогда не ходить въ дорогу съ такими друзьями, которые покидаютъ насъ въ опасности.» — Искренніе друзья познаются въ нуждѣ.

222. Крестьянинъ и работникъ.

Старикъ крестьянинъ съ батракомъ шелъ подъ вечеръ лѣскомъ домой, въ деревню, съ сѣнокосу, и повстрѣчали вдругъ медвѣдя

носомъ къ носу. Крестьянинъ ахнуть не успѣлъ, какъ на него медвѣдь насѣлъ. Подмялъ крестьянина, ворочаетъ, ломаетъ и, гдѣ бы его почать, лишь мѣсто выбираетъ; конецъ приходитъ старику.

«Степанушка, родной! не выдай, милой!» изъ подъ медвѣдя онъ взмолился батраку.

Вотъ новый Геркулесъ, со всей собравшись силой, что только было въ немъ, отнесъ полчерепа медвѣдю топоромъ, и брюхо прокололъ ему желѣзной вилой. Медвѣдь взревѣлъ и замертво упалъ: медвѣдь мой издыхаетъ.

Прошла бѣда; крестьянинъ всталъ, и онъ же батрака ругаетъ.

Опѣшилъ бѣдный мой Степанъ. «Помилуй», говоритъ, «за что?»

— «За что, болванъ! Чему обрадовался съ дуру? знай колетъ: всю испортилъ шкуру!»

Крыловъ.

223. У страха глаза велики.

Еврея, который шелъ по крайне нужному, т. е. денежному и торговому дѣлу черезъ лѣсъ, застигла ночь. Думать было нечего, надо идти впередъ; но страхъ усиливался съ минуты на минуту: темнѣло все болѣе и болѣе, небо заволакивало тучами, а еврей былъ увѣренъ, что лѣсъ весь набитъ биткомъ разбойниками. Смотритъ: одинъ стоитъ передъ нимъ, вышелъ съ боку на дорогу и стоитъ; даже видно, что у него дубинка на плечахъ... Не долго думавъ, еврей рѣшается прибѣгнуть къ хитрости. «Слушай», сказалъ онъ, «не тронь меня, я тебя не боюсь; видишь насъ двое.» А самъ снялъ съ головы мохнатую шапку, надѣлъ ее на кулакъ и поднялъ вровень съ головой... Разбойникъ молчитъ, ни слова, молчитъ да стоитъ. Еврей повторилъ нѣсколько разъ угрозу свою; но видя, что она не беретъ, снялъ потихоньку и ерможку съ головы, наткнулъ ее на другой кулакъ, приподнял и сталъ увѣрять разбойника, что теперь и во все его не боится, потому что стоитъ передъ нимъ самъ-третей. «Видишь», повторялъ онъ, «ну, видишь? говори же, зачѣмъ ты молчишь—видишь, что насъ трое? Ну, зачѣмъ же ты молчишь? Когда боишься, такъ поиди прочь и дай намъ пройти...» Но все это не повело ни къ чему: разбойникъ молчалъ упорно и

стоялъ на одномъ мѣстѣ, а жидъ самъ-третей передъ нимъ; наконецъ стало свѣтать, и жидъ, у котораго уже колѣни дрожали и зубъ не попадалъ на зубъ, вдругъ прищурился, поглядѣлъ, перевелъ духъ, надѣлъ ермолку и шапку, плюнулъ и пошелъ: передъ нимъ стоялъ пенъ, или лучше сказать, онъ простоялъ всю ночь передъ пнемъ, и съ нимъ разговаривалъ и стращалъ его шапкой и ермолкой.

В. Даль.

Е. ВОДЫ.

224. Вода.

Все хорошо въ природѣ, но вода—красота всей природы. Вода жива; она бѣжитъ, или волнуется вѣтромъ; она движется и даетъ жизнь и движеніе всему ее окружающему. Разнообразны явленія водъ, и непонятны законы этого разнообразія. Изъ вершины высокой, первозданной горы, сложенной изъ каменнаго дикаго плитняка, бьетъ свѣтлая, холодная струя, скачетъ внизъ по уступамъ горы, и смѣря по ея крутизнѣ, образуетъ или множество маленькихъ водопадовъ, или одно, много два большія паденія воды. Если она сжата камнями, то гнется узкою лентою; если катится съ плиты, то падаетъ широкимъ занавѣсомъ; если же поверхность горы не камениста и не крута, то вода выроетъ себѣ постоянное небольшое русло,—и какъ все живо, зелено и весело вокругъ него! Неизвѣстно, откуда возьмутся несвойственныя горамъ травы, цвѣты, кусты и деревья, незабудки, дикій нарцисъ, кукушкины слезки, тальникъ и березка. Нигдѣ по близости не растутъ они; но видно вѣтеръ вездѣ разноситъ всякія сѣмена, да только не вездѣ они всходятъ и принимаются.

С. Аксаковъ.

225. Сказка о щуцѣ зубастой.

Въ ночь на Ивановъ день родилась щука въ Шекснѣ, да такая зубастая, что Боже упаси! Лещи, окуни, ерши—всѣ собра-

лись глазѣть на нее, и дивовались такому чуду. И стала щука рости не по днямъ, а по часамъ; что день, то на вершокъ прибавится; и стала она въ Шекенѣ похаживать, да лещей, окуней полавливать: издали увидить леща, да и хватъ его зубами, леща какъ не бывало, только косточки хрустятъ на зубахъ у щуки зубастой. Экая оказія случилась на Шексиѣ! Что дѣлать лещамъ да окунямъ — тошно приходитъ, щука всѣхъ приѣсть, прикарнаеть.

Собралась вся мелкая рыбица и стала думу думать, какъ перевести щуку зубастую. На совѣтъ пришелъ и Ершъ Ершовичъ и сказалъ: «Полноте думать да голову ломать, полноте мозгъ портить! а вотъ послушайте, что я буду баять. Тошно намъ всѣмъ теперь въ Шексиѣ; щука зубастая проходу не даетъ, всякую рыбу на зубъ беретъ; не житье намъ въ Шексиѣ, переберемтесь—ка лучше въ мелкія рѣчки жить: въ Сизму, Коному да Славенку; тамъ насъ никто не тронетъ, и будемъ жить прищѣваючи.» И поднялись всѣ ерши, лещи, окуни изъ Шексны въ мелкія рѣчки Сизму, Коному да Славенку.

Съ тѣхъ поръ въ Шексиѣ совсѣмъ мало стало мелкой рыбицы. Закинетъ рыбакъ удочку въ воду, да ничего не вытащитъ; когда-нѣкогда попадется стерлядка, да тѣмъ и ловлѣ шабашъ. Вотъ вамъ и вся сказка о щукѣ зубастой. Много надѣлала плутовка хлопотъ въ Шексиѣ, да послѣ и сама не сдобровала. Какъ не стало мелкой рыбицы, пошла хватать червячковъ и попалась на крючокъ. Рыбарь сварилъ изъ нея забубенную ушицу, да тѣмъ, кажись, и заговѣлся.

226. Водонадъ.

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четырема скалами;
Жемчугу бездна и сребра
Кишитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми;
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ.
Съдая пѣна по берегамъ
Лежитъ клубами въ дебряхъ темныхъ;
Стукъ слышенъ млатовъ по вѣтрамъ;
Визгъ пилъ и стонъ мѣховъ подъемныхъ:

О, водопадъ! въ твоёмъ жерлѣ
Все утопаетъ въ безднѣ, въ мглѣ!
Вѣтрами ль сосны пораженны? —
Ломаются въ тебѣ въ куски;
Грозами ль камни отторженны? —
Стираются тобой въ пески;
Сковать ли воду льды дерзаютъ —
Какъ пыль стеклянна ниспадають...

Державинъ.

227. Водопадъ и ручей.

Кипящій водопадъ, свергаяся со скалъ, цѣлебному ключу съ надменностью сказалъ (который подъ горой едва лишь былъ примѣтенъ, но силой славился лѣчебною своею): «Не странно ль это? Ты такъ малъ, водой такъ бѣденъ, а у тебя всегда премножество гостей? Не мудрено, коль мнѣ приходитъ кто дивиться; къ тебѣ зачѣмъ идуть?»

— «Лѣчиться», смиренно прожурчалъ ручей.

Крыловъ.

228. Рѣчка.

По полю, полю чистому, по бархатнымъ лужкамъ течеть, струится рѣченька къ безвѣстнымъ бережкамъ. Взойдетъ гроза, пройдетъ гроза, — всегда свѣтла она; отъ бури лишь поморщится, не зная, что волна... Не роши, не дубравушки по бережку растутъ: кусты цвѣтовъ лазоревыхъ, любуясь въ ней, цвѣтуть.

А рѣчка извивается по травушкѣ скользить, то въ ямкѣ потеряется, то снова заблеститъ. Ей убыли невѣдомы, всегда въ одной красѣ; за прибыль благодарствуетъ небесной лишь росѣ. Но долго ль, долго ль рѣченькѣ катиться по цвѣтамъ? Ждутъ бездны моря свѣтлую въ дали туманной, тамъ. О поле, поле чистое! осиротѣешь ты... и вы, и вы посохнете, лазоревы цвѣты!

Цыгановъ.

229. Загадка.

Одна дорога есть большая: и не грязна, и не пыльна; она идетъ не отдыхая, а путешественникъ сидитъ какъ у окна.

230. Болото.

Я цѣлый часъ болотомъ занялся. Тамъ бѣлоусъ торчитъ какъ щепка жесткій; тамъ точно прудъ зеленый разлился; лягушка, взгромоздясь, какъ на подмости, на старый пенъ, торчащій изъ воды, на солнцѣ нѣжится и дремлетъ.... Бѣлымъ пушкомъ одѣты тощія цвѣты; надъ ними мошки вьются роємъ цѣлымъ; лишь незабудокъ сочныхъ бирюза кругомъ глядитъ умильно мнѣ въ глаза, да оживляютъ бѣдный мѣръ болотной порханье бѣлой бабочки залетной и хлопоты стрекозокъ голубыхъ вокругъ тростинокъ тощихъ и сухихъ.

А. Майковъ.

231. Ручей.

Поселянинъ сидѣлъ у ручья, который протекалъ мимо его луга, и смотрѣлъ на пасущееся свое стадо. Но онъ былъ печаленъ: трава росла скудно, и не могла прокормить его стадо и половину лѣта.

Тутъ подошелъ къ нему сосѣдъ, примѣтилъ печальный его видъ и спросилъ о причинѣ тайной его грусти. Поселянинъ рассказалъ о своихъ опасеніяхъ и маломъ доходѣ отъ луга. Но сосѣдъ отвѣчалъ: «сдѣлай такъ, какъ я сдѣлалъ съ моимъ лугомъ. Онъ лежитъ при этомъ же ручьѣ, и былъ прежде безплоденъ и бѣденъ. Я провелъ въ него ручей, и трава стала расти тучная и высокая.»

Поселянинъ обрадовался умному совѣту, пошелъ, взявъ помощниковъ, принялся за работу, и они прокопали ручей.

Но ручей такъ наводнилъ лугъ, что онъ сдѣлался подобенъ озеру и покрылъ его пескомъ и камнями. Несчастный поселянинъ рвалъ на себѣ волосы, побѣжалъ къ сосѣду и жестоко бранилъ его за совѣтъ.

Но сей отвѣчалъ: «Другъ! для чего ты сердишься на меня за совѣтъ, который я далъ тебѣ отъ добраго сердца? Жалуйся лучше на самого себя и на твое собственное нетерпѣливое сердце. Тебѣ надобно было провести ручей небольшими рвами черезъ лугъ, а не затоплять его всюю силою воды. Токмо такъ утучняетъ онъ луга, дѣлаетъ ихъ плодоносными и оставляетъ назади песокъ и камни.»

Такъ же дѣйствуетъ и свѣтъ истины.

232. Источникъ живой воды.

Въ жаркій день три путника сошлись на краю большой дороги, у чистаго, студенаго ключа. Густые, сочные кусты нависли надъ источникомъ и берегли его свѣжесть своею тѣнью. Вода собиралась тамъ въ большой сосудъ, высѣченный изъ камня; изъ сосуда бѣжала она свѣтлыми, прозрачными струйками и обливала надпись: «Будь похожъ на этотъ источникъ». Струйки собирались на крупномъ пескѣ и текли небольшимъ ручейкомъ все дальше и дальше по цвѣтистому лугу.

Путники напились, прочитали надпись и стали обдумывать, что она значить.

«Это хорошій совѣтъ», сказалъ одинъ изъ путниковъ, какъ видно, купецъ. За плечами у него была котомка, и въ широкомъ кожаномъ поясѣ было что-то тяжелое завернуто или зашито; прочные сапоги его были покрыты густымъ слоемъ пыли, накопившейся во время продолжительной ходьбы. «Источникъ течетъ безпрестанно, течетъ далеко, растетъ, принимаетъ въ себя воду другихъ ключей, становится большою рѣкою и какъ будто говорить своимъ примѣромъ: будь дѣятеленъ, не останавливайся никогда и — успѣешь въ исполненіи своихъ намѣреній.»

Другой путникъ, старикъ, съ книгою въ рукѣ, покачалъ головой.

— Здѣсь урокъ гораздо выше, сказалъ онъ; этотъ ключъ готовъ для всякаго, утоляеть жажду всякаго прохожаго, не требуетъ благодарности, и этимъ ясно говорить людямъ: дѣлай добро изъ любви къ добру, и не ищи вознагражденія.

Третій путникъ не говорилъ ничего. Это былъ прекрасный, бѣлокурый юноша, который въ первый разъ и недавно только разстался съ своею матерью. Товарищи спросили его, какъ онъ думаетъ? Онъ призадумался немного, слегка покраснѣлъ и сказалъ: «Миѣ этотъ ключъ говорить совсѣмъ другое. Зачѣмъ это непрерывное движеніе, зачѣмъ эта готовность утолить жажду всякаго прохожаго, если бы вода этого ключа была мутна! Главное достоинство его въ томъ, что онъ чистъ и ясенъ. Не о прилежаніи и не о великодушіи нашемъ говоритъ эта надпись. Будь похожъ на этотъ источникъ — значить: сохрани свою ду-

шу въ такой чистотѣ, чтобы въ ней хорошо отражались, какъ въ этомъ ключѣ, всѣ цвѣты земли и всѣ лучи неба.

233. Ручей и море.

Плотно закутала ночь прохладная землю покровомъ своимъ; мѣръ облегла тишина благодатная, встали туманы какъ дымъ... Въ рощѣ замолкли пѣвцы голосистые, въ листьяхъ заснуль вѣтерокъ; только за рощей, катя воды чистыя, тихо журчить ручеекъ... Близко къ безсонному, съ пѣгой лѣнливою, гордо катится рѣка; слышится ей, не далѣко — за нивою, ропотъ глухой ручейка. «Что ты не спишь?» ему шепчетъ въ забвеніи, въ сладкой дремотѣ рѣка; «видишь, какъ крѣпко все спитъ, въ упоеніи, — вѣтеръ не тронетъ листка; видишь, какъ сладко, покоемъ обвѣянный, мѣръ убаюканный спитъ; видишь, какъ чудно, звѣздами усеянный, сводъ небесный блеститъ!.. — Матушка! снятся мнѣ сны невеселые, — шепчетъ рѣкѣ ручеекъ: снилось мнѣ, будто сѣкиры тяжелыя нашъ подрубили лѣсокъ; будто, заливши луга плодородные, сталъ я большою рѣкой; будто бы наши ручьи мелководные всѣ любовались мной... Снилось въ туманѣ мнѣ небо далекое, звѣзды въ чудесномъ огнѣ; снилось мнѣ, будто есть море глубокое, гдѣ-то въ другой сторонѣ. Будто то море, для глазъ необъятное, больше и шире всѣхъ рѣкъ; будто на немъ ходятъ волны громадныя съ ревомъ и шумомъ весь вѣкъ... Будто въ томъ морѣ безъ страху купаются, въ синихъ волнахъ, корабли; будто тамъ горы кругомъ возвышаются, скалы чернѣютъ вдали... Снилось мнѣ ясно — луга неизвѣстные, гдѣ-то въ чужой сторонѣ... Матушка! эти-то земли чудесныя видѣть хотѣлось бы мнѣ. Тамъ наслаждаются пѣгой свободно; жизнь хороша тамъ, какъ рай! и говорятъ, что съ зимою холодною вѣкъ незнакомъ этотъ край! — «Знаю я», молвила рѣчка спокойная, «знаю я эти края: тамъ, гдѣ пустыня кончается знойная, въ море вливаюсь я. Видѣла много я въ мѣрѣ чудеснаго, видѣла новый я свѣтъ; но признаюсь, что лучше любезнаго края родимаго нѣтъ! Хочешь — тебѣ покажу я глубокое море, сынокъ дорогой; хочешь — увидишь ты небо далекое, край заколдованный свой? Въ морѣ опасна пучина тревожная, къ ней я тебя приучу; тихо, спокойно, какъ мать осторожная, къ морю тебя я домчу...» Радостно вспрянулъ, словами утѣшенный,

въ руслѣ своемъ ручеекъ; шумно разыгралъ онъ — и съ радостью бѣшеной въ рѣку, клубясь, потекъ. Бережно приняли волны глубокія гостя съ родимой земли; шумно плескаясь, въ предѣлы далекіе быстро его понесли. Вотъ недалеко и море тревожное — быстро катится рѣка; вотъ показалось вполнѣ уже грозное бѣднымъ струямъ ручейка. Видитъ онъ: страшно кругомъ воздымаются съ ревомъ и шумомъ валы; будто разрушить собою стараются твердость гранитной скалы. Страшно бѣдняжкѣ межъ шуму ужаснаго, жметъ онъ ближе къ волнѣ: — Матушка, шепчетъ онъ, много опаснаго въ этой морской глубинѣ! Нѣтъ, не рожденъ я для поприща шумнаго: гдѣ мнѣ бороться съ волной? море раздавить скитальца безумнаго — лучше вернуться домой! Матушка, эти всѣ прелести дикія милы лишь только во снѣ; страны далекія, рѣки великія пусть будутъ чуждыми мнѣ; пусть я по прежнему съ нѣгой свободною буду въ лугу своемъ течь: тамъ моя матушка въ ночь непогодную станетъ покой мой беречь. Пусть мнѣ по прежнему страны чудесныя снятся въ обманчивомъ снѣ: я не помчуся въ края неизвѣстные, дома пріятнѣе мнѣ; дома мнѣ лучше и осень унылая, лучше — и холодъ зимой! О, отнеси жь меня, матушка милая, вновь поскорѣе домой!

234. Старикъ и ребята свосвольные.

Кто пожилыхъ людей слова пренебрежетъ и пылкой юности стремленью покорится, тотъ часто со вредомъ и поздно вразумится, сколь справедливъ людей испытанныхъ совѣтъ. Ребята у моря со старикомъ гуляли и какъ-то на челнокъ напали, въ который вздумали они и сами сѣсть, и въ тотъ же старика хотятъ ребята ввестъ, чтобъ съ ними по морю немного прокатиться. Но старику ли согласиться съ ребятами шалить? Старикъ и ихъ увѣщаетъ охоту эту отложить; ребятамъ живо представляетъ, что кончится игра бѣдой. Ребятамъ нужды нѣтъ, хоть голова долой. Чѣмъ больше убѣждалъ старикъ ѣзду оставить, тѣмъ больше на своемъ старался всякъ поставить. Старикъ еще ихъ унимать: «Эй, право вамъ не сдобровать; челнокъ вамъ на бѣду, повѣрьте мнѣ, я знаю; вѣдь вамъ же я добра желаю.» — Пустое, старичокъ! Что слушаться его? — А сами прыгъ въ челнокъ, и въ морѣ наконецъ изъ виду удалились. Тиха была вода,

когда они пустились; но вдругъ поднялся вихрь, затмила туча свѣтъ. Челнокъ то вверхъ, то внизъ бросаетъ: ребята чтобъ назадъ, но вѣтеръ не пускаетъ; ребята чтобъ спастись, но ужъ спасенья нѣтъ: челнокъ вверхъ дномъ, и всѣхъ собою потопляетъ.

Хеллицеръ.

235. Морская тишь.

Все спокойно надъ водами, безъ движенья море спитъ, и печально мореходецъ на равнины воды глядитъ. Воды стихли, замолчали; какъ въ могилѣ тишина! и на всей обширной дали не шелохнется волна.

236. Погибающій пловецъ.

Вотъ мрачится сводъ лазурный! вотъ крутится вихоръ бурный! Вѣтръ свиститъ, громъ гремитъ, море стонетъ; путь далѣкъ... тонетъ, тонетъ мой челнокъ!

Все чернѣе сводъ надзвѣздный, все чернѣе воютъ бездны. Глубь безъ дна, смерть вѣрна! Какъ заклятый врагъ грозитъ, вотъ девятый валъ бѣжитъ... горе, горе! онъ настигнетъ, въ шумномъ морѣ чѣлнъ погибнетъ!

237. Загадка.

Есть деревянный домъ: изъ мѣста въ мѣсто онъ гуляетъ; не на землѣ стоитъ, но землю объѣзжаетъ, а кажется на мѣстѣ онъ однимъ.

238. Пословицы и поговорки, имѣющія отношеніе къ лѣсу и водѣ.

Чѣмъ дальше въ лѣсѣ, тѣмъ больше дровъ. Отъ искры сырѣ боръ загорается. Худое дерево въ сукъ растетъ. За одинъ разъ дерева не срубись. Ломи дерево, пока молодо. Исподоволь и ольху согнешь, а вкрутъ и вязъ переломишь. Отъ осины яблочко не родится. Въ лѣсѣ не сѣздишь, такъ и на полатахъ за-

мерзнешь. Лѣсомъ шель, а дровъ не видалъ. Въ лѣсу рубять а къ намъ щенки летять. Въ лѣсъ дровъ не возять, въ колодезь воду не льють.

Не извѣдавъ броду, не суйся въ воду. Проналъ, какъ камень въ воду кануль. Мѣрская молва, что морская волна. Спи ди у моря, да жди погоды.—Не море корабли тонить, а вѣтры. Большому кораблю большое и плаванье. Воды изъ моря синица не много упеть. Морскихъ тонить море, а сухопутныхъ горе. Вода путь найдетъ. Рыбакъ рыбака далеко въ плесѣ видить.

IV. ЧЕЛОВѢЧЕСКІЙ ОРГАНИЗМЪ.

* 239. Старые и молодые люди.

У Никифора было два сына: одному было лѣтъ двѣнадцать, а другому лѣтъ четырнадцать. Однажды сосѣди рассказали ему, что его дѣти смѣялись надъ старухою. Отецъ, сдѣлавъ имъ строгій выговоръ, объяснилъ, что не хорошо издѣваться надъ старыми людьми. Дѣти обѣщали исправиться. Но чрезъ нѣсколько времени мальчики забыли свое обѣщаніе и, встрѣтившись однажды съ бѣднымъ старикомъ, стали смѣяться надъ нимъ, называя его *старымъ хрюномъ*. Отецъ узналъ объ этомъ, началъ думать, какимъ бы образомъ исправить легкомысленныхъ дѣтей своихъ. Скоро наступилъ день именинъ Никифора; дѣти пришли его поздравить, и пожелали ему счастья и долгой жизни. «Дѣти», сказалъ имъ отецъ, «я не хочу долго жить; пожелайте мнѣ лучше скорѣе умереть, я боюсь дожить до старости; когда я сдѣлаюсь старымъ, надо мною будутъ также смѣяться злые дѣти, какъ вы смѣялись недавно надъ однимъ старикомъ, и меня будутъ называть *старымъ хрюномъ*.» Дѣти покраснѣли и отъ стыда не знали, куда дѣваться; они любили своего отца, поняли свое безразсудство—и съ тѣхъ поръ не смѣялись болѣе надъ старыми людьми.

240. Спусти лѣто, да въ лѣсъ по малину.

Однажды въ году бываетъ красное лѣто; одинъ разъ въ году цвѣтутъ цвѣты и растутъ ягоды! И человѣкъ дважды молодъ не бываетъ. Молодость наше лѣто, запомните! За лѣтомъ идетъ осень, за молодостию—старость! Добрые хозяева запасаются лѣтомъ всѣмъ, что нужно на круглый годъ: и хлѣбомъ, и крупою, и овсомъ, и сѣномъ, и ягодами, и плодами, и овощами. И человѣкъ съ молодости долженъ заготовить всѣмъ, что нужно подъ старость: терпѣніемъ, познаніями, добрыми навыками, добрыми дѣлами. Весело, хорошо, тепло будетъ въ зиму старости съ такимъ запасомъ! Спусти лѣто въ лѣсъ за малиной не ходять, говоритъ пословица; и человѣкъ на старости не найдетъ покоя, если проспалъ молодость свою.

241. Старикъ.

Возвращаясь съ охоты, одинъ молодой человѣкъ остановился передъ домикомъ лѣсничаго и, войдя въ сѣни, съ удивленіемъ увидѣлъ, что старикъ сѣялъ сѣмена грушъ и яблोकъ въ деревянные ящики, наполненныя землею. Лѣсничему было около семидесяти лѣтъ, значить, онъ не могъ уже надѣяться, что дождется плода отъ трудовъ своихъ. «Зачѣмъ ты напрасно трудись», сказалъ молодой человѣкъ старику; «вѣроятно тебя уже не будетъ на свѣтѣ въ то время, когда выростутъ изъ этихъ сѣмянъ деревья.» — А развѣ мы живемъ только для себя? отвѣчалъ лѣсничій. И румянецъ стыда выстушилъ на лицѣ молодого человѣка.

* 242. Три пары и одинъ.

Два уха, а ротикъ одинъ, — зачѣмъ же, нельзя ли узнать?

Чтобъ болѣе слушать и меньше болтать.

Два глаза, а ротикъ одинъ, — къ чему же, нельзя ли сказать?

Чтобъ болѣе видѣть и меньше зѣвать.

Двѣ ручки, а ротикъ одинъ?...

Вотъ это—то лучше всего: работать—то двое готовы, кормить же имъ лишь одного.

243. Зрѣніе.

Солнечный свѣтъ, или какой другой, приходитъ къ человѣку, прикасается къ нему; но человѣкъ ничего бы не зналъ о томъ, что есть на свѣтѣ солнце, небо, далекія синія горы, бродячія облака,— человѣкъ не видалъ бы ничего, если бы въ головѣ у него не было двухъ окошекъ, сквозь которыя свѣтъ проходитъ въ голову. И стекла вставлены въ эти окошки, и ставни сдѣланы, чтобы на ночь закрывать ихъ; только стекла не простыя, не такія, какъ въ нашихъ домовыхъ окнахъ, и ставни не простые. Ставни эти — вѣлки. Они такъ устроены, что затворяются и отворяются, когда угодно человѣку; и можетъ онъ открыть ихъ больше или меньше. Когда свѣтъ очень ярокъ, то ставни прищуриваются, чтобы впустить поменьше свѣту. Тутъ же еще для тѣни устроены рѣсницы. Совсѣмъ не надо свѣту, такъ вѣлки совсѣмъ закрываются, а рѣсницы закрываютъ щелку своимъ двойнымъ, тѣнистымъ рядомъ. Опасное что нибудь встрѣчается, такъ глаза раскрываются какъ можно шире, чтобы ничего не упустить изъ виду. Оттого—то и говорить, что у страха глаза велики.

* 244. Зачѣмъ не видалъ?

Изъ сада, среди бѣлаго дня, украли плоды; а при садѣ былъ сторожъ. Кто виноватъ? разумѣется, сторожъ. Сторожа привели въ судъ. Когда судья началъ его допрашивать, сторожъ въ свое оправданіе сталъ увѣрять, что будто принялъ вора за хозяина сада. Судья спросилъ у сторожа: «да развѣ ты не знаешь хозяина?»—Знаю, отвѣчалъ сторожъ. «Въ такомъ случаѣ», возразилъ судья, «выходитъ, что ты не потрудился хорошенько разглядѣть, кто рвалъ плоды, воръ или хозяинъ? Есть у тебя глаза, или нѣтъ? Если есть, зачѣмъ ты не пользовался своими глазами? зачѣмъ не видалъ? Если бы ты смотрѣлъ со вниманіемъ, то навѣрно бы отличилъ вора отъ хозяина. Стало бытъ ты виноватъ.» И судья приговорилъ сторожа къ наказанію.

245. Мартышка и очки.

Мартышка къ старости слаба глазами стала; а отъ людей она слышала, что это зло еще не такъ большой руки: лишь стоитъ завести очки. Очковъ съ полдюжины себѣ она достала; вертить очками такъ и сякъ: то къ темю ихъ прижметъ, то ихъ на хвостъ панижетъ, то ихъ понюхаетъ, то ихъ полижетъ; очки не дѣйствуютъ никакъ. «Тьфу пропасть!» говоритъ она, «и тотъ дуракъ, кто слушаетъ людскихъ всѣхъ вракъ: все про очки лишь мнѣ нагали, а проку на волосъ нѣтъ въ нихъ.» Мартышка тутъ съ досады и съ печали о камень такъ хватила ихъ, что только брызги засверкали.

Крыловъ.

246. Загадка.

Братъ съ братомъ черезъ дорожку живутъ, одинъ другого не видятъ.

* 247. Зачѣмъ не слыхаль?

Во многихъ нѣмецкихъ городахъ и у насъ въ Финляндіи есть особыя сторожа, которые ходятъ ночью по улицамъ; каждый разъ, когда пробьютъ городскіе часы, эти сторожа кричатъ или поютъ на улицахъ, сколько пробилъ. Это дѣлается для того, чтобы каждый житель зналъ навѣрно, который часъ, а равно и для доказательства, что сторожъ не спитъ, а караулитъ. Одного такого сторожа обвиняли, что онъ невѣрно выкрикиваетъ часы. Сторожъ началъ оправдываться тѣмъ, что онъ не слыхаль боя часовъ. «Если такъ, возразилъ судья, то вѣрно ты плохо слышишь: тебя слѣдуетъ отставить отъ должности.» Сторожъ, страшась лишиться мѣста, сталъ увѣрять, что у него слухъ отличный. «Если такъ, то нѣтъ тебѣ оправданія, замѣтилъ судья, ты виноватъ; зачѣмъ ты не слыхаль? тебя должно наказать за небрежность.»

*** 248. Неумышленное похищеніе.**

На одного путешественника была принесена жалоба, что онъ во время почлега въ гостинницѣ умышленно взялъ, вмѣсто своей простой поярковой шляпы, чужую, совершенно новую шелковую шляпу. На вопросъ судьи, правда ли это? обвиненный отвѣчалъ, что онъ дѣйствительно надѣлъ чужую шляпу, но что онъ сдѣлалъ это по ошибкѣ, не узнавъ въ темнотѣ, что шляпа была не его. Судья возразилъ ему однако жъ слѣдующее: «Мнѣ трудно повѣрить вашимъ словамъ; взявъ шляпу, вы легко могли замѣтить, что у васъ въ рукѣ не грубый поярокъ, а мягкій шелкъ; вѣдь осязаніемъ мы различаемъ и не такія вещи!»—Да этого чувства у меня почти вовсе нѣтъ въ пальцахъ, отвѣчалъ путешественникъ, отъ того что я однажды въ большой холодъ ознобилъ себѣ руки. — При этихъ словахъ онъ показалъ судѣ свои руки; онѣ дѣйствительно были сильно повреждены. Судья убѣдился, и не приговорилъ его къ наказанію.

*** 249. Зачѣмъ данъ тебѣ вкусъ?**

Работница, служа по найму у крестьянина, нѣсколько разъ выпивала потихоньку молоко, которое было у хозяина на погребѣ. Хозяева начали подмѣчать и, дознавшись наконецъ, кто былъ виноватъ, пожаловались на работницу сельскому старшинѣ. Улики были на лицо, и работницѣ нельзя было отпереться; но она въ оправданіе свое говорила, что будто ночью она не распознала молока и сочла его за воду, отъ того что съ нѣкоторыхъ поръ совсѣмъ потеряла вкусъ. Выслушавъ эти слова, сельскій старшина велѣлъ подать работницѣ двѣ закрытыя кружки: въ одной былъ уксусъ, а въ другой молоко; онъ подаль работницѣ кружку съ уксусомъ, приглашая ее попробовать. Работница исполнила приказъ, но начала морщиться и кашлять. «Да это уксусъ!» сказала она съ неудовольствіемъ. Тогда старшина подаль ей другую кружку и спросилъ: а это что?—«Это молоко», отвѣчала работница, хлѣбнувъ изъ кружки.—Ну вотъ видишь ли, сказалъ старшина, стало быть у тебя есть вкусъ, и потому твое давшіе показаніе чистая ложь. Если можешь отличить уксусъ отъ молока, то можешь отличить и молоко отъ воды.—Зачѣмъ не только присудили работницу къ заслуженному

наказанію, но заставили ее заплатить за все чужое молоко, которое она вышила.

250. Дурная кухарка.

Въ одномъ домѣ нанималась кухарка. Съ нѣкотораго времени начали замѣчать, что она очень дурно готовитъ кушанье: то слишкомъ пересолить, то не досолить. Хозяйка призвала ее къ себѣ и начала ей выговаривать, зачѣмъ она не пробуетъ кушанья, и даже сказала, что она намѣрена отказать ей отъ мѣста. Кухарка отвѣчала, что напротивъ того она отвѣдываетъ каждое блюдо, и что, сколько ей извѣстно, ни одно кушанье не было ни недосолено, ни пересолено. Хозяйка не повѣрила и хотѣла было возражать, но въ эту минуту вошелъ въ комнату докторъ; хозяйка рассказала ему, что случилось. Выслушавъ, докторъ взглянулъ на кухарку и сказалъ: «да она, кажется, нездорова, у ней больной видъ.» Потомъ онъ посмотрѣлъ у ней языкъ, пощупалъ пульсъ и убѣдился, что она дѣйствительно нездорова. Кухарка въ свою очередь сказала, что точно съ нѣкотораго времени чувствуетъ себя нездоровою, и что болѣзнь ея по всему вѣроятію происходитъ отъ того, что она простудилась; хозяйка, увѣрившись, что кухарка не виновата, освободила ее на время отъ всякой работы и попросила доктора, чтобы онъ помогъ ей.

* 251. Горькій цвѣтокъ.

Въ одинъ весенній день маленькая Миночка пошла гулять съ маменькой своей на горы, которыхъ было много въ томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ жили. Дорогой понадалось имъ множество прехорошенькихъ цвѣточковъ, и Миночка не могла довольно любоваться ими. Но болѣе всѣхъ понравился ей одинъ красенькій, маленькій, нѣжный какъ пухъ. Миночка сорвала его, разсматривала со всѣхъ сторонъ, цѣловала, нюхала его и безпрестанно говорила о томъ, какъ онъ нравится ей. Наконецъ ей наскучило только любоваться и восхищаться имъ; ей захотѣлось насладиться еще болѣе цвѣточкомъ своимъ: она поднесла его ко рту и начала его кушать.

Но что жъ случилось? Не успѣла маленькая дурочка пожевать одинъ листочекъ, какъ вдругъ она закричала, заплакала и побѣжала къ маменькѣ. «Маменька, маменька!» говорила она, почти рыдая, «я хотѣла съѣсть этотъ хорошенькій цвѣточекъ, да онъ такой горькій, что весь ротъ у меня какъ будто въ огнѣ. Ахъ! гадкій, негодный цвѣтокъ!»

Такъ жаловалась глушенькая дѣвочка; но маменька сказала ей: «Душенька! зачѣмъ ты вздумала ѣсть этотъ цвѣтокъ? Цвѣты красивы видомъ своимъ, красками; они пріятно пахнутъ: вотъ и все, что они могутъ доставить тебѣ. Не довольно ли того, что глаза твои могутъ любоваться красотой ихъ, что ты можешь наслаждаться ихъ прекраснымъ запахомъ; зачѣмъ же ѣсть ихъ?»

252. Загадка.

Около прорубки стоятъ бѣлыя голубки.

253. Въ чему нужно обоняніе?

Одну женщину, которая была сидѣлкою въ больницѣ, обвиняли въ томъ, что она не смотритъ за чистотою воздуха въ комнатѣ, гдѣ лежали порученные ей больные, и что отъ этого тамъ бываетъ нерѣдко весьма противный запахъ. Разумѣется, что ей сдѣланъ былъ допросъ; она однако жъ утверждала, что ей ни разу не случилось замѣтить, что бы въ комнатѣ у больныхъ былъ противный запахъ, и что поэтому она не считала нужнымъ ни курить у нихъ, ни отворять отдушникъ. Къ показанію своему она прибавила еще, что впрочемъ она могла ошибиться, могла не чувствовать неприятнаго запаха, отъ того что она уже нѣсколько дней больна насморкомъ. Эти слова оказались справедливыми, и женщину не наказали.

254. Гвоздика.

У одного садовника росла на грядкѣ прекрасная гвоздика; и нѣжный цвѣтъ ея и превосходный запахъ восхищали всѣхъ. Однажды вошелъ къ нему въ садъ господинъ, почтенный видомъ;

съ супругой; они разсматривали гвоздику. Господинъ говорилъ: цвѣтъ ея нисколько не замѣчательнъ, но запахъ превосходенъ и чрезвычайно пріятенъ. «Нѣтъ», спорила жена его, «цвѣтъ ея превосходенъ, но къ несчастію она не имѣетъ никакого запаха.» Садовникъ не могъ вдругъ понять причину этого страннаго противорѣчія; но наконецъ замѣтилъ, что господинъ имѣлъ слабое зрѣніе, а супруга его дурное обоняніе. Тогда онъ подумалъ: «что случилось съ моею гвоздикой, часто случается и съ вещами весьма цѣнными; сколько людей пренебрегаютъ ихъ отъ того только, что имѣютъ зрѣніе слишкомъ слабое, чтобъ разсматрѣть ихъ, и чувство слишкомъ тупое, чтобъ понять все ихъ совершенство!»

255. Члены человѣческаго тѣла.

Члены человѣческаго тѣла однажды поссорились и не захотѣли служить другъ другу. «Не хотимъ ходить, не хотимъ носить васъ всѣхъ», говорятъ ноги, «ходите сами!»—«Не хотимъ работать для васъ», говорятъ руки, «работайте сами!»—«Что я за дуракъ», ворчитъ ротъ, «что стану кормить васъ; не хочу жевать пищу для желудка!» — «А мы что за сторожа для васъ», сказали глаза, «не хотимъ смотрѣть!» Такъ взбунтовались всѣ члены и отказались отъ службы. Что жъ вышло изъ этого? Такъ какъ ноги не хотѣли ходить, руки работать, ротъ кушать, глаза смотрѣть: то всѣ члены начали ослабѣвать, все тѣло сохнуть. Тогда они поняли, что глупо ссориться, что нужно помогать другъ другу. Принялись дружно за работу и снова окрѣпли и поздоровѣли.

256. Пословицы и поговорки, относящіяся къ человѣческому тѣлу.

Съ радости кудри вьются, а съ печали сѣкутся. Око видитъ далеко, а мысль еще дальше. Глаза глядятъ, а руки дѣлаютъ. Не хвали въ очи, не брани за глаза. Не доглядишь окомъ, заплатишь бокомъ. Гляди въ оба. Не въ бровь, а въ самый глазъ. У семи нянекъ дитя безъ глазу. Завидливые глазки все съѣсть хотятъ. Не выбирай глазами, а выбирай ушами. У сердца уши

есть. Слухомъ земля полнится. Не бойсь! кровь изъ носу пойдетъ. На всякое чиханье не наздравствуешься. Языкъ врагъ, прежде ума глаголетъ. Что на умѣ, то и на языкѣ. У языка зубы да губы два замка. Изъ одного рта и тепло и холодно. Изъ одной головы да два языка. На языкѣ медокъ, а на сердце ледокъ. Языкомъ что хочешь болтай, а рукамъ воли не давай. Гортань гласу родитель, гласъ же гортани кормитель.

Рука руку моетъ. Одной рукой узла не завяжешь. На свою руку охулки не положить. Межъ дверей пальца не клади. Локоть близко, да не укусишь. И безъ перца дойдетъ до сердца. Людское сердце не лукошко, не прорѣжешь въ немъ окошка. Отъ избытка сердца уста глаголютъ. На сердцѣ ненастье, такъ и въ вѣдро дождь идетъ. Что въ сердцѣ варится, то въ лицѣ не утается. По одѣжкѣ протягивай ножки. На голую ногу всякій башмакъ впору. Гляди подъ ноги; хоть ничего не найдешь, такъ ноги не зашибешь.

253. Надъ тѣлесными недостатками смѣяться не должно.

Варвара была скромная и прилежная дѣвочка, но глаза у нея были косые; поэтому надъ нею нерѣдко смѣялись другія дѣти, въ особенности же одна дѣвочка Анна, которая очень много думала о своемъ красивомъ личикѣ.

Однажды она съ насмѣшкою сказала Варварѣ: «отъ чего ты никогда не глядишь на меня прямо? ты вѣрно меня не любишь!»

Варвара поняла насмѣшку и, помолчавъ, сказала: «я не могу исправить недостатка моихъ глазъ, но за то буду стараться избѣгать другихъ недостатковъ.»

Вскорѣ послѣ этого Анна заболѣла оспой, и нѣсколько дней была въ такомъ положеніи, что боялись за ея жизнь. Наконецъ она выздоровѣла. Но, Боже, что сдѣлалось съ ея красивымъ личикомъ! Оспа изуродовала его, покрыла страшными рябинами.

Послѣ болѣзни, пришедши въ первый разъ въ школу, Анна не смѣла поднять глазъ и безпрестанно закрывала лицо руками.

Одно злонаправное дитя, замѣтя это, подошло къ Аннѣ и сказало ей: «что съ тобою, что ты все плачешь и закрываешься?»

Анна поняла насмѣшку и дѣйствительно начала плакать, но

не о томъ, что ее изуродовала оспа, а о томъ, что она смѣялась прежде надъ бѣдною Варварою.

258. Лучшая приправа.

Одинъ князь, застигнутый проливнымъ дождемъ во время прогулки, зашелъ въ ближайшую хижину.

Дѣти крестьянина въ это время сидѣли за столомъ, и предъ ними стояла чашка съ овсянымъ супомъ. Они ѣли съ большимъ аппетитомъ, и всѣ были такъ свѣжи и румяны, какъ розы.

«Какъ это возможно», спросилъ князь у крестьянина, «ѣсть съ такимъ очевиднымъ удовольствіемъ эту грубую пищу и въ то же время быть здоровымъ и цвѣтущимъ?»

Крестьянинъ отвѣчалъ: «это происходитъ отъ трехъ различныхъ причинъ, которыми я приправляю пищу. Во первыхъ я заставляю своихъ дѣтей заслуживать обѣдъ трудомъ. Во вторыхъ кромѣ обѣда я ничего не даю имъ ѣсть, для того чтобы они сѣлились за столъ голодными. А въ третьихъ я приучаю ихъ къ умѣренности, не давая имъ лакомствъ и сладкой пищи.»

Трудъ, голодъ и умѣренность составляютъ лучшую приправу ко всякому кушанью.

259. Неумѣнье жить долго.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ—говоритъ одинъ изъ нѣмецкихъ писателей—прочиталъ я, что близъ Рима умеръ одинъ человекъ ста десяти лѣтъ отъ роду, что онъ никогда не бывалъ боленъ, и что во все продолженіе своей долгой жизни онъ былъ веселаго нрава и хорошаго тѣлосложенія. Прочитавъ это, я тотчасъ же написалъ въ Римъ, прося уведомить меня, не было ли въ жизни этого человека какой-либо особенной причины, доставившей ему такую долгую и счастливую старость,—и получилъ слѣдующій отвѣтъ:

«Этотъ человекъ былъ добръ и ко всѣмъ ласковъ, ѣлъ и пилъ столько, сколько было нужно для поддержанія здоровья его, и никогда болѣе того, сколько требовала природа. Съ самаго ранняго дѣтства онъ любилъ трудиться и никогда не былъ празднымъ.»

Я записалъ это въ мою памятную книжку. Вскорѣ потомъ я узналъ изъ другого журнала, что близъ Стокгольма умерла женщина 115 лѣтъ, и что она также была всегда счастлива, здорова и не знала, что значитъ болѣзнь. Тотчасъ же написалъ я въ Стокгольмъ, чтобъ узнать о родѣ жизни этой женщины, и получилъ вотъ какой отвѣтъ:

«Она всегда была очень опрятна, и имѣла привычку каждый день умывать себѣ лицо и руки холодною водою. Кромѣ того она часто купалась и никогда не ѣла никакихъ лакомствъ или сластей; рѣдко пила кофе или чай, и въ ротъ не брала вина.»

И это также я записалъ въ мою памятную книжку.

Спустя нѣсколько времени я прочиталъ еще, что около Петербурга жилъ какой-то человѣкъ въ совершенномъ здоровьи до 120 лѣтъ. Я опять взялся за перо и написалъ въ Петербургъ, и вотъ что отвѣчали мнѣ:

«Онъ вставалъ рано, никогда не спалъ болѣе семи часовъ, никогда не лѣнился, много работалъ, особенно на открытомъ воздухѣ и въ саду своемъ. Ходя или сидя, онъ никогда не держался криво или наклонясь въ сторону, но всегда совершенно прямо, и презиралъ всякаго рода роскошь и изиѣженность.»

Прочитавъ и это, и записавъ въ мою книжку, я сказалъ самому себѣ: «Ты будешь просто глупцомъ, если не воспользуешься всѣми этими примѣрами.»

Но, чтобъ имѣть безпрестанно въ памяти жизнь этихъ счастливыхъ старичковъ, я написалъ все, что узналъ о нихъ, на картѣ, которую укрѣпилъ къ моему письменному столу, чтобъ безпрестанно напоминать себѣ о томъ, что должно дѣлать и отъ чего должно воздерживаться. Каждое утро и каждый вечеръ я прочитываю карту мою и стараюсь въ полной мѣрѣ соображаться съ предписанными въ ней правилами.

И теперь, любезные и молодые читатели и читательницы мои, могу увѣрить васъ словомъ честнаго человѣка, что я чувствую себя гораздо здоровѣе и счастливѣе съ тѣхъ поръ, какъ живу по этимъ правиламъ. Прежде у меня была головная боль почти каждый день, а теперь едва одинъ разъ въ три или четыре мѣсяца. Прежде, безъ простуды, я не могъ подвергаться ни дождю, ни снѣгу, и полурасовая прогулка утомляла меня до чрезвычайности; теперь я вовсе не знаю простуды, и могу пройти безъ малѣйшей усталости нѣсколько миль.

260. Не завидуйте богатству.

Однажды люди толковали о счастиі: какое кому счастье суждено. Дѣло было не безъ зависти: большіе завидовали здоровымъ, младшіе старшимъ, а особливо бѣдные богатымъ. Бѣдные утверждали, что только и есть счастье, что въ богатствѣ, и что если человѣкъ богатъ, то все ему непочемъ.

Одинъ старецъ, выслушавъ всѣ эти неразумныя толки, разсказалъ слѣдующую притчу.

Знавалъ я одного богача: жилъ онъ въ раззолоченныхъ палатахъ, носилъ тонкое, дорогое платье; сладко ѣлъ, сладко пилъ: каждый день у него на дому былъ словно пиръ какой. Однажды пріѣхалъ къ богачу въ гости старый другъ; давно ужъ они не видались; на радости богачъ сдѣлалъ пиршество и созвалъ гостей. На столѣ были поставлены золотыя и серебряныя блюда, а въ блюдахъ были дорогія яства; кубки также были золотыя, а въ кубкахъ пѣнились заморскія вина.

Долго сидѣли друзья за столомъ: ѣли и пили, и были веселы; лишь хозяинъ почти ничего не ѣлъ и не пилъ, хотя и велъ потѣшную рѣчь съ своими гостями. Подъ конецъ обѣда пріѣзжій другъ сказалъ богачу: «нигдѣ я не видалъ такого богатства и такой роскоши, какъ у тебя; должно сказать, что нѣтъ человѣка счастливѣе тебя въ цѣломъ свѣтѣ.»

Богачъ вздохнулъ, взялъ съ золотого блюда яблоко и подалъ его другу; яблоко было румяно и свѣжо на видъ,—но когда его разломили, въ немъ сидѣлъ червякъ и точилъ его сердцевины.

Всѣ гости съ удивленіемъ посмотрѣли на богача, а богачъ промолвилъ: «то, что это яблоко, то и я; съ виду я счастливъ, а никому не замѣтно, что червякъ меня точитъ.»

Съ этими словами богачъ развернулъ свое богатое платье, и всѣ увидѣли, что на груди его была страшная, неизлѣчимая язва, которая называется ракомъ.

«Вотъ мое и счастье!» сказалъ богачъ; «что мнѣ въ дорогой яствѣ? не сладка она мнѣ; что мнѣ въ золотомъ блюдѣ,—нимъ рану не залѣчишь; что мнѣ въ деньгахъ,—на нихъ здоровья не купишь!»

И съ тѣхъ поръ перестали завидовать богачу.

В. Даль.

261. Можно ли въ разгоряченномъ состояніи пить холодную воду?

Александръ много бѣгалъ, и пришелъ къ отцу, покрытый весь потомъ.

Отецъ спросилъ его: не чувствуешь ли ты теперь жажды?

Сынъ. О, очень!

Отецъ. Ну, что же ты не попьешь холодной воды?

Сынъ. Нельзя, папенька.

Отецъ. Почему же нельзя?

Сынъ. Я очень вспотѣлъ.

Отецъ. Такъ что же?

Сынъ. Ты мнѣ не разъ говорилъ: когда вспотѣешь, не должно пить.

Отецъ. Точно; но знаешь ли ты, почему вспотѣвши нельзя пить?

Сынъ. Потому что кровь въ это время бываетъ сильно разгорячена, и тонкія жилки легкихъ наполняются горячею кровью; если же напьешься холодной воды, она потечетъ между легкихъ.

Отецъ. Какое же естественное необходимое слѣдствіе всего этого?

Сынъ. Кровь въ легочныхъ жилкахъ остываетъ и сгущается, вслѣдствіе чего она уже не можетъ свободно течь; а отъ этого образуются нарывы, которые все болѣе и болѣе распространяются, такъ что наконецъ легкія подвергаются гниенію.

Отецъ. А какъ называется болѣзнь, которою человекъ въ такомъ случаѣ страдаетъ?

Сынъ. Она называется легочною чахоткою.

Отецъ. Это самая опасная болѣзнь, отъ которой самые искусные врачи изъ тысячи больныхъ едва одного вылѣчиваютъ.

262. Пчистокоптый крестьянинъ.

Въ одной деревнѣ жилъ крестьянинъ Иванъ. Славный былъ малый, такой здоровый, краснощекій; и былъ онъ человекъ работающій. Одна за нимъ была бѣда: бывало, придетъ въ Вос-

кресенье въ церковь Божию—волосы на немъ всклокочены, зипунъ въ грязи, рубашка черная, какъ будто сейчасъ изъ болота. Вотъ какъ выйдутъ крестьяне изъ церкви да сберутся на погостѣ, о томъ, о семъ поговорить, сосѣди и спрашиваютъ Ивана: «или ты, Иванъ, по Субботамъ въ баню не ходишь?» А онъ въ отвѣтъ: «нѣтъ, недосужно было...» А они опять: «да что жъ на тебѣ рубашка-то черная?»—А онъ въ отвѣтъ: «говорятъ вамъ, недосужно было, родимые.»

И все ему было недосужно. За обѣдъ, бывало, сядетъ—рукъ не вымоетъ, встанетъ поутру—глазъ не вытретъ; а въ домѣ-то у него грязи на полу на цѣлую четверть, а въ избѣ-то и свиньи и телята; а на немъ-то самомъ вши такъ вереницею и ползаютъ. Станутъ Ивану говорить, что онъ живетъ не хорошо, а Иванъ въ отвѣтъ: «и такъ живетъ! наше дѣло крестьянское.»—Но не все то въ животъ, что живетъ; и съ Иваномъ эта посьловица сбылась.

Отъ нечистоты сдѣлалась у Ивана на рукахъ короста, а по всему тѣлу чирья. Зудъ страшный. Съ тѣла спалъ, сдѣлался такой блѣдный какъ смерть; что въ руки возьметъ, такъ изъ рукъ кровь и течетъ.—Что съ тобой? спрашивали его сосѣди. «Божій гнѣвъ», отвѣчалъ онъ сквозь слезы.—Правда! сказалъ ему въ отвѣтъ одинъ крестьянинъ: Божій гнѣвъ бываетъ на тѣхъ, которые не любятъ себя въ чистотѣ держать. Если бы ты почаще въ баню ходилъ да чистую рубашку надѣвалъ, то бы у тебя коросты не было.—Но Иванъ все не вѣрилъ, что чистотою, здоровьемъ и у человѣка, и у скота держится. Взяли Ивана въ больницу и лѣчили, вылѣчили, свели коросту и чирья; вымыли, вычесали, бѣлую рубаху надѣли и выпустили, приговаривая: въ другой разъ будь, Иванъ, умнѣе. Но что же случилось? Сбирали работниковъ на сосѣдній красивый заводъ,—плата была хорошая; пошелъ и Иванъ на заводъ. Ну, известное дѣло, на заводахъ бываетъ всякая всячина, иногда и ядовитая. Что-то Ивану дали мѣшать; онъ мѣшалъ, мѣшалъ, а потомъ по обычаю, не умывши рукъ, схватился за хлѣбъ и ну убирать его со всѣмъ, что на хлѣбъ отъ рукъ прилипло. Какъ вдругъ поднялись у Ивана судороги въ животѣ,—туда, сюда, катался, катался, да Богу душу и отдалъ. Такъ его и жизнь окончилась.

На чистоту времени немного идетъ, а чистота здоровье даетъ. Вставши, умойся да Богу помолися; грѣхъ немытому, не-

чесанному Богу молиться. Надо чаще въ баню ходить или купаться и чистое бѣлье надѣвать. Отъ того будешь чистъ, а отъ чистоты будешь здоровъ, людямъ пріятенъ и Богу угоденъ. *В. Давь.*

263. Какъ баба сама себя вылѣчила.

Посмотришь хорошенько, такъ увидишь, что и многія насѣкомыя тебѣ полезны: пчела доставляетъ тебѣ медъ; изъ испанскихъ мухъ дѣлаютъ пластырь въ аптекахъ, который помогаетъ людямъ въ разныхъ болѣзняхъ. Вотъ мнѣ рассказывали, какъ въ одной деревнѣ у бабы бокъ заболѣлъ; она и пошла въ городъ къ лѣкарю лѣкарства попросить, да кстати и зеленыхъ мушекъ въ городскую аптеку отнести: въ аптеки-то такихъ мушекъ покупали. Вотъ баба, по крестьянскому обычаю, насыпала себѣ мушекъ за пазуху, за рубашку, къ голому тѣлу, да такъ и пошла въ городъ. Дорогой идетъ и думаетъ себѣ: «Ну, что за стать людямъ мухъ покупать? на какую потребу? Вѣдь это не хлѣбъ какой, не морковь, не картофель? Ну, на что имъ мухи? Видно денегъ много — дѣвать некуда, что мухъ покупаютъ.»

Межъ тѣмъ баба идетъ да идетъ, до города-то вереть десять было. Чуетъ баба, что у ней отъ бока отошло, легче стало, только какъ-то рубашка тѣснѣе стала; заглянула за рубашку, такъ и не вспомнилась отъ страха: бокъ у ней вздулся, въ добрый кулакъ у ней на боку пузырь натянуло. Прибѣжала къ лѣкарю сама не своя. «Батюшка, помоги!» кричитъ она.—«Что съ тобою случилось?» спрашиваетъ лѣкаръ; а баба въ отвѣтъ: «батюшка, такая бѣда, что и сказать не мочно! Видишь ты, бокъ у меня сломило, такъ что и дышать было не въ моготу, я и пошла къ тебѣ лѣкарства попросить; дорогой бокъ отошелъ и дышать стало легче, да вотъ какая бѣда приключалась: вздуло пузыремъ; боли нѣтъ, а смотрѣть страшно—видно послѣдній часъ насталъ!»—«Да что у тебя тамъ за пазухой?» спросилъ лѣкаръ.—«Да ничего, батюшка, только мушекъ я туда насыпала; посла въ аптеку продать, да вотъ Богъ и понуталъ.» Лѣкаръ разсмѣялся: «не бойсь», сказалъ, «стуть никакого худа нѣтъ, а напротивъ хорошее; ты, баба, сама себя вылѣчила, что никакого лѣкарства тебѣ не надобно; пузырь у тебя испанскія мухи натянули, отъ того тебѣ и легче стало; мы сами этими му-

хами пластырь посыпаемъ; ихъ на то Богъ и создалъ, чтобы онѣ человѣку помогали.» Съ этими словами лѣкарь надрѣзалъ немного пузыря, изъ него словно вода полилась безъ всякой боли; кожа опустилась; лѣкарь еще чѣмъ-то примазалъ, и пошла моя баба какъ встрепанная.

В. Даль.

264. Чудный врачъ.

Одинъ богатый и знатный господинъ, ни имѣвшій ни жены, ни дѣтей, держалъ у себя для забавы обезьяну, которая смѣшными продѣлками своими часто сокращала ему время. Вдругъ господинъ этотъ захворалъ. У него сдѣлался нарывъ въ горлѣ, такъ что онъ не могъ ни глотать, ни говорить; всѣ были увѣрены, что онъ умретъ. Этимъ случаемъ воспользовались слуги его, и каждый изъ нихъ взялъ себѣ и унесъ то, что казалось ему годнымъ къ употребленію. Замѣтивъ это, обезьяна также стала высматривать, что бы и ей годилось. Наконецъ она нашла на шкафу картонъ, въ которомъ лежала треугольная шляпа, которую господинъ ея надѣвалъ въ особенныхъ торжественныхъ случаяхъ. Она надѣла ее себѣ на голову и прицѣпила себѣ шпагу, которая тутъ же висѣла на стѣнѣ, и въ такомъ видѣ вошла къ господину своему, сдѣлала ему нѣсколько поклоновъ и потомъ стала предъ зеркаломъ, чтобы любоваться собою. Не смотря на сильную боль, больной невольнымъ образомъ расхохотался, такъ что нарывъ въ горлѣ прорвался, и онъ чрезъ нѣсколько дней выздоровѣлъ. Врачъ поздравилъ его съ новымъ докторомъ, а служители успѣшили возвратить все, что унесли въ послѣднее время.

265. Кузнецъ.

Знатный иностранецъ проѣзжалъ мимо одной деревеньки въ прекрасной каретѣ, но печально рессора изломалась. Хозяинъ постоялаго двора сказалъ ему: «нашъ кузнецъ очень искусно починиваетъ экипажи; притомъ же онъ и хорошій коноваль: всѣ деревенскіе жители прибѣгаютъ къ нему въ болѣзняхъ.» Иностранецъ пошелъ къ кузнецу и, когда рессора была починена, сказалъ ему: «ты очень хорошо поправилъ мою карету; не мо-

жешь ли ты, другъ мой, также поправить и золотые часы мои съ репетиціею?» Удивленный кузнецъ смотрѣлъ въ оба глаза на иностранца, а собравшійся народъ смѣялся надъ проѣзжимъ, почитая его полуумнымъ. Но иностранецъ сказалъ имъ: «я не такъ глухъ, какъ вы думаете. Самому искусному кузнецу столько же трудно поправить мои часы, какъ искуснѣйшему коновалу—вылѣчить человѣка. Не совѣтую же вамъ лѣчиться у коновала.»

266. Померанцевое дерево.

Одна знатная дама купила себѣ небольшое померанцевое дерево и поставила его къ себѣ въ спальню. Вдругъ ночью она чувствуетъ сильное безпокойство, стѣсненіе въ груди, тяжесть въ головѣ и какъ бы онѣмѣніе; она хочетъ встать, но силы ее оставляютъ: она падаетъ на полъ и лежитъ безъ чувствъ. Къ счастью братъ ея, спавшій въ сосѣдней комнатѣ, слышитъ стукъ, входитъ въ комнату сестры и находитъ ее лежащую замертво. По сильному запаху цвѣтовъ онъ тотчасъ догадывается, въ чемъ дѣло. Въ ту же минуту проворно растворяетъ онъ окна и двери, чтобъ освѣжить воздухъ въ комнатѣ, и выноситъ померанцевое дерево. Спрыснувъ большую нѣсколько разъ холодною водою, онъ наконецъ приводитъ ее въ чувство: она снова начинаетъ дышать. Въ то же время послали за докторомъ, который далъ нужныя предписанія, и чрезъ четыре дня больная оправилась совершенно. Всему этому случаю виною были два померанцевые цвѣтка, которые распустились въ эту ночь; всѣ же прочіе цвѣты были еще въ почкахъ.

267. Причина и дѣйствіе.

Одинъ господинъ, съ вечера легшій спать совершенно здоровымъ, поутру найденъ былъ мертвымъ. Всѣ сосѣди окружили его, стараясь объяснить себѣ загадочную причину внезапной его смерти. Такъ какъ не было никакихъ признаковъ насильственной смерти, то многіе полагали, что онъ умеръ отъ удара. «Да развѣ вы не знаете», сказала одна служанка, «что происходитъ въ нашемъ домѣ? какое-то привидѣніе появляется у насъ ночью и ходитъ по всѣмъ комнатамъ; видѣли даже, какъ оно лѣзло на

чердакъ. Вѣрно это домовою задушилъ нашего барина.» Нѣкоторые изъ присутствующихъ улыбнулись при такомъ вздорномъ разсказѣ, но нѣкоторые суевѣры — необразованные люди — повѣрили; имъ сдѣлалось страшно, холодная дрожь пробѣгала у нихъ по спинѣ. «Да, да!» говорили они, «домовою задушилъ его.» Въ эту минуту вошелъ докторъ. Онъ осмотрѣлъ умершаго, думая, нельзя ли еще пособить ему; но видя, что всякая помощь уже бесполезна, онъ сталъ внимательно смотрѣть вокругъ комнаты, какъ бы желая отыскать причину внезапной его смерти. Вдругъ онъ увидѣлъ большую жаровню съ угольями. «Не брали этотъ господинъ», спросилъ докторъ, «жаровню съ горящими угольями въ спальню? — Да, отвѣчала служанка; онъ хотѣлъ что-то плавить въ ней. — «Ну, вотъ и причина смерти его!» сказалъ докторъ; «онъ забылъ затушить уголья, и угольный чадъ задушилъ его.»

268. Минимозмершая дѣвица.

Одна дѣвица высокаго происхожденія скончалась въ цвѣтѣ лѣтъ. Ее положили въ гробъ въ бѣломъ платьѣ, волосы ея украсили нитью крупнаго жемчуга, а на правую руку надѣли золотой перстень съ драгоценными каменьями. По желанію безутѣшныхъ родителей всѣ эти драгоценности положили съ нею въ могилу. На слѣдующую ночь могильщикъ пробрался съ фонаремъ въ рукѣ на кладбище, разрылъ могилу, открылъ гробъ и хотѣлъ похитить дорогія украшенія; но вдругъ покойница поднялась и устремила на него неподвижный взоръ. «Что тебѣ нужно?» сказала она глухимъ голосомъ. Испуганный воръ бросился бѣжать изо всѣхъ силъ. Между тѣмъ дѣвица, которую всѣ считали умершею, но которая была только въ продолжительномъ обморокѣ, встала изъ гроба, взяла фонарь, въ торопяхъ забытый могильщикомъ, и пошла домой. Можно представить себѣ сперва ужасъ родителей, когда она вошла въ комнату, и потомъ восторгъ ихъ, когда они увидѣли, что дочь ихъ въ самомъ дѣлѣ жива.

269. Церковный староста.

Одинъ церковный староста, въ набожной заботливости о своей церкви, пожертвовалъ въ нее великолѣпный подсвѣчникъ съ

большою восковою свѣчою. Тогда явился ему Господь въ образѣ старца, и въ воздаяніе за этотъ даръ обѣщаль, что онъ трижды возвѣститъ ему о смерти, прежде нежели отзоветъ изъ сего міра. Обрадованный этимъ, староста зажилъ въ роскоши и веселіи, ѣлъ и пилъ и вовсе не думалъ о смерти.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и тѣло его стало отказываться выносить долѣе такую жизнь: колѣни его согнулись, спина сгорбилась, и онъ былъ вынужденъ взяться за костыль. Немного погодя онъ потерялъ зрѣніе, а потомъ и слухъ. Сгорбленный, слѣпой и глухой, онъ продолжалъ жить все такъ же безумно и пышно, какъ и прежде. Наконецъ предсталъ Господь, чтобы взять его отъ сего міра. Церковный староста былъ встревоженъ и смущенъ; онъ обратился къ Господу съ упреками, зачѣмъ онъ трижды не возвѣститъ ему, какъ самъ обѣщаль? Тогда сказалъ ему Господь въ праведномъ гнѣвѣ:

«Какъ? Я не возвѣститъ тебѣ? А развѣ я не ударялъ тебя съ начала по плечу и колѣнамъ, такъ что ты долженъ былъ согнуться? Развѣ я не положилъ потомъ мой перстъ на твои глаза, такъ что ты ослѣпъ? Развѣ напоследокъ не коснулся я твоихъ ушей, такъ что ты потерялъ слухъ? Такъ исполнено все, что я тебѣ обѣщаль; теперь слѣдуй за мною!»

Староста смиренно сталъ молить о прощеніи, говоря, что ему непонятны были эти напоминанія и что онъ не приготовился еще къ смертному часу.

Кротко взглянулъ Господь на грѣшника и далъ ему время на покаяніе.

230. Пословицы діететическія.

Живи просто, проживешь лѣтъ со сто. Береги здоровье съ молодю, а честь подь старость. Здоровье всему голова. Чистота здоровье сохраняетъ, а воздержность разумъ укрѣпляетъ. Пороценка хоть мой, хоть не мой, а онъ все въ грязь лѣзетъ. Не думай быть паряднымъ, а думай быть опрятнымъ. Баня мать наша. Привычка вторая натура. Не все то ѣсть, что видишь.

Работай до поту, покушаешь въ охоту. Коли хлѣба край, такъ и подь елю рай. Безъ соли, безъ хлѣба половина обѣда. У голоднаго брюха нѣтъ уха. Сытое брюхо къ ученью глухо. Здоровому врачъ не надобенъ. Боль врача ищетъ. У кого

что болить, тотъ о томъ и говорить. Больному въ бѣдѣ не вѣри. Больному и золотая кровать не поможетъ. Кровь отворить, гвоздь въ гробъ вколотить. Отъ смерти нѣтъ лѣкарства. Прежде смерти не должно умирать. Нынѣ на погахъ, а завтра въ могилѣ. Не по старости мрутъ, не по молодости живутъ.

231. Бѣдность лучше увѣчья.

Саибъ былъ знаменитый персидскій ученый. Онъ былъ очень бѣденъ, но переносилъ свою жестокою судьбу съ спокойствіемъ мудраго человѣка. Болѣзненно однако жъ отозвалось въ его душѣ, когда онъ принужденъ былъ одно время ходить босикомъ, ибо для покупки башмаковъ у него не было денегъ.

Углубившись въ самого себя и сильно ворча, отправился онъ въ храмъ, что въ Куфѣ. При входѣ въ храмъ онъ увидѣлъ увѣчнаго, который вовсе не имѣлъ ногъ и былъ переносимъ съ одного мѣста на другое. Тогда онъ обратилъ свой взоръ къ небу и воскликнуть: «благодарю Тебя, Господи Боже, за то, что Ты даровалъ мнѣ ноги, при помощи которыхъ я могу ходить, хотя онѣ и не обуты. Ахъ, съ какою радостію пошелъ бы этотъ несчастный колѣпка и босикомъ, еслибъ только у него были ноги!»

232. Августъ сильный и кузнецъ.

Августъ II, курфиреть Саксонскій и король Польскій, отличался необыкновенною тѣлесною силою. Однажды, во время прогулки верхомъ, лошадь его потеряла подкову; поэтому онъ заѣхалъ въ ближнюю деревню къ кузнецу. Когда тотъ принесъ подкову, чтобы подковать лошадь, то курфиреть захотѣлъ прежде испробовать, довольно ли крѣпка она сдѣлана. Онъ взялъ ее обѣими руками и переломилъ какъ морковь. «Эта подкова никуда не годится», сказалъ онъ кузнецу, который вслѣдъ за тѣмъ принесъ нѣсколько другихъ. Но курфиреть переламывалъ ихъ одну за другою. Кузнецъ призадумался, а товарищи его съ изумленіемъ поглядывали другъ на друга. Наконецъ курфиреть сдѣлалъ видъ, что нашелъ одну подкову, которая была довольно крѣпка. Лошадь была подкована, и когда кузнецъ кончилъ свое

дѣло, то курфирсть далъ ему талеръ; но кузнецъ, взявъ его, согнулъ между пальцами. — Этотъ талеръ не годится, ваше высочество, сказалъ кузнецъ, — онъ гнется между пальцами. Курфирсть подавалъ ему еще нѣсколько талеровъ сряду, но онъ сгибалъ ихъ одинъ за другимъ. «Такъ вотъ луидоръ,» сказала наконецъ курфирсть, «этотъ ужъ долженъ быть хорошъ.» Кузнецъ остался доволенъ; а курфирсть радовался, что нашелъ челоуѣка равнаго себѣ по силѣ.

233. Два мороза.

Гуляли по чистому полю два мороза, два родные брата, съ ноги на ногу поскакивали, рукой объ руку поколачивали. Говорить одинъ морозъ другому: «братецъ, морозъ Багровый-носъ, какъ бы намъ позабавиться, людей поморозить?» Отвѣчаетъ другой: — братецъ, морозъ Синій-носъ! коль людей морозить, не по чистому намъ полю гулять. Поле все снѣгомъ занесло, всѣ проѣзжія дороги замело; никто не пройдетъ, не проѣдетъ. Побѣжимъ-ка лучше къ чистому бору. Тамъ хоть и меньше простору, да за то забавы будетъ больше. Все нѣтъ, нѣтъ, да кто нибудь и встрѣтится на дорогѣ.

Сказано, сдѣлано. Побѣжали два мороза, два родные брата, въ чистый боръ. Бѣгутъ, дорогѣй тѣшатся: съ ноги на ногу попрыгиваютъ, по елкамъ, по сосенкамъ пощелкиваютъ. Старый ельникъ трещитъ, молодой соснякъ поскрипываетъ. По рыхлому ль снѣгу пробѣгутъ — кора ледяная; былинка ль изъ подъ снѣгу выглядываетъ, дунуть — словно бисеромъ ее всю унижутъ. Послышали они съ одной стороны колокольчикъ, а съ другой бубенчикъ: съ колокольчикомъ баринъ ѣдетъ, съ бубенчикомъ — мужичокъ. Стали морозы судить да рядить, кому за кѣмъ бѣжать, кому кого морозить. Морозъ Синій-носъ, какъ былъ помоложе, говоритъ: «Мнѣ бы лучше за мужичкомъ погнаться. Его скорѣе дойму: полушубокъ старый, заплатанный, шапка вся въ дырахъ, на ногахъ кромѣ лаптишекъ ничего. Онъ же никакъ дрова рубить ѣдетъ. А ужъ ты, братецъ, какъ посильнѣе меня, за баринѣмъ бѣги. Видишь, на немъ шуба медвѣжья, шапка лисья, сапоги волчьи. Гдѣ ужъ мнѣ съ нимъ! не совладаю.» Морозъ Багровый-носъ только подсмѣивается. — Молодъ еще ты, говоритъ, братецъ! Ну, да ужъ быть по твоему: бѣги

за мужичкомъ, а я побѣгу за бариномъ. Какъ сойдемся подъ вечеръ, узнаемъ, кому была легка работа, кому тяжела. Прощай покамѣсть! — «Прощай, братецъ!» Свиснули, щелкнули, побѣжали.

Только солнышко закатилось, сошлись они опять на чистомъ полѣ; спрашиваютъ другъ друга: что? «То-то, я думаю, намаялся ты, братецъ, съ бариномъ-то», говоритъ младшій: «а толку, глядишь, не вышло никакого. Гдѣ его было пронять!»

Старшій посмѣивается себѣ. — Эхъ, говоритъ, братецъ, морозъ Синій-носъ, молодъ ты и простъ. Я его такъ уважилъ, что онъ часъ будетъ грѣться, не отогрѣется.

«А какъ же шуба-то, да шапка-то, да сапоги-то?»

— Не помогли. Забрался я къ нему и въ шубу, и въ шапку, и въ сапоги, да какъ началъ знобить!.. Онъ-то ѣжится, онъ-то жмется да кутается; думаетъ: дай-ка я ни однимъ суставомъ не шевельнусь, авось меня тутъ морозъ не одолѣетъ. Анъ не тутъ-то было! Мнѣ-то это и съ руки. Какъ принялся я за него, чуть живого въ городъ изъ повозки выпустилъ. Ну, а ты что со своимъ мужичкомъ сдѣлалъ!

«Эхъ; братецъ, морозъ Багровый-носъ! плохую ты со мной шутку шутишь, что во время не образумилъ. Думалъ, заморозю мужика; а вышло, онъ же мнѣ отломалъ бока.»

— Какъ такъ?

«Да вотъ какъ. Ъхалъ онъ, самъ ты видѣлъ, дрова рубить. Дордогой началъ было я его понимать; только онъ все не робѣетъ, — еще ругается: такой, говоритъ, сякой этотъ морозъ. Совсѣмъ даже обидно стало; принялся я его нуще щипать да колоть. Только не на долго была мнѣ эта забава. Приѣхалъ онъ на мѣсто, вылѣзъ изъ саней, принялся за топоръ. Я-то думаю: тутъ мнѣ сломить его. Забрался къ нему подъ полушубокъ, давай его язвить. А онъ-то топоромъ машетъ, только щепки кругомъ летятъ; сталъ даже потъ его прошибать. Вижу: плохо! не усидѣть мнѣ подъ полушубкомъ. Подъ конецъ инда паръ отъ него повалилъ. Я прочь поскорѣе. Думаю: какъ быть? А мужикъ все работаетъ, да работаетъ; чѣмъ бы зябнуть, а ему жарко стало. Гляжу — скидаетъ съ себя полушубокъ. Обрадовался я. Погоди же, говорю, вотъ я тебѣ покажу себя! Полушубокъ весь мокрехонецъ. Я въ него и забрался вездѣ и заморозилъ такъ, что онъ сталъ лубокъ лубкомъ. Надѣвай-ка теперь, попробуй! — Какъ покончилъ мужикъ свое дѣло да подошелъ къ

полушубку, у меня сердце такъ и възграто: то-то потѣшусь. Посмотрѣлъ мужикъ и принялся меня бранить и ругать на чемъ свѣтъ стоитъ. Ругайся! думаю я себѣ, ругайся! а меня все-таки не выживешь! Такъ онъ браню не удовольствовался: выбралъ полѣно подлиннѣе да посучковатѣе, да какъ примется по полушубку бить! по полушубку бьетъ, а меня все бранить. Мнѣ бы бѣжать поскорѣе, да ужъ больно я въ шерсти-то завязъ, выбраться не могу. А онъ-то колотить, онъ-то колотить! Насилу я ушелъ; думалъ, костей не сберу; до сихъ поръ бока ноютъ. Закаялся я мужиковъ морозить.»

— То-то!

V. ЖИВОТНЫЯ, РАСТЕНІЯ И МИНЕРАЛЫ.

234. Теплокровныя и холоднокровныя животныя.

У всѣхъ животныхъ есть кровь, только у однихъ она красная, у другихъ бѣлая или желтоватая. Ты знаешь, что у человѣка, у скотовъ, у птицъ и у рыбъ кровь красная. Но надрѣжь жука, или бабочку, или червяка какого, потечетъ сокъ бѣловатый или желтоватый; этотъ сокъ и есть ихъ кровь.

Красная кровь у однихъ животныхъ бываетъ теплая, у другихъ холодная. У человѣка, у домашняго скота, у звѣрей и у птицъ кровь теплая. У лягушекъ, у рыбъ кровь хоть и красная, по холодная. Бѣлая кровь всегда бываетъ холодная.

Животныя, у которыхъ кровь теплая, могутъ жить и на морозѣ; только одни живутъ долѣе, а другіе не долго могутъ сносить морозъ. Ты знаешь, что зимою у насъ не бываетъ ни ласточекъ, ни соловьевъ, ни журавлей, ни цаплей; всѣ эти птицы не любятъ холода, и потому онѣ на зиму улетаютъ отъ насъ въ теплые края, гдѣ не бываетъ сильныхъ морозовъ. А есть и такія птицы, для которыхъ и наши морозы непочемъ; вотъ напри- мѣръ вороны, галки, воробьи, рябчики, тетерева, глухари.

Тѣ животныя, у которыхъ хоть и красная, но холодная кровь,

не могутъ жить на морозѣ: примѣрно: змѣи, лягушки. Эти животныя на зиму ложатся въ землю, куда нибудь подѣ камень или въ пору и околочиваются. А когда наступитъ весеннее тепло, они снова оживаются.

Рыба хоть и живетъ зимою, но въ водѣ; а въ водѣ подѣ льдомъ всегда есть тепло, хоть и не много. Вынь рыбу изъ воды на морозѣ, она тотчасъ замерзнетъ и умретъ.

Животныя съ бѣлою кровью къ зимѣ почти все умираютъ. Пчелы конечно переносятъ зиму, но только тогда, когда ихъ ставятъ во мшаникъ или закутываютъ хорошо ульи, чтобъ въ нихъ держалось тепло. Если же въ улей войдетъ холодъ, то все пчелы замерзнутъ. Но большая часть всехъ другихъ животныхъ съ бѣлою и холодною кровью: мухи, комары, оводы, бабочки, къ зимѣ умираютъ.

Откуда же они берутся на другой годъ?

А вотъ откуда: многія изъ этихъ маленькихъ тварей передъ смертію кладутъ яйца въ уютныя мѣста, подѣ камня, подѣ корою дерева, или зарываютъ ихъ въ землю; а весною изъ этихъ яицъ и выходятъ новыя животныя.

275. Польза отъ животныхъ.

Велико твое превосходство предѣ животнымъ, а между тѣмъ ты безъ него обойтись не можешь, какъ и оно безъ тебя; лошадь не умѣла бы себѣ ни сѣна скосить, ни овса посѣять и на зиму припасти. Зимою она безъ тебя умерла бы съ голоду; но ты безъ лошади не могъ бы земли вспахать, ни воза свезти; такъ уже Богомъ устроено, чтобы животное тебѣ было слугою, а ты бы былъ его кормильцемъ и покровителемъ. Подумай да погадай: хорошо ли тѣ дѣлаютъ, которые бьютъ и увѣчатъ лошадь, когда ей возъ не подѣ силу наваленъ, или когда она изъ силъ выбилась? Богъ далъ человѣку лошадь и другихъ животныхъ на послугу, а не на мученье. Стало быть тотъ, кто мучить лошадь, бьетъ ее пинками подѣ брюхо, а иногда съ серповъ и полѣномъ, тотъ не только свою скотину увѣчитъ и себѣ убытокъ дѣлаетъ, но и передъ Богомъ грѣшитъ. Отъ того и Святое Писаніе говоритъ: блаженъ милуяй скоты.

Да и не одні лошади приносятъ тебѣ пользу и помогаютъ тебѣ; корова тебя кормитъ молокомъ и даетъ хорошія навозы;

изъ бычачьихъ шкуръ дѣлается кожа; изъ овечьей шерсти сукно. Собака помогаетъ тебѣ своимъ чутьемъ; она чувствуетъ, когда на дворъ пришелъ чужой человѣкъ хоть въ самую темную ночь, когда ты ни зги не видишь; если ты ласкалъ и кормилъ собаку, она заступается за тебя и за твое добро, не щадя себя. Есть и такія собаки, которыя утопшихъ вытаскиваютъ изъ воды; кажется на то и Богъ ихъ создалъ, ибо у нихъ въ лапѣ перепонка, какъ у утокъ. Эти собаки такъ вѣрны, что во что бы ей ни стало, а ужъ она вытащить человѣка изъ воды; бывали примѣры, что когда утопающій запутается въ тростникѣ, то собака тутъ и умретъ отъ натуги, а ужъ такъ не оставитъ.

236. Рогатый скотъ.

Рогатый скотъ столько же приноситъ пользы человѣку, сколько и лошадь, если еще не больше. Быкъ конечно не годится для верховой ѣзды, не годится для перевозки вьюковъ и не пригоденъ для скорой ѣзды; онъ не пойдетъ ни рысью, ни вскачь: но за то тамъ, гдѣ нужно много силы, быкъ потянетъ больше лошади. Походка у него тихая и спокойная; и потому для работы въ полѣ, для пахоты на землѣ тяжелой—быкъ пригоднѣе лошади.

Свѣжее коровье молоко есть самая здоровая пища для человѣка, въ особенности для дѣтей. Изъ молока же дѣлаютъ масло, которое есть самая здоровая приправа къ разной пищѣ. Изъ кислаго молока дѣлаютъ творогъ и сыръ, которыми питаются сельскіе жители; не брезгаютъ ими и богатые горожане.

Мало того, что рогатый скотъ живой приноситъ столько пользы человѣку,—мясо его есть лучшая пища для человѣка.

Для обуви и для разныхъ надобностей нѣтъ лучше кожи воловьей. Сало идетъ на мыло, на свѣчи и на разные другія надобности. Изъ костей вывариваютъ жиръ для смазки колесъ въ машинахъ на фабрикахъ; самыя кости идутъ на черенки, а не то ихъ толкутъ и разсыпаютъ на поля. Толченныя кости для удобренія лучше навоза.

Такъ вотъ сколько пользы отъ рогатаго скота, отъ того и надобно стараться объ уходѣ за нимъ; а для этого надобно знать, какъ быкъ или корова живутъ. Это кажется всякій знаетъ, да не совсѣмъ. Надобно знать, отъ чего быку привольнѣе жить,

отъ чего труднѣе; отъ чего родится скоть большой или мелкій; что ему здорово и что вредно; какой лучше кормъ и какое пойло, и отъ чего ему болѣзнь приключается. Кто это все знаетъ, тотъ знаетъ натуру быка или коровы.

277. Загадка.

Четыре ходаста, два бодаста, седьмой хлебестунъ.

* 278. Соперничество домашнихъ животныхъ.

Корова, лошадь и овца паслись вмѣстѣ на лугу и затѣяли споръ, кто изъ нихъ приноситъ болѣе пользы своему господину. Корова говорила: «я даю ему вкусное молоко, сыръ и масло». — «А я вожу для него огромныя тяжести и работаю на полѣ», сказала лошадь. — «А я терплю для него холодъ, снимая съ себя шерсть, чтобы одѣть его», заключила овца. Между тѣмъ къ нимъ подошла собака. Онѣ смотрѣли на нее съ презрѣніемъ, какъ на самое бесполезное животное. Вскорѣ пришелъ и господинъ; онъ ласково позвалъ собаку, началъ гладить ее и играть съ нею. Видя это, другія животныя стали роптать. Наконецъ лошадь не вытерпѣла и сказала: «Ты обижаешь насъ, хозяинъ; мы болѣе заслуживаемъ любви твоей, нежели этотъ бесполезный товарищъ.» Но господинъ еще ласковѣе погладилъ собаку и сказалъ: Вы всѣ полезны мнѣ, вы хорошо служите мнѣ, и я васъ хвалю; но собака эта спасла отъ смерти моего единственнаго, любимаго сына, она вытащила его изъ воды. Могу ли я забыть эту услугу.

279. Лошадь и верблюдъ.

Когда Богъ сотворилъ человѣка и животныхъ, — говорить одно языческое преданіе — тщеславная лошадь, гордясь нѣскольکو дней сряду дарованною ей статностью, вдругъ захотѣла быть еще красивѣе, совершеннѣе, и стала просить Бога преобразить ее.

«Чѣмъ же ты недовольна?» спросилъ Господь милостиво.

— Да я вообще не могу жаловаться, отвѣчало легкомыслен-

ное животное; но мнѣ кажется, что я была бы еще быстрее на бѣгу, еслибъ ноги мои были выше и тоньше; длинная лебединая шея была бы мнѣ также очень къ лицу; болѣе широкая грудь увеличила бы мою силу; а такъ какъ я назначена Тобою носить твоего любимца, человѣка, то не мѣшало бы дать мнѣ, вмѣсто прикрѣпляемаго сѣдла природное.

«Твое желаніе можетъ быть исполнено», отвѣчалъ Господь; «но прежде полюбуйся своимъ идеаломъ. И Богъ взявъ прахъ и создалъ верблюда.

Увидя такое безобразіе, лошадь задрожала отъ ужаса.

«Смотри», сказалъ Господь, «вотъ ноги выше и тоньше твоихъ; вотъ и длинная лебединая шея, и грудь шире твоей, и природное сѣдло! Желалъ ли ты быть такою?»

Лошадь все еще дрожала и молчаливо поникла головой.

«Ступай же, и впредь будь довольна своею участью!» продолжалъ милосердый Богъ; «но чтобы ты не забывалась снова, то пусть это созданіе напоминаетъ тебѣ о твоёмъ суетномъ желаніи». И Богъ даровалъ верблюду жизнь.

Съ тѣхъ поръ лошадь каждый разъ, какъ увидитъ верблюда, дрожитъ всѣмъ тѣломъ.

280. Виттингтонъ.

Въ Лондонѣ одинъ богатый купецъ принялъ къ себѣ въ домъ бѣднаго сироту, у котораго отецъ и мать умерли.

Мальчикъ этотъ назывался Ричардъ Виттингтонъ. Такъ какъ онъ былъ еще очень малъ, то его съ начала не употребляли ни къ какому дѣлу. Но онъ самъ себѣ нашелъ дѣло: сталъ прилежно собирать потерянные булавки и брошенные голландскія нитки, которыми купцы увязываютъ свои товары. Когда онъ собралъ дюжины двѣ булавокъ и довольно толстый пучокъ голландскихъ нитокъ, то принесъ ихъ къ господину своему въ кабинетъ. Купцу это понравилось: «мальчикъ этотъ, подумалъ онъ, можетъ со временемъ быть вѣрнымъ и бережливымъ смотрителемъ за домомъ.» Съ того времени онъ больше занимался имъ и полюбилъ его.

Однажды окотилась кошка: одинъ изъ людей того дома взялъ маленькихъ котятъ и понесъ ихъ, бросить въ рѣку; мальчикъ выпросилъ себѣ одного котенка, желая его вскормить.

Просьбу его исполнили: котенок, котораго онъ кормилъ, выросъ и сталъ красивымъ котомъ.

Спустя нѣкоторое время, купецъ отпралялъ въ далекую землю большой корабль съ товарами, для продажи. Когда онъ пошелъ посмотрѣть, все ли порядочно уложено, мальчикъ попался ему на встрѣчу съ котомъ на рукахъ.

«Ричардъ», сказалъ ему купецъ, «нѣтъ ли у тебя чего отправить за море на продажу?»—«Ахъ! сударь», отвѣчалъ мальчикъ, «вы знаете, что я бѣденъ и ничего не имѣю, кромѣ этого кота.»

«Ну, такъ пошли кота», сказалъ купецъ. Ричардъ пошелъ за нимъ на корабль, оставилъ тамъ своего кота и просилъ, чтобъ его продали. Корабль поплылъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ корабль присталъ къ одному острову, который до того времени былъ совсѣмъ неизвѣстенъ. Вышедъ на берегъ, моряки услышали, что на этомъ островѣ царствуетъ король.

Король, лишь только узналъ о прибытіи въ землю его чужестранцевъ, велѣлъ ихъ позвать къ себѣ обѣдать. Кушанья на столѣ было много, но почти ничего нельзя было ѣсть. Въ горницѣ была такая пропасть мышей и крысъ, и такихъ смѣлыхъ, что онѣ стадами бѣгали по столу, пожирали кушанье и даже изъ рукъ гостей хватали куски. Не могли найти никакого способа избавиться отъ нихъ, хотя король и обѣщалъ тому, кто отыщетъ такой способъ, дать кучу золота въ награду. Гости, услышавъ сіе, сказали королю, что они привезли съ собою звѣря, который всѣхъ мышей и крысъ передавить, и велѣли принести кота.

Тутъ-то было чего посмотреть, какъ онъ началъ всѣхъ крысъ и мышей пырять! Черезъ полчаса ни одна крыса не смѣла показать носу. Король такъ этому обрадовался, словно кто подарилъ ему другое царство; и какъ онъ имѣлъ неисчерпаемое богатство, то и далъ за кота цѣлую бочку золота.

Такимъ образомъ Ричардъ сдѣлался богачомъ. Выучившись купеческому дѣлу и пришедъ въ возрастъ, онъ открылъ свой собственный торговый домъ и сталъ счастливо поживать.

281. Замѣчательная собака.

Въ Лондонѣ собаки пользуются большимъ уваженіемъ, и тамошняя полиція, пожарная команда и водовозы содержатъ у себя собакъ, какъ отличныхъ помощницъ своихъ. Въ числѣ собакъ, прославившихся въ столицѣ Соединеннаго королевства, пожарная собака Бобъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Нельзя сказать рѣшительно, къ какой именно породѣ принадлежитъ Бобъ, но наружность его тѣмъ не менѣе красива и правильна. Особенно же замѣчательны его мужество и понятливость.

Однажды случился пожаръ въ домѣ одного фабриканта въ Герцогской улицѣ, близъ Лондонскаго моста. Пожарная команда не успѣла еще разставить по мѣстамъ своихъ трубъ, какъ Бобъ уже вскочилъ въ средину пылающихъ комнатъ и смотрѣлъ во всѣ стороны: нѣтъ ли какого либо ребенка или животнаго, котораго бы онъ могъ вынести изъ пламени. Бобъ обученъ выносить во время пожаровъ все живое: дѣтей, собакъ, кошекъ и домашнюю птицу. Нельзя исчислить, сколько жертвъ, уже совершенно погибавшихъ, вынесено этою доброю собакою изъ пламени.

Недавно также на пожарѣ въ Камбервель-гетѣ, гдѣ погибло пять человѣкъ, Бобъ, не найдя въ горѣвшихъ комнатахъ никого кромѣ собаки, схватилъ ее за спину и, не смотря на то, что глупая злилась и сколько могла кусала его, вынесъ ее изъ пламени. На другомъ пожарѣ онъ такимъ же образомъ спасъ поросятъ.

282. Швейцарскія собаки на горѣ Сень-Готардѣ.

Заботливое челоѣколюбіе побудило учредить на горѣ Сень-Готардѣ гостинницу, гдѣ путешественники, сбившіеся съ дороги, и бѣдные странники находятъ временную помощь.

Въ сей гостинницѣ держатъ большихъ собакъ, пріученныхъ бѣгать по узкимъ тропинкамъ горы и отыскивать несчастныхъ, застигнутыхъ вьюгою. На каждую собаку навѣшиваютъ бутылку съ виномъ или водкою, для того чтобы обезсиленный и околѣбанный отъ стужи путникъ могъ подкрѣпиться.

Однажды одна изъ сихъ собакъ, оббѣгая по обыкновенію тропинки, встрѣтила маленькаго шестилѣтняго ребенка, котораго мать упала въ глубину снѣжной пропасти, откуда невозможно было спасти ее. Несчастная погибла. Оцѣпенѣвъ отъ стужи, изнуренное голодомъ, несчастное дитя лежало безъ силъ посреди дороги и стонало. Собака подбѣгаетъ къ нему и начинаетъ лизать оцѣпенѣвшія отъ холода руки его. Ободренное знаками ласки, дитя дѣлаетъ усилія приподняться, но не можетъ встать на ноги и падаетъ на спину собаки. Она останавливается, даетъ ему возможность схватиться за шерсть ея и съ величайшею осторожностію доносить его до гостинницы, гдѣ дитя вскорѣ совершенно оправилось.

Это трогательное происшествіе скоро сдѣлалось извѣстнымъ, и одинъ искусный живописецъ въ Бернѣ изобразилъ его на картинѣ. А сиротку взяли добрые люди на воспитаніе.

283. Волкъ.

1.

Перѣдко случается охотнику или путешественнику по Россіи и Польшѣ ѣхать въ холодную зимнюю ночь по полямъ, покрытымъ снѣгомъ, и оледенѣлымъ лѣсамъ съ однимъ зарядомъ въ ружьѣ, но съ цѣлою толпою голодныхъ волковъ позади себя.

Этотъ свирѣпый врагъ человѣка водится по всей Европы, Азии и Америкѣ, отъ самаго сѣвера до юга. Впрочемъ число волковъ теперь значительно уменьшилось отъ постоянного преслѣдованія. Въ пищу волкъ не разборчивъ: за неимѣніемъ свѣжаго мяса довольствуется и гнилымъ, и даже изъ своей братьи съѣдаетъ мертвыхъ. Обжорствомъ волка пользуются Чукчи, живущіе въ сѣверо-восточной Азии, для его истребленія. Чтобъ поймать волка, охотники свиваютъ китовый усъ спирально, на подобіе часовой пружины, связываютъ ниткою и, обливъ водою, замораживаютъ. Когда весь кружокъ покроется льдомъ и усъ не можетъ болѣе разогнуться, то, разрѣзавъ нитку, смазываютъ его масломъ или саломъ и кладутъ на мѣсто, гдѣ чаще всего проходятъ волки. Волкъ, отыскавъ жирный усъ, тотчасъ съѣдаетъ его; но въ тепломъ желудкѣ его кольцо, оттаявъ, разгибается и причиняетъ ему такую сильную боль, что онъ ужъ не можетъ спастись бѣгствомъ. Но при хитрости и хищности своей

волкъ чрезвычайно трусливъ, особенно послѣ сытнаго обѣда, и неохотно связывается съ медвѣдемъ и даже съ дородной собакой. Повсюду подозрѣваетъ онъ опасность, боится затворенныхъ дверей, натянутыхъ веревокъ и т. п.

2.

Я вамъ расскажу происшествіе, хотя и не новое, но занимательное, изъ котораго вы увидите всю трусость хищнаго волка. Разъ ночью возвращался домой скрипачъ, съ своимъ инструментомъ подъ мышкой. Молодецъ этотъ всегда ходилъ не прямымъ путемъ, а проселками, и на этотъ разъ сбился съ дороги и попалъ въ яму, вырытую для ловли волковъ. Бѣдный музыкантъ и безъ того ужъ испугался, упавъ въ яму; но каковъ же былъ ужасъ его, когда онъ наткнулся въ ней на что-то живое, страшно заревѣвшее и засверкавшее на него огненными глазами! Несчастный узналъ въ сосѣдѣ волка. Защищаться было нечѣмъ, и онъ, со страху, передъ самой волчьей пастью сталъ съ усердіемъ наигрывать разные плясовые мотивы, которые теперь казались ему очень не веселыми. Но волку вѣроятно правилась эта музыка, потому что онъ страшнымъ вѣдемъ принялся ей аккомпанировать, что часто дѣлаютъ и наши музыкальныя собаки. На вой волка отозвались и другіе товарищи его, и принялись ему вторить. Бѣдному музыканту приходилось часъ отъ часу не легче. Никогда онъ не игралъ такъ неутомимо!... Съ уныніемъ поглядывалъ онъ на небо, въ нетерпѣннн ожидая спасительнаго утра. Но солнышко не спѣшило къ нему на помощь, а между тѣмъ вдругъ лопнули три струны, и ему нужно было играть на одной, четвертой... Музыкантъ дрожалъ при мысли, что и послѣдняя струна можетъ измѣнить ему, и волкъ, разумѣется, не дастъ ему натянуть новыхъ и съѣсть его съ аппетитомъ. Но судьба сжалась надъ нимъ. Охотникъ, услыша музыку съ волчьимъ аккомпаниментомъ, поспѣшилъ къ нему на помощь и, вытащивъ его изъ ямы, убилъ волка. Бѣдный музыкантъ молча побрелъ домой, давъ себѣ слово впередъ избѣгать проселочныхъ дорогъ. Кромѣ того скрипка въ эту страшную ночь такъ опротивѣла ему, что онъ бросилъ ее, и другимъ ремесломъ сталъ снискивать себѣ пропитаніе.

284. Заяцъ.

Заяцъ самое робкое и беззащитное творенье. Трусость видна во всѣхъ торопливыхъ его движеніяхъ и утверждена русскою половицею: «*трусливъ какъ заяцъ*». Мнѣ самому случилось видѣть, какъ онъ дрожитъ, сидя въ своемъ логовѣ, слыша какой нибудь приближающійся шумъ и готовясь вскочить каждую минуту. Онъ по справедливости боится и звѣря и птицы, и только ночью или по утреннимъ или вечернимъ зарямъ выходитъ изъ своего дневного убѣжища, *встаетъ съ логова*; ночь для него совершенно замѣняетъ день; въ продолженіе ея онъ бѣгаетъ, ѣсть и *жируетъ*, то есть, рѣзвится, и вообще исполняетъ всѣ требованія природы; съ разсвѣтомъ онъ выбираетъ укромное мѣстечко, ложится, и съ открытыми глазами, по особенному устройству своихъ короткихъ вѣкъ, чутко дремлетъ до вечера, протянувъ по спинѣ длинныя уши и безпрестанно моргая своей мордочкой, опушеною рѣдкими, но довольно длинными бѣлыми усами. Въ долгія осеннія и зимнія ночи, заяцъ исходитъ, особенно по открытымъ полямъ и горамъ, нѣсколько верстъ, что каждый охотникъ, *сходившій* русаковъ по *маликамъ*, извѣдалъ на опытѣ.

Русскій народъ называетъ зайца косымъ. Его глаза большіе, темные, на выкатѣ не косы: это знаетъ всякій; но будучи пугливъ и торопливъ, не имѣя способности оглядываться, онъ набѣгаетъ иногда прямо на охотника или на пенекъ, оторопѣвъ, круто бросается въ другую сторону и опять на что-нибудь набѣгаетъ. Вѣроятно вслѣдствіе такихъ не ловкихъ движеній называли его косымъ, и даже человѣка, пробѣжавшаго въ торопяхъ мимо того предмета, котораго онъ ищетъ, или забѣжавшаго не туда, куда слѣдуетъ, привѣтствуютъ шуточнымъ восклицаніемъ: «эхъ ты косой заяцъ» или «куда забѣжалъ скоосу?» Къ тому же заяцъ, сидя на логовѣ, закатываетъ подъ лобъ иногда одинъ глазъ, иногда и оба; вѣроятно это дремота, но при первомъ взглядѣ заяцъ покажется косымъ. Заяцевъ истребляютъ всѣ, кто можетъ: волки, лисы, дворняги и лягавыя собаки, которыя сами собою ходятъ охотиться за ними въ лѣсъ, даже горностаи и ласки. Но кромѣ враговъ, бѣгающихъ по землѣ и отыскивающихъ чутъемъ свою добычу, такіе же враги ихъ летають и по воздуху: орлы, беркуты, большіе ястреба готовы напасть на зайца, какъ скоро почему нибудь

онъ бываетъ принужденъ оставить днемъ свое потаенное убѣжище, свое *логово*; если же это логово выбрано неудачно, не довольно закрыто травой или степнымъ кустарникомъ (разумѣется, въ чистыхъ поляхъ), то непременно и тамъ увидить его зоркій до невѣроятности, черный беркутъ (степной орелъ); огромнѣйшій и сильнѣйшій изъ всѣхъ хищныхъ птицъ, похожій на конну сѣна, почернѣвшую отъ дождя, когда сидитъ на стогу или на сурчинѣ, — увидить и, зашумѣвъ какъ буря, упадетъ на бѣднаго зайца внезапно изъ облаковъ, унесетъ въ длинныхъ и острыхъ когтяхъ на далекое разстояніе и, опустясь на удобномъ мѣстѣ, съѣстъ почти всего, съ шерстью и мелкими костями. Мало этого, даже ночью сторожатъ зайцевъ на мирныхъ гулянкахъ большія совы и филины.

С. Аксаковъ.

285. Анекдоты о крысахъ.

Крысы существуютъ почти во всѣхъ странахъ свѣта; и тамъ, гдѣ ихъ не истребляютъ и гдѣ у нихъ много корма, число ихъ достигаетъ до чрезвычайнаго множества. Главныя черты, которыя составляютъ отличительное свойство крысъ, остаются однѣ и тѣ же во всѣхъ странахъ, но роды ихъ бываютъ различны. Сперва въ Европѣ было много черныхъ крысъ, но потомъ онѣ смѣнились сѣрыми, которыя, по словамъ одной англійской писательницы, перешли въ Европу изъ Индіи послѣ большого землетрясенія, бывшаго въ 1727 году.

Слѣдующіе случаи представляютъ доказательство замѣчательнаго инстинкта крысъ.

Англійскій пасторъ, мистеръ Ферименъ, прогуливаясь однажды вечеромъ по лугамъ своего прихода, увидѣлъ множество крысъ въ самое время переселенія ихъ изъ одного мѣста въ другое, что, какъ извѣстно, водится у этихъ животныхъ. Пасторъ остановился, стараясь не дѣлать не малѣйшаго движенія, и вся толпа переселенцевъ прошла очень близко отъ него. Неописано было удивленіе его, когда онъ увидѣлъ въ толпѣ старую слѣпую крысу, державшую въ зубахъ одинъ конецъ тоненькой палочки, между тѣмъ какъ другая крыса держала точно такъ же

другой конецъ этой палочки и такимъ образомъ вела слѣпую пріятельницу свою.

Во время большого наводненія въ одной изъ мѣстностей Англїи, 4-го сентября 1829 года, когда рѣка Тейна поднялась очень высоко, множество народа ходило по берегамъ ея. Между многими предметами, плывшими по водѣ, зрители увидѣли лебедя, на бѣлоснѣжныхъ перьяхъ котораго замѣтно было черное пятно. Это была живая крыса. Вѣроятно она была унесена водою съ какою нибудь плывущею вещію и, увидѣвъ лебедя, вздумала спастись отъ потопленія на спинѣ его. Какъ скоро лебедь доплылъ до земли, крыса соскочила съ него и убѣжала.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ — рассказываетъ одинъ изъ англійскихъ журналистовъ — я жилъ въ деревенькѣ Икельтонѣ, въ графствѣ Кембриджскомъ. Возвращаясь съ охоты, я кормилъ собакъ своихъ въ небольшомъ сараѣ, гдѣ пища ставилась въ длинномъ корытѣ, и обыкновенно я самъ распоряжался этимъ дѣломъ. Случилось разъ, что, поставивъ кормъ, я заглянулъ въ сарай сквозь небольшую скважину дверей, и очень удивился, что въ корытѣ спокойно сидѣли крысы и безъ всякаго страха ѣли хлѣбъ и молоко вмѣстѣ съ собаками, которыя повидимому не обращали никакого вниманія на маленькихъ звѣрьковъ. Я рѣшился истребить крысъ, и на слѣдующій день поставилъ корыто такъ, чтобы однимъ выстрѣломъ изъ ружья, вставленнаго въ отверстіе, положить ихъ на мѣстѣ. Въ обыкновенный часъ кормъ поставленъ былъ какъ приманка, но собакъ не выпускали въ сарай. Напрасно. Я замѣтилъ, что изъ подъ корыта не одинъ разъ высовывалась хитрая головка старой крысы, вѣроятно для какихъ нибудь наблюденій; но ни одна крыса не вышла. Прождавъ такимъ образомъ съ полчаса совершенно напрасно, я впустилъ собакъ, и черезъ нѣсколько минутъ крысы опять по братски раздѣляли обѣдъ ихъ. Можно думать, что перемѣна положенія корыта или какое нибудь другое ничтожное распоряженіе въ сараѣ возбудило подозрѣніе этихъ животныхъ. Какъ бы то ни было, но они, казалось, поняли, что безопасность ихъ соединена съ присутствіемъ собакъ.

286. Кротъ.

Оленька очень любила цвѣты. Ей давно хотѣлось имѣть въ маменькиномъ саду клумбочку, гдѣ бы она могла насадить побольше цвѣтовъ. Наконецъ это желаніе исполнилось. Разъ, при наступленіи весны, маменька пошла съ Оленькой въ садъ, подвела ее къ мѣсту еще не обработанному и сказала: «Милая Оля, ты всю зиму хорошо вела себя и тѣмъ меня радовала; теперь я хочу тебя обрадовать. Дарю тебѣ это мѣстечко: на немъ можно устроить прелестную клумбу, — довольна ли ты?»

Ахъ, маменька! какъ можешь ты еще спрашивать, довольна ли я? Я такъ рада, такъ рада! ничѣмъ другимъ нельзя бы было доставить мнѣ столько удовольствія, и я не знаю, какъ благодарить тебя.

Она поцѣловала у маменьки руку и тотчасъ же стала обдумывать, какъ бы ей лучше воспользоваться подареннымъ мѣстомъ. Она хотѣла завтра утромъ пораньше идти въ садъ съ своими двумя братьями, убрать съ участка своего камня и всякій соръ и обвести его маленькимъ рвомъ. Потомъ собиралась она купить нѣсколько луковицъ и сѣмянъ, изъ которыхъ бы выросли красивые и душистые цвѣточки.

Такъ все и было сдѣлано: скоро новая клумба уже пестрѣлась цвѣтами, и Оленька прилежно за ними ухаживала. Но какъ она испугалась въ одно утро, когда, пришедши въ садъ, вдругъ увидѣла на клумбѣ своей, возлѣ прекрасныхъ левкоевъ, кучку набросанной земли. Она тотчасъ побѣжала къ работнику, который на ту пору случился въ саду, и спросила у него, что это значить. «Эту кучку, сказалъ онъ, набросалъ негодный кротъ. Прегадкій звѣрокъ! Кроты роются въ садахъ и лѣсахъ, въ лугахъ и пашняхъ, и вездѣ бываетъ отъ нихъ много вреда. Будьте спокойны, барышня: я постерегу вашъ садикъ; авось удастся выжить незваного гостя.»

Вечеромъ Оля опять была въ саду и увидѣла на своей клумбѣ новую кучку возлѣ чудесной гвоздики. Это ее очень огорчило. «Ахъ, сказала она, что наконецъ будетъ изъ моей клумбочки, когда эти песносные звѣри всю ее разроютъ?»

Она подозвала работника и посулила ему на водку, если онъ очиститъ отъ кротовъ ея клумбу.

Работникъ обѣщалъ постараться, и за одно это обѣщаніе получилъ отъ дѣвочки пятакъ.

Когда на утро она пришла въ садъ, работникъ встрѣтилъ ее съ улыбкой и рассказалъ, что онъ тотчасъ по восхожденіи солнца подстерегъ крота и, когда тотъ взрылъ землю, выкопалъ его лопаткой и убилъ.

Оленька осмотрѣла звѣря. Хвостъ у него былъ короткій, чешуйчатый и волосистый, а глаза по обѣ стороны головы походили на свѣтлыя горошинки; цвѣтомъ онъ былъ черенъ. «Однако жъ, замѣтилъ работникъ, бываютъ и бѣлые и сѣрые кроты, бываютъ и бѣлые съ пятнами. Они умѣютъ строить себѣ покойныя комнатки со сводами и очень искусно обиваютъ ихъ мохомъ, навозомъ, соломой, листьями, травой и нѣжными кореньями.»

Вечеромъ, когда зашло солнце, другой кротъ началъ рыться. И на него работникъ тотчасъ напалъ, выкопалъ и убилъ его.

Оленька очень тому радовалась и наградила работника, сколько могла. Нѣсколько времени въ саду не замѣтно было шалостей крота. Но черезъ двѣ недѣли, въ ту самую пору, когда нанять былъ искусный садовникъ для присмотра за фруктовыми деревьями, недавно посаженными, Оля опять увидѣла кучку земли на своей клумбѣ. Это ее привело въ отчаяніе; она позвала садовника и горько жаловалась ему на свою бѣду.

Садовникъ улыбнулся. — Тутъ нѣтъ никакой бѣды, сказалъ онъ; вы, барышня, будьте совершенно спокойны.

«Да какъ же я могу быть спокойна?» отвѣчала Оленька жалобнымъ голосомъ.

— А чего же вы опасаетесь? спросилъ садовникъ.

«Эти злые кроты, сказала дѣвочка, вездѣ роются, грызутъ корни цвѣтовъ и мало по малу испортятъ весь мой садикъ!»

— Эхъ, барышня! отвѣчалъ садовникъ, улыбаясь; это все новости вы мнѣ рассказываете; видно правду говорятъ: вѣкъ живи, вѣкъ учись. Вотъ ужъ я тридцать лѣтъ въ садовникахъ и не мало ужъ клумбъ, слава Богу, развелъ на своемъ вѣку, а ни одной еще у меня не испортили кроты. Не опасайтесь, барышня! ваши цвѣты цѣлы будутъ. На кротовъ много клепаютъ понапрасну. Они таки иногда изволятъ кушать корни цвѣтовъ и овощей; это, нечего сказать, правда. Да оно довольно рѣдко случается, то есть, когда они не могутъ найти живыхъ звѣрковъ, которыми питаются. А то кротъ вообще дѣлаетъ больше пользы, нежели вреда приносить.

«Эхъ, сказала Оленька, теперь ты, Порфиръ, новости мнѣ

разсказываешь.» И она покачала головой, какъ всегда дѣлала, когда чему нибудь не вѣрила.

— Можетъ статься, продолжалъ садовникъ, то, что я вамъ говорю, барышня, для васъ ново и невѣроятно; однако жъ это сушая правда. Если только кротовъ показывается не слишкомъ много, то они и въ садахъ, и въ поляхъ очень бываютъ полезны. Они, изволите видѣть, терпѣть не могутъ червяковъ, жуковъ и всякихъ маленькихъ гадовъ, что въ землѣ водятся, и ѣдятъ этихъ звѣрковъ и насѣкомыхъ, которыя такъ много вредятъ растеніямъ. Вотъ почему кроты въ самомъ дѣлѣ очень полезны. Къ тому же они роютъ землю и она, благодаря имъ, становится рыхлѣе; дождю легче проходить сквозь нее, а за то всѣ деревья, овощи и цвѣты должны кроту сказать спасибо. Правда опять и то, что кучки земли, которыя онъ набрасываетъ, мѣсту красы не придадутъ; это безпорядокъ. Но кучку не трудно скрыть, а раскопанное мѣсто можно сгладить. Гдѣ кротовъ слишкомъ много разведется, тамъ надобно подстергать и бить ихъ въ то время, когда они разрываютъ землю, а это обыкновенно бываетъ при восходѣ и при заходѣнн солнца.

Оленька слушала садовника съ большимъ вниманіемъ, и когда онъ кончилъ, то она сказала ему: «Отъ чего же всѣ говорить, что кротъ такой вредный звѣрь? Это я еще сегодня слышала отъ нашего сосѣда!»

— Да такъ ужъ завелось, отвѣчалъ садовникъ, всѣ бранятъ кротовъ: но это отъ того, что никто не возьметъ труда разсмотрѣть дѣло хорошенько. Такъ и во всемъ другомъ; ужъ таковъ бѣлый свѣтъ. Люди часто говорятъ, сами не знаютъ что. Но надобно быть осторожнымъ и не всему вѣрить, что другіе толкуютъ, а всякій разъ повнимательнѣе разбирать, справедливо ли говорить. Вотъ что-съ!

Оля успокоилась. Въ самомъ дѣлѣ цвѣты ея нисколько не пострадали отъ кротовъ, и она стала гораздо милостивѣе прежняго къ этимъ животнымъ.

* 283. Летучая мышь.

Однажды птицы вели жестокую войну съ четвероногими животными. Долго не было рѣшительнаго перевѣса, потому что побѣда была то на одной, то на другой сторонѣ. Но летучая

мышь была осторожна и умна. Когда побѣждали птицы, то она весело летала съ ними вокругъ, и всѣ удивлялись этой необыкновенной птицѣ. Но когда побѣждали четвероногія животныя, то она присоединялась къ нимъ, ползала на четверенькахъ и выдавала себя за мышь. Наконецъ обѣ воюющія партіи, утомившись, заключили миръ, и тогда вдругъ открылось лицемерство летучей мыши. Съ тѣхъ поръ ее всюду преслѣдуютъ: у четвероногихъ животныхъ ее стережетъ кошка, а у птицъ—сова. Поэтому—то она и избѣгаетъ свѣта и, ненавидимая всѣми, одиноко летаетъ средь темной ночи.

288. Польза отъ птицъ.

Не только домашнія птицы, куры, утки, но и дикія птицы приносятъ пользу человѣку; коршуны, вороны сѣдаютъ падаль, отъ которой можетъ сдѣлаться зараза въ жаркое время; вороны и сорокопуты истребляютъ полевыхъ мышей; воробьи, ласточки и другія маленькія пташки поѣдаютъ неисчислимое множество червей, гусеницъ и другихъ насѣкомыхъ, отъ которыхъ бываетъ большой вредъ на поляхъ.

Поэтому ты не долженъ безъ нужды пугать и убивать даже воробьевъ и ласточекъ: они твои помощники; воробьи, правда, вредятъ яблонямъ и вишнямъ, но не столько, какъ обыкновенно думаютъ. Птицы слетаются на деревья больше за червяками, чѣмъ за плодами; а черви дереву больше вредятъ, чѣмъ птицы. Въ одной странѣ неразумные люди принялись истреблять воробьевъ, думая, что отъ нихъ-то вся и бѣда; но какъ истребили воробьевъ, что жъ вышло? Черви такъ расплодились, что всѣ деревья, весь хлѣбъ и даже всю траву выѣли.

289. Лебедь.

Лебедь по своей величинѣ, силѣ, красотѣ и величавой осанкѣ, давно и справедливо названъ царемъ всей водяной, или водоплавающей птицы. Бѣлый какъ снѣгъ, съ блестящими, прозрачными большими глазами, съ чернымъ посомъ и черными лапами, съ длинною, гибкою и красивою шеею, онъ невыразимо прекрасенъ, когда спокойно плыветъ между зеленыхъ камышей, но темно-синей,

гладкой поверхности воды. Но и всё его движенія исполнены прелести: начнет ли онъ пить и, зачерпнувъ носомъ воды, подниметъ голову вверхъ и вытянетъ шею; начнетъ ли купаться, нырять и плескаться своими могучими крыльями, далеко разбрасывая брызги воды, скатывающейся съ его пушистаго тѣла; начнетъ ли потомъ охорашиваться, легко и свободно закинувъ дугою назадъ свою бѣлоснѣжную шею, поправляя и чистя носомъ на спинѣ, бокахъ и въ хвостѣ смятыя или замаранныя перья; распуститъ ли крыло по воздуху, какъ будто длинный косоу парусъ, и начнетъ также носомъ перебирать въ немъ каждое перо, провѣтривая и суша его на солнцѣ,—все живописно и великолѣпно въ немъ.

С. Аксаковъ.

290. Гуси.

Вася увидѣлъ вереницу дикихъ гусей, которые неслись высоко въ воздухѣ.

Вася. Могутъ ли также летать наши домашніе гуси?

Отецъ. Нѣтъ.

Вася. Кто же кормитъ дикихъ гусей?

Отецъ. Они сами отыскиваютъ себѣ пищу.

Вася. А зимою?

Отецъ. Какъ только наступаетъ зима, дикіе гуси улетаютъ отъ насъ въ теплыя страны; а весною возвращаются снова.

Вася. Но почему же домашніе гуси не могутъ летать такъ же хорошо, и почему не улетаютъ они отъ насъ на зиму въ теплыя страны?

Отецъ. Потому что домашнія животныя потеряли уже отчасти прежнюю ловкость и силу, и чувства у нихъ не такъ тонки, какъ у дикихъ.

Вася. Но почему же это случилось съ ними?

Отецъ. Потому что люди объ нихъ заботятся и отлучили ихъ пользоваться ихъ собственными силами. Изъ этого ты видишь, что и люди должны стараться дѣлать сами для себя все, что только могутъ. Тѣ дѣти, которыя полагаются на услуги другихъ и не пріучаются сами дѣлать для себя все, что только могутъ, никогда не будутъ сильными, умными и ловкими людьми.

Вася. Нѣтъ, теперь я буду стараться самъ все для себя дѣлать; а не то, пожалуй, и со мной можетъ сдѣлаться то же, что съ домашними гусями, которые разучились летать.

291. Курица и утята.

По сосѣдству отъ меня, въ одной деревушкѣ, называющейся Коростелово, одна крестьянка подложила подъ курицу 12 красковыхъ яицъ; утята вывелись, воспитались въ стаѣ русскихъ утятъ и привыкли вмѣстѣ съ ними ѣсть кормъ. Должно замѣтить, что это случай рѣдкій; обыкновенно утята, выведшія изъ яицъ дикихъ утокъ, сейчасъ пропадаютъ. Осенью корму понадобилось больше и, чтобъ не тратиться даромъ, крестьянка продала восемь утятъ, а двухъ молодыхъ селезней и двухъ утокъ оставила на племя; но черезъ нѣсколько недѣль они улетѣли и пропали. На слѣдующую весну, бѣглецы воротились на тотъ же прудъ и стали по прежнему жить и ѣсть кормъ съ дворовыми утками. Осенью, одна пара опять улетѣла, а другая осталась зимовать, а въ слѣдующую весну утка принесла яицъ и вывела десять утокъ, изъ числа которыхъ я самъ купилъ четырехъ. Крестьянка опять оставила пару, и потомство ихъ совершенно смѣшалось и ничѣмъ уже не отличалось отъ русскихъ утокъ. И такъ только въ третьемъ поколѣннн порода дикихъ утокъ совершенно потеряла память о своемъ вольномъ житьѣ; купленныя же мною молодыя утки, принадлежавшія къ второму поколѣннн, еще отличались отъ дворовыхъ, какъ своею наружностью, такъ и нравами: они были бойчѣе, проворнѣе, какъ-то складнѣе и пугливѣе домашнихъ утокъ, часто прятались и даже пробовали нѣсколько разъ уходить. Крылья были подрѣзаны.

С. Аксаковъ.

292. Когда бѣ на дятла не свой носокъ, никто бѣ его въ дуплѣ не нашель.

Можетъ быть, вамъ не случалось видѣть птицу дятла? Они бываютъ трехъ родовъ: зеленые, черные, пестрые. Дятель безпрерывно занятъ. Въ чемъ же занятіе? Долбитъ своимъ длиннымъ носомъ засохлое дерево и подъ корою его ищетъ себѣ пи-

щу. Пища его червяки, точащiе дерево. Издалека слышна работа дятла: можно считать его ровные удары. Онъ не скрывается, не таится — долбитъ и долбитъ день и ночь. Гнѣзда же свиваетъ въ дуплахъ гнилыхъ деревь, и еслибъ не необходимость долбить, трудно было бы добраться до дятла. На него-то старики наши сложили пословицу: если бъ на дятла не свой посокъ, никто бъ его не нашелъ!

А знаете ли, кто походить на дятла? Болтунъ, говорунъ, пустомеля. «Языкъ мой, врагъ мой!» говоритъ болтунъ. Языкъ выдаетъ болтуна точно такъ же, какъ носъ выдаетъ дятла. Умные люди говорятъ, что Богъ намъ далъ два уха и одинъ языкъ, для того чтобъ мы менѣ говорили и болѣ слушали, и что скромность есть признакъ ума.

293. Перелетныя птицы.

Анна. Наша ласточка опять прилетела, милый папаша, та самая, которая всегда вьетъ гнѣздо на нашей кровлѣ и такъ мило чиликаетъ.

Отецъ. А видѣла ли ты, какъ вчера роились комары?

А. Видѣла. Но что же общаго между комарами и ласточками?

О. Очень много; потому что ласточки питаются комарами.

А. И нашъ аистъ также показался у насъ на овинобѣ.

О. Такъ непременно появилось уже много лягушекъ; вѣрно и змѣи давно выползли изъ норъ своихъ.

А. Стало быть, всѣ птицы прилетаютъ не ранѣе того, какъ для нихъ приготовится пища.

О. Не прежде. Ты знаешь, что много разнаго рода дикихъ птицъ. Нѣкоторыя изъ нихъ питаются одними зернами, или зернами и червячками; эти большею частію остаются у насъ и зимою. Другія питаются только свѣжими ягодами или червячками, насѣкомыми, змѣями и т. п.; эти зимою улетаютъ отъ насъ въ такія страны, гдѣ теплѣе и гдѣ въ это время бываютъ ягоды и гдѣ червячкамъ и насѣкомымъ не нужно прятаться отъ холоду. Различныя породы птицъ, какъ напр. журавли, дикіе гуси, дрозды и др., осенью предпринимаютъ путешествія большими стаями и вмѣстѣ перелетаютъ за море.

А. А весною птицы возвращаются снова, когда онѣ знаютъ, что найдутъ себѣ пищу?

О. Да, какъ видишь, дитя мое. Но кто же научилъ ихъ этому? Кто научилъ аиста отыскать гнѣздо свое, а ласточку найти крышу гостепріимнаго дома?

А. Конечно Богъ научилъ ихъ этому.

О. Такъ, милая Анна. Богъ далъ животнымъ способности, потребныя для нихъ. И такъ когда тебѣ случится опять увидѣть перелетныхъ птицъ, то вспомни всякій разъ, что Богъ припасаетъ пищу прежде, нежели прилетятъ гости. И о людяхъ Онъ заботится съ такою же благостию; вотъ и о тебѣ Онъ позаботился напередъ, чтобъ ты нашла молоко для твоего пропитанія: при рожденіи своемъ и ты появилась на свѣтъ какъ незнакомая гостя, и никакая другая пища не могла такъ хорошо прокормить тебя и сохранить твою жизнь. Какъ ты думаешь, чѣмъ ты воздашь Богу за такое великое благодѣяніе?

А. Я? У меня ничего нѣтъ, что бы я могла дать Ему. Но буду очень любить Бога и охотно исполнять все то, что Ему пріятно.

294. О ласточкахъ.

Посмотри на верхъ, милый мой, сказалъ однажды отецъ маленькому своему сыну, — на верхъ, на эти птичьи гнѣздышки, надъ окнами комнатъ нашихъ подъ кровлею. Видишь, одни только что начаты, только что прилѣплено къ стѣнѣ нѣсколько глины; другія до половины сдѣланы; а нѣкоторыя совсѣмъ готовы—плотны и чисты, съ однимъ маленькимъ отверстіемъ, въ которое птички будутъ влетать и улетать.

Это гнѣзда ласточекъ, и вотъ ты видишь хозяевъ ихъ. Какъ неутомимо летаютъ онѣ туда и сюда, приносятъ во рту глину и землю, и работѣ своей даютъ форму посикомъ и пощками! Эти гнѣзда очень крѣпки и плотны, какъ стѣна изъ глины, а внутри устланы пухомъ и перьями, чтобъ малюткамъ мягко было лежать.

Ласточки питаются мушками, комарами и другими насекомыми, и всегда строятъ себѣ гнѣзда въ горахъ и деревняхъ около домовъ. Люди не тревожатъ ихъ: эти птички болѣе полезны, нежели вредны, и намъ пріятно смотрѣть на образъ жизни ихъ.

Погляди, какъ быстро несутся онѣ по воздуху, преслѣдуя добычу свою! По утру онѣ просыпаются на самомъ разсвѣтѣ, щебечутъ и шумятъ у окна, пока мы еще въ постелѣ; и цѣлый день не складываютъ крыльевъ, летая за пищею для себя и для дѣтей своихъ. Паловивъ нѣсколько мухъ, онѣ тотчасъ спѣшатъ къ гнѣздышкамъ, быстро влетаютъ въ отверстіе и кормятъ малютокъ.

Я расскажу тебѣ, какую великую заботливость имѣютъ онѣ о своихъ дѣтяхъ. Ласточки построили однажды себѣ гнѣздо въ галлерей; когда онѣ уже имѣли малютокъ; случилось, что одна изъ нихъ, вскарабкавшись до отверстія прежде нежели оперилась, выпала изъ гнѣзда и ушиблась до смерти о каменный полъ галлерей. Старыя птички, увидѣвъ это несчастіе, полетѣли и принесли коротенькихъ прутиковъ изъ твердой соломы и укрѣпили ихъ глиною въ родѣ частокола около отверстія гнѣзда, чтобы предохранить другихъ малютокъ отъ жалкой участи ихъ бѣднаго брата.

Я могу рассказать тебѣ еще другой примѣръ ихъ дальновидности и готовности помогать другъ другу. Одинъ дерзкій воробей (ты знаешь, какъ они бываютъ иногда бѣзстыдны) забрался въ гнѣздо ласточки во время ея отсутствія, и когда она, возвратясь, хотѣла влетѣть въ жилище свое, то воробей высунулъ голову изъ отверстія и смотрѣлъ на нее, разинувъ ротъ. Бѣдная ласточка была жестоко обижена и опечалена такою несправедливостію, но не могла собственною силою отмстить за себя. И такъ она улетѣла назадъ, и возвратилась со множествомъ товарищей; у каждой изъ нихъ въ носикѣ было нѣсколько глины, которою онѣ замазали отверстіе гнѣзда и заключили въ вѣчную темницу воробья, очень скоро умершаго отъ недостатка воздуха и пищи.

Можно еще много сказать о дальновидности этихъ птицъ. Осенью, когда начинается холодная погода, ласточки собираются въ великомъ множествѣ на кровляхъ высокихъ строеній и приготовляются летѣть въ страну, гдѣ теплѣе. Чтобы испытать свои силы, онѣ дѣлаютъ нѣсколько большихъ круговъ по воздуху въ разныя стороны и потомъ, выбравъ тихій, прекрасный день, отправляются всѣ вмѣстѣ на югъ.

Полагаютъ, что ласточки улетаютъ на зиму въ средину Африки; весною же онѣ отправляются назадъ въ наши сѣверныя страны. Иногда при раннемъ наступленіи у насъ хорошей пого-

ды нѣкоторыя изъ нихъ прилетаютъ слишкомъ рано; и когда погода настанетъ опять холодная и снѣжная, то бѣдняжки умираютъ отъ недостатка въ пищѣ или отъ мороза. Отсюда происходитъ пословица, что *одна ласточка не дѣлаетъ весны*. Но когда прилетаетъ ихъ множество, то мы можемъ быть увѣрены, что зима миновала; и отъ того мы всегда радуемся ихъ возвращенію.

295. Беззаботность птички.

Птичка Божія не знаетъ ни заботы, ни труда; хлопотливо не свиваетъ долговѣчнаго гнѣзда. Въ долгу ночь на вѣткѣ дремлетъ; солнце красное взойдетъ — птичка гласу Бога внемлетъ, встрепенется и поетъ. За весной, красой природы, лѣто знойное пройдетъ — и туманъ и непогоды осень поздняя несетъ: людямъ скучно, людямъ горе; птичка въ дальнія страны, въ теплый край, за сине море улетаетъ до весны.

Пушкинъ.

296. Загадка.

Безъ рукъ, безъ тоноренка построена избенка.

297. Соловей.

Солнце скрылось за горою, угасаетъ день; все покрыто полутьмою и длиннѣетъ тѣнь. Тишины и обаянья полно все въ лѣсахъ, вотъ и звѣздочка въ сіяньѣ блещетъ въ небесахъ. Чье жъ тамъ пѣнье раздается? то какъ бы свирѣль, то какъ флейта пѣжно льется, и вдругъ снова трель. Соловьиное то пѣнье. Отъ чего жъ ты, соловей, тѣшишь въ часъ успокоенья пѣсню своей? «Въ тишинѣ, въ удивеньѣ Богу пѣснь пою; приношу Ему моленье и хвалу мою.»

298. Окунь.

Окунь не то, что ракъ, хотя и живетъ въ водѣ, это всякій знаетъ; извѣстно, что ракъ не рыба, и разница между ними

огромная. У рака внутри нѣтъ костей, за то снаружи толстый черепъ. У окуня, напротивъ, внутри есть кости. За костистой головой тотчасъ начинается у него рядъ толстенькихъ косточекъ, вплоть до самаго хвоста. Эти косточки называются позвонками: отъ нихъ вверхъ и внизъ идутъ другія косточки, а для плавающихъ перьевъ есть еще другія. И не перечестъ, сколько всѣхъ косточекъ у окуня. Но наука пересчитала ихъ, и если учиться, т. е. добывать себѣ свѣту, по старинной пословицѣ, что ученье свѣтъ, а неученье тьма, — то можно узнать, и сколько у окуня костей, и зачѣмъ каждая изъ нихъ, и какъ можетъ рыба жить въ водѣ, и отъ чего она не утонетъ, т. е. не захлебнется, тогда какъ человѣкъ и десяти минутъ не можетъ пробыть въ водѣ, непременно захлебнется. Все это совсѣмъ не такъ просто, какъ кажется съ перваго взгляда. Ученье скажетъ тоже, для чего у рыбы есть жабры и какъ она можетъ ими дышать въ водѣ. Безъ ученья все это тьма.

299. Загадка.

Идетъ въ баню черенъ, а выходитъ красенъ.

300. Какъ кошки ловятъ рыбу.

Хотя я зналъ, что кошки ловятъ рыбу, но никогда не слышалъ и не видалъ, какъ они производятъ эту охоту. Третьяго Мая 1855 года сидѣлъ я очень тихо на берегу небольшого проточнаго пруда, гдѣ брали окуни и лини. Около противоположнаго берега, уже обросшаго травою, била икру плотва и для того выбрасывалась въ траву у самаго берега. Вдругъ я вижу, что большая пестрая кошка осторожно подкрадывается, ползетъ и прячется, раставившись въ самой береговой травѣ. Такъ всегда поступаютъ кошки, выжидая своей добычи. Я сталъ смотрѣть пристально. Плотва продолжала метать икру и выкидываться на траву — кошка бросилась, схватила одну плотичку и унесла ее во рту. Я указалъ на эту проделку садовнику, который недалеко отъ меня копался въ своихъ грядкахъ; онъ нисколько не удивился, а напротивъ рассказалъ мнѣ, что рано по утрамъ, когда еще нѣтъ народу, всякій день выходитъ на этотъ промы-

сель кошекъ шесть и болѣе, располагаются по удобнымъ мѣстамъ вдоль берега, и ловятъ рыбу.

С. Аксаковъ.

301. Угорь и змѣя.

«Посмотри на меня», говорила змѣя угрю: «какъ я прекрасна? Видалъ ли ты когда нибудь кожу, такъ красиво расписанную и такую гладкую? Правда, и твоя кожа гладка; однако жъ моя и гладка и красива.»

«Въ самомъ дѣлѣ», отвѣчалъ угорь, «я не такъ красивъ какъ ты, а только гладокъ. Но отчего происходитъ то, что твоя красота всякому отвратительна, и что люди, увидѣвши въ травѣ пеструю твою кожу, пугаются и бѣгаютъ?»

«Бѣгаютъ?» спросила красивая змѣя: «отчего же это? я не знаю.»

«А я знаю, отвѣчалъ угорь, и люди также знаютъ. Снаружи ты блестящъ, а внутри у тебя ядъ и желчь.» — Не платье красить человѣка, а человѣкъ красить платье.

302. Змѣя и пиявица.

«Какъ я несчастна, и какъ завидна часть твоя!» однажды говоритъ пиявицѣ змѣя: «ты у людей въ чести, а я для нихъ ужасна; тебѣ охотно кровь свою даютъ, меня же всѣ бѣгутъ и, если могутъ, бьютъ; а кажется равно мы съ ними поступаемъ: и ты, и я людей кусаемъ.»

— Конечно! былъ на то пиявицынъ отвѣтъ, да въ цѣли нашей сходства нѣтъ: я, напиримѣръ, людей къ ихъ пользѣ уязвляю, а ты для ихъ вреда: я множество больныхъ чрезъ это исцѣляю, а ты и небольшимъ смертельна завсегда. Спроси самихъ людей: всѣ скажутъ, что я права; я — ихъ лѣкарство, ты — отравя.

Дмитріевъ.

303. Древесная лягушка.

«Гриша! посмотри, у меня зеленая птичка», сказалъ отецъ, входя въ комнату и поднявъ платокъ, завязанный узелкомъ.

—Ахъ, покажи, папа, сказалъ Гриша, дай мнѣ ее. «Подожди, я дамъ тебѣ ее; но только держи крѣпче, чтобъ она не вылетѣла.» Развязавъ платокъ, онъ осторожно всунулъ ему въ руку маленькую лягушку. Испуганный Гриша выпустилъ ее изъ рукъ и поднялъ страшный крикъ. — Фи, какая противная лягушка!.. Между тѣмъ лягушка прыгала по комнатѣ; а Гриша такъ боялся ея, что перебѣгала изъ одного угла въ другой. Отецъ снова поймалъ ее. «Глушенькій, говорилъ онъ Гришѣ, можно ли бояться лягушки? Я принесу стаканъ, поставлю въ него лѣсенку и посажу туда лягушку: она будетъ намъ предсказывать погоду.» Онъ выстрогалъ лѣсенку и рассказалъ Гришѣ, какъ онъ, гуляя по лугу, услышалъ кваканье лягушки и нашелъ ее сидящею на листьяхъ кустарника. Потомъ онъ принесъ стаканъ, налилъ его до половины водою и, опустивъ въ него лѣсенку и лягушку, завязалъ стаканъ тонкою холстиною и поставилъ передъ окномъ. «Ну, Гриша, сказалъ отецъ, смотри же хорошенько за нашимъ живымъ барометромъ. Когда онъ выйдетъ изъ воды, то должно ожидать хорошей, сухой погоды; но когда онъ сидитъ въ водѣ, то обыкновенно бываетъ вѣтеръ или дождь. Только чрезъ каждые два дня бросай ей въ пищу по нѣскольку мухъ сквозь отверстіе въ холстинѣ.» Гриша внимательно разсматривалъ лягушку. У ней спинка была красиваго зеленого цвѣта, а тѣло все обнажено, — ротъ большой и широкій. Она постоянно вдыхала въ себя воздухъ и широко раскрывала глаза. Четыре ноги ея были растопырены, на двухъ переднихъ было по четыре отдѣльных пальца, а на заднихъ по пяти пальцевъ, соединенныхъ между собою тонкою кожицею.

304. Гусеницы, куколки и ихъ враги.

Однажды утромъ Вася увидѣлъ множество гусеницъ, ползающихъ по окну. Онѣ выползли изъ сада и по высокой стѣнѣ добрались до самаго окна.

«Посмотри, папенька», вскричалъ Вася, «какъ ловко ползаютъ гусеницы по скользкому стеклу! Но отчего это онѣ поворачиваютъ головку, то направо, то налево? Это только задерживаетъ ихъ; имъ нужно употребить болѣе часа на то, чтобы проползти эти два стекла.»

Отецъ подошелъ къ окну и наблюдалъ за ползающими гусеницами.

Вася. Отчего это, прежде чѣмъ подвинуться далѣе, онѣ всегда поворачиваютъ головкою? Какъ будто бы онѣ хотѣли намъ дѣлать поклонъ на обѣ стороны.

Отецъ. Ну, онѣ вовсе не такъ учтивы, а поворачиваютъ головками по совершенно другой причинѣ. Посмотри, крѣпко ли онѣ держатся на стеклѣ.

Вася отворилъ окно и долженъ былъ сдѣлать порядочное усиліе для того, чтобы оторвать хоть одну изъ нихъ. «О, теперь я знаю», вскричалъ онъ, «почему онѣ дѣлаютъ такіе поклоны!»

О. Почему же?

В. Онѣ протягиваютъ по стеклу во все стороны тоненькія ниточки, и отъ того такъ крѣпко и держатся на немъ.

О. Совершенно справедливо. Онѣ поворачиваются направо и крѣпко приклеиваютъ къ стеклу конецъ своей ниточки; затѣмъ поворачиваются влѣво, протягивая при этомъ свою ниточку поперекъ. Такимъ образомъ онѣ продолжаютъ поворачиваться, и при каждомъ поворотѣ образуютъ новую ниточку, такую тонкую, какъ нить паука. Протянувъ нѣсколько ниточекъ, онѣ подвигаются впередъ, т. е. цѣпляются ножками своими за ниточки, какъ за веревочную лѣстницу.

В. Потому-то онѣ и держатся такъ крѣпко!

О. Такъ; потому-то онѣ и могутъ ползти по скользкому стеклу.

«Но чего вы хотите здѣсь?» сказалъ Вася, обращаясь къ насѣкомымъ. «Въ саду еще много пищи для васъ; а изъ того, что у насъ есть здѣсь, для васъ ничего не годится. Ползите опять внизъ, заблудившіяся овечки!» Съ этими словами онъ оторвалъ гусеницъ отъ стекла и сбросилъ ихъ въ садъ.

О. А нѣкоторыхъ ты все-таки не можешь сбросить. Посмотри-ка, нѣсколько гусеницъ сидитъ уже на верху, на потолкѣ.

В. А! Онѣ вѣрно вползли въ комнату черезъ разбитое стекло. Теперь вамъ предстоитъ голодная смерть, потому что вся комната для васъ — пустыня: тутъ нѣтъ ни одного листочка.

О. Но онѣ теперь и не будутъ нуждаться въ пищѣ. Онѣ уже насытились на всю свою жизнь въ гусеницахъ; теперь имъ хочется чего-то совсѣмъ другого.

Васѣ очень хотѣлось узнать объ этомъ что нибудь поподробнѣе; но отецъ не удовлетворилъ его любопытства, а велѣлъ подождать, говоря, что онъ со временемъ самъ все это увидитъ.

Черезъ нѣсколько дней каждая гусеница обмотала себя и сдѣ-

лалась куколкой. Вася досталъ одну изъ нихъ длинной палкой: куколка блестяла, какъ золото; а сверху пряжи, которою она была обмотана, висѣла кожа гусеницы. Она сняла ее съ себя, какъ платье, и теперь имѣла другую кожицу, жесткую и роговидную. Но на ней уже не было замѣтно болѣе ни ножекъ, ни головки. Вася тихонько дотронулся до куколки, и она слегка зашевелилась, начала сжиматься и изгибаться. «Ты еще жива!» вскричалъ онъ; «а я считалъ тебя мертвою и думалъ, что ты лежишь въ тѣсномъ гробу. Какъ же тебѣ оттуда выйдти? Погоди же, я помогу тебѣ.»

Онъ булавкой приподнял нѣсколько покрывку и что же? внутри были видны длинныя ножки и крылья. Все это сначала шевелилось; но черезъ нѣсколько мгновений это маленькое животное было уже мертвымъ.

В. Скажи мнѣ, папенька, что такое въ куколкѣ, не гусеница ли?

О. Да, была гусеница. Она начала уже свое превращеніе: сдѣлалась куколкой и потомъ должна была бы сдѣлаться бабочкой. Но теперь ты лишилъ ее жизни своимъ любопытствомъ.

В. Значить, бабочки происходятъ отъ гусеницъ?

О. Да, изъ гусеницъ образуются куколки, а изъ куколокъ бабочки.

В. Въ такомъ случаѣ я попрошу маменьку побережъ другихъ куколокъ, которыя еще остались на потолкѣ, а не то ихъ пожалуй сметутъ оттуда.

Спустя нѣсколько дней почти всѣ бабочки вылѣзли изъ своей скорлупы и летали по комнатѣ. Каждая изъ нихъ имѣла четыре крылышка и шесть длиненькихъ ножекъ. На головѣ у каждой было по два длинныхъ рожка и два большихъ глаза; впереди у нихъ былъ хоботокъ, свернутый въ трубочку; словомъ, это было насаѣкомое, совершенно отличное отъ гусеницы.

Вася выпустилъ ихъ на волю. Онѣ летали съ цвѣтка на цвѣтокъ и, какъ пчелы, высасывали изъ цвѣтовъ сокъ своимъ хоботкомъ. Нѣкоторыя изъ нихъ сажались на листья, гдѣ, какъ отецъ потомъ показалъ Васѣ, онѣ клали свои яички. Эти яички большею частію находились на нижней сторонѣ листка, такъ что и птицы не легко могли найти ихъ, и дождь и солнечный жаръ не могли вредить имъ. Они были крѣпко прилѣплены къ листику и не могли легко отпасть.

«Изъ этихъ яичекъ снова образуются гусеницы», сказалъ

отецъ: «но сначала гусеницы бываютъ очень малы, даже меньше этихъ яичекъ. Принимая очень много пищи, онѣ скоро вырастаютъ, такъ что чрезъ нѣсколько дней имъ становится тѣсно въ ихъ кожицѣ; тогда онѣ долгое время остаются въ совершенномъ бездѣйствіи и снимаютъ свою одежду, подъ которою готова уже новая и болѣе просторная. Онѣ не разъ перебѣгаютъ кожу, пока наконецъ, сбросивъ послѣднюю, не превратятся въ куколки.

Всѣ куколки, бывшіе въ комнатѣ у Васи, кончили уже свое превращеніе, сдѣлались бабочками и улетѣли. Только три куколки продолжали еще висѣть на потолокъ. Вася замѣтилъ, что около каждой оставшейся куколки висѣлъ какой-то желтый комочекъ. Съ любопытствомъ онъ снялъ палочкой одинъ изъ нихъ; куколка также упала, но она была совершенно выдолблена, и въ ней были маленькія отверстія. А желтый комочекъ содержалъ въ себѣ маленькія зернышки, изъ которыхъ каждое было не больше просяного зерна. Только на видъ они были продолговаты, а на ощупь походили на шелкъ.

«Посмотри, папенька», вскричалъ Вася, «эта куколка положила совершенно желтыя яички, а сама сдѣлалась совершенно пустою.»

О. Это вовсе не яички, а также куколки, только не отъ той гусеницы, а отъ совершенно другихъ, гораздо меньшихъ; они превратятся въ крошечныхъ мухъ, величиною съ булавочную головку. Сами же гусеницы выросли въ куколку той большой гусеницы.

В. Какъ же онѣ туда попали?

О. Вѣроятно одна изъ этихъ маленькихъ мухъ пронзила жаломъ своимъ куколку и положила внутри ея свои яички.

В. Какія же крошечныя должны быть эти яички, если сама муха была такъ мала!

О. Конечно. Сосчитай-ка, сколько маленькихъ желтыхъ куколокъ.

В. О, какъ много! Цѣлыхъ двадцать два.

О. А между тѣмъ яички для нихъ всѣхъ положены одною только мухой; и всѣ онѣ образовались изъ яичекъ внутри большой куколки. Бѣдная гусеница! ничего не подозревая, обмоталась и превратилась въ куколку; а теперь отъ нея осталась только

одна скорлупа, вся же внутренность выѣдена маленькими гусеницами, которыя, выросши, выползли изъ куколки.

В. Отъ того-то и замѣтно такъ много дырочекъ на кожицѣ большой куколки.

О. Ну, да. Эти гусеницы или личинки сами просверлили для себя отверстія и, выползши, сами обмотались. Они превратятся теперь въ маленькихъ мухъ, которыя въ свою очередь будутъ отыскивать другихъ большихъ куколокъ, чтобы забраться въ нихъ и положить тамъ свои яички.

В. Яичкамъ-то было очень удобно, но за то куколка должна была погибнуть.

О. Справедливо; она должна была умереть. У кого всегда полонъ домъ непрошенныхъ гостей, тотъ самъ долженъ погибнуть. Маленькія гусеницы съѣли все, что только нашли.

В. Кто же это научилъ муху класть туда свои яички?

О. Это такъ устроилъ Богъ. Онъ научаетъ птицъ строить гнѣзда, въ которыхъ онѣ кладутъ свои яйца; Онъ же открылъ и маленькой мухѣ, гдѣ ея потомство можетъ найти себѣ пищу; Онъ же и мотылькамъ указываетъ листки, куда они должны класть свои яички, потому что тутъ молодыя гусеницы могутъ находить себѣ пищу.

305. Загадка.

Ползу червячкомъ, питаюсь цвѣткомъ, потомъ засыпаю, себя зарываю. Не ѣмъ, не гляжу, недвижно лежу; но вдругъ оживаю я съ новой весной, свой гробикъ стряхаю надъ травкой молодой. Лечу, веселюся, какъ птичка взвѣюся, прекраснѣй въ сто разъ, чѣмъ прежде была я, и радую васъ, по небу порхая.

* 306. Резедная бабочка.

Резеда имѣетъ душистый цвѣтъ, который любятъ не только люди, но и бабочки. Есть бѣлая бабочка съ крапинами на крыльшкахъ, которая кладетъ свои яйца подъ листьями резеды, чтобы предохранить ихъ отъ дождя и росы. Яйца прикрѣпляются открытымъ концомъ своимъ къ листку; когда гусеница пробуждается въ немъ и хочетъ выбраться изъ него, то находитъ,

что выходъ запертъ, только не желѣзомъ или деревомъ, а просто ея же пищею, которая такъ вкусна, какъ изюмъ и миндаля для насъ. Когда она прокуситъ маленькое отверстіе и просунетъ раза два головку вверхъ, то выходитъ на волю, на все четыре стороны. Отецъ небесный поступаетъ съ червячкомъ точно такъ же, какъ если бы вы заперли маленькаго мальчика или дѣвочку въ уединенную комнатку, въ которой дверь была бы сдѣлана изъ пряника, и если бы вы сказали: спи теперь, а когда проснешься и захочешь выйти къ намъ на солнышко, то прогрызи себѣ лазейку въ пряникъ.

307. Дитя и шелковичный червь.

«Фи, какой противный червякъ! вскричала маленькая Аннушка, увидя въ первый разъ шелковичнаго червя. «Ахъ, сколько такихъ гадовъ на свѣтѣ, которые ни къ чему не годятся, какъ только внушать ужасъ и отвращеніе, да еще объѣдать листья на деревьяхъ.» — Не болтай такъ безразсудно, маленькая болтушка, сказалъ шелковичный червь. Знаешь ли ты, кому ты обязана красивымъ шелковымъ платьемъ, которымъ ты такъ гордишься, — никому болѣе, какъ мнѣ! — «Не суди по наружности, дитя мое», сказалъ отецъ Аннушки; «достоинство каждаго существа зависитъ не отъ наружной красоты, но отъ свойства его и отъ пользы, которую оно приноситъ. А что всего важнѣе: не говори никогда о томъ, чего ты хорошо не знаешь.»

308. Мертвая голова.

Одна изъ замѣчательнѣйшихъ вечернихъ бабочекъ есть мертвая голова. Она называется такъ потому, что у ней на груди бѣлыя пятна, представляющія нѣкоторое сходство съ мертвою головою. Хотя эта мрачнаго цвѣта бабочка не отличается особенною красотою, но она заслуживаетъ вниманія какъ наибольшая изъ всѣхъ. Иные пугались, когда это волосатое насекомое налетало на нихъ вечеромъ; иногда жужжаніе его приводило въ ужасъ тѣхъ, которые не знали, что эта единственная бабочка, которая издаетъ звукъ. — Одинъ помѣщикъ возвратился изъ города лѣтомъ, около 10 часовъ вечера, въ свою деревню. «Слава Богу, что ты пришелъ», сказала жена, встрѣчая его. — Ахъ,

баринъ, прибавила изъ кухни служанка, мы чуть не умерли со страху. — Ну, чего же вы такъ испугались? — «Такого звука, какъ сегодня, я еще не слыхала во всю жизнь. Мы съ Марьей были въ кухнѣ и разговаривали о покойной сосѣдкѣ. Вдругъ мы слышимъ, въ трубѣ надъ нами что-то начинаетъ летать и жужжать, только не такъ какъ летучія мыши или жуки — совсѣмъ иначе. Мы подумали, что это душа покойницы насъ подслушиваетъ, убѣжали въ комнату и заперли за собою дверь. Да... Марья заложила даже замочную скважину, потому что лишь только мы вошли въ комнату, звукъ возобновился и продолжался до твоего прихода.» — Оставьте вы душу сосѣдки въ покоѣ, да зажгите мнѣ свѣчу; я посмотрю, что васъ такъ встревожило. При этихъ словахъ вдругъ снова раздалось за дверью жужжаніе; хозяинъ долженъ былъ сознаться, что онъ никогда не слышалъ такого звука въ царствѣ животномъ. Это еще болѣе возбуждало его любопытство, и онъ началъ дѣлать тщательный розыскъ. Долго старанія его казались напрасными, потому что звукъ затихъ въ ту минуту, какъ онъ вышелъ изъ комнаты со свѣчей. Наконецъ онъ нашелъ на днѣ корзины — мертвую голову. Ты, голубушка, попалась очень кстати для коллекціи моего пріятели», сказалъ обрадованный хозяинъ, — велѣлъ подать себѣ булавку и прикололъ ею бабочку къ дну корзины. И что же? Въ ту самую минуту она начала бить крыльями и жужжать сильнѣе прежняго. Тогда хозяйка и служанка убѣдились, что это были тѣ же самые звуки, которые такъ напугали ихъ.

309. Непрїатели пчелъ.

1. Бражникъ мертвая голова

На листьяхъ картофеля живетъ большая гусеница, толстый касматый червякъ, изъ котораго потомъ выводится огромная ночная бабочка, называемая бражникъ мертвая голова. На ея черной косматой спинѣ есть свѣтло-желтое пятно, немножко похожее на черепъ; отъ того она и прозвана мертвою головой. Когда эта бабочка летитъ, или когда хватаешь ее руками, она какъ-то особенно жалобно пищитъ, и пискъ ея похожъ на пѣніе молодой пчелиной матки. — Бражникъ мертвая голова забирается въ улей и сосетъ тамъ своимъ толстымъ хоботомъ медъ,

запасенный въ восковыхъ клѣточкахъ. Богъ знаетъ, отъ чего и какъ, только бражникъ наводитъ на пчелъ ужасный страхъ. Залетаетъ онъ въ улей въ сумеркахъ, или въ началѣ ночи, и тонко, жалобно начинаетъ тамъ пищать. Тогда туча пчелъ вдругъ вылетаетъ на воздухъ, а шумъ продолжается иногда нѣсколько часовъ сряду. На другой день около улья мертвыя пчелы валяются тысячами, медъ высосанъ и весь рой пропалъ. Можетъ быть, запахъ бражника мертвой головы вреденъ для пчелъ, или есть на это какая другая причина; только улей, въ которомъ побывалъ бражникъ, никогда не уцѣлѣетъ.

2.

Другой непріятель пчелъ—жучокъ булавастка, и мы знаемъ, чѣмъ онъ вреденъ. Самъ онъ ростомъ съ пчелу, а можетъ ужасно повредить цѣлому улью; называется же онъ булавасткой потому, что усики его съ толстыми наконечниками, точно булавочки. Крылья у булавастки, какъ почти у всѣхъ жуковъ, покрыты еще другою парю такихъ жесткихъ крыльевъ, что пчела ихъ не пройметъ своимъ жаломъ. И весь животъ, и вся грудь и голова этого жучка—въ очень жесткой оболочкѣ; пчелиное жало можетъ войти въ тѣло булавастки только подъ крыломъ, тамъ гдѣ крыло приросло къ тѣлу. Булавастка забирается въ улей, чтобы класть свои яички, и всегда накладетъ ихъ множество. Изъ яичекъ выводятся червячки, только ужъ не такіе скромные и миролюбивые, какъ у пчелъ; они питаются не медомъ, а пчелиными червяками, и поѣдаютъ ихъ пропастъ.

310. Искатели меда.

Въ Америкѣ водится множество пчелъ, которыя устраиваютъ гнѣзда свои въ дуплахъ старыхъ деревьевъ. Вотъ какимъ образомъ отыскиваютъ эти деревья. Охотникъ собираетъ на цвѣтахъ, растущихъ вдоль лѣсовъ, нѣсколько пчелъ и сажаетъ ихъ въ ящичекъ, въ которомъ кладутъ кусочекъ медоваго сота; въ крышкѣ этого ящичка вдѣлываютъ стекло, довольно большое, для того чтобы свѣтъ проникалъ въ него со всѣхъ сторонъ. Когда охотникъ предполагаетъ, что пчелы его насытились медомъ, онъ вы-

пускаетъ двѣ или три изъ нихъ и тщательно замѣчаетъ, куда онѣ летятъ, до тѣхъ поръ пока совершенно потеряетъ ихъ изъ виду. Потомъ онъ идетъ къ тому мѣсту, гдѣ пересталъ ихъ видѣть и выпускаетъ еще нѣсколько пльвиницъ, замѣчая и за ними, такъ же какъ за первыми. Онъ повторяетъ это до тѣхъ поръ, пока пчелы принимаютъ направленіе противное тому, по которому полетѣли первыя. По этому охотникъ узнаетъ, что прошелъ далѣе предмета своихъ розысковъ; ибо извѣстно, что если взять пчелу съ цвѣтка, находящагося въ нѣкоторомъ разстояніи на югъ отъ дерева, на которомъ живетъ она, и унести ее въ ящикѣ, хотя совершенно закрытомъ, на сѣверъ отъ того дерева, она, какъ скоро выпустятъ ее на волю, описываетъ налету кругъ и пускается прямо къ своему жилищу.—Посему охотникъ, узнавъ по направленію полета пчелъ своихъ, что дерево ихъ уже близко, останавливается и кладетъ на разогрѣтый кирпичъ кусочекъ медоваго сота, котораго запахъ такъ силенъ, что весь рой тотчасъ оставляетъ свою крѣпость и пускается его отыскивать; потомъ остается только срубить это дерево, и весьма рѣдко случается, чтобы добыча не вознаграждала вполне стараній охотника; часто въ одномъ дуплѣ находятъ отъ двухъ до трехъ и болѣе пудовъ меда.

311. Пчела и мухи.

Двѣ мухи собрались летѣть въ чужіе края, и стали подзывать съ собой туда пчелу: имъ насажали попугаи о дальнихъ сторонахъ большую похвалу. Притомъ же имъ самимъ казалось обидно, что ихъ на родинѣ своей вездѣ гоняютъ изъ гостей, и даже до чего (какъ людямъ—то не стыдно, и что они за чудакки!): чтобъ поживиться имъ не дать сластями за пышными столами, придумали отъ нихъ стеклянны колпаки; а въ хижинахъ на нихъ злодѣи пауки. — «Путь добрый вамъ», пчела на это отвѣчала; «а мнѣ и на моей пріятно сторонѣ. Отъ всѣхъ за соты я любовь себѣ снискала: отъ поселянъ и до вельможъ. Но вы летите, куда хотите! вездѣ вамъ будетъ счастье то жъ: не будете, друзья, нигдѣ, не бывъ полезны, вы ни почтенны, ни любезны; а рады пауки лишь будутъ вамъ и тамъ.»

Крыловъ.

312. Чернильная муха.

На дубѣ случается видѣть небольшія, круглыя, жесткія, зеленыя съ красноватымъ оттѣнкомъ яблочки; это не что иное, какъ гнѣзда насѣкомаго, называемаго чернильной мухой.

Муха эта не велика, свѣтло-желтаго цвѣта и покрыта шелковистымъ бѣловатымъ пушкомъ. Когда приходитъ ей пора нести яички, то она прокалываетъ дубовый листъ или вѣтку и въ сдѣланную такимъ образомъ ямку кладетъ яичко. Сокъ растенія вытекаетъ въ свѣжую раночку, точно кровь изъ порѣзаннаго пальца, только гораздо медленнѣе,—застываетъ и мало по малу образуетъ вокругъ положеннаго яичка шарикъ, который потомъ снимается, идетъ въ продажу подъ именемъ чернильнаго орѣшка и употребляется на выдѣлку черной краски и чернилъ.

Эти орѣшки бываютъ различнаго вида и различной твердости, смотря по тому, въ которомъ мѣстѣ они образуются: на листкѣ ли, на стебелькѣ, на почкѣ, на корѣ, или на корнѣ дуба. Внутри орѣшка живетъ личинка чернильной мухи, питается внутренностию своего временнаго дома и потомъ, когда приходитъ ей время обратиться въ куколку, прогрызаетъ свой орѣшекъ, падаетъ на землю и зарывается. Въ землѣ она обращается уже въ куколку и лежитъ до тѣхъ поръ, пока изъ нея сдѣлается совершенное насѣкомое. Ежели разрѣжешь пополамъ чернильный орѣшекъ, когда личинка выбралась уже изъ него, то легко замѣтишь пустоту, въ которой она жила, и каналъ, чрезъ который выбралась на свѣтъ Божій.

313. Жуки.

Два маленькіе жука пришли въ одинъ холодный, осенній вечеръ къ большой пихтѣ и жаловались такъ: «Мы, бѣдные изгнанники, страдаемъ напрасно, сжался надъ нами и позволяемъ прожить зиму подъ твоей корой; мы будемъ вносить тебѣ поголовную плату.» Пихта, польстившись на плату, сказала имъ: хорошо, живите у меня, пока вы будете платить. И такъ жуки устроили себѣ жилище въ корѣ ея, произвели на свѣтъ 20 жуковъ и умерли; эти 20 произвели 200 и умерли, 200 произвели 2000 и умерли, 2000 произвели еще въ десять разъ

столько же. Тогда вершина дерева мало по малу начала чувствовать недостатокъ въ питательномъ сокѣ и стала жаловаться нижнимъ вѣтвямъ. Онѣ отвѣчали, что жуки, которые живутъ въ пнѣ дерева, отнимаютъ пищу у тебя и у насъ. Дерево испугалось за жизнь свою. Оно призвало на помощь бурю, которая принялась такъ качать его, что оборвала нѣсколько корней. Но жуки смѣялись изъ за уголковъ и отверзтій своихъ. Дерево окружило себя такимъ рѣзкимъ холодомъ, что даже часть коры лопнула и разломалась; но жуки смѣялись надъ нимъ: протачивали кору и забивались все глубже. Тогда испуганное дерево стало звать къ нему и землѣ, жалуясь на своихъ кровосійцевъ; но не дождалось оно помощи и умерло. Жуки же долго еще питались его сердцевиною и наконецъ перебрались на другое дерево.

314. Загадка.

Черенъ, да не воронъ; рогатъ, да не быкъ; шесть ногъ безъ копытъ, идетъ—земли не деретъ.

315. Муравьи.

Едва ли найдутся между насѣкомыми созданія болѣе смысленныя муравьевъ. Знаменитый Франклинъ рассказываетъ о нихъ слѣдующій случай, къ которому онъ самъ далъ поводъ.

Въ шкапу у него стоялъ горшечекъ съ патокою, въ который забралось множество муравьевъ, какъ извѣстно, весьма падкихъ на все сладкое. Онъ выгналъ ихъ оттуда, обвязалъ горшечекъ снуркомъ и повѣсилъ его на гвоздь къ потолку. Случайно одинъ муравей остался въ сосудѣ; наѣвшись до сыта, онъ хотѣлъ уйти, но встрѣтилъ въ этомъ не малое затрудненіе. Съ начала онъ долго бѣгалъ по наружной сторонѣ горшечка, повсюду нища выхода, но все напрасно; наконецъ, послѣ многихъ розысковъ, онъ напалъ таки на вѣрный путь и по снурку взобрался на потолокъ, а оттуда вскорѣ спустился внизъ по стѣнѣ. Не прошло и получаса, какъ Франклинъ замѣтилъ, что цѣлый рой муравьевъ взбирается вверхъ и отправляется прямо къ горшечку. Вскорѣ онъ закинулъ этимъ народцемъ: одни всходили, другіе спускались по снурку, и это странствованіе не

прерывалось до тѣхъ поръ, пока въ сосудѣ не осталось и слѣда патоки.

316. ○ паукахъ.

Многіе люди, а особливо маленькія дѣти, боятся пауковъ; но паукъ есть весьма невинное, полезное и притомъ замѣчательное животное. У насъ, напримѣръ, два глаза; а какъ вы думаете, сколько глазъ у паука?... У него цѣлыхъ восемь глазъ. Ага! думаете вы, вѣрно потому-то онъ тотчасъ и видитъ, когда муха залетитъ къ нему въ паутину! Нѣтъ, дѣти, это не отъ того, что у него восемь глазъ; ибо у мухи, по наблюденію естествоиспытателей, нѣсколько сотъ глазъ и, не смотря на то, она часто прямо влетаетъ въ паутину и не замѣчаетъ непріятеля своего, паука, сидящаго въ ней. Что изъ сего слѣдуетъ? То, что не только нужны глаза, но и осторожность и умѣнье, если мы хотимъ отстранять отъ себя несчастія. Замѣтили ли вы, какъ тонка бываетъ нить, которую паукъ проводитъ отъ угла до угла? Теперь скажу вамъ, что естествоиспытатели увѣряютъ, что каждая изъ этихъ нитей, которую едва можно видѣть глазами, состоитъ изъ шести тысячъ другихъ тончайшихъ нитей! Повѣрите ли вы этому? Но они исчисляють это слѣдующимъ образомъ: паукъ имѣетъ въ тѣлѣ своемъ шесть маленькихъ желѣзъ, изъ которыхъ онъ, прядя, выпускаетъ нити. Но каждая желѣза имѣетъ опять до тысячи маленькихъ отверстій. Если же паукъ, прядя, каждымъ изъ сихъ маленькихъ отверстій выпускаетъ по нити, то онъ изъ каждой желѣзы выпускаетъ тысячу нитей; а это соавитъ изъ шести желѣзъ шесть тысячъ нитей. Не удивительно ли это? Да, дѣти, малѣйшее животное указываетъ намъ величіе Творца, Который все устроилъ столь удивительнымъ образомъ. Все хорошо, скажете вы, еслибъ пауки только не были ядовиты. Это не правда! До сихъ поръ еще нѣтъ примѣра, чтобы какой либо человекъ былъ отравленъ паукомъ.

317. ○ волосатикѣ.

Волосатикомъ называется червь, который водится на тинистомъ днѣ прѣсныхъ водъ. Онъ длиною въ полъгаршина и болѣе;

середина у него темноватаго цвѣта, кончики черные; онъ очень похожъ на лошадиный волосъ изъ хвоста или гривы. Многіе люди вѣрятъ, что волосатикъ происходитъ изъ длинныхъ волосъ, которые лошади теряютъ, купаясь въ водѣ; но это несправедливо: волосатики рождаются только отъ другихъ, себѣ подобныхъ волосатиковъ, и до сихъ поръ не находили ни одного животнаго, о которомъ можно было бы утвердительно сказать, что оно родилось не отъ подобнаго себѣ животнаго. Простой народъ думаетъ, что волосатики впиваются въ тѣло купающихся людей, живутъ тамъ, роются и наконецъ выходятъ опять наружу, производя между тѣмъ въ тѣлѣ нестерпимую боль и гноевыя раны. Это также отчасти несправедливо: волосатики дѣйствительно иногда впиваются въ тѣло человѣка, но не глубоко, вися большею частью снаружи, такъ что съ осторожностію всегда можно ихъ легко вытянуть; если же при этомъ волосатикъ перервется, то оставшаяся въ тѣлѣ часть его въ самомъ дѣлѣ произведетъ воспаленіе и нарывъ, но не болѣе какъ и простая деревянная заноза; рыться же и ходить въ человѣческомъ тѣлѣ волосатикъ не можетъ, и никогда этого не бываетъ, а гноевыя раны происходятъ отъ другихъ причинъ.

318. Пословицы и поговорки, заимствованныя изъ царства животныхъ.

Льва соннаго не буди. Не привязанъ медвѣдь не пляшетъ. Между волками жить, по волчьи и выть. Иному слонъ не слонъ, а страшенъ тараканъ. Упрямая овца волку корысть. Собака на снѣгъ лежитъ, сама не ѣстъ и другимъ не даетъ. Бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ. И великъ и широкъ коровѣ языкъ Богъ далъ, да говорить заказалъ. Куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней. За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь. Кошкѣ игрушки, а мышкѣ слезы. Мышь сыта, мука горька. Птицы не сѣютъ, не орутъ, а сыты живутъ. Рано пташечка запѣла, какъ бы кошечка не сѣла. На что воронѣ большіе разговоры, знай ворона свое кра. Пуганая ворона куста боится. Стараго воробья на мякишъ не обманешь. Не сули журавля въ небѣ, дай синицу въ руки. Синица въ рукахъ лучше соловья въ лѣсѣ. И пѣтухъ на своемъ пепелищѣ храбрится. Курица по зернушку клюетъ, да сыта живетъ. Хорошъ павлинъ,

да ногами хуď. Лебедь по поднебесью, мотылекъ надъ землею чуть, всякому свой путь. На безрыбьѣ и ракъ рыба. Рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человекъ, гдѣ лучше. И карасей изъ пруда не выловишь безъ труда. Змѣя кусаетъ не для сытости, а для лихости. Знай сверчокъ свой шестокъ. Изъ комара дѣлають слона.

319. Что такое растеніе?

Ты легко отличишь камень отъ дерева; ты скажешь, что дерево горитъ, а камень не горитъ. Правда; но это еще не все: замѣчай ближе, увидишь, что дерево растетъ, а камень не растетъ; на деревѣ лѣтомъ бываютъ листья и цвѣты — такъ бываетъ каждый годъ, но ничего такого не бываетъ съ камнемъ. Камень все тотъ же: и весною, и лѣтомъ, и зимою онъ не измѣняется ни въ чемъ.

Погляди дальше, да подумай, узнаешь еще вотъ что: на деревѣ есть кора, подъ корою мезга, подъ мезгою древесина, и кора совсѣмъ не похожа на древесину; да сверхъ того на деревѣ есть листья, есть и корни, которые опять же не похожи ни на кору, ни на древесину. Въ камнѣ ничего этого нѣтъ: отломи или отбей кусокъ отъ камня, все будетъ тотъ же камень. Надруби лѣтомъ дерево — потечетъ сокъ или смола; надруби камень, ничего не потечетъ изъ него. Сруби дерево, или вырви его съ корнемъ — дерево сначала станетъ вянуть, а потомъ засохнетъ; оставь его, такъ оно сгниетъ. А сухое или гнилое дерево, что ни дѣлай съ нимъ, не будетъ уже расти, не станетъ пускать ни листьевъ, ни вѣтвей; это отъ того, что дерево перестало жить. Сдвинь камень съ мѣста, онъ все-таки будетъ тотъ же камень; мало того, разбей камень на нѣсколько частей, все будутъ тѣ же камни. Это отъ того, что камень не живетъ; а что не живетъ, то не можетъ и умирать. Стало быть дерево живетъ и умираетъ, а камни не живутъ.

Что сказано о деревѣ, то разумѣй о всякой травѣ, всякой овоще, о грибахъ, о мхахъ и всякомъ растеніи.

320. Различіе растенія отъ животнаго.

Растеніе живетъ тамъ, гдѣ выросло, и само по себѣ не можетъ перейти съ мѣста, развѣ ты его пересадишь. Животное пе-

ремѣняетъ мѣсто само по себѣ; ты знаешь, что лошади или коровы ходятъ, звѣри бѣгаютъ, птицы, бабочки и жуки летаютъ, рыбы плаваютъ, черви ползаютъ. Ни дерево, ни трава не ходятъ, не летаютъ, не ползаютъ.

Лошадь двигаетъ свои ноги или уши, или хвостъ, или другіе члены, когда хочетъ; точно такъ же и всякое другое животное можетъ само по себѣ двигать своими членами. На растеніи движутся вѣтви или листь только тогда, когда на нихъ дуетъ вѣтеръ, или когда кто либо нагибаетъ или трясетъ ихъ. Но само по себѣ растеніе не можетъ двигать ни вѣтвей своихъ, ни листьевъ, ни цвѣтовъ, ни корней. Стало быть животнымъ дано движеніе произвольное; у растеній нѣтъ произвольнаго движенія.

Лошадь, или звѣрь, или птица слышитъ голосъ твой; дерево, трава ничего не слышатъ. Животное видитъ, растеніе ничего не видитъ. У собаки, у лошади, у птицы есть чутье; словомъ, всякое животное имѣетъ чувства. У растеній нѣтъ ни слуха, ни зрѣнія, нѣтъ чувствъ.

Ты также знаешь, что растеніе не можетъ жить безъ пищи, и что пищу оно достаетъ корнями и листьями. Животное также не можетъ жить безъ пищи; только у животнаго нѣтъ ни корней, ни листьевъ; а пищу оно принимаетъ внутрь себя ртомъ, въ желудокъ; ни рта, ни желудка у растеній нѣтъ.

321. О томъ, какъ странствуютъ деревья.

Какъ только деревья въ лѣсу начинаютъ смотрѣть съ своихъ высокихъ горъ на чудный міръ, въ нихъ пробуждается желаніе попутешествовать. Но конечно они не могутъ путешествовать на почтовыхъ. Да въ этомъ, правда, они и не нуждаются; потому что имѣютъ въ лѣсу истинно добраго друга, который беретъ ихъ съ собою странствовать по свѣту безъ всякой платы. Знаешь ли ты, кто этотъ другъ? Онъ живетъ въ сокровенныхъ недрахъ горъ, гдѣ лежитъ спокойно, какъ дитя, въ хрустальной колыбели; а облака тайно посылаютъ ему пищу. Ни одинъ человѣческій глазъ не проникалъ еще въ его сокровенное жилище. Но едва только дѣлается онъ довольно сильнымъ, какъ немедленно выходитъ изъ своего жилища на поверхность горъ; веселыми глазами озирается вокругъ себя, и вѣроятно ему очень пріятно быть на свѣжемъ воздухѣ, потому что тотчасъ же поднимается

съ мѣста, проворно спускается съ горъ, съ шумомъ прыгаетъ чрезъ камни и утесы, безмолвно пробѣгаетъ чрезъ луга и долины, и безъ всякаго отдыха идетъ по неизвѣстнымъ странамъ.

Только во время суровой зимы остается онъ дома, лежа спокойно въ окоченѣломъ состояннн на своей кровати, или сидя на утесѣ, и никто его разбудить не можетъ. Но едва только сойдеть снѣгъ, наступаетъ весна, дрозды и зяблики возвращаются въ свои грѣзда, — этотъ молодець говоритъ снова: «ну, пора и мнѣ начать свои путешествія»; и вотъ онъ снова сходитъ съ шумомъ съ горъ, увлекая въ собою множество камней, — такъ крѣпка нога его! Но теперь прежннй путь его кажется ему тѣснымъ, и онъ идетъ по лугамъ крестьянина, вовсе не боясь наказанія; онъ приглашаетъ съ собою и деревья, говоря: «не угодно ли и вамъ вмѣстѣ со мною? теперь я такъ крѣпокъ, что могу и васъ взять съ собою въ путешествие по свѣту».

Но старыя ели и сосны дремлютъ; тѣ же, которыя изъявляютъ желаніе странствовать, дровосѣкъ срубаетъ съ корней и кладетъ на спину путешественника, который и тащитъ ихъ чрезъ различныя страны, нерѣдко и до самаго моря. Еще ни одна изъ нихъ не возвращалась домой.

Знаешь ли теперь, кто этотъ путешественникъ, и какъ и зачѣмъ путешествуютъ съ нимъ ели и сосны?

322. Елка.

«Прощай сосѣдка!» — Ты куда? въ дорогу, что ли? «Да, а ты такъ думаешь, все съ вами да съ волками сидѣть, небось? Нѣтъ, вы сидите, коль хотите; а я въ столицу!... Ты, авось, хоть не увидишь, такъ услышишь, какая участь насъ ждала!» сказала гордо елка елкѣ и на чухонской одноколкѣ въ столицу прибыла. Тамъ точно, какъ нарочно, попала елка въ честь. Вотъ елку холятъ, украшаютъ, свѣчами, фонарями до верху убираютъ, и на нее Богъ вѣсть чего не прицѣпляютъ! Не шишки ужъ на ней, какъ прежде, смоляныя, — орѣхи золотые (хоть иногда пустые) блестятъ среди огней, и яблоки, ранеты, съ картинками конфеты, — ну словомъ, ей почетъ такой, что и не вѣрится самой; она зазналась напоследокъ, и на сосѣдокъ ужъ не взглянула бы теперь...

Раскрылась дверь — съ понятнымъ петербургскимъ стояннмъ у

ней толпа дѣтей вбѣжала съ восхищеньемъ; и съ удивленьемъ, недоумѣньемъ на елку смотреть всѣ... Ну, какъ же бѣдной не зазваться?... Но ахъ! ея красѣ не долго продолжаться!... Какъ знать!...

Вотъ раздавать подарки стали и наконецъ все съ елки сняли, чѣмъ чванилась она; и какъ была ужъ больше не нужна, то приказали ее на черный бросить дворъ... тамъ елка вспомнила свой боръ.

* 323. Виноградъ и плодовые деревья.

1.

«Посмотрите на новаго нашего сосѣда!» говорили нѣкоторые плодовые деревья, когда садовникъ посадилъ подлѣ нихъ виноградъ: «онъ не можетъ самъ собою держаться, не можетъ никому служить защитою отъ солнечнаго жара, даже не можетъ сдержатъ и самаго малаго птичьяго гнѣздышка. Зачѣмъ его здѣсь посадили? Какихъ плодовъ можно отъ него ожидать?»

«Онъ принесетъ такіе плоды, противъ которыхъ ваши ничего не стоятъ; подождите только осени: тогда всѣ вы будете завидовать вашему сосѣду, котораго теперь презираете,—сказалъ садовникъ несправедливымъ деревьямъ. И что онъ сказалъ, то сбылось въ самомъ дѣлѣ.

Такъ часто смѣются сначала надъ достойнымъ человѣкомъ, котораго наружность мало обѣщаетъ; но заслуги его скоро потомъ пристыжаютъ несправедливыхъ, насмѣшниковъ.

2.

Наступила осень, и виноградъ началъ гордиться прекрасными своими плодами. Онъ не довольствовался тѣмъ, что всякій день, сколько могъ оскорбительнѣе, насмѣхался надъ пристыженными деревьями и напоминалъ имъ прежнюю ихъ несправедливость, но еще и требовалъ, чтобъ садовникъ истребилъ всѣ эти дерева и вмѣсто ихъ насадилъ одного только винограду.

«Знай, сказалъ ему садовникъ, что твоя доброта не отнимаетъ у другихъ собственной ихъ доброты. Помни, что твой плодъ доставляетъ пріятное питье, которое по бѣльшей части

служить только для удовольствія; а плоды этихъ деревь служатъ здоровою пищею.»

*** 324. Печаль маленькаго садовника.**

Печально, съ поникшею головою стоялъ Костя передъ молодымъ вишневымъ деревомъ. Онъ самъ выростилъ его, и вдругъ коза обгрызла большую полосу коры вокругъ дерева. «Бѣдное деревцо мое, говорилъ Костя, какъ рано ты должно погибнуть. Теперь еще свѣжа и зелена твоя вершина; но вотъ только солнышко коснется обнаженнаго пня, тогда прощай, мое деревцо,— засохнешь. А какъ я любилъ тебя, какъ мнѣ грустно видѣть преждевременную твою смерть!» Сосѣдь утѣшалъ, какъ горевалъ Костя; ему стало жаль его. Подойдя къ нему, онъ сказалъ: «зачѣмъ отчаиваться прежде времени, другъ мой; попробуемъ лучше пособить горю.» Онъ принесъ древесной смолы, размячивъ ее, положилъ на то мѣсто, гдѣ было поврежденіе, и перевязалъ его. Видя это, Костя сталъ веселѣе; онъ началъ надѣяться. И въ самомъ дѣлѣ надежда не обманула его. Кора снова заросла подъ перевязью, и чрезъ нѣсколько лѣтъ едва можно было найти мѣсто, которое было повреждено.

*** 325. Цвѣты плодовыхъ деревьевъ.**

— Ахъ, зачѣмъ этотъ суровый вѣтеръ обрываетъ бѣлые цвѣтки съ деревьевъ, разбрасываетъ ихъ, и точно снѣгомъ устилаетъ ими землю! Меня это очень огорчаетъ, говорилъ Сеня своему учителю.

— А ты желалъ бы, чтобы цѣлый годъ деревья были покрыты цвѣтами? спросилъ учитель.

— О нѣтъ, не цѣлый годъ! отвѣчалъ Сеня; вѣдь груши и яблоки очень вкусны.

— Такъ къ чему же и огорчаться? Бѣлые листики должны опастъ, потому что подъ ними завязался плодъ. Кто желаетъ плода, тотъ долженъ попрощаться съ цвѣтками.

326. Пробка.

Пробка — такая обыкновенная и извѣстная вещь! А вѣрно очень немногимъ изъ нашихъ читателей приходилъ въ голову

вопросъ: что это такое? какъ и откуда это добывается? Да, чѣмъ болѣе мы привыкли видѣть вещь, тѣмъ менѣе думаемъ о ней.

Наши бутылочныя пробки дѣлаются изъ наружной коры пробкового или коркового дерева; это родъ дуба, который произрастаетъ въ южной Европѣ, въ Италиі, Франціи и Испаніи. Корковое дерево очень похоже на нашъ дубъ, растетъ такъ же тихо и живетъ болѣе ста лѣтъ. Пока оно не очень старо, съ него сдирають кору черезъ каждые десять, восемь или семь лѣтъ, чтобы не мѣшать ему расти: послѣ можно повторять это и чрезъ четыре года. Плоды коркового дерева слаще нашихъ желудей; въ Испаніи ихъ жарятъ, какъ каштаны, и употребляютъ въ пищу.

Снявъ съ дерева кору цѣльными кусками, кладутъ эти большіе пласты одинъ на другой въ четвероугольныя ямы съ водою, чтобы смягчить ихъ. Черезъ нѣсколько времени ихъ вынимають оттуда, сушатъ и пускають въ продажу. Пробковая кора изъ Франціи свѣтлѣе и мягче испанской, которая снаружи совершенно черна, потому что ее смачивають въ соленой водѣ. Изъ этой коры приготовляютъ потомъ бутылочныя пробки; остающіеся обрѣзки сжигаются и служатъ къ добыванію нѣжной черной краски, употребляемой отчасти въ типографіяхъ и называемой испанскою чернедью. Изъ пробковой коры иногда дѣлають также подошвы и одежду для плаванія, которая по чрезвычайной легкости своей не даетъ тонуть. Корковая куртка можетъ держать на поверхности воды даже взрослога человѣка.

323. Сахаръ.

Разсказываютъ объ одной простенькой дѣвущкѣ, которая, ходя съ матерью своею по полю и услышавъ, что тутъ растетъ лень, сказала: «гдѣ жъ онъ? я не вижу ни одного волокна». Еслибъ эта дѣвушка ходила по сахарному полю и услышала, что тутъ растетъ сахаръ, то конечно спросила бы: «гдѣ жъ сахарныя головы?» потому что не увидѣла бы ничего, кромѣ тростника.

Сахарный тростникъ растетъ на два и на три аршина въ вышину, а толщиною бываетъ въ два пальца. Онъ называется сахарнымъ, потому что изъ соку его дѣлается сахаръ. Видомъ

онъ почти таковъ же, какъ простой тростникъ, и имѣеть много колѣнъ, которыя отстоятъ одно отъ другого на четверть аршина. Чѣмъ рѣже колѣна, тѣмъ больше сахару въ трости. На ней растутъ длинные зеленые листья, а на вершинѣ ея цвѣтокъ.

Пишуть, что сахарный тростникъ въ первый разъ найденъ на островѣ Ивицѣ. Теперь же растетъ его весьма много въ Азїи, Африкѣ и Америкѣ, также и въ Гранадѣ и въ королевствѣ обѣихъ Сицилій.

Тростникъ созрѣваетъ черезъ девять или десять мѣсяцевъ; тогда его срѣзываютъ и выжимаютъ изъ него сладкій сокъ. Этотъ сокъ должно нѣсколько разъ варить, переливать изъ одного котла въ другой и очищать щелокомъ, который дѣлается изъ пеплу и извести, прежде нежели онъ получитъ тотъ видъ, въ какомъ мы его покупаемъ.

Часто его не совсѣмъ еще готоваго привозятъ къ намъ подъ именемъ сырого сахару. Уже въ европейскихъ варницахъ получаетъ онъ надлежащую чистоту и бѣлизну, и паливается въ формы. Большую часть сахару доставляетъ намъ Америка.

Когда сахаръ льютъ въ формы, то изъ него вытекаетъ сладкій, темноватаго цвѣта сокъ, который называется сиропомъ (патокою).

328. Загадки.

1.

Я изъ земли расту въ тростникѣ, и муха льнетъ къ моей пылинкѣ; а въ камень обратясь, друзья, въ водѣ растаю я.

2.

Я бѣлъ какъ снѣгъ, въ чести у всѣхъ, и нравлюсь вамъ во вредъ зубамъ.

3.

Тѣломъ я бѣлъ, платье сине на мнѣ, плоскія ноги, а острѣ въ вышинѣ.

329. Кофе.

Кофе, который мы пьем, есть сѣмя кофейнаго дерева, состоящаго изъ одного прямого ствола, вышиною отъ восьми до двѣнадцати футовъ, съ длинными, тонкими, внизъ висящими вѣтвями; листья его похожи на листья лавра. Цвѣты на кофейномъ деревѣ бываютъ бѣлые, подобно жасмину, и имѣютъ короткіе стебельки. Созрѣвшій плодъ похожъ на красную вишню; бѣлая мякоть его безвкусна, клейка и содержитъ въ себѣ два извѣстные намъ кофейные боба, наружная сторона которыхъ округлена, а внутренняя плоска. Бобы отдѣляются одинъ отъ другого полосою, пересѣкающею весь плодъ. Обѣ плоскія стороны во время произрастанія плода находятся одна противъ другой.

Тамъ, гдѣ растетъ кофе, именно въ счастливой Аравіи, пастухи, пасшіе козъ, замѣтили однажды, что козы, поѣвши плодъ кофейнаго дерева, стали отъ того бодрѣе и рѣзвѣе. Они сообщили объ этомъ настоятелю ближайшаго монастыря, который, убѣдившись въ дѣйствительности такого свойства кофе, ввелъ его въ употребленіе между монашествующею братією, какъ средство, которое разгоняетъ сонъ и можетъ подкрѣплять силы монаховъ во время продолжительныхъ ночныхъ богослуженій. Это было въ XIV столѣтіи; съ того времени употребленіе кофе стало быстро распространяться повсюду.

330. Загадочный цвѣтокъ.

1.

Я видывалъ въ полѣ цвѣточекъ весной: зеленая ножка, глазокъ голубой. Онъ, спрятавшись въ зелень свою, тамъ растетъ; хотя благовонный, онъ скромно цвѣтетъ. Примѣромъ дитяти онъ можетъ служить, какъ надо съ достоинствомъ скромность хранить. Названье его угадалъ ли, дружокъ? Скажи — и въ награду получишь цвѣтокъ.

2.

Не съ колокольни слышенъ звонъ: дитя прелестное идетъ и колокольчикъ намъ несетъ, не изъ металла сдѣланъ онъ. Дитя

знакомо намъ давно, его зовуть у насъ весной; всегда приносить намъ оно цвѣты и радости съ собой. Цвѣточекъ тожъ тебѣ знакомъ; ужели ты не угадалъ? Ты любовался тѣмъ цвѣткомъ, какъ снѣгъ въ поляхъ еще лежалъ; и говорятъ, — слыхалъ ли ты? — что онъ той раннею порой будилъ всѣ прочіе цвѣты, чтобъ ихъ обрадовать весной.

331. Картофель.

Отечество картофеля Америка. Въ Европу онъ привезенъ въ первый разъ только за нѣсколько столѣтій до нашего времени (въ началѣ XVII вѣка). Первый картофель для посѣва былъ присланъ мореплавателемъ Францомъ Дрѣке одному изъ своихъ друзей, которому онъ вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ: «плодъ этого растенія такъ вкусенъ и питателенъ, что, по моему мнѣнію, было бы весьма полезно развести его и въ Европѣ.» Тотъ, кому присланы были картофельныя сѣмена, тотчасъ же посадилъ ихъ въ землю; они принялись, и къ лѣту новое растеніе уже разцвѣло. Осенью, когда плоды его, имѣющіе видъ шариковъ, созрѣли, другъ мореплавателя велѣлъ снять ихъ и приготовить къ обѣду, къ которому пригласилъ множество знати. Подъ конецъ обѣда подали закрытое блюдо, и хозяинъ, вставъ, произнесъ короткую рѣчь, въ которой сообщилъ своимъ гостямъ, что онъ будетъ имѣть честь поподчивать ихъ новыми плодами, сѣмена которыхъ присланы ему другомъ его, знаменитымъ Дрѣке, увѣрявшимъ; что разведеніе растенія, дающаго этотъ плодъ, могло бы быть весьма важно и для Англіи. Члены парламента, бывшіе въ гостяхъ, попробовали кушанья изъ этихъ плодовъ, приготовленныхъ въ маслѣ и обсыпанныхъ сахаромъ и корицею; но оно было такъ приторно, что его рѣшительно нельзя было ѣсть. Поэтому всѣ высказали то мнѣніе, что въ Америкѣ плодъ этотъ, быть можетъ, и хорошъ, но въ Англіи онъ вѣроятно не можетъ созрѣть, какъ слѣдуетъ. На другой же день хозяинъ дома далъ садовнику приказаніе выкопать изъ земли посаженный картофель и бросить его.

Спустя нѣкоторое время онъ прогуливался по своему саду и увидѣлъ въ золѣ разведеннаго садовникомъ огня черныя шарики. Онъ полюбопытствовалъ разсмотрѣть ихъ поближе, раздавилъ одинъ изъ нихъ и замѣтилъ, что шарикъ содержитъ въ

себѣ мучнистое вещество, которое чрезвычайно пріятно пахнетъ. Онѣ спросилъ у садовника, что это за шарики, и узналъ отъ него, что это ничто иное какъ шишки, висѣвшія на корнѣ пріславнаго изъ Америки растенія. Тутъ только господинъ замѣтилъ, что онѣ не понялъ своего друга Дреке, и что этотъ разумѣлъ подь словомъ «плодь» не собственно плодь, а именно эти корневыя шишки. Онѣ тотчасъ же велѣлъ собрать ихъ и приготовить, и тогда снова пригласилъ на обѣдъ членовъ парламента, которые въ этотъ разъ все согласились, что плодь этотъ дѣйствительно хорошъ.

332. Загадка.

Есть плодь, онѣ яблоку сродни, но только рознятся они: одно на вѣточкѣ растетъ между листьями, другой же прячется въ землѣ и подь корнями.

333. Волчьи ягоды.

Между кустарниками, растущими на опушкахъ лѣсовъ и въ самомъ лѣсу, нужно отличать тѣ, на которыхъ растутъ волчьи ягоды; ягоды эти очень ядовиты, и отъ нихъ уже не разъ умирали дѣти. Такъ какъ онѣ имѣютъ красивый пурпуровый цвѣтъ и величиною съ горошину, то очень нравятся дѣтямъ, которые по неопытности обрываютъ ихъ и ѣдятъ.

Такое именно несчастіе случилось съ двумя малютками въ одной деревнѣ. Въ то время, какъ мать ихъ пошла кормъ для коровы, они убѣжали въ ближайшій лѣсъ и тамъ нашли цѣлый кустъ волчьихъ ягодъ, привлекательныхъ по своему пурпуровому цвѣту. Маша, старшая изъ нихъ, набрала цѣлую горсть этихъ ягодъ и подѣлилась ими съ маленькимъ Петей, своимъ братомъ; затѣмъ оба они сѣли на траву и стали ѣсть ягоды. Но еще во время самой ѣды они почувствовали сильную боль въ горлѣ, и Петя бросилъ оставшіяся у него ягоды; но Маша, старшая по лѣтамъ, не сдѣлала этого и проглотила еще нѣсколько ягодъ. Но вотъ и она почувствовала сильную боль; поэтому, схвативъ за руку своего маленькаго брата, она бросилась бѣжать къ дому. Чѣмъ дальше они бѣжали, тѣмъ сильнѣйшую чувствовали

боль въ горлѣ и животѣ. Отъ этой боли они начали плакать и кричать такъ сильно, какъ только могли. Плачь и крикъ ихъ услышала одна сосѣдка, которая подумала, что кого либо постигло несчастіе. Она выбѣжала изъ дому и спросила дѣтей, что съ ними случилось? Но дѣти только кричали все сильнѣе и сильнѣе: «мой животъ, мой животъ!» а что именно случилось съ ними, этого никакъ нельзя было узнать отъ нихъ. Женщина привела ихъ въ свой домъ и послала за ихъ матерью. Но пока пришла мать, боль еще болѣе усилилась: доктора между тѣмъ въ деревнѣ не было, и потому ядовитыя ягоды остались въ ихъ животѣ. На слѣдующее же утро всякая помощь оказалась бесполезною. Когда наконецъ прибылъ докторъ, онъ нашелъ дѣтей уже при смерти. Послѣ смерти ихъ онъ вскрылъ имъ животъ и нашелъ, что Петя съѣлъ шесть ягодъ, а Маша десять. Шея и животъ у нихъ ужасно распухли, а потому легко можно судить, какія страданія должны были перенести дѣти, прежде чѣмъ умерли.

334. Цикута.

Учитель предостерегалъ учениковъ своихъ отъ ядовитаго растенія цикуты, научая ихъ различать: маленькую цикуту, похожую на кервель, крапчатую, которая имѣетъ неприятный запахъ, и наконецъ водяную, самую ядовитую изъ всѣхъ. Объяснивъ имъ примѣты и показавъ изображеніе этого растенія на рисункѣ, онъ сказалъ: я надѣюсь, что теперь вы узнаете цикуту; если кто изъ васъ найдетъ ее въ полѣ, въ саду или около воды, то принесите ее ко мнѣ, и я вамъ расскажу событіе, о которомъ она напоминаетъ. На другой же день многія изъ дѣтей нашили цикуту и принесли ее въ школу. Вотъ что учитель сказалъ имъ: Въ Греціи нѣкогда жилъ мудрый Сократъ. Всѣ тѣ, которые знали его коротко, уважали его какъ самаго добродѣтельнаго и умнѣйшаго человѣка; но у него были и враги. Они досадовали, что онъ говорилъ имъ правду, и завидовали, что народъ называлъ его мудрымъ Сократомъ. Поэтому они обвинили его предъ судомъ, будто бы онъ развращаетъ юношество, внушая ему безбожіе. Разумѣется, что это была клевета; но такъ какъ нашились ложные свидѣтели, и судьи были люди несправедливые, то Сократа осудили на смерть. Не мечъ и не ви-

сѣлица должны были прекратить жизнь его, а кубокъ, полный настоя цикуты. Сократъ съ терпѣніемъ выслушалъ несправедливый приговоръ, и хотя онъ могъ бы спастись бѣгствомъ, но не согласился на это, повинувся закону. Долго бесѣдовалъ онъ съ учениками своими о безсмертіи души и о томъ, что они должны снова увидѣться на небесахъ. Видя, что человекъ, который подносилъ ему кубокъ съ ядомъ, дрожалъ, онъ самъ ободрялъ его. Осушивъ кубокъ, онъ еще прохаживался взадъ и впередъ, пока не началось дѣйствіе яда. Почувствовавъ изнеможеніе, онъ прилегъ и задремалъ какъ бы предъ обыкновеннымъ сномъ.

* 335. Грибы.

Однажды мать послала маленькую Катю въ лѣсъ за грибами, которые отецъ очень любилъ.

«Маменька», вскричала дѣвочка, возвратившись домой, «какихъ превосходныхъ грибовъ набрала я въ этотъ разъ! Посмотрите-ка», продолжала она и открыла корзинку, «все они имѣютъ такой чудный алый цвѣтъ, и все усеяны какъ бы бисеромъ. Правда, въ лѣсу были и тѣ сѣрые, некрасивые грибы, которые ты принесла прошедшій разъ; но они показались мнѣ такими невзрачными въ сравненіи съ этими, что я ихъ вовсе не брала.»

«Ахъ, ты глупенькое, неразумное дитя!» сказала ей мать, посмотрѣвши на грибы; «эти красивые грибы—мухоморы; а бисеръ на нихъ—ядъ, и кто покушаетъ ихъ, тотъ непременно умретъ. А тѣ сѣрые, некрасивые грибы, которыхъ ты не брала, а оставила въ лѣсу, суть самые лучшіе, не смотря на то, что не хороши на видъ.»

«То же, милое дитя, нужно сказать и о многихъ другихъ вещахъ въ мірѣ. Въ немъ есть много скромныхъ добродѣтелей, которыя очень мало обращаютъ на себя вниманія, и есть также много блестящихъ пороковъ, которымъ удивляются глупцы.»

336. Бумага.

Въ самой глубокой древности не имѣли еще понятія о той бумагѣ, которую употребляемъ мы теперь, а писали на камняхъ, кирпичахъ и черепкахъ; египетскіе обелиски и барельефы Пине-

ви представляют достопримѣчательные примѣры письменъ этого рода. Также писали на свинцѣ, на мѣди и на бронзѣ. Въ Римѣ употребляли эти матеріалы тогда, когда хотѣли передать на вѣки вѣчные потомкамъ какой нибудь славный подвигъ современниковъ или необыкновенныя событія. Въ царствованіе Веспасіана въ Римѣ, во время бывшаго пожара, сгорѣло три тысячи бронзовыхъ досокъ, хранившихся въ Капитоліи и на которыхъ были начертаны законы и договоры.

Нерѣдко также употребляли въ дѣло дощечки, покрытыя воскомъ; на нихъ писали шиломъ или писаломъ (особеннаго рода инструментъ, употребляемый древними).

Но всѣ эти матеріалы не были такъ употребительны, какъ пергаментъ и папирусъ.

Пергаментъ приготовлялся въ Пергамѣ и получилъ отъ того свое названіе; онъ выдѣлывался изъ всѣхъ возможныхъ кожъ, но овечьи шкуры предпочитались всѣмъ другимъ. Пергаментъ изъ воловьей кожи получилъ особенное названіе веленовой бумаги. Онъ былъ трехъ цвѣтовъ: бѣлый, желтый и пурпуровый; на последнемъ писались только священныя книги. Египетская бумага (или папирусъ) состояла изъ двухъ длинныхъ, поперечныхъ деревянистыхъ полосъ, склеенныхъ вмѣстѣ; папирусъ добывался изъ середины тростника, покрывавшаго берега Нила. Никогда не употреблялось болѣе двухъ полосъ вмѣстѣ. Ширина самой большой полосы не превышала двухъ футовъ, длина же дѣлалась различная.

Греки первые начали выдѣлывать бумагу изъ тряпокъ и изъ хлопчатой бумаги. Тотъ и другой родъ былъ употребляемъ и латинами.

Изобрѣтеніе книгопечатанія удвоило бумажную фабрикацію, которая въ концѣ прошедшаго столѣтія дошла до полного развитія.

Въ 1789 г. были изобрѣтены машины для дѣланія бумаги, которыя замѣнили сотни человѣческихъ рукъ.

337. Здѣсь удобрено гипсомъ.

Венъяминъ Франклинь приносилъ пользу своимъ соотечественникамъ, Сѣверо-американцамъ, не только какъ человѣкъ государственный, но старался служить имъ примѣромъ и какъ зем-

ледѣлецъ. Между прочимъ онъ для удобренія земли первый употребилъ гипсъ, и тѣмъ получилъ гораздо лучшей клеверъ, нежели сосѣди его. Теперь это средство удобренія извѣстно почти всякому крестьянину; но въ то время, когда жилъ Франклинъ, т. е. въ началѣ 19-го столѣтія, никто не хотѣлъ вѣрить, что бы гипсъ могъ имѣть какое либо вліяніе на улучшение клевера. Это сердило Франклина, и онъ сначала отказался было убѣждать упрямыхъ сосѣдей своихъ въ дѣйствительности этого средства: «пусть ихъ остаются при своемъ», думалъ онъ, «если не хотятъ мнѣ вѣрить». Но потомъ онъ передумалъ и, когда наступила весна, выбралъ поле для клевера на самомъ виду для всѣхъ, у большой дороги; тутъ онъ, не сказавъ никому ни слова, послѣ посѣва засыпалъ одно мѣсто гипсомъ, но такъ, что преогромными буквами вышли слова: *здесь удобрено гипсомъ*. На этомъ мѣстѣ выросъ клеверъ гораздо темнѣе и гуще всего прочаго, оставленнаго съ намѣреніемъ безъ удобренія. Проходившіе не могли не замѣтить этихъ рѣзко выдававшихся полосъ и, вглядываясь пристально, скоро съ удивленіемъ прочли упомянутыя слова. Такое ясное доказательство должно было убѣдить всѣхъ въ пользу удобренія гипсомъ.

338. Жгучая вода.

Не трогай ни одной вещи, которая не принадлежитъ тебѣ; чужая вещь жжетъ совѣсть, а одному мальчику сожгла даже сердце. Мальчикъ этотъ бралъ, точно сорока, все, что нравилось ему, и тайно уносилъ, хотя и зналъ, что это преступленіе, которое можетъ довести до висѣлки. Однажды онъ укралъ два негашёныхъ известковыхъ камня и спряталъ ихъ за пазуху. Въ это время съ нимъ встрѣтился одинъ изъ его товарищей, ѣхавшій верхомъ купать двухъ лошадей; воринка нашъ тотчасъ же вспрыгнулъ на другую лошадь и пустился съ нею въ воду. На довольно большомъ разстояніи отъ берега лошадь внезапно повернулась на бокъ, и мальчикъ уналъ вмѣстѣ съ нею; но такъ какъ онъ умѣлъ плавать, то и оправился очень скоро и поплылъ. Но вдругъ закричалъ онъ раздирающимъ душу голосомъ: «помогите, помогите, я горю!» Прохожіе, видя, что онъ плыветъ, подумали, что онъ насмѣхается надъ ними: вѣдь вода не жжется, говорили они. Мальчикъ дважды нырнулъ въ воду, потомъ столько

же разъ вынырнуть изъ нея, сперва головою, потомъ коленками, а наконецъ и весь, но уже мертвый. Негашеная, извѣсть, воспламенившаяся въ водѣ, сожгла ему кожу и внутренности.

339. Соляной источникъ.

Одинъ путешественникъ, томимый жаждою и зноемъ, пройдя пустыню, очень обрадовался, увидя наконецъ деревья на пути своемъ. Какъ прохладна показалась ему тѣнь ихъ! «Ахъ, если бы еще источникъ воды!» подумалъ онъ. Не успѣвъ онъ пожелать, какъ вдругъ межъ холмовъ зажурчалъ ручеекъ. «О, благодатный, желанный напитокъ!» вскричалъ онъ и, бросившись на колѣна, зачерпнулъ рукою воды и началъ пить. Но едва хлебнулъ онъ, какъ въ ту же минуту и выплюнулъ ее.

«О, проклятая вода! ты маняла меня своею свѣжестію для того только, чтобы жестоко обмануть меня. Пусть навсегда изсякнетъ твой родникъ!» — «Проклинай же источникъ», заговорилъ тайный голосъ, «а свою досаду: этогъ соляной ключъ — благословеніе цѣлой страны.»

340. Загадка.

На водѣ родится, на огнѣ выростетъ, съ матерью увидится, опять умретъ.

341. Магнитъ.

Учитель обѣщаль показать ученикамъ своимъ ибчто весьма достойное примѣчанія. Онъ взялъ магнитъ и приложилъ къ нему желѣзный ключъ: ключъ присталъ къ магниту и держался на воздухѣ. Потомъ насыпаль онъ на гладкій столъ желѣзныхъ опилокъ и началъ подь столомъ водить магнитомъ по доскѣ, на которой сверху лежали опилки: опилки прыгали и бѣгали по столу.

Дѣти удивлялись и просили учителя, чтобъ онъ растолковалъ имъ, какъ это дѣлается? — «Я не могу вамъ этого объяснить», отвѣчалъ учитель; «а знаю только то, что оно натурально». Вы сами видите, что опилки

двигаются; и это дѣйствіе повторится и у всякаго другого. Со временемъ увидите вы не мало такихъ же удивительныхъ дѣйствій, и не будете понимать, какъ они происходятъ, хотя они и натуральны.»

«Я могъ бы сказать вамъ больше, продолжалъ онъ, если бы вы спросили у меня о пользѣ магнита. Польза его очень велика. Онъ имѣетъ такое свойство, что если натереть имъ стальную иглу, то она остріемъ всегда будетъ оборачиваться къ сѣверу. Нарочно дѣлають такія иглы съ кончиками на подобіе стрѣлы, и натирають ихъ магнитомъ. Онѣ называются компасами, и какъ бы ихъ ни оборачивали, стрѣлка всегда указываетъ на сѣверъ. Мореплаватели узнають по компасу на морѣ, въ которую сторону имъ надобно плыть, и такимъ образомъ отправляются въ дальнія страны, къ которымъ нѣтъ иного пути, какъ только по морю. Посредствомъ мореплаванія жители всего земного шара познакомились другъ съ другомъ, и торгуютъ, то есть мѣняются тѣмъ, чего у однихъ много, а у другихъ не достаетъ; также посредствомъ мореплаванія люди научились лучше познавать величіе Божіе въ Его твореніи, нежели прежде, когда еще не могли переѣзжать въ чужія земли и видѣть тамъ новыя, удивительныя вещи, которыхъ нѣтъ въ ихъ отечествѣ. Но безъ компаса мореплаваніе было бы подвержено великимъ затрудненіямъ, да и совсѣмъ не возможно. — И такъ вы видите, какъ полезенъ этотъ металлъ, который называется магнитомъ.»

Дѣти радовались и благодарили Бога за то, что Онъ далъ твореніямъ Своимъ такія удивительныя свойства, а человѣка одарилъ разумомъ, дабы онъ узнавалъ пользу вещей. Они просили своего учителя, чтобъ онъ сообщалъ имъ болѣе такихъ пріятныхъ знаній.

Любознательные часто спрашиваютъ: «какъ это дѣлается? какъ это происходитъ? какая отъ этого польза, или къ чему это употребляется?» Такъ спрашиваютъ тѣ, которые хотятъ быть искусными и знающими.

342. Стекло.

Стекло, по словамъ латинскаго писателя Плинія, изобрѣтено Финикійцами, народомъ, жившимъ нѣкогда въ Малой Азіи, на берегахъ Средиземнаго моря, и знаменитымъ въ древности своимъ

богатствомъ, просвѣщеніемъ и обширною торговлею со всеми известными тогда странами.

Это случилось слѣдующимъ образомъ: Однажды финикійскіе купцы, торговавшіе селитрою, пристали къ пустому берегу и хотѣли изготовить себѣ обѣдъ; но, не найдя тамъ камней, которые бы можно было положить подъ котлы, они принесли изъ судовъ своихъ нѣсколько глыбъ селитры, поставили на нихъ свою посуду и развели подъ нею огонь.

По случаю на томъ самомъ мѣстѣ находился мелкій песокъ. Пока кушанье варилось, селитра силою огня расплавилась и, смѣшавшись съ пескомъ и золою, образовала стекло.

Это открытіе очень удивило Финикійцевъ; но такъ какъ они были образованные, то не оставили его безъ вниманія, а извлекли изъ него большую пользу.

Выдѣлка стекла доведена нынѣ, особенно въ Англіи, до высочайшей степени совершенства.

Не говоря уже о зеркалахъ, окнахъ, хрустальной посудѣ, телескопахъ и множествѣ другихъ полезныхъ вещей, изъ стекла работаютъ съ удивительнымъ искусствомъ и неимоверною скоростію разныя игрушки; я самъ видѣлъ, какъ посредствомъ огня дѣлали изъ него въ нѣсколько минутъ разноцвѣтные пузырьки для духовъ, птичекъ, звѣрей, воиновъ въ полномъ вооруженіи и на коняхъ, корабли со всеми снастями, стеклянные волосы тоньше человѣческихъ, подобные волокнамъ льна, и многія другія вещицы.

343. Изобрѣтеніе пороха.

Обыкновенно говорятъ о человѣкѣ недалегаго ума: ему пороку не выдумать! Но человѣкъ, изобрѣвшій порохъ, хотя, можетъ быть, и былъ уменъ, но его умъ нисколько не послужилъ этому открытію.

Изобрѣтеніе пороха, какъ и многихъ другихъ открытій, надѣлавшихъ столько шума въ свѣтѣ, есть дѣло случая. Одинъ мало известный монахъ, Бертольдъ Шварцъ, родившійся въ Фрибургѣ въ половинѣ XIV вѣка, однажды толча въ ступкѣ смѣсь угля, сѣры и селитры, уронилъ въ нее печально искру, которая произвела ужасный взрывъ. Монахъ былъ очень любознательнъ и къ тому же искусный химикъ. Онъ изучалъ, испы-

тывалъ, и въ короткое время уже могъ приготовить дѣйстви-
тельный порохъ. По нѣкоторымъ историкамъ Венеціанцы первые
употребляли порохъ при одной изъ осадъ своихъ въ 1380 г. Съ
этой минуты военное искусство преобразовалось. Рыцари исчезли,
вмѣсто нихъ появились ядра. Въ Фрибургѣ построенъ недавно
монументальный водоёмъ, украшенный надписями и съ статуею
Бертольда Шварца на верху. Можно воздвигнуть статую славы
химика; но да будетъ намъ позволено сказать, что изобрѣтатель
пороха не имѣетъ права стать на ряду съ благотворителями че-
ловѣчества.

VI. МІРОВАЯ ЯВЛЕНІЯ.

344. Путешествія по міровому пространству.

Хотя здоровый человѣкъ ходитъ довольно скоро, но легкая,
окрыленная птица лѣтитъ въ десять разъ скорѣе; буря же вдвое
скорѣе самаго быстрого полета птицы, звукъ въ двадцать разъ
быстрѣ бури, движеніе земли вокругъ солнца въ девяносто разъ
быстрѣ звука, а движеніе свѣта быстрѣ всѣхъ. Чтобы прой-
ти разстояніе отъ земли къ лунѣ, человѣку бы нужно было по
крайней мѣрѣ 29 лѣтъ, а свѣтъ пробѣгаетъ его въ $1\frac{1}{4}$ се-
кунды; отъ солнца же къ землѣ свѣтъ проходитъ въ 8 минутъ
и 7 секундъ, тогда какъ пушечное ядро, движеніе котораго
только въ половинѣ медленнѣ звука, могло бы совершить этотъ
путь только въ 25 лѣтъ. Однако же разстояніе неподвижныхъ
звѣздъ отъ земли столь огромно, что быстрому лучу свѣта, пе-
ходящему отъ солнца, нужно 7 лѣтъ, чтобъ достигнуть до бли-
жайшей изъ этихъ звѣздъ. Сколько же времени пришлось бы
путешествовать человѣку, если бы отъ земли къ солнцу и отъ
солнца до ближайшей неподвижной звѣзды былъ проложенъ путь?
Паровозъ, который можетъ пройти по семи миль въ часъ, до-
шелъ бы до солнца не раньше какъ по прошествіи 350 лѣтъ.

345. Раздѣленіе дня.

Ты видишь, какъ появляется солнце, какъ оно исчезаетъ и движется по небу. Медленно выходитъ оно на востокъ, дугою поднимаясь къ верху, и потомъ, снова опускаясь по другую сторону, такъ же медленно заходитъ на западъ. Тутъ оно исчезаетъ и остается невидимымъ до тѣхъ поръ, пока снова не покажется на востокъ. Время восхода называется *утромъ*; время, когда солнце находится на высшей точкѣ—*полуднемъ*; время захода—*вечеромъ*, а время, въ которое оно совершенно скрыто отъ взоровъ нашихъ — *ночью*: середина же ночи именуется *полночью*. Восходу солнца предшествуетъ *разсвѣтъ* и *утренняя заря*, а послѣ заката солнца бываютъ *сумерки* и *вечерняя заря*. Промежутокъ времени отъ восхода до восхода, отъ полудня до полудня, или отъ одного заката солнца до другого называется *сутками*. Двадцать четвертая часть сутокъ называется *часомъ*; такихъ часовъ считается двѣнадцать отъ полудня до полуночи, и двѣнадцать отъ полуночи до полудня. Шестидесятая часть часа составляетъ *минуту*, а шестидесятая часть минуты—*секунду*. Семь дней составляютъ *недѣлю*, тридцать дней—*мѣсяцъ*, двѣнадцать мѣсяцевъ—*годъ*. Скоро проходитъ день, еще скорѣе минуты и секунды, быстро улетаютъ недѣли, мѣсяцы и годы. Пользуйся временемъ! Ты дашь однажды отчетъ въ употребленіи каждаго часа.

346. Загадка.

Одинъ до двѣнадцати родилъ, а двѣнадцать семь породило, изъ семерыхъ четыре выросло.

347. Долгіе и короткіе дни.

Легко понять, что когда солнце восходитъ рано и заходитъ поздно, дни должны быть долги, а въ противоположномъ случаѣ на оборотъ. Ранній восходъ и поздній закатъ солнца производятъ долгіе дни, а поздній восходъ и ранній закатъ — короткіе. Должайшій день и кратчайшая ночь бываютъ 21-го (9) Іюня, кратчайшій день и должайшая ночь — 21-го (9) Декабря; 21-го (9) Марта бываетъ *весеннее равноденствіе*, а 23-го

(11) Сентября *осеннее равноденствіе*. Но день нѣкоторымъ образомъ господствуетъ надъ ночью, укорачивая ее посредствомъ *зари*, которая лѣтомъ бываетъ весьма продолжительна, такъ что вечерняя и утренняя зари почти сливаются во едино. Лѣтомъ бываютъ короткія ночи и долгіе дни, а зимой короткіе дни и долгія ночи; но ты поступиай подобно зарѣ: укорачивай долгую ночь, пору *покоя*, и употребляй выгоданное время на *работу*, на дѣятельность дневную. Разность между долгою дня и ночи становится тѣмъ больше, чѣмъ дальше мы отправляемся на сѣверъ. У *полярнаго круга* должайшій день продолжается 24 часа, а у *сѣвернаго полюса* даже шесть мѣсяцевъ; столько же времени продолжается и должайшая ночь. На югъ же отъ насъ разность эта уменьшается; на *экваторѣ* дни и ночи почти всегда равны. Какъ тутъ, такъ и на высокихъ горахъ зоря бываетъ весьма короткая; а у полюсовъ она продолжается цѣлые дни и даже мѣсяцы.

* 348. Солнце.

— Андрей и Григорій, два мальчика, забрались на гору и, лежа на травѣ, разсуждали о солнцѣ. Сынъ священника, молодой семинаристъ, подошелъ къ нимъ и слушалъ ихъ разговоръ. «Нѣтъ, ужъ я не дамъ себя переспорить», сказалъ Андрей; «я знаю, что отсюда до солнца двадцать верстъ.» — «Экъ, куда махнулъ!» сказалъ Григорій, «20 верстъ, это слишкомъ много; не можетъ быть, чтобы солнце было такъ далеко отъ земли.» Семинаристъ улыбнулся. «А что вы думаете», сказалъ онъ, «какъ велико солнце?» Григорій не задумался; «да не много больше блина», отвѣчалъ онъ. Семинаристъ не могъ удержаться отъ смѣха. «А ты, Андрей, какъ думаешь?» — «Я думаю» вскричалъ Андрей, «что оно будетъ съ ворота наши.» Семинаристъ продолжалъ смѣяться. «Вы, ребяташки, имѣете весьма ложное понятіе о солнцѣ. Оно гораздо больше, нежели самый большой блинъ и гораздо больше самыхъ большихъ воротъ.» Дѣти смотрѣли на него съ удивленіемъ. — «Солнце», продолжалъ сынъ священника, «гораздо, гораздо больше нашей земли.» Андрей и Григорій покачали головой. «Ну, ужъ это шутка!» вскричали они. — «Нѣтъ, вовсе не шутка», возразилъ семинаристъ, «это совершенная правда, вы можете повѣрить мнѣ на слово.» — «Но

отъ чего же», спросилъ Андрей, «солнце кажется такимъ маленькимъ?» — «Отъ того, что оно очень далеко отъ насъ, что если бы пушечное ядро, которое летитъ очень быстро, летѣло отъ земли къ солнцу, то оно совершило бы путь свой и достигло бы солнца только черезъ двадцать лѣтъ слишкомъ.» Андрей и Григорій раскрыли ротъ и въ изумленіи неподвижно смотрѣли на ученаго товарища своего. «Каковъ же долженъ быть мѣсяцъ?» сказалъ Андрей. — «Отъ чего ты такъ думаешь?» спросилъ сынъ священника. — «Отъ того, что онъ кажется гораздо больше.» — «Ты правъ, онъ кажется намъ больше; но въ самомъ дѣлѣ онъ гораздо меньше солнца. Онъ кажется намъ больше только потому, что онъ не такъ отдаленъ отъ земли, какъ солнце.» Тутъ семинаристъ началъ рассказывать дѣтямъ все, что онъ зналъ занимательнаго о солнцѣ и о лунѣ.

349. Луна — образъ человѣческой жизни.

Мѣсяцъ тихо скользилъ по голубому небу, какъ легкая ладейка въ отблескѣ вечерней зари. Дѣти указывали на него отцу. «Какъ онъ красивъ, какъ нѣженъ!» говорилъ Миша; «онъ не всегда бываетъ такой.» — «Онъ недавно родился», отвѣчалъ отецъ; «теперь онъ будетъ все расти, и свѣтъ его съ каждымъ днемъ будетъ увеличиваться, до тѣхъ поръ пока мы не увидимъ полный кругъ его. Иногда, быть можетъ, облака будутъ заслонять его, скрывая его отъ насъ. Черезъ нѣсколько времени онъ станетъ убывать и наконецъ исчезнетъ совсѣмъ, представляя собою полную картину человѣческой жизни.» — «Я не понимаю, что ты говоришь», сказалъ Одея. — «А я догадываюсь», сказалъ Миша, «что ты хочешь сказать этимъ. Человѣкъ также растетъ и старѣется, нѣсколько времени въ полномъ цвѣтѣ жизни красуется на землѣ и наконецъ исчезаетъ — его скрываетъ могила. — А облака, которыя закрываютъ собою мѣсяцъ?» спросилъ отецъ. — «Этого ужъ я не умѣю объяснить.» — «Облака—это несчастія, которыя человѣкъ встрѣчаетъ на пути жизни; никто не наслаждается постояннымъ счастіемъ, у каждого бываютъ тяжелые дни и скорби. Но въ жизни человѣка добродѣтельнаго и чистаго душою они проходятъ, не смущая спокойствія души его. Когда же онъ исчезаетъ изъ глазъ нашихъ, то

онъ не погибаетъ, но сіяетъ въ другой странѣ свѣтлымъ, неизмѣннымъ вѣнцомъ безсмертія. оно отъ того стѣно — «Гл҃гнлнлнл

*** 350. Солнце и мѣсяцъ.**

Ночью въ колыбель младенца мѣсяцъ лучъ свой заронилъ. «Отъ чего такъ свѣтитъ мѣсяцъ?» робко онъ меня спросилъ. — Въ день, деньской устало солнце, и сказалъ ему Господь: «лягъ, засни, и за тобою все задремлетъ, все заснетъ». И взмолилось солнце брату: «другъ мой, мѣсяцъ золотой! ты зажги фонарь и ночью обойди ты край земной. Кто тамъ молится, кто плачетъ, кто мѣшаетъ людямъ спать: все развѣдай — и по утру приходи и дай мнѣ знать.» Солнце спитъ, а мѣсяцъ ходить, сторожить земли покой; завтра жъ рано, рано къ солнцу постучится братъ меньшей. Стукъ-стукъ-стукъ — отворять двери: «солнце встань! грачи летять, пѣтухи давно прошѣли и къ заутренѣ звонять!» Солнце встанетъ, солнце спроситъ: «что, голубчикъ братецъ мой? какъ тебя Господь Богъ носить? что ты блѣденъ, что съ тобой?» И начнетъ рассказъ свой мѣсяцъ, кто и какъ себя ведетъ: если ночь была спокойна, солнце весело взойдетъ; если пѣтъ, взойдетъ въ туманѣ, вѣтеръ дунетъ, дождь пойдетъ, въ садъ гулять не выйдетъ няня, и дитя не поведетъ.

351. Умный червякъ.

Въ одномъ погребѣ висѣлъ большой круглый сыръ. Онъ былъ привѣшенъ къ потолку, для того чтобы предохранить его отъ мышей; но въ немъ прежде еще завелись черви, которые ползали по сыру вдоль и поперекъ.

Одинъ изъ этихъ червяковъ былъ очень смышленъ. «Распрашивая другихъ, самъ становишься умнѣе», думалъ онъ, и потому постоянно спрашивалъ своихъ товарищей то о томъ, то о другомъ. Между прочимъ ему захотѣлось узнать, какой видъ имѣетъ сыръ, на которомъ онъ живетъ. Въ погребѣ было еще нѣсколько другихъ сыровъ, которые всѣ были круглы, какъ шаръ; но червяки, къ которымъ онъ обратился съ этимъ вопросомъ, думали, что обитаемый ими сыръ совершенно плоскій, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, они могли это хорошо видѣть, особенно когда приподнимались немного. Однако жъ нашъ умный червякъ почему-то

сомнѣвался въ этомъ; ему хотѣлось узнать это навѣрно. И вотъ онъ отправился въ путь: шелъ все прямо, прямо впередъ, и чрезъ нѣсколько дней—пришелъ опять къ тому мѣсту, откуда вышелъ. «Теперь я знаю!» сказалъ онъ: «сыръ нашъ круглъ: на всемъ пути моемъ я не встрѣтилъ ни одного угла, ни одного края. Я отправился въ одну сторону, а возвратился съ другой, между тѣмъ какъ шелъ все прямо. Правда, кое-гдѣ мнѣ встрѣчались рытвины, которые образованы нами же ежедневно добываніемъ пищи, или же насыпи раскрошеннаго сыра, сдѣланныя также нами, потому что нашимъ острымъ зубамъ ничто не въ состояніи противиться: но весь сыръ до того огроменъ, что самыя глубокія рытвины и самыя высокія насыпи ничто въ сравненіи съ цѣлымъ: они нисколько не измѣняютъ круглосты нашего жилища.»

Въ томъ же погребѣ висѣла лампа, которая по распоряженію хозяина дома постоянно горѣла. Ее брали съ мѣста тогда только, когда нужно было отыскать что нибудь въ другомъ концѣ погреба.

Какъ только умный червячокъ разсказалъ другимъ о своемъ открытіи, одинъ изъ товарищей его также сталъ собираться въ путь. «Ты можешь быть правъ, говорилъ онъ нашему знакомцу: но все-таки, чтобы вполнѣ убѣдиться въ круглостъ нашего жилища, нужно обойти его еще по другому направленію.» Но нашъ червячокъ, который постоянно размышлялъ и наблюдалъ, возразилъ ему: тебѣ вовсе не нужно предпринимать такое многотрудное путешествіе: я вижу теперь, что этотъ вопросъ можно рѣшить и здѣсь на мѣстѣ. Посмотри-ка на тѣнь нашего сыра на стѣнѣ: вѣдь она круглая! Я уже давно наблюдалъ эту тѣнь, и видѣлъ ее, когда свѣтъ былъ то съ той, то съ другой стороны: она постоянно оставалась круглою. Ты можешь въ этомъ убѣдиться, когда придетъ великанъ-дворникъ, и будетъ переносить лампу съ мѣста на мѣсто. А если тѣнь нашего сыра круглая и остается круглою всегда, значить и самый сыръ долженъ быть круглый. Однажды дворникъ пришелъ сюда съ тарелкою въ рукахъ. Тѣнь отъ этой тарелки была то круглая, то продолговатая, то представлялась черточкою, смотря по тому, какъ онъ ее держалъ. Это отъ того, что тарелка плоска. Но тѣнь нашего сыра оставалась все круглою, следовательно она круглая и круглая, какъ шаръ.

Сдѣланное открытіе заинтересовало и другихъ червячковъ. Они стали также наблюдать, и вскорѣ нашли еще новыя дока-

зательства тому, что жилище ихъ имѣеть видъ шара. Такъ, напримѣръ, они замѣтили, что веревка, на которой висѣлъ шаръ, удлинялась по мѣрѣ того, какъ они приближались къ ней; а когда они удалялись отъ нея, то она казалась все короче. Далѣе они замѣтили, что лампа освѣщала не весь сыръ, а только одну часть его; когда же дворникъ переносилъ ее то туда, то сюда, то одни червяки видѣли свѣтъ ея раньше, а другія позже. Изъ всего этого они заключили, что жилище ихъ, безъ всякаго сомнѣнія, шарообразно.

352. Облака.

Какъ прекрасны облака по утру! Они походятъ на рубины, оправленные въ золото; жаворонокъ подымается къ нимъ и поетъ, будто при вратахъ неба.

Какъ пышны облака въ полдень, когда они висятъ такъ высоко и сияютъ бѣлизною въ лазуревомъ пространствѣ!

При закатѣ солнечномъ они опять прекрасны, и на далекомъ западѣ принимаютъ всякіе цвѣта и образы. Иногда они бываютъ похожи на башни и замки, на высокіе престолы и терема изъ топазовъ и золота.

Ночью, когда ихъ освѣщаетъ мѣсяцъ, они такъ ярки, бѣлы и чисты, и когда все успокоится и затихнетъ, они будто стадо спящихъ барашковъ.

Но что такое облака? Просто пары. Они быстро исчезаютъ, быстро измѣняются: то они темнѣютъ во время грозы, то надуваются въ бурю; но потомъ является радуга, и природа посреди потоковъ дождя улыбается.

Жизнь подобна облаку: такъ же проходчива и переменчива; сегодня она свѣтла и пріятна, завтра темна и печальна; но снова солнце сіяетъ надъ нею, и она съ миромъ погружается въ вѣчный покой.

Что придаетъ облакамъ ихъ блескъ и красоту? Солнце, которое ихъ освѣщаетъ, золотитъ своими лучами и раскрашиваетъ своею улыбкой.

Что придаетъ жизни ея сіяніе? Благость Того, Кто облакамъ велѣлъ дождемъ орошать землю и освѣжать всѣ растенія и травы.

Онъ, Онъ даритъ утру жизни свѣтлую радость; Онъ въ годы мужества поддерживаетъ и укрѣпляетъ насъ; въ бурю и мракъ

Онъ, какъ радуга, сіяетъ намъ своею улыбкой, и даже когда смерть готова опустить передъ нами завѣсу свою, Онъ освѣщаетъ намъ душу — свѣтомъ надежды.

353. Утренняя звѣзда.

Откуда, звѣздочка краса? Что рано такъ на небеса въ одеждѣ праздничной твоей, въ огнѣ блистающихъ кудрей, въ красѣ воздушно-голубой, умывшись утренней росой?

Ты скажешь: встала раньше насъ? Анъ нѣтъ! мы жнемъ ужъ цѣлый часъ; не счесть накиданныхъ сноповъ. Кто всталъ до дня, тотъ днемъ здоровъ; бодрѣй глядитъ на Божій свѣтъ; ему за трудъ вкуснѣй обѣдъ.

Другой привыкъ до полдня спать; за то и утра не видать. А жнецъ съ восточною звѣздой всегда встаетъ передъ зарей. Работа рано по утру — досугъ и пѣсни въ вечеру.

А птички? Всѣ давно ужъ тутъ; играютъ, свищутъ и поютъ; съ куста на кустъ, изъ сѣни въ сѣнь; кричатъ другъ дружкѣ: добрый день! И томно горлянки журчатъ; да чу! и къ заутренѣ звонять.

Вездѣ молитва началась: «Небесный Царь, услыши насъ; Твое владычество приди, насъ въ искушеніе не введи; на путь спасенія наставь и отъ лукаваго избавь.»

Зачѣмъ же звѣздочка краса всегда такъ рано въ небеса?.. Звѣзда подружка тамъ горитъ. Пока родное солнце спитъ, спѣшать увидѣться онѣ въ уединенной вышинѣ.

Но что жъ, увидятся ли?.. Нѣтъ, спѣшнѣе за ними солнце вслѣдъ. Ужъ вотъ оно: востокъ зажгло, свой алый завѣсъ подняло, надѣло знойный свой уборъ и ярко смотритъ изъ-за горь. А звѣздочка?.. Ужъ не блеститъ; печально блѣдная бѣжитъ, подружкѣ шепчетъ: Богъ съ тобой! и скрылась въ безднѣ голубой. И солнце на небѣ одно, великолѣпно и красно.

Идетъ по свѣтлой высотѣ въ своей спокойной красотѣ; затеплился на церкви крестъ; и тонкій паръ встаетъ окрестъ; и взглянетъ лишь куда оно, тамъ мигомъ все оживлено.

На кровлѣ аистъ носъ остритъ; и въ небѣ ласточка кружить; и дымъ клубится изъ печей; и будитъ мельницу ручей; и тихо рѣветъ темный боръ; и звучно въ немъ стучитъ топоръ.

Жуковский.

354. Разсвѣтъ.

Свѣтаеть. Въ полѣ тишина. Густой туманъ, какъ пелена съ посеребрёною каймой, клубится надъ Днѣпромъ рѣкой. И сквозь него высокій боръ, разсыпанный по скату горъ, безмолвно смотрится въ рѣкѣ, едва чернѣя вдаль; и изъ-за тѣхъ густыхъ лѣсовъ выходятъ стаи облаковъ, а изъ-за нихъ, огнемъ горя, выходитъ красная заря.

Лермонтовъ.

355. Утро.

* 1.

Ужъ солнца первый лучъ чудесно озолотилъ востока край; уже проснулся день прелестный, — вставай, дитя мое, вставай!

Игриво жаворонокъ вьется съ веселой пѣсенкой своей; чирканье повсюду раздаётся средь зеленѣющихъ вѣтвей. Уже при солнечномъ сянѣ цвѣты, покрытые росой, какъ въ серебристомъ одѣяньѣ, блистаютъ новой красотой.

Прекрасно утра пробуждень! Минуть напрасно не теряй, молись въ сердечномъ умиленьѣ, — вставай, дитя мое, вставай!

2.

Звѣзды меркнутъ и гаснутъ. Въ огнѣ облака. Бѣлый паръ по лугамъ разстилается. По зеркальной водѣ, по кудрямъ лозняка отъ зари алый свѣтъ разливается. Дремлетъ чуткій камышь. Тишь, безлюдье вокругъ, чуть примѣтна тропинка росистая. Кусть задѣнешь плечомъ, на лицо тебѣ вдругъ съ листьевъ брызнетъ роса серебристая. Потянулъ вѣтерокъ, воду морщить, рябить. Пронеслись утки съ шумомъ и скрылися. Далеко, далеко колокольчикъ звенить. Рыбаки въ шалаши пробудилися, сняли сѣти съ шестовъ, весла къ лодкамъ несутъ... а востокъ все горитъ, разгорается. Птички солнышка ждутъ, птички пѣсни поютъ, и стоитъ себѣ лѣсъ, улыбается. Вотъ и солнце встаетъ, изъ-за пашень блеститъ, за морями ночлеги свой покинуло; на поля, на луга, на макушки ракитъ золотыми потоками хлынуло. Ёдетъ

пахарь съ сохой, ѣдетъ — пѣсно поетъ, по плечу молодцу все тяжелое... Не боли ты, душа! отдохни отъ заботы! Здравствуй, солнце да утро веселое!

Никитинъ.

3.

Какъ прекрасно все созданье, какъ все весело вокругъ! Въ разноцвѣтномъ одѣяннѣ улыбается намъ лугъ; будто бисеромъ красуясь, роща свѣтится росой; будто гладкій шелкъ волнуясь, нива движется рѣкой. Отъ чего все такъ прекрасно, все такъ весело вокругъ? Что пернатыхъ хоръ согласный, что вѣщаетъ роща вслухъ? Что тамъ шепчетъ со цвѣтами тихій, пѣжный вѣтерокъ? Что лепечетъ съ бережками тамъ игривый ручеекъ? Дѣти! утра появленье — торжество природы всей; празднуетъ она рожденье изъ ничтожности своей. Какъ хозяинъ пребогатый, солнце, сынъ ея большой, входитъ въ свѣтлыя палаты и зоветъ на пиръ съ собой. Все хваленіемъ срѣгаетъ лучезарныхъ дней отца; онъ васъ снова увѣряетъ въ новыхъ милостяхъ Творца. Онъ приходитъ: пробудитесь! исчезаетъ ночи тѣнь; онъ вѣщаетъ: веселитесь! Богъ еще даетъ вамъ день. Богъ даетъ вамъ день на радость и на добрыя дѣла. Пойте, птички, жизни сладость! утучнитесь поля! Деревя, распространите тѣнь, подобную шатру! Люди, другъ друга любите и учитесь добру! Преклоните же колѣна, дѣти милыя, въ сей часъ передъ Тѣмъ, Кого вселенна, въ непрерывный хоръ слясь, громко хвалить, прославляетъ какъ пѣжнѣйшаго Отца, — Кто вамъ пищу посылаетъ и щедроты безъ конца! Говорите: о Безвѣстный Ты, Который вѣстенъ намъ по одной любви чудесной, по родительскимъ сердцамъ! Если птичекъ пѣснопѣнью Ты внимаешь отъ небесъ: прѣими дѣтей хваленье, благодарныхъ жертву слезъ! Дай намъ разумъ просвѣщенный, чтобъ дѣла твои узнать; дай намъ сердце умиленно, чтобъ однимъ Тобой дышать; дай благое совершенье всѣмъ родительскимъ мольбамъ; людямъ всѣмъ благословенье... ахъ, они все братья намъ!

Мерзляковъ.

356. Сумерки.

Полно тишиною все въ лѣсу, въ поляхъ; шепчутъ лишь порою струйки въ ручейкахъ. Чашечки закрылись миленькихъ цвѣтовъ, птички воротились подъ домашній кровъ. Какъ имъ тамъ

привольно въ гнѣздышкахъ своихъ! Дерево спокойно, вѣтерокъ затихъ. Къ сладкому покою часъ для всѣхъ насталь; щедрою рукою Тотъ его послаль, чье благословенье множество щедротъ, жизнь всему, движенье и покой даетъ.

353. Вечерь.

Солнце въ розовыхъ лучахъ, и вершины горъ зардѣлись; вновь брильянты на цвѣтахъ, волны пурпуромъ одѣлись. Межь колосевъ и цвѣтовъ вѣтеръ тихо пролетаетъ и со скошенныхъ луговъ ароматомъ навѣваетъ. Наступаетъ время сна, умолкаетъ птичекъ пѣнье, всюду миръ и тишина, — какъ прекрасно все творенье!

2.

День догараеть; усталое стадо до дому тихо идетъ; все утруженно, все отдыху радо: вечеръ уже настаеть. Солнышко ниже; упала роса; воздухъ пахнулъ холоднѣй; только на западъ горять небеса... Чу! засвисталъ соловей. Тихо; и пѣснь одинокой пѣвицы, мнится, мѣръ слушаетъ весь; мнится, за тѣмъ же и звѣздочекъ лица въ землю глядятся съ небесъ. Вотъ по лазури въ обычный дозоръ сторожемъ всходитъ луна, и надъ вселенною ангеловъ хоръ носится съ пѣснью сна.

3.

Вечерь отрадный легъ на холмахъ, вѣтеръ прохладный дуетъ въ поляхъ. Дуетъ, лобзаетъ травку, цвѣты, тихо качаетъ розы кусты. Роза младая льетъ ароматъ, птички порхая въ рошѣ свистять. Всѣ веселятся, пляшутъ, поютъ, къ играмъ стремятся, къ шуткамъ зовутъ. Вечеромъ въ полѣ мило гулять; мило на волѣ, други, играть! Время терпѣнью, время трудамъ, время ученью, время гульбамъ. Играмъ часъ смѣло мы отдадимъ; книгамъ день цѣлый мы посвятимъ.

358. Наступленіе ночи.

Вотъ ужъ солнце за горами, вотъ усыпала звѣздами ночь

спокойный сводъ небесъ; мраченъ долъ и мраченъ лѣсъ. Вотъ и мѣсяцъ величавой сталъ надъ тихою дубравой; то изъ облака блеснетъ, то за облако зайдетъ; съ горъ простерты длинны тѣни; и лѣсовъ дремучихъ сѣни, и зеркало зыбкихъ водъ, и небесъ далекій сводъ въ свѣтлый сумракъ облечены... Спать пригорки отдаленны, боръ заснулъ, долина спить... чу!.. полночный часъ звучить.

Жуковский.

359. Ночь.

1.

При сіяющихъ звѣздахъ — въ полусвѣтѣ, въ полумглѣ — тихо-тихо въ небесахъ, тихо-тихо на землѣ. Волны моря не шумятъ, и не вѣетъ вѣтерокъ; на деревьяхъ птицы спятъ, спить и шумный городокъ. Но въ безмолвіи ночномъ непримѣтною тропой, въ городкѣ изъ дома въ домъ ходятъ ангелы толпой. Тутъ къ дитяти подойдутъ, свѣтлой радостью блестя, — и во снѣ смѣется тутъ непорочное дитя. Тамъ склонятся надъ больнымъ съ кроткой благодью любви и цѣлятъ крестомъ святымъ жаръ взволнованной крови. А иному бѣдняку тихимъ вѣяніемъ крыль на работу, на тоску прибавляютъ свѣжихъ силъ. Тѣмъ во снѣ шепнуть совѣтъ — дѣло доброе начать; тѣхъ же учать и средь бѣдъ добрый подвигъ докончать. Отъ опасностей храня беззащитно спящій людъ, до сіяющаго дня ходятъ, ходятъ тамъ и тутъ. Въ полусвѣтѣ, въ полумглѣ, при сіяющихъ звѣздахъ — тихо-тихо на землѣ, тихо-тихо въ небесахъ.

2.

Одѣлося сумракомъ поле. На темной лазури сверкаетъ гряда облаковъ разноцвѣтныхъ. Блѣднѣя, заря потухаетъ. Вотъ вспыхнули яркія звѣзды на небѣ одна за другой, и мѣсяцъ надъ лѣсомъ сосновымъ поднялся, какъ щитъ золотой; извивы рѣки серебристой межъ зеленью луга блеснули. Вокругъ тишина и безлюдье: и поле и берегъ уснули; лишь мельницы старой колеса, алмазъ разсыпая, шумятъ, да съ вѣтромъ волнистыя нивы Богъ знаетъ о чемъ говорятъ. На коляхъ, вдоль берега вбитыхъ, растянуты мокрыя сѣти; вотъ бѣдный шалашъ рыболова, гдѣ ве-

черомъ рѣзвья дѣти играютъ трепещущей рыбой и ищутъ въ травѣ водяной улитокъ и маленькихъ камней, обточенныхъ синей волной. Какъ лебеди, бѣлыя тучи надъ полемъ плывутъ караваномъ; надъ чистой рѣкою спятъ ивы, одѣтыя легкимъ туманомъ, и къ свѣтлымъ струямъ наклонившись, сквозь чуткій прерывистый сонъ, тростникъ молчаливо внимаемъ таинственной музыкѣ волнъ.

Пикитинъ.

360. Звѣзды.

Въ часъ полночный близъ потока ты взгляни на небеса: совершаются далеко въ горнемъ мѣрѣ чудеса. Ночи вѣчныя лампы, невидимы въ блескѣ дня, стройно ходятъ тамъ громады негасимаго огня. Но впивайся въ нихъ очами, и увидишь, что вдали, за ближайшими звѣздами тьмами звѣзды въ ночь ушли. Вновь взглядишь — и тьмы за тьмами утмятъ твой робкій взглядъ: всѣ звѣздами, всѣ огнями бездны синія горятъ.

Хомяковъ.

361. Солдатъ и падающая звѣзда.

Кто не видалъ падающихъ звѣздъ; а между тѣмъ дѣйствительно ли звѣзды падаютъ? Нѣтъ; это кажущееся явленіе не что иное какъ пары, воспламеняющіеся въ земной атмосферѣ и потомъ снова угасающіе. Звѣзды же находятся отъ насъ на разстояніи нѣсколькихъ милліоновъ миль, и каждая изъ нихъ безостановочно и неуклонно совершаетъ путь, разъ навсегда назначенный ей всемогущимъ Творцомъ. Но есть люди, которые вѣрятъ, что звѣзды не только падаютъ, но что паденіе ихъ предвѣщаетъ всегда смерть какого нибудь великаго человѣка. Такое мнѣніе конечно ни на чемъ не основано; оно придумано людьми, которые ничему не учились, никогда не мыслятъ и судятъ только по первому впечатлѣнію, какое производитъ на нихъ всякое необыкновенное явленіе. Такъ точно судилъ и тотъ солдатъ, о которомъ я хочу вамъ рассказать. Онъ стоялъ ночью на часахъ. Отъ нечего дѣлать онъ сперва началъ высчитывать, сколько разъ онъ уже сидѣлъ подъ арестомъ, а потомъ для разнообразія сталъ разсматривать сосѣдніе дома и башни, освѣщенные послѣднею четвертью луны, а между прочимъ и обсерваторію, въ которой астрономы наблюдаютъ небесныя тѣла. Вдругъ

одинъ изъ астрономовъ выставилъ телескопъ и направилъ его къ тому мѣсту на небѣ, гдѣ видѣлось наибольшее число звѣздъ. «Вотъ-те на!» подумалъ солдатъ; «ужь не хочеть ли онъ стрѣлять въ звѣзды? вѣдь это кажись винтовка. Такъ и есть! Ну, посмотримъ.» И онъ сталъ съ нетерпѣніемъ ожидать, когда астрономъ выстрѣлитъ. «Однако онъ что-то ужь слишкомъ долго прицѣливается; должно быть не у нашего командира учился, а не то бы...» Солдатъ вдругъ невольно прервалъ свою рѣчь, увидѣвъ падающую звѣзду. «Попаля! воскликнулъ онъ въ изумленіи; «ну, братъ, молодець! Рѣдко, да мѣтко! Прощай, звѣздочка; поминай, какъ звали! И когда это онъ успѣлъ выпалить? я даже выстрѣла не слышалъ. Должно быть это у нихъ особое такое оружіе, которое безъ пороху палить. Вотъ подумаешь, право, какіе хитрые бываютъ люди на свѣтѣ: и впрямь звѣзды съ неба хватають!»

362. Природа днемъ и ночью.

Днемъ природа дѣйствуетъ рѣзко, осязательно для глаза и слуха. Съ восточной зарей пробуждается ея неугомонная дѣятельность, и цѣлый день слышится она, выраженная множествомъ звуковъ, пѣсенъ и криковъ животнаго міра. Но низится къ западу солнце, гложуть звуки, замирая постепенно съ послѣднимъ мерцаньемъ сгорѣвшей зари. Замолкло пѣвчее племя, разсѣлось по вѣткамъ, попряталось въ чашу, листву кустарную, и спить, завернувъ подъ крыло утомленную голову. Только немногіе крики и пѣсни, потерянные днемъ среди общаго нестройнаго хора, выступаютъ теперь ярко среди общаго затишья. Громче слышится теперь бой перепеловъ, жадно бѣгущихъ, летящихъ на отклики самокъ. Громче кричитъ дергачъ на раздолѣ, и далеко несется по поемной луговинѣ его рѣзкій трескучій крикъ. Въ темныхъ рощахъ, въ частыхъ кустахъ, раздались трели соловьевъ, и въ перебой, въ переливъ льются ихъ пѣсни, несутся на встрѣчу проснувшейся ночи; а съ ночью проснулась и новая жизнь. Не дремлетъ природа; но не криками сказывается теперь ея дѣятельность, — безмолвно, тайно творить она свое дѣло.

Въ глухомъ оврагѣ проснулась сова, встряхнула перо и зорко глядитъ въ сумракъ, легшій на доли. Проснулись и сычъ и филинъ, ненавистники свѣта, и широко распустили райки сво-

ихъ глазъ, собираясь летѣть за заснувшей добычей. Вывела изъ логовища дѣтей волчица, и фосфорическимъ огнемъ зажглись ея глаза. Вылѣзъ изъ норы и хорекъ, и фыркаетъ носомъ, жадно нюхая ночной вѣтеръ, не принесетъ ли онъ залогъ живой добычи, не пахнетъ ли онъ теплой, горячей кровью. А тамъ, на широкой цвѣтистый лугъ слетѣлись стаи ночныхъ мотыльковъ и съ легкимъ шумомъ, какъ журчанье далекаго ручья, вьются надъ цвѣтами, высасывая изъ нихъ сахаристые соки. На прибрежьѣ широкаго пруда, въ сумракѣ нависшихъ кустовъ разсыпались зеленыя искры, засвѣтились Ивановы червячки. Въ душлѣ старой липы слышится пискъ: проснулась въ немъ семья летучихъ мышей, и вотъ показалась одна, вспорхнула, летитъ неслышнымъ полетомъ, за ней другая, третья... всѣ понеслись, стелются, вьются надъ водой, рѣжутъ воздухъ, какъ рѣзвыя ласточки.

363. Времена года.

Алексѣй. Отъ чего это, милый батюшка, лѣтомъ солнце грѣетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ зимою? Быть можетъ, лѣтомъ оно ближе къ намъ?

Отецъ. Совсе нѣтъ, сынъ мой! зимою солнце ближе къ намъ, чѣмъ лѣтомъ; но близость солнца въ этомъ отношеніи ничего не значитъ, а важно собственно его положеніе на небѣ. Посмотри на солнце въ полдень яснаго зимняго дня, и замѣть, какъ высоко стоитъ оно на тверди небесной; то же сдѣлай и въ полдень яснаго лѣтняго дня: и ты увидишь, что въ зимній день солнце стоитъ гораздо ниже, а въ лѣтній — гораздо выше надъ землею.—Чѣмъ выше надъ нами стоитъ солнце, тѣмъ отвѣснѣе падаютъ на нашу землю его лучи, и тѣмъ самымъ производятъ бѣольшую теплоту. Это ты можешь замѣчать каждый день; утромъ и вечеромъ солнечные лучи не содержатъ въ себѣ такой теплоты, какъ въ полдень, когда солнце занимаетъ самое высокое положеніе надъ нами и когда лучи его падаютъ на землю почти отвѣсно. Лѣтомъ же суточное обращеніе солнца гораздо больше, т. е. оно восходитъ гораздо выше, чѣмъ въ другія времена года, отъ чего лучи его и падаютъ на землю отвѣснѣе и даютъ больше тепла. Кромѣ того лѣтомъ солнце появляется на небесномъ сводѣ гораздо раньше и оставляетъ его гораздо позже,—слѣдовательно свѣтитъ много часовъ сряду, а потому зем-

ля долѣе и сильнѣе нагрѣвается: отъ этого происходятъ долгіе и теплые лѣтніе дни. И такъ чѣмъ выше надъ нами стоитъ солнце, чѣмъ отвѣснѣе падаютъ на землю его лучи и чѣмъ продолжительнѣе оно сіяетъ, начиная отъ восхода и до заката, тѣмъ больше даетъ оно тепла.

Зимою суточное обращеніе солнца меньше. Оно стоитъ гораздо ниже на небѣ; отъ этого и лучи его падаютъ на землю не такъ отвѣсно, какъ лѣтомъ, а гораздо косѣе или наклоннѣе, и потому не могутъ сильно нагрѣвать землю. Сверхъ того зимою солнце и восходитъ гораздо позже, и закатывается гораздо раньше: въ это время оно только что начнетъ нагрѣвать въ какомъ либо мѣстѣ землю, какъ уже принуждено бываетъ оставить это мѣсто и идти далѣе. Отсюда — короткіе и холодные зимніе дни. И такъ: чѣмъ ближе къ намъ солнце, чѣмъ наклоннѣе падаютъ на землю лучи его и чѣмъ кратчайшее время сіяетъ оно отъ восхода и до заката, тѣмъ менѣе даетъ тепла.

Ты не можешь не замѣтить и того, что не вдругъ дѣлается совершенно холодно или жарко. Послѣ зимняго холода становится постепенно теплѣе и теплѣе, и наконецъ наступаютъ жаркіе лѣтніе дни; точно такъ же послѣ лѣтнихъ жаровъ дѣлается по немногу все холоднѣе и холоднѣе. Постепенный переходъ отъ холоднаго къ теплему или жаркому времени мы называемъ *весною*, а постепенный переходъ отъ лѣта къ зимѣ — называемъ *осенью*. Эти четыре періода времени: *весна*, *лѣто*, *осень* и *зима* составляютъ цѣлый годъ, и потому называются *временами года*.

364. Весеннія воды.

Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ, а воды ужъ весной шумятъ, бѣгутъ и будятъ сонный берегъ, бѣгутъ и блещутъ, и гласятъ... Онѣ гласятъ во всѣ концы: «весна идетъ, весна идетъ, мы молодой весны гонцы; она насъ выслала впередъ!» Весна идетъ, весна идетъ, и тихихъ, теплыхъ майскихъ дней румяный, свѣтлый хороводъ толпится весело за ней. Θ. Тютчевъ.

365. Начало весны.

1.

Гонимы вешними лучами, съ окрестныхъ горъ уже снѣга сбѣжали мутными ручьями на потопленные луга.

Улыбкой ясною природа сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года; синѣя, блещутъ небеса; еще прозрачные лѣса какъ будто пухомъ зеленѣютъ. Пчела за данью полевой летитъ изъ кельи восковой; долины сохнутъ и пестрѣютъ; стада шумятъ, и соловей ужъ цѣль въ безмолвіи ночей.

Пушкинъ.

2.

Цвѣты по рощамъ зацвѣтаютъ, рѣзвухи бабочки летаютъ, природа вся оживлена: идетъ отрадная весна. Люблю весною видѣть почки, люблю зеленые листочки и разноцвѣтную красу цвѣточковъ пѣжненькихъ въ лѣсу. Росинки капля золотая, цвѣтами разными играя, на свѣтломъ солнышкѣ блеститъ; тамъ тихій ручеекъ бѣжитъ, здѣсь сладко птичка зацѣваетъ и надъ кусточками летаетъ... Природа вся оживлена, — ахъ, чудно хороша весна!

* 366. Приходъ царя.

Скорѣй, дитя, скорѣе въ лѣсъ! тамъ праздникъ, радость, все цвѣтеть: лишь солнца лучъ блеснетъ съ небесъ, на праздникъ царь туда придетъ. Тамъ бабочекъ кружится рой, тамъ птичекъ хоръ среди вѣтвей, жучки блестятъ, ползутъ толпой... Скорѣе въ лѣсъ, дитя, скорѣй!.. Но кто же царь? Царь этотъ — Май! Идетъ по нивамъ, по лѣсамъ, и отъ того-то праздникъ тамъ, и ты, дитя, его встрѣчай.

367. Весна.

1.

Наступила весна; солнце согнало снѣгъ съ горъ и равнинъ, зазеленѣли верхушки поблеклой травы, распустились почки деревьевъ и изъ нихъ выглянули молоденькіе листочки. Проснулась пчелка отъ глубокаго сна, въ которомъ она пролежала цѣлую зиму; она протерла себѣ глаза и пошла будить своихъ подругъ: онѣ отворили улей и стали смотрѣть, удалились ли враги ихъ: ледъ, снѣгъ и сѣверный вѣтеръ. Видя, что повсюду

свѣтитъ и грѣетъ солнышко, онѣ выползли изъ улья, оправили крылышки и начали летать. Прилетѣли онѣ къ яблонѣ и спросили: «нѣтъ ли у тебя чего нибудь съѣстнаго для насъ, голодныхъ пчелокъ? Мы цѣлую зиму ничего не ѣли.» Яблоня отвѣчала: «нѣтъ, друзья мои, вы слишкомъ рано пришли ко мнѣ; цвѣты мои еще скрыты въ почкахъ, а кромѣ нихъ у меня ничего нѣтъ. Ступайте къ вишневому дереву.» Пчелки полетѣли къ вишневому дереву: «милая вишня, сказали онѣ, нѣтъ ли у тебя цвѣтовъ для насъ, голодныхъ пчелокъ?» Вишня отвѣчала: «приходите завтра, сегодня мои цвѣты еще не раскрылись; но лишь только они покажутся, то милости просимъ!» — Тогда пчелки полетѣли къ прекрасному тюльпану, который уже почти совершенно разцвѣлъ; но цвѣтъ его не имѣлъ ни запаха, ни сладости, и пчелки не нашли въ немъ вовсе меду. Печальныя и голодныя, онѣ уже хотѣли возвратиться домой, какъ вдругъ замѣтили подъ кустомъ темногубой цвѣтокъ. Это была фіалка: она скромно поджидала гостей и радушно раскрыла имъ свою чашечку, исполненную благоуханія и сладости; пчелки насытились и принесли домой первый медъ.

2.

Весна! выставляется первая рама! И въ комнату шумъ ворвался, и благовѣсть ближняго храма, и говоръ народа, и стукъ колеса. Мнѣ въ душу повѣяло жизнью и волей: вонъ — даль голубая видна.... И хочется въ поле, въ широкое поле, гдѣ шествуя сыплетъ цвѣтами весна! Голубенькій, чистый, подсиѣжникъ-цвѣтокъ! А подлѣ сквозистой послѣдней снѣжокъ.... Послѣднія слезы о горѣ быломъ, и первыя грезы о счастья иномъ....

А. Майковъ.

368. Весна въ Россіи.

Нигдѣ весна не имѣетъ столько прелестей, какъ въ Россіи. Бѣлая одежда зимы наконецъ утомляетъ зрѣніе; душа желаетъ перемѣны, и звонкій голосъ жаворонка раздается на высотѣ воздушной. Сердца трепещутъ отъ удовольствія. Солнце быстрымъ дѣйствіемъ лучей своихъ растопляетъ снѣжные холмы; вода шумитъ съ горъ, и поселянинъ, какъ мореплаватель при концѣ оке-

ана, радостно восклицаетъ: земля! Рѣки рвутъ на себѣ ледяные оковы, пышно выливаются изъ береговъ, и самый маленькій ручеекъ кажется величественнымъ сыномъ моря. Блѣдные луга, упитанные благотворною влагою, пушатся свѣжею травкою и красятся лазоревыми цвѣтами. Березовыя рощи зеленѣютъ; за ними и дремучіе лѣса, при громкомъ гимнѣ веселыхъ птичекъ, одѣваются листьями, и зефиръ всюду разноситъ благоуханіе ароматной черемухи.

Карамзинъ.

* 369. Весеннія пѣсенки.

1.

Ласточка примчалась изъ-за бѣла моря, съѣла и запѣла: какъ Февраль ни злился, какъ ты, Мартъ, ни хмурься, будь хоть снѣгъ, хоть дождикъ—все весною пахнетъ!

2.

Дождались мы свѣтлаго мая; цвѣты и деревья цвѣтутъ, и по небу синему, тая, румяныя тучки плывутъ.

Запѣли веселыя пташки въ играющей листьѣ лѣсовъ; и бѣлые скачутъ барашки на зелени мягкихъ луговъ.

3.

Травка зеленѣетъ, солнышко блеститъ, ласточка съ весною въ сѣни къ намъ летитъ. Съ нею солнце дольше и весна милѣй... Прощебечь съ дороги намъ привѣтъ скорѣй! Дамъ тебѣ я зеренъ, а ты пѣсно спой: что изъ странъ далекихъ принесла съ собой.

4.

Я пройдуся по лѣсамъ; много птичекъ есть тамъ: всѣ порхаютъ, поютъ, гнѣзда теплыя вьютъ.

Побываю въ лѣсу; тамъ я пчелокъ найду: и шумятъ и жужжать, и работать спѣшать.

Я пройдуся по лугамъ; мотылечки есть тамъ: какъ красивы они въ эти свѣтлые дни!

5.

Весенній день, прекрасный день! какъ ясенъ неба сводъ! раскинулась деревьевъ сѣнь, свѣтлѣютъ токи водъ. Цвѣты пестрѣютъ на лугахъ, лиловѣетъ сирень, и вѣетъ вѣтерокъ въ поляхъ въ весенній свѣтлый день. Пѣвцы пернатые, кружась, щебечутъ и свистятъ, и днемъ весеннимъ веселясь — съ куста на кустъ летать. Какъ солнце ярко въ небесахъ! какъ весело гулять! пушиста травка, и въ садахъ свободнѣе дышать! Хвала Творцу! мы дождались весеннихъ красныхъ дней. Рѣзвиться въ рощахъ собрались—и слышенъ смѣхъ дѣтей.

370. Весенняя гроза.

Чудна гроза въ началѣ Мая, когда весенній первый громъ, какъ бы рѣзвился и играя, грохочетъ въ небѣ голубомъ. Гремятъ раскаты молодые, вотъ дождикъ брызнулъ, пыль летитъ, повисли перлы дождевые и солнце нивы золотитъ; съ горы бѣжитъ потокъ проворный, въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ, и гамъ лѣсной и шумъ нагорный — все вторитъ весело громамъ.

Ө. Тютчевъ.

* **371. Гроза.**

Сынъ мызника, Филиппъ, собиралъ малину въ лѣсу. Когда онъ возвращался домой, вдругъ поднялась гроза; страшно раздавались удары грома за сверкающей молніей. Испуганный Филиппъ спрятался въ дупло дуба, неподалеку отъ дороги, не зная, что молнія скорѣе всего ударяетъ въ высокія деревья. Вдругъ онъ слышитъ голосъ: «Филиппъ! Филиппъ! поди сюда, выходи поскорѣй на дорогу!» Онъ выбѣжалъ, и въ ту же минуту ослѣпительная молнія ударила въ дубъ съ ужаснымъ громомъ. Земля задрожала подъ ногами испуганнаго ребенка, и онъ уже думалъ, что долженъ умереть. Но онъ остался невредимъ. Опаматовавшись отъ испуга, Филиппъ поднялъ руки къ небу и вскричалъ: «Этотъ голосъ былъ съ неба. Ты спасъ меня, Господи!» Вдругъ тотъ же голосъ послышался снова: «Филиппъ, Филиппъ! развѣ

ты не слышишь?» Это былъ голосъ крестьянки. Филиппъ подбѣжалъ къ ней. «Я здѣсь», сказалъ онъ; «что тебѣ надобно?» — «Я не тебя звала, а моего сына. Онъ пасъ гусей подлѣ этого ручья и вѣрно спрятался отъ грозы гдѣ нибудь въ сосѣдствѣ. Я пришла за нимъ, отвести его домой. Да вотъ и онъ бѣжитъ изъ кустарниковъ.» Тогда Филиппъ разсказалъ крестьянкѣ, какъ ей голосъ показался ему сошедшимъ съ неба. Сложивъ смиренно руки, она отвѣчала: «Родимый! хоть голосъ, вызвавшій тебя, былъ только голосъ бѣдной крестьянки, но ты долженъ благодарить Бога; Ему угодно было, чтобъ я, ничего не зная, кликнула тебя по имени, и ты выбѣжалъ изъ дупла.»

332. Загадка.

Меня никто не видитъ, но за то всякій слышитъ; а вѣрную спутницу мою всякій можетъ видѣть, но никто не слышитъ.

333. Передъ дождемъ.

Заунывный вѣтеръ гонитъ стаю тучъ на край небесъ, ель надломленная стонетъ, глухо шепчетъ темный лѣсъ. На ручей, рябой и пестрой, за листкомъ летитъ листокъ, и струей сухой и острой набѣгаетъ холодокъ. Полумракъ на все ложится; налетѣвъ со всѣхъ сторонъ, съ крикомъ въ воздухъ кружится стая галокъ и воронъ.

Надъ проѣзжей таратайкой снуещъ верхъ, перёдъ закрыть; и «пошолъ!» привставъ съ нагайкой, ямщику деньшикъ кричить...

Н. Некрасовъ.

334. Буря.

Клубятся въ полдень черны тучи по раскаленнымъ небесамъ, и вихрь несетъ песокъ горячій съ дороги пыльной по холмамъ; въ томленьѣ душномъ жнецъ лѣнивый лежитъ въ тѣни, оставя нивы; пастухъ со стадомъ въ лѣсъ бѣжитъ; боръ темный шепчетъ и дрожитъ; сожженный листъ о стемель бьется; все притаилось, все молчитъ; и вдругъ огонь по тучамъ вьется, грохочетъ громъ, съ нимъ дождь и градъ въ поляхъ встревоженныхъ шумятъ...

Утихла буря: сводъ небесъ межъ дымныхъ тучъ уже синѣть, и ароматомъ дышетъ лѣсъ, и какъ свѣжо съ поляны вѣтъ! Цвѣты, омывые дождемъ, блестятъ подъ влажнымъ жемчугомъ, и солнце вечера спокойно бросаетъ ярко лучъ незнойный.

И. Козловъ.

335. Туча.

Последняя туча разсѣянной бури! одна ты несешься по ясной лазури, одна ты наводишь унылую тѣнь, одна ты печалишь ликующій день. Ты небо недавно кругомъ облежала, и молнія грозно тебя обвивала, и ты издавала таинственный громъ и алчную землю поила дождемъ. Довольно, сокройся! пора миновалась, земля освѣжилась и буря протчалась, и вѣтеръ, лаская листочки древесъ, тебя съ успокоенныхъ гонить небесъ.

Пушкинъ.

336. Эхо.

Маленькій Миша вовсе не зналъ, что значить эхо или отголосокъ. Однажды, гуляя въ большомъ саду, на дачѣ, онъ вздумалъ кричать: «о! о!» и въ ту же минуту онъ услышалъ, что изъ-за рощицы ему отвѣчали тѣми же самыми восклицаніями. Удивленный Миша громко спросилъ: «кто ты?» На это таинственный голосъ отвѣчалъ такъ же: кто ты? Мишѣ стало досадно, и онъ безъ перемони сказалъ: «видно ты какой нибудь дурачокъ!» — Дурачокъ! отвѣчалъ голосъ изъ рощицы. Тутъ Миша ужъ совсѣмъ разсердился и началъ браниться порядкомъ съ невидимкой. Эхо возвращало ему съ точностію всякую брань. Миша отправился отыскивать негоднаго мальчика; напрасно: пикого не было.

Пробѣгавъ безъ успѣха до усталости по рощѣ и саду, Миша пошелъ къ маменькѣ и жаловался ей, что какой-то злой мальчикъ спрятался въ саду и бранить его. «Попался же ты, мой милый Миша! самъ на себя все высказалъ», отвѣчала ему маменька; «знай, мой дружокъ, что ты слышалъ только то, что самъ говорилъ: какъ ты видишь въ свѣтлой водѣ твое лицо, точно такъ же ты сейчасъ слышалъ твой голосъ въ рощѣ. Если бы ты закричалъ какое нибудь ласковое слово, то непременно и самъ услышалъ бы такое же. Такъ всегда бываетъ; и пословица говоритъ: какъ аукнется, такъ и откликнется.»

377. Загадка.

Живеть безъ тѣла, говорить безъ языка; никто его не видитъ, а всякій слышитъ.

378. Лѣтній вечеръ.

Знать солнышко утомлено: за горы прячется оно, лучъ погасаетъ за лучомъ и, алымъ тонкимъ облачкомъ задернувъ ликъ усталый свой, уйти готово на покой.

Пора ему и отдохнуть; мы знаемъ, лѣтній дологъ путь. Вездѣ жь работа: на горахъ, въ долинахъ, въ рощахъ и лугахъ; того согрѣй, тѣмъ свѣту дай и всѣхъ притомъ благословляй.

Буди заснувшіе цвѣты и имъ расписывай листы; потомъ медвяною росой пчелу работницу напои, и чистыхъ капель межъ листовъ оставь про рѣзвыхъ мотыльковъ.

Зерну скорлупку расколи, и молодую изъ земли былинку выведи на свѣтъ; пичужкамъ приготовь обѣдъ; тѣхъ пріюти между вѣтвей, а тѣхъ на гнѣздышкѣ согрѣй.

И вишнямъ дай румяный цвѣтъ, не позабудь горячій свѣтъ рассыпать на зеленый садъ, и золотистый виноградъ отъ зноя листьями прикрыть и колось зрѣлостью налить.

А если жаръ для стадъ жестокъ, смани ихъ къ рощѣ въ холодокъ; и тучку темную скопи, и травку влагой окропи, и яркой радугой съ небесъ сойди на темный лугъ и лѣсъ.

А гдѣ подъ острою косою трава ложится полосой, туда безоблачно сіяй и сѣно въ копна собирай, чтобъ къ ночи лугъ отъ нихъ пестрѣлъ, и съ ними рядъ возовъ скрипѣлъ.

И такъ совсѣмъ не мудрено, что разгорѣлося оно, что отдыхаетъ на горахъ въ полупотухнувшихъ лучахъ, и намъ, сходя за небосклонъ, въ прохладѣ шепчетъ: добрый сонъ!

И вотъ сошло, и свѣтъ потухъ; одинъ на башнѣ лишь пѣтухъ за нимъ глядитъ, сіяя, вслѣдъ... Гляди, гляди! въ томъ пользы нѣтъ, сейчасъ оно передъ тобой задернетъ алый завѣсъ свой.

И ночь ужъ на небо взошла, и тихо на небѣ зажгла гостепримные огни; и все замолкнуло въ тѣни, и по долинамъ, по горамъ все спитъ... пора ко сну и намъ.

Жуковский.

Когда на утро она пришла въ садъ, работникъ встрѣтилъ ее съ улыбкой и рассказалъ, что онъ тотчасъ по восхожденіи солнца подстерегъ крота и, когда тотъ взрылъ землю, выкопалъ его лопаткой и убилъ.

Оленька осмотрѣла звѣря. Хвостъ у него былъ короткій, чешуйчатый и волосистый, а глаза по обѣ стороны головы походили на свѣтлыя горошинки; цвѣтомъ онъ былъ черенъ. «Однако жъ, замѣтилъ работникъ, бываютъ и бѣлые и сѣрые кроты, бываютъ и бѣлые съ пятнами. Они умѣютъ строить себѣ покойныя комнатки со сводами и очень искусно обиваютъ ихъ мохомъ, навозомъ, соломой, листьями, травой и нѣжными кореньями.»

Вечеромъ, когда зашло солнце, другой кротъ началъ рыться. И на него работникъ тотчасъ напалъ, выкопалъ и убилъ его.

Оленька очень тому радовалась и наградила работника, сколько могла. Нѣсколько времени въ саду не замѣтно было шалостей крота. Но черезъ двѣ недѣли, въ ту самую пору, когда нанять былъ искусный садовникъ для примотра за фруктовыми деревьями, недавно посаженными, Оля опять увидѣла кучку земли на своей клумбѣ. Это ее привело въ отчаяніе; она позвала садовника и горько жаловалась ему на свою бѣду.

Садовникъ улыбнулся. — Тутъ нѣтъ никакой бѣды, сказалъ онъ; вы, барышня, будьте совершенно спокойны.

«Да какъ же я могу быть спокойна?» отвѣчала Оленька жалобнымъ голосомъ.

— А чего же вы опасаетесь? спросилъ садовникъ.

«Эти злые кроты, сказала дѣвочка, вездѣ роются, грызутъ корни цвѣтовъ и мало по малу испортятъ весь мой садикъ!»

— Эхъ, барышня! отвѣчалъ садовникъ, улыбаясь; это все новости вы мнѣ рассказываете; видно правду говорятъ: вѣкъ живи, вѣкъ учись. Вотъ ужъ я тридцать лѣтъ въ садовникахъ и не мало ужъ клумбъ, слава Богу, развелъ на своемъ вѣку, а ни одной еще у меня не испортили кроты. Не опасайтесь, барышня! ваши цвѣты цѣлы будутъ. На кротовъ много клеплютъ понапрасну. Они таки иногда изволятъ кушать корни цвѣтовъ и овощей; это, нечего сказать, правда. Да оно довольно рѣдко случается, то есть, когда они не могутъ найти живыхъ звѣрковъ, которыми питаются. А то кротъ вообще дѣлаетъ больше пользы, нежели вреда приносить.

«Эхъ, сказала Оленька, теперь ты, Порфиръ, новости мнѣ

разсказываешь.» И она покачала головой, какъ всегда дѣлала, когда чему нибудь не вѣрила.

— Можетъ статья, продолжалъ садовникъ, то, что я вамъ говорю, барышня, для васъ ново и невѣроятно; однако жъ это сущая правда. Если только кротовъ показывается не слишкомъ много, то они и въ садахъ, и въ поляхъ очень бываютъ полезны. Они, изволите видѣть, терпѣть не могутъ червяковъ, жуковъ и всякихъ маленькихъ гадовъ, что въ землѣ водятся, и ѣдятъ этихъ звѣрьковъ и насѣкомыхъ, которыя такъ много вредятъ растеніямъ. Вотъ почему кроты въ самомъ дѣлѣ очень полезны. Къ тому же они роютъ землю и она, благодаря имъ, становится рыхлѣе; дождю легче проходить сквозь нее, а за то всѣ деревья, овощи и цвѣты должны кроту сказать спасибо. Правда опять и то, что кучки земли, которыя онъ набрасываетъ, мѣсту красы не придадутъ; это безпорядокъ. Но кучку не трудно срыть, а раскопанное мѣсто можно сгладить. Гдѣ кротовъ слишкомъ много разведется, тамъ надобно подстерегать и бить ихъ въ то время, когда они разрываютъ землю, а это обыкновенно бываетъ при восходѣ и при заходѣнн солнца.

Оленька слушала садовника съ большимъ вниманіемъ, и когда онъ кончилъ, то она сказала ему: «Отъ чего же всѣ говорятъ, что кротъ такой вредный звѣрь? Это я еще сегодня слышала отъ нашего сосѣда!»

— Да такъ ужъ завелось, отвѣчалъ садовникъ, всѣ бранятъ кротовъ; но это отъ того, что никто не возьметъ труда разсмотрѣть дѣло хорошенько. Такъ и во всемъ другомъ; ужъ таковъ бѣлый свѣтъ. Люди часто говорятъ, сами не знаютъ что. Но надобно быть осторожнымъ и не всему вѣрять, что другіе толкуютъ, а всякій разъ повнимательнѣе разбирать, справедливо ли говорить. Вотъ что-съ!

Оля успокоилась. Въ самомъ дѣлѣ цвѣты ея нисколько не пострадали отъ кротовъ, и она стала гораздо милостивѣе прежняго къ этимъ животнымъ.

* 283. Летучая мышь.

Однажды птицы вели жестокую войну съ четвероногими животными. Долго не было рѣшительнаго перевѣса, потому что побѣда была то на одной, то на другой сторонѣ. Но летучая

мышь была осторожна и умна. Когда побѣждали птицы, то она весело летала съ ними вокругъ, и всё удивлялись этой необыкновенной птицѣ. Но когда побѣждали четвероногія животныя, то она присоединялась къ нимъ, ползала на четверенькахъ и выдавала себя за мышь. Наконецъ обѣ воюющія партіи, утомившись, заключили миръ, и тогда вдругъ открылось лицемѣрство летучей мыши. Съ тѣхъ поръ ее всюду преслѣдуютъ: у четвероногихъ животныхъ ее стережетъ кошка, а у птицъ—сова. Поэтому-то она и избѣгаетъ свѣта и, ненавидимая всѣми, одиноко летаетъ средь темной ночи.

288. Польза отъ птицъ.

Не только домашнія птицы, куры, утки, но и дикія птицы приносятъ пользу человѣку; коршуны, вороны сѣдаютъ падаль, отъ которой можетъ сдѣлаться зараза въ жаркое время; вороны и сорокопуты истребляютъ полевыхъ мышей; воробьи, ласточки и другія маленькія птички поѣдаютъ неисчислимое множество червей, гусеницъ и другихъ насѣкомыхъ, отъ которыхъ бываетъ большой вредъ на поляхъ.

Поэтому ты не долженъ безъ нужды пугать и убивать даже воробьевъ и ласточекъ: они твои помощники; воробьи, правда, вредятъ яблонямъ и вишнямъ, но не столько, какъ обыкновенно думаютъ. Птицы слетаются на деревья больше за червяками, чѣмъ за плодами; а черви дереву больше вредятъ, чѣмъ птицы. Въ одной странѣ неразумные люди принялись истреблять воробьевъ, думая, что отъ нихъ-то вся и бѣда; но какъ истребили воробьевъ, что жъ вышло? Черви такъ расплодился, что всё дерево, весь хлѣбъ и даже всю траву выѣли.

289. Лебедь.

Лебедь по своей величинѣ, силѣ, красотѣ и величавой осанкѣ, давно и справедливо названъ царемъ всей водяной, или водоплавающей птицы. Бѣлый какъ снѣгъ, съ блестящими, прозрачными небольшими глазами, съ чернымъ носомъ и черными лапами, съ длиною, гибкою и красивою шеєю, онъ невыразимо прекрасенъ, когда спокойно плыветъ между зеленыхъ камышей, но темно-синей,

гладкой поверхности воды. Но и всё его движеніи исполнены прелести: начнетъ ли онъ пить и, зачерпнувъ носомъ воды, подниметь голову вверхъ и вытянетъ шею; начнетъ ли купаться, нырять и плескаться своими могучими крыльями, далеко разбрасывая брызги воды, скатывающейся съ его пушистаго тѣла; начнетъ ли потомъ охорашиваться, легко и свободно закинувъ дугою назадъ свою бѣлоснѣжную шею, поправляя и чистя носомъ на спинѣ, бокахъ и въ хвостѣ смятыя или замаранные перья; распуститъ ли крыло по воздуху, какъ будто длинный косою парусъ, и начнетъ также носомъ перебирать въ немъ каждое перо, провѣтривая и суша его на солнцѣ,—все живописно и великолѣпно въ немъ.

С. Аксаковъ.

290. Гуси.

Вася увидѣлъ вереницу дикихъ гусей, которые неслись высоко въ воздухѣ.

Вася. Могутъ ли также летать наши домашніе гуси?

Отецъ. Нѣтъ.

Вася. Кто же кормитъ дикихъ гусей?

Отецъ. Они сами отыскиваютъ себѣ пищу.

Вася. А зимою?

Отецъ. Какъ только наступаетъ зима, дикіе гуси улетаютъ отъ насъ въ теплыя страны; а весною возвращаются снова.

Вася. Но почему же домашніе гуси не могутъ летать такъ же хорошо, и почему не улетаютъ они отъ насъ на зиму въ теплыя страны?

Отецъ. Потому что домашнія животныя потеряли уже отчасти прежнюю ловкость и силу, и чувства у нихъ не такъ тонки, какъ у дикихъ.

Вася. Но почему же это случилось съ ними?

Отецъ. Потому что люди объ нихъ заботятся и отбучили ихъ пользоваться ихъ собственными силами. Изъ этого ты видишь, что и люди должны стараться дѣлать сами для себя все, что только могутъ. Тѣ дѣти, которыя полагаются на услуги другихъ и не приучаются сами дѣлать для себя все, что только могутъ, никогда не будутъ сильными, умными и ловкими людьми.

Вася. Нѣтъ, теперь я буду стараться самъ все для себя дѣлать; а не то, пожалуй, и со мной можетъ сдѣлаться то же, что съ домашними гусями, которые разучились летать.

291. Курица и утята.

По сосѣдству отъ меня, въ одной деревушкѣ, называющейся Коростелово, одна крестьянка подложила подъ курицу 12 кряковыхъ яицъ; утята вывелись, воспитались въ стаѣ русскихъ утятъ и привыкли вмѣстѣ съ ними ѣсть кормъ. Должно замѣтить, что это случай рѣдкій; обыкновенно утята, выведшія изъ яицъ дикихъ утокъ, сейчасъ пропадаютъ. Осенью корму понадобилось больше и, чтобъ не тратиться даромъ, крестьянка продала восемь утятъ, а двухъ молодыхъ селезней и двухъ утокъ оставила на племя; но черезъ нѣсколько недѣль они улетѣли и пропали. На слѣдующую весну, бѣглецы воротились на тотъ же прудъ и стали по прежнему жить и ѣсть кормъ съ дворовыми утками. Осенью, одна пара опять улетѣла, а другая осталась зимовать, а въ слѣдующую весну утка нанесла яицъ и вывела десять утокъ, изъ числа которыхъ я самъ купилъ четырехъ. Крестьянка опять оставила пару, и потомство ихъ совершенно смѣшалось и ничѣмъ уже не отличалось отъ русскихъ утокъ. И такъ только въ третьемъ поколѣніи порода дикихъ утокъ совершенно потеряла память о своемъ вольномъ житьѣ; купленные же мною молодыя утки, принадлежавшія къ второму поколѣнію, еще отличались отъ дворовыхъ, какъ своею наружностью, такъ и нравами: они были бойчѣе, проворнѣе, какъ-то складнѣе и пугливѣе домашнихъ утокъ, часто прятались и даже пробовали нѣсколько разъ уходить. Крылья были подрѣзаны.

С. Аксаковъ.

292. Когда бѣ на дятла не свой носокъ, никто бѣ его въ дуплѣ не нашель.

Можетъ быть, вамъ не случалось видѣть птицу дятла? Они бываютъ трехъ родовъ: зеленые, черные, пестрые. Дятель безпрерывно занятъ. Въ чемъ же занятіе? Долбитъ своимъ длиннымъ носомъ засохлое дерево и подъ корою его ищетъ себѣ пи-

щу. Пища его червяки, точащiе дерево. Издалека слышна работа дятла: можно считать его ровные удары. Онъ не скрывается, не таится — долбитъ и долбитъ день и ночь. Гнѣзда же свиваетъ въ дуплахъ гнилыхъ деревьевъ, и еслибъ не необходимость долбить, трудно было бы добраться до дятла. На него-то старики наши сложили пословицу: если бѣ на дятла не свой носокъ, никто бѣ его не нашель!

А знаете ли, кто походитъ на дятла? Болтунъ, говорунъ, пустомеля. «Языкъ мой, врагъ мой!» говоритъ болтунъ. Языкъ выдаетъ болтуна точно такъ же, какъ носъ выдаетъ дятла. Умные люди говорятъ, что Богъ намъ далъ два уха и одинъ языкъ, для того чтобъ мы менѣ говорили и болѣе слушали, и что скромность есть признакъ ума.

293. Перелетныя птицы.

Анна. Наша ласточка опять прилетела, милый папаша, та самая, которая всегда вьетъ гнѣздо на нашей кровлѣ и такъ мило чиликаетъ.

Отець. А видѣла ли ты, какъ вчера роились комары?

А. Видѣла. Но что же общаго между комарами и ласточками?

О. Очень много; потому что ласточки питаются комарами.

А. И нашъ аистъ также показался у насъ на овинѣ.

О. Такъ непременно появилось уже много лягушекъ; вѣрно и змѣи давно выползли изъ норъ своихъ.

А. Стало быть, всѣ птицы прилетаютъ не ранѣе того, какъ для нихъ приготовится пища.

О. Не прежде. Ты знаешь, что много разнаго рода дикихъ птицъ. Нѣкоторыя изъ нихъ питаются одними зернами, или зернами и червячками; эти большею частію остаются у насъ и зимою. Другія питаются только свѣжими ягодами или червячками, насѣкомыми, змѣями и т. п.; эти зимою улетаютъ отъ насъ въ такія страны, гдѣ теплѣе и гдѣ въ это время бываютъ ягоды и гдѣ червячкамъ и насѣкомымъ не нужно прятаться отъ холоду. Различныя породы птицъ, какъ напр. журавли, дикіе гуси, дрозды и др., осенью предпринимаютъ путешествія большими стаями и вмѣстѣ перелетаютъ за море.

А. А весною птицы возвращаются снова, когда онѣ знаютъ, что найдутъ себѣ пищу?

О. Да, какъ видишь, дитя мое. Но кто же научилъ ихъ этому? Кто научилъ аиста отыскать гнѣздо свое, а ласточку найти крышу гостепріимнаго дома?

А. Конечно Богъ научилъ ихъ этому.

О. Такъ, милая Анна. Богъ далъ животнымъ способности, потребныя для нихъ. И такъ когда тебѣ случится опять увидѣть перелетныхъ птицъ, то вспомни всякій разъ, что Богъ приспосаждаетъ пищу прежде, нежели прилетятъ гости. И о людяхъ Онъ заботится съ такою же благостію; вотъ и о тебѣ Онъ позаботился напередъ, чтобъ ты нашла молоко для твоего пропитанія: при рожденіи своемъ и ты появилась на свѣтъ какъ незнакомая гостья, и никакая другая пища не могла такъ хорошо прокормить тебя и сохранить твою жизнь. Какъ ты думаешь, чѣмъ ты воздашь Богу за такое великое благодѣяніе?

А. Я? У меня ничего нѣтъ, что бы я могла дать Ему. Но буду очень любить Бога и охотно исполнять все то, что Ему пріятно.

294. О ласточкахъ.

Посмотри на верхъ, милый мой, сказалъ однажды отецъ маленькому своему сыну, — на верхъ, на эти птичьи гнѣздышки, надъ окнами комнатъ нашихъ подъ кровлею. Видишь, одни только что начаты, только что прилѣплено къ стѣнѣ нѣсколько глины; другія до половины сдѣланы; а нѣкоторыя совсѣмъ готовы—плотны и чисты, съ однимъ маленькимъ отверстиемъ, въ которое птички будутъ влетать и улетать.

Это гнѣзда ласточекъ, и вотъ ты видишь хозяевъ ихъ. Какъ неутомимо летаютъ онѣ туда и сюда, приносятъ во рту глину и землю, и работѣ своей даютъ форму носикомъ и ножками! Эти гнѣзда очень крѣпки и плотны, какъ стѣна изъ глины, а внутри устланы пухомъ и перьями, чтобъ малюткамъ мягко было лежать.

Ласточки питаются мушками, комарами и другими насекомыми, и всегда строятъ себѣ гнѣзда въ горахъ и деревняхъ около домовъ. Люди не тревожатъ ихъ; эти птички болѣе полезны, нежели вредны, и намъ пріятно смотрѣть на образъ жизни ихъ.

Погляди, какъ быстро несутся онѣ по воздуху, преслѣдуя добычу свою! По утру онѣ просыпаются на самомъ разсвѣтѣ, шепчутъ и шумятъ у окна, пока мы еще въ постелѣ; и цѣлый день не складываютъ крыльевъ, летая за пищею для себя и для дѣтей своихъ. Наловивъ нѣсколько мухъ, онѣ тотчасъ спѣшатъ къ гнѣздышкамъ, быстро влетаютъ въ отверстіе и кормятъ малютокъ.

Я расскажу тебѣ, какую великую заботливость имѣютъ онѣ о своихъ дѣтяхъ. Ласточки построили однажды себѣ гнѣздо въ галлерей; когда онѣ уже имѣли малютокъ; случилось, что одна изъ нихъ, вскарабкавшись до отверстія прежде нежели оперилась, выпала изъ гнѣзда и ушиблась до смерти о каменный полъ галлерей. Старыя птички, увидѣвъ это несчастіе, полетѣли и принесли коротенькихъ прутиковъ изъ твердой соломы и укрѣпили ихъ глиною въ родѣ частокола около отверстія гнѣзда, чтобы предохранить другихъ малютокъ отъ жалкой участи ихъ бѣднаго брата.

Я могу рассказать тебѣ еще другой примѣръ ихъ дальновидности и готовности помогать другъ другу. Одинъ дерзкій воробей (ты знаешь, какъ они бываютъ иногда безстыдны) забрался въ гнѣздо ласточки во время ея отсутствія, и когда она, возвращаясь, хотѣла влетѣть въ жилище свое, то воробей высунулъ голову изъ отверстія и смотрѣлъ на нее, разинувъ ротъ. Бѣдная ласточка была жестоко обижена и опечалена такою несправедливостью, но не могла собственною силою отмстить за себя. И такъ она улетѣла назадъ, и возвратилась со множествомъ товарищей; у каждой изъ нихъ въ носикѣ было нѣсколько глины, которою онѣ замазали отверстіе гнѣзда и заключили въ вѣчную темницу воробья, очень скоро умершаго отъ недостатка воздуха и пищи.

Можно еще много сказать о дальновидности этихъ птицъ. Осенью, когда начинается холодная погода, ласточки собираются въ великомъ множествѣ на кровляхъ высокихъ строеній и приготавливаются летѣть въ страну, гдѣ теплѣе. Чтобы испытать свои силы, онѣ дѣлаютъ нѣсколько большихъ круговъ по воздуху въ разныя стороны и потомъ, выбравъ тихій, прекрасный день, отправляются всѣ вмѣстѣ на югъ.

Полагаютъ, что ласточки улетаютъ на зиму въ средину Африки; весною же онѣ отправляются назадъ въ наши сѣверныя страны. Иногда при раннемъ наступленіи у насъ хорошей пого-

ды нѣкоторыя изъ нихъ прилетаютъ слишкомъ рано; и когда погода настанетъ опять холодная и снѣжная, то бѣдняжки умираютъ отъ недостатка въ пищѣ или отъ мороза. Отсюда происходитъ пословица, что *одна ласточка не дѣлаетъ весны*. Но когда прилетаетъ ихъ множество, то мы можемъ быть увѣрены, что зима миновала; и отъ того мы всегда радуемся ихъ возвращенію.

295. Беззаботность птички.

Птичка Божія не знаетъ ни заботы, ни труда; хлопотливо не свиваетъ долговѣчнаго гнѣзда. Въ долгу ночь на вѣткѣ дремлетъ; солнце красное взойдетъ — птичка гласу Бога внемлетъ, встрепенется и поетъ. За весной, красой природы, лѣто знойное пройдетъ — и туманъ и непогоды осень поздняя несетъ: людямъ скучно, людямъ горе; птичка въ дальнія страны, въ теплый край, за сине море улетаетъ до весны.

Пушкинъ.

296. Загадка.

Безъ рукъ, безъ топоренка состроена избенка.

297. Соловей.

Солнце скрылось за горою, угасаетъ день; все покрыто полутьмою и длиннѣетъ тѣнь. Тишины и обаянья полно все въ лѣсахъ, вотъ и звѣздочка въ сянвѣ блещетъ въ небесахъ. Чье жъ тамъ пѣнье раздается? то какъ бы свирѣль, то какъ флейта нѣжно льется, и вдругъ снова трель. Соловьиное то пѣнье. Отъ чего жъ ты, соловей, тѣшишь въ часъ успокоенья пѣснію своей? «Въ тишинѣ, въ уединеньѣ Богу пѣснь пою; приношу Ему моленье и хвалу мою.»

298. Окунь.

Окунь не то, что ракъ, хотя и живетъ въ водѣ, это всякій знаетъ; извѣстно, что ракъ не рыба, и разница между ними

огромная. У рака внутри нѣтъ костей, за то снаружи толстый черепъ. У окуня, напротивъ, внутри есть кости. За костистой головой тотчасъ начинается у него рядъ толстенькихъ косточекъ, вплоть до самаго хвоста. Эти косточки называются позвонками: отъ нихъ вверхъ и внизъ идутъ другія косточки, а для плавательныхъ перьевъ есть еще другія. И не перечестъ, сколько всѣхъ косточекъ у окуня. Но наука пересчитала ихъ, и если учиться, т. е. добывать себѣ свѣту, по старинной пословицѣ, что ученье свѣтъ, а неученье тьма, — то можно узнать, и сколько у окуня костей, и зачѣмъ каждая изъ нихъ, и какъ можетъ рыба жить въ водѣ, и отъ чего она не утонетъ, т. е. не захлебнется, тогда какъ человѣкъ и десяти минутъ не можетъ пробыть въ водѣ, непременно захлебнется. Все это совсѣмъ не такъ просто, какъ кажется съ перваго взгляда. Ученье скажетъ тоже, для чего у рыбы есть жабры и какъ она можетъ ими дышать въ водѣ. Безъ ученья все это тьма.

299. Загадка.

Идетъ въ баню черенъ, а выходитъ красенъ.

300. Какъ кошки ловятъ рыбу.

Хотя я зналъ, что кошки ловятъ рыбу, но никогда не слышалъ и не видалъ, какъ они производятъ эту охоту. Третьяго Мая 1855 года сидѣлъ я очень тихо на берегу небольшого проточнаго пруда, гдѣ брали окуни и лини. Около противоположнаго берега, уже обросшаго травой, била икру плотва и для того выбрасывалась въ траву у самаго берега. Вдругъ я вижу, что большая пестрая кошка осторожно подкрадывается, ползетъ и прячется, растянувшись въ самой береговой травѣ. Такъ всегда поступаютъ кошки, выжидая своей добычи. Я сталъ смотрѣть пристально. Плотва продолжала метать икру и выкидываться на траву — кошка бросилась, схватила одну плотичку и унесла ее во рту. Я указалъ на эту продѣлку садовнику, который недалеко отъ меня копался въ своихъ грядкахъ; онъ нисколько не удивился, а напротивъ разсказалъ мнѣ, что рано по утрамъ, когда еще нѣтъ народу, всякій день выходитъ на этотъ промы-

сель кошекъ шесть и болѣе, располагаются по удобнымъ мѣстамъ вдоль берега, и ловятъ рыбу.

С. Аксаковъ.

301. Угорь и змѣя.

«Посмотри на меня», говорила змѣя угрю: «какъ я прекрасна? Видалъ ли ты когда нибудь кожу, такъ красиво расписанную и такую гладкую? Правда, и твоя кожа гладка; однако жъ моя и гладка и красива.»

«Въ самомъ дѣлѣ», отвѣчалъ угорь, «я не такъ красивъ какъ ты, а только гладокъ. Но отчего происходитъ то, что твоя красота всякому отвратительна, и что люди, увидѣвши въ травѣ пеструю твою кожу, пугаются и бѣгаютъ?»

«Бѣгаютъ?» спросила красивая змѣя: «отчего же это? я не знаю.»

«А я знаю, отвѣчалъ угорь, и люди также знаютъ. Снаружи ты блестящъ, а внутри у тебя ядъ и желчь.» — Не платье красить человѣка, а человѣкъ красить платье.

302. Змѣя и пѣявица.

«Какъ я несчастна, и какъ завидна часть твоя!» однажды говоритъ пѣявицѣ змѣя: «ты у людей въ чести, а я для нихъ ужасна; тебѣ охотно кровь свою даютъ, меня же всѣ бѣгутъ и, если могутъ, бьютъ; а кажется равно мы съ ними поступаемъ: и ты, и я людей кусаемъ.»

— Конечно! былъ на то пѣявицынъ отвѣтъ, да въ цѣли нашей сходства нѣтъ: я, напримѣръ, людей къ ихъ пользѣ уязвляю, а ты для ихъ вреда; я множество больныхъ чрезъ это исцѣляю, а ты и небольшимъ смертельна завсегда. Спроси самихъ людей: всѣ скажутъ, что я права; я — ихъ лѣкарство, ты — отравя.

Дмитріевъ.

303. Древесная лягушка.

«Гриша! посмотри, у меня зеленая птичка», сказалъ отецъ, входя въ комнату и поднявъ платокъ, завязанный узелкомъ.

— Ахъ, покажи, папа, сказала Гриша, дай мнѣ ее. « Подожди, я дамъ тебѣ ее; но только держи крѣпче, чтобъ она не вылетѣла. » Развязавъ платокъ, онъ осторожно всунулъ ему въ руку маленькую лягушку. Испуганный Гриша выпустилъ ее изъ рукъ и поднялъ страшный крикъ. — Фи, какая противная лягушка!.. Между тѣмъ лягушка прыгала по комнатѣ; а Гриша такъ боялся ея, что перебѣгалъ изъ одного угла въ другой. Отецъ снова поймалъ ее. « Глупенькій, говорилъ онъ Гришѣ, можно ли бояться лягушки? Я принесу стаканъ, поставлю въ него лѣсенку и посажу туда лягушку: она будетъ намъ предсказывать погоду. » Онъ выстрогалъ лѣсенку и рассказалъ Гришѣ, какъ онъ, гуляя по лугу, услышалъ кваканье лягушки и нашелъ ее сидящею на листьяхъ кустарника. Потомъ онъ принесъ стаканъ, налилъ его до половины водою и, опустивъ въ него лѣсенку и лягушку, завязалъ стаканъ тонкою холстиною и поставилъ передъ окномъ. « Ну, Гриша, сказала отецъ, смотри же хорошенько за нашимъ живымъ барометромъ. Когда онъ выйдетъ изъ воды, то должно ожидать хорошей, сухой погоды; но когда онъ сидитъ въ водѣ, то обыкновенно бываетъ вѣтеръ или дождь. Только чрезъ каждые два дня бросай ей въ щипу по нѣскольку мухъ сквозь отверстие въ холстинѣ. » Гриша внимательно разсматривалъ лягушку. У ней спинка была красиваго зеленаго цвѣта, а тѣло все обнажено, — ротъ большой и широкій. Она постоянно вдыхала въ себя воздухъ и широко раскрывала глаза. Четыре ноги ея были растопырены, на двухъ переднихъ было по четыре отдѣльных пальца, а на заднихъ по пяти пальцевъ, соединенныхъ между собою тонкою кожицею.

304. Гусеницы, куколки и ихъ враги.

Однажды утромъ Вася увидѣлъ множество гусеницъ, ползающихъ по окну. Онѣ выползли изъ сада и по высокой стѣнѣ добрались до самаго окна.

« Посмотри, папенька », вскричалъ Вася, « какъ ловко ползаютъ гусеницы по скользкому стеклу! Но отчего это онѣ поворачиваютъ головку, то направо, то налево? Это только задерживаетъ ихъ; имъ нужно употребить болѣе часа на то, чтобы проползти эти два стекла. »

Отецъ подошелъ къ окну и наблюдалъ за ползающими гусеницами.

Вася. Отчего это, прежде чѣмъ подвинуться далѣе, онѣ всегда поворачиваютъ головкою? Какъ будто бы онѣ хотѣли намъ дѣлать поклонъ на обѣ стороны.

Отецъ. Ну, онѣ вовсе не такъ учтивы, а поворачиваютъ головками по совершенно другой причинѣ. Посмотри, крѣпко ли онѣ держатся на стеклѣ.

Вася отворилъ окно и долженъ былъ сдѣлать порядочное усиліе для того, чтобы оторвать хоть одну изъ нихъ. «О, теперь я знаю», вскричалъ онъ, «почему онѣ дѣлаютъ такіе поклоны!»

О. Почему же?

В. Онѣ протягиваютъ по стеклу во все стороны тоненькія ниточки, и отъ того такъ крѣпко и держатся на немъ.

О. Совершенно справедливо. Онѣ поворачиваются направо и крѣпко приклеиваютъ къ стеклу конецъ своей ниточки; затѣмъ поворачиваются влѣво, протягивая при этомъ свою ниточку поперекъ. Такимъ образомъ онѣ продолжаютъ поворачиваться, и при каждомъ поворотѣ образуютъ новую ниточку, такую тонкую, какъ нить паука. Протянувъ нѣсколько ниточекъ, онѣ подвигаются впередъ, т. е. цѣпляются ножками своими за ниточки, какъ за веревочную лѣстницу.

В. Потому-то онѣ и держатся такъ крѣпко!

О. Такъ; потому-то онѣ и могутъ ползти по скользкому стеклу.

«Но чего вы хотите здѣсь?» сказалъ Вася, обращаясь къ насѣкомымъ. «Въ саду еще много пищи для васъ; а изъ того, что у насъ есть здѣсь, для васъ ничего не годится. Ползите опять внизъ; заблудившіяся овечки!» Съ этими словами онъ оторвалъ гусеницъ отъ стекла и сбросилъ ихъ въ садъ.

О. А нѣкоторыхъ ты все-таки не можешь сбросить. Посмотри-ка, нѣсколько гусеницъ сидитъ уже наверху, на потолкѣ.

В. А! Онѣ вѣрно вползли въ комнату черезъ разбитое стекло. Теперь вамъ предстоитъ голодная смерть, потому что вся комната для васъ — пустыня: тутъ нѣтъ ни одного листочка.

О. Но онѣ теперь и не будутъ нуждаться въ пищѣ. Онѣ уже насытились на всю свою жизнь въ гусеницахъ; теперь имъ хочется чего-то совсѣмъ другого.

Васѣ очень хотѣлось узнать объ этомъ что нибудь поподробнѣе; но отецъ не удовлетворилъ его любопытства, а велѣлъ подождать, говоря, что онъ со временемъ самъ все это увидитъ.

Черезъ нѣсколько дней каждая гусеница обмотала себя и сдѣ-

далась куколкой. Вася досталъ одну изъ нихъ длинной палкой: куколка блестѣла, какъ золото; а сверху пряжи, которою она была обмотана, висѣла кожа гусеницы. Она сняла ее съ себя, какъ платьице, и теперь имѣла другую кожицу, жесткую и роговидную. Но на ней уже не было замѣтно болѣе ни ножекъ, ни головки. Вася тихонько дотронулся до куколки, и она слегка зашевелилась, начала сжиматься и изгибаться. «Ты еще жива!» вскричалъ онъ; «а я считалъ тебя мертвою и думалъ, что ты лежишь въ тѣсномъ гробу. Какъ же тебѣ оттуда выйдти? Погоди же, я помогу тебѣ.»

Онъ булавкой приподнял нѣсколько покрышку и что же? внутри были видны длинныя ножки и крылья. Все это сначала шевелилось; но черезъ нѣсколько мгновений это маленькое животное было уже мертвымъ.

В. Скажи мнѣ, папенька, что такое въ куколкѣ, не гусеница ли?

О. Да, была гусеница. Она начала уже свое превращеніе: сдѣлалась куколкой и потомъ должна была бы сдѣлаться бабочкой. Но теперь ты лишилъ ее жизни своимъ любопытствомъ.

В. Значитъ, бабочки происходятъ отъ гусеницъ?

О. Да, изъ гусеницъ образуются куколки, а изъ куколокъ бабочки.

В. Въ такомъ случаѣ я попрошу маменьку побережь другихъ куколокъ, которыя еще остались на потолкѣ, а не то ихъ пожалуй сметутъ оттуда.

Спустя нѣсколько дней почти всѣ бабочки вылѣзли изъ своей скорлупы и летали по комнатѣ. Каждая изъ нихъ имѣла четыре крылышка и шесть длинненькихъ ножекъ. На головѣ у каждой было по два длинныхъ рожка и два большихъ глаза; впереди у нихъ былъ хоботокъ, свернутый въ трубочку; словомъ, это было насаѣкомое, совершенно отличное отъ гусеницы.

Вася выпустилъ ихъ на волю. Онѣ летали съ цвѣтка на цвѣтокъ и, какъ пчелы, высасывали изъ цвѣтовъ сокъ своимъ хоботкомъ. Нѣкоторыя изъ нихъ садились на листья, гдѣ, какъ отецъ потомъ показалъ Васѣ, онѣ клали свои яички. Эти яички большею частію находились на нижней сторонѣ листка, такъ что и птицы не легко могли найти ихъ, и дождь и солнечный жаръ не могли вредить имъ. Они были крѣпко прилѣплены къ листику и не могли легко отпасть.

«Изъ этихъ яичекъ снова образуются гусеницы», сказалъ

отецъ; «но сначала гусеницы бываютъ очень малы, даже меньше этихъ яичекъ. Принимая очень много пищи, онѣ скоро вырастаютъ, такъ что чрезъ нѣсколько дней имъ становится тѣсно въ ихъ кожицѣ; тогда онѣ долгое время остаются въ совершенномъ бездѣйствіи и снимаютъ свою одежду, подъ которою готова уже новая и болѣе просторная. Онѣ не разъ перемѣняютъ кожу, пока наконецъ, сбросивъ послѣднюю, не превратятся въ куколки.

Всѣ куколки, бывшіе въ комнатѣ у Васи, кончили уже свое превращеніе, сдѣлались бабочками и улетѣли. Только три куколки продолжали еще висѣть на потолокъ. Вася замѣтилъ, что около каждой оставшейся куколки висѣлъ какой-то желтый комокъ. Съ любопытствомъ онъ снялъ палочкой одинъ изъ нихъ; куколка также упала, но она была совершенно выдолблена, и въ ней были маленькія отверстія. А желтый комочекъ содержалъ въ себѣ маленькія зернышки, изъ которыхъ каждое было не больше просяного зерна. Только на видъ они были продолговаты, а на ощупь походили на шелкъ.

«Посмотри, папенька», вскричалъ Вася, «эта куколка положила совершенно желтыя яички, а сама сдѣлалась совершенно пустою.»

О. Это вовсе не яички, а также куколки, только не отъ той гусеницы, а отъ совершенно другихъ, гораздо меньшихъ; они превратятся въ крошечныхъ мухъ, величиною съ булавочную головку. Сами же гусеницы выросли въ куколки той большой гусеницы.

В. Какъ же онѣ туда попали?

О. Вѣроятно одна изъ этихъ маленькихъ мухъ пронзила жаломъ своимъ куколку и положила внутри ея свои яички.

В. Какія же крошечныя должны быть эти яички, если сама муха была такъ мала!

О. Конечно. Сосчитай-ка, сколько маленькихъ желтыхъ куколокъ.

В. О, какъ много! Цѣлыхъ двадцать два.

О. А между тѣмъ яички для нихъ всѣхъ положены одною только мухой; и всѣ онѣ образовались изъ яичекъ внутри большой куколки. Бѣдная гусеница! ничего не подозревая, обмоталась и превратилась въ куколку; а теперь отъ нея осталась только

одна скорлупа, вся же внутренность выѣдена маленькими гусеницами, которыя, выросши, выползли изъ куколки.

В. Отъ того-то и замѣтно такъ много дырочекъ на кожицѣ большой куколки.

О. Ну, да. Эти гусеницы или личинки сами просверлили для себя отверстія и, выползши, сами обмотались. Они превратятся теперь въ маленькихъ мухъ, которыя въ свою очередь будутъ отыскивать другихъ большихъ куколокъ, чтобы забраться въ нихъ и положить тамъ свои яички.

В. Яичкамъ-то было очень удобно, но за то куколка должна была погибнуть.

О. Справедливо; она должна была умереть. У кого всегда полноъ домъ непрошенныхъ гостей, тотъ самъ долженъ погибнуть. Маленькія гусеницы съѣли все, что только нашли.

В. Кто же это научилъ муху класть туда свои яички?

О. Это такъ устроилъ Богъ. Онъ научаетъ птицъ строить гнѣзда, въ которыхъ онѣ кладутъ свои яйца; Онъ же открылъ и маленькой мухѣ, гдѣ ея потомство можетъ найти себѣ пищу; Онъ же и мотылькамъ указываетъ листки, куда они должны класть свои яички, потому что тутъ молодыя гусеницы могутъ находить себѣ пищу.

305. Загадка.

Ползу червячкомъ, питаюсь цвѣткомъ, потомъ засыпаю, себя зарываю. Не ѣмъ, не гляжу, недвижно лежу; но вдругъ оживаю я съ новой весной, свой гробикъ стряхаю надъ травкой молодой. Лечу, веселюся, какъ птичка взвѣюся, прекраснѣй въ сто разъ, чѣмъ прежде была я, и радую васъ, по небу порхая.

* 306. Резедная бабочка.

Резеда имѣетъ душистый цвѣтъ, который любятъ не только люди, но и бабочки. Есть бѣлая бабочка съ крапинами на крыльшкахъ, которая кладетъ свои яйца подъ листьями резеды, чтобы предохранить ихъ отъ дождя и росы. Яйца прикрѣпляются открытымъ концомъ своимъ къ листку; когда гусеница пробуждается въ немъ и хочетъ выбраться изъ него, то находитъ,

большая часть были христіане. Онъ призвалъ ихъ къ себѣ и предложилъ имъ отступить отъ христіанства, въ противномъ же случаѣ повелѣваетъ удалиться отъ двора.

Нѣкоторые изъ нихъ были столь малодушны и достойны презрѣнія, что согласились для выгодъ пожертвовать своею вѣрою; другіе же, и большая часть, лучше желали лишиться почестей, нежели измѣнить своей совѣсти.

Тогда Констанцій, обратясь къ симъ послѣднимъ, превознесъ ихъ похвалами. Когда вы остались вѣрны вашему Богу, сказалъ онъ, то не измѣните и вашему государю. Отнынѣ вѣрваю вамъ себя и мои тайны. Потомъ, обратясь къ отступникамъ вѣры, сказалъ: когда вы отступили отъ Бога, то еще скорѣе измѣните государю; съ сими словами онъ изгналъ ихъ отъ себя и удалилъ отъ двора.

Констанцій, названный Хлоромъ по блѣдности лица, былъ отецъ Константина Великаго, и до кончины объявилъ, что вѣруетъ въ истиннаго Бога.

405. Друзья послѣ смерти.

Одинъ отецъ разсказалъ своимъ дѣтямъ слѣдующую притчу. Намѣстникъ нѣкоего короля, управлявшій долгое время однимъ островомъ, долженъ былъ наконецъ дать отчетъ въ управленіи своему повелителю, а почему и долженъ былъ отправиться къ нему лично. Друзья, на которыхъ намѣстникъ такъ много полагался, какъ въ ихъ искренности, такъ въ любви и расположеніи, не тронулись даже съ мѣста, чтобы проводить его хотя до корабля, на которомъ онъ долженъ былъ отправиться.

Другіе, которые его прежде увѣрили въ своей дружбѣ и клялись вездѣ за нимъ слѣдовать, проводили до самаго корабля. Напротивъ тѣхъ, на которыхъ онъ мало или совсѣмъ не полагался, отправились съ нимъ вмѣстѣ и проводили его до самаго царскаго престола; здѣсь они говорили въ его пользу, ходатайствовали за него и просили у царя милости.

Дѣти не поняли этой притчи. Тогда отецъ сказалъ: Человѣкъ имѣетъ также троякихъ друзей на землѣ, которыхъ онъ тогда только вполнѣ узнаетъ, когда оставитъ сей свѣтъ, чтобъ дать отчетъ Царю небесному въ своихъ мірскихъ поступкахъ. Первые

эти друзья суть деньги и имѣніе: они не провожаютъ человѣка. Вторые друзья суть родственники и добрые знакомые, которые провожаютъ его, по крайней мѣрѣ, до могилы. Третьи — его добрыя дѣла, которыя идутъ съ нимъ въ вѣчность до престола Царя царей. Они-то суть ходатаи предъ Господомъ, потому что человѣкъ получаетъ по дѣламъ своимъ наказаніе или награду.

406. Товія.

Когда Товія младшему, благословенному долгою дней, исполнилось сто двадцать семь лѣтъ, проведенныхъ радостно въ страхѣ Божіемъ, тогда впалъ онъ въ тяжкую болѣзнь, и конецъ житія его приблизился. Слышъ его Азарія стоялъ у одра его и плакалъ; страданія отца раздирали сердце его. Но Товія не жаловался и не стоналъ; душа его была ясна, и лице просіявало, когда болѣзнь на краткое время отступала.

Тогда Азарія рекъ: «Отче! душа моя недоумѣваетъ, какъ можешь ты быть веселъ и мужественъ въ толикой борьбѣ, въ горькихъ страданіяхъ и предъ лицомъ смерти?»

Товія отверзъ уста свои и рекъ: «Сынъ мой! я часто рассказывалъ тебѣ о странствованіи моемъ изъ Ниневіи въ землю Мидійскую, которое повелѣлъ мнѣ отецъ во дни моей юности. Подъ руководствомъ Божіимъ, исполнивъ вѣрно волю отца моего, я долженъ былъ возвратиться въ отчизну. Съ радостнымъ мужествомъ пустился я въ трудный путь: ибо я совершилъ дѣло мое и шелъ въ домъ отца моего. Послѣдніе дни странствованія моего были самые тяжкіе, ибо путь мой лежалъ черезъ горящія песчанья пустыни и дикія крутыя горы. Но помышленія объ отцѣ и отчизнѣ наполняли сердце мое мужествомъ и укрѣпляли утомленное тѣло мое. Я удвоилъ шаги, достигъ отчизны и налъ въ объятія отца моего.»

Тутъ объяли умирающаго жестокия страданія. Когда они прошли, старецъ улыбнулся и продолжалъ: «И что значитъ смертный отецъ предъ Вѣчнымъ? Не руководилъ ли Онъ меня въ теченіе жизни? Не посылалъ ли Онъ мнѣ ангела Своего во время опасности и печали? Оставить ли меня нынѣ на распутии? Нѣтъ! странствованіе мое скончается; я возвращаюсь въ отчизну.»

По сихъ словахъ Товія благословилъ сыновъ своихъ и сыны сыновъ своихъ, и скончался на рукахъ Азаріи. Они погребли его, и все племя Товіи ходило по пути правому, въ жизни непорочной.

407. Сонъ и смерть.

Братски обнявшись, шествовали по землѣ ангелъ сна и ангелъ смерти. Наступилъ вечеръ. Они расположились на одномъ холмѣ, не далеко отъ жилищъ человѣческихъ. Вокругъ царствовала глубокая тишина.

Молча сидѣли оба благодѣтельные геніи человѣчества въ дружескихъ объятіяхъ, и вотъ настала ночь. Тогда ангелъ сна всталъ и тихонько посыпалъ невидимыя зернушки сна. Вечерніе вѣтерки понесли ихъ къ мирнымъ жилищамъ утружденныхъ поселянъ. Сладкій сонъ объялъ всѣхъ жителей—отъ старца съ посохомъ въ рукѣ до малютки въ колыбели. Большой забывалъ свою болѣзнь, печальный—свои скорби, бѣдникъ—свои заботы. У всѣхъ сомкнулись глаза.

Совершивши свое дѣло, благодѣтельный ангелъ сна опять сѣлъ подлѣ своего степеннаго друга. «Когда взойдетъ утренняя заря, сказалъ онъ съ веселою невинностію, тогда люди будутъ благословлять меня какъ друга и благодѣтеля своего. О, какая радость дѣлать добро тайно! Какъ счастливы мы, невидимые посланники всеблагаго Существа! какъ прекрасно скромное наше званіе!»

Такъ говорилъ дружественный ангелъ сна.—Съ тихою грустію смотрѣлъ на него ангелъ смерти, и слезы выкатились изъ глазъ его. «Ахъ, сказалъ онъ, зачѣмъ не могу и я, подобно тебѣ, наслаждаться радостною благодарностію! Меня называютъ на землѣ врагомъ и губителемъ радостей.»

«О, братъ мой! сказалъ ему ангелъ сна, но развѣ добродѣтельные не назовутъ и тебя своимъ другомъ и благодѣтелемъ при своемъ пробужденіи, и не будутъ благословлять тебя отъ всей души? Не братья ли мы и не посланники ли одного Отца!»

Такъ говорилъ ангелъ сна, и взоръ ангела смерти прояснился, и крѣпче обнялись братья геніи.

408. Церковь.

Когда ты въѣзжаешь въ село, что прежде всего тебѣ бросает-
ся въ глаза? — Церковь!

Стоитъ она выше всѣхъ домовъ; колокольную ты еще версты
за двѣ завидѣлъ. Церковь стоитъ поодаль отъ всѣхъ домовъ; ни
на одинъ домъ она не похожа и больше всѣхъ домовъ. Ни въ
одинъ домъ не пойдутъ міряне со всего села, а въ церкви мѣ-
сто для всѣхъ есть: и старому и малому, и богатому и бѣдному,
и здоровому и больному. Всѣ равно предстоять предъ Господомъ.

Въ церкви тебя крестили.

Въ церковь тебя принесутъ, когда отдашь душу Богу.

Близко церкви тебя похоронять.

Словомъ, что бы важнаго въ твоей жизни ни случилось, во
всемъ тебѣ помогаетъ церковь.

И не тебѣ одному; посмотри, вокругъ церкви лежатъ отцы
твои, дѣды и прадеды. Всѣ они въ церкви крестились, женились,
приносили крестить своихъ дѣтей; всѣ они тамъ молились, гдѣ
ты молишься.

Стало быть, церковь не то, что всякій другой домъ. Въ иной
домъ ты самъ не пойдешь, въ иной тебя не пустятъ. Въ иномъ
домѣ у тебя другъ, въ иномъ врагъ. Но въ церковь Божию всѣ
входятъ: и знакомые и незнакомые, и родня и не родня, и
други и недруги; и часто враги, предстоя въ одно время предъ
престоломъ Божиимъ, умиляются сердцемъ и забываютъ объ оби-
дахъ.

*** 409. Призывъ колокола.**

Храмъ Божій на горѣ стоитъ, красуясь издалека; внизу свер-
каетъ и горитъ въ цвѣтной каймѣ своей рѣка. И много стран-
никовъ идетъ къ святому храму надъ рѣкой; ихъ колокольъ туда
влечетъ своею дивною игрой. Тамъ, мнится, внятиѣй Божій гласъ,
и духъ свѣтлѣй, спокойнѣй тамъ; о дѣти! колокольъ и насъ съ
высотъ своихъ зоветъ во храмъ.

410. Слово въ Великій Пятокъ.

Одному благочестивому пустыннику надлежало сказать что либо братіи, ожидавшей отъ него наставленія. Проникнутый глубокимъ чувствомъ бѣдности человѣческой, старецъ вмѣсто всякаго наставленія, воскликнулъ: «Братіе, давайте плакать!» — и всѣ пали на землю и пролили слезы.

Знаю, братіе, что и вы ожидаете теперь слова назиданія; но уста мои невольно закрываются при видѣ Господа, почивающаго во гробѣ. Кто осмѣлится разглагольствовать, когда Онъ безмолвствуетъ?... И что можно сказать вамъ о Богѣ и Его правдѣ, о человѣкѣ и его неправдѣ, чего стократъ сильнѣе не говорили бы сіи язвы? Кого не тронуть онѣ, тотъ тронется ли отъ слабаго слова человѣческаго? — На Голгоѣ не было проповѣди: тамъ только рыдали и били *въ перси своя*. И у сего гроба мѣсто не разглагольствію, а покаянію и слезамъ. Братья! Господь и Спаситель нашъ во гробѣ: начнемъ же молиться и плакать!

Инокентій.

411. Монастырь.

За Кіевомъ, гдѣ Днѣпръ широкій въ крутыхъ брегахъ кипитъ, шумитъ, у роиц на горѣ высокой обитель иноковъ стоитъ; вокругъ нея стѣна съ зубцами, четыре башни по угламъ и по срединѣ Божій храмъ съ позолочеными главами; рядъ келій, темный переходъ, часовня у воротъ съ чудотворящею иконою, и подлѣ ключъ воды студеной журчитъ цѣлительной струей подъ тѣнью липы вѣковой.

И. Козловъ.

412. Истинное благочестіе.

Отецъ Николай, священникъ небольшого села, накопляя въ продолженіе долгаго времени, со всею возможною бережливостію, остатки отъ своихъ доходовъ, собралъ наконецъ сто рублей. Онъ ихъ назначилъ для покупки въ свою церковь хорошаго новаго напрестольнаго ковчега, въ замѣнъ стараго, посеребреннаго,

который весь уже почернѣлъ и въ которомъ, ему казалось, не прилично было хранить святыя дары. Онъ отправился въ путь, пѣшкомъ, съ деньгами въ кожаномъ кошелкѣ, въ ближайшей городъ, гдѣ находилась лавка съ серебряными вещами. И вотъ онъ пришелъ и, проходя по улицамъ, ищетъ глазами желаемого магазина. Между тѣмъ шумъ въ одномъ дворѣ привлекъ его вниманіе. Черезъ отворенныя ворота онъ увидѣлъ полицейскаго чиновника, который, стоя на столѣ, продавалъ съ молотка окружающей его толпѣ: сковороды, кочергу, ухватъ, разную посуду и другія вещи какого-то бѣдняка.

Бѣднякъ стоялъ въ углу двора и, съ слезами на глазахъ, смотрѣлъ, какъ переходили въ чужія руки необходимыя вещи, столь долго служившія ему, и безъ которыхъ онъ съ своей семьей оставался въ совершенной нищетѣ.—Отецъ Николай подошелъ къ нему и ласковымъ голосомъ, который такъ къ лицу служителямъ Божіимъ, спросилъ, зачѣмъ онъ продаетъ свое хозяйство.

— Это не я продаю, отвѣчалъ бѣднякъ, а продаетъ полиція по жалобѣ хозяина дома. Вотъ ужъ два года, какъ я все болѣю и не могу зарабатывать, сколько мнѣ нужно; я задолжалъ за квартиру, и мои вещи продаются въ уплату долга. Богъ знаетъ, въ состояніи ли я буду...

Священникъ не далъ ему кончить. Онъ обратился къ полицейскому:—какую сумму долженъ этотъ человѣкъ?

— Сто пять рублей, тридцать пять копѣекъ!

Священникъ вынулъ изъ кармана кожаный кошелекъ, въ которомъ было сто рублей, прибавилъ къ нимъ пять рублей тридцать пять копѣекъ изъ денегъ, взятыхъ имъ на дорогу, и заплатилъ долгъ.

Бѣднякъ собралъ свое хозяйство и со слезами благодарилъ священника. Отецъ Николай, какъ пришлось, не ѣвши и безъ ковчега, воротился домой. Онъ рассказалъ своимъ прихожанамъ приключеніе и прибавилъ: «Я буду по прежнему хранить святыя дары въ старомъ истертомъ ковчегѣ. Богу, Который по любви къ намъ родился въ ясляхъ, угоднѣе будетъ наша помощь бѣдной семьѣ, нежели серебряный ковчегъ для Его тѣла и крови.»

413. Пословицы религиозныя.

Безъ Бога ни до порога; а съ Богомъ хоть за море. Гдѣ лю-

бовъ, тутъ и Богъ. Живи не такъ, какъ хочется, а какъ Богъ велитъ. Не по нашему хотѣнью, по Божьему изволенью. Тотъ не унываетъ, кто на Бога уповаетъ. На Бога надѣйся, а самъ не плошай. Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Коли самъ плохъ, такъ не дастъ и Богъ. Кто Бога не боится, тотъ и людей не стыдится. Дастъ Богъ утро и день, дастъ и пищу. Кого хочетъ Богъ наказать, у того отнимаетъ разумъ. Убогимъ Богъ убѣжище. Береженаго и Богъ бережетъ. Совѣсть добрая есть гласъ Божій. Блаженіе даяти, нежели взимати. Блаженъ человѣкъ, иже и скоты милуетъ. Послѣ смерти пѣтъ покаянія. Вольному воля, а спасенному рай.

411. Притчи Иисуса Христа.

(Еванг. отъ Маттея, гл. 13.)

- а Бѣишедши же въ дѣна тѣотъ изъ дѣмъ, Іисъ сѣла оу мѣра.
- б И собралоса к' Немъ множетво нарѣда, такъ что Онъ кошѣла и сѣла; а вса нарѣдъ стоала на верѣ.
- в И повчала иухъ многъ притчами, гова: котъ, бѣишела сѣатѣла сѣла.
- д И когда Онъ сѣла, инѣ оупало при дорѣ: и налетѣли птица, и поклевали тѣ.
- е Инѣ оупало на мѣста камениста, гдѣ не многъ бѣло земла, и тѣчасъ взошад, потѣмъ что земла бѣла не глѣбока.
- з Когда же взошад солнце, погорѣло, и, такъ какъ не имѣло корна, засѣхло.
- и Инѣ оупало въ тѣрнѣ, и вѣросдо тѣрнѣ, и заглѣшило егѣ.
- й Инѣ оупало на дѣврѣю земла, и принесад плодъ: однѣ во сто кратъ, а дрѣгоѣ в' шестадесатъ, инѣ же в' тридцатъ.
- ю Кто имѣетъ оушы слѣшати, да слѣшитъ.
- ї И прѣсѣпикъ, оученикѣ сказали Емъ: дла чегѣ притчами говаиша имъ;
- к Онъ сказа имъ в' ѡвѣтъ: дла тогѣ, что вѣмъ данѣ знатъ тайны цѣствѣа нѣснагъ, а имъ не данѣ.
- л Ико кто имѣетъ, томъ данѣ вѣдетъ и прѣмножитса: а кто не имѣетъ, оу тогѣ ѡниметса и тѣ, что имѣетъ.

- гг. Потомъ говорю ѿмъ притчами, что бни вида не видатъ, и слыша не слышатъ, и не развмѣютъ.
- дг. И свываетса надъ ними пррочество Исая, которе говоритъ: слухомъ оуслышите, и не оуразвмѣете: и очами смотрѣте вѣдете, и не оубидите.
- ег. И въ оградѣло сердце людей сихъ, и оушами с' трвдомъ слышатъ, и очи свой сомкнули, да не оузратъ очами и не оуслышатъ оушами, и не оуразвмѣютъ сердцемъ, и да не оуврататса, что въ ѿ ѿцѣлилъ ихъ.
- зг. Ваши же влаженны очи, что видатъ, и оуши ваши, что слышатъ.
- зг. И во истиннхъ говорю вамъ, что многіе пррочи и праведники желали видѣти, что вы видите, и не видѣли, и слышатъ, что вы слышите, и не слышали.
- и. Ба же вѣслышайте значеніе притчи о сѣателѣ.
- ю. Ко всякомъ, слышающемъ слово о црствіи и не развмѣющемъ, приходитъ лѣкавый и похицаетъ посѣанное в' сердце его: вотъ когд оузначаетъ посѣанное при дорогѣ.
- к. А посѣанное на каменістыхъ мѣстахъ оузначаетъ того, кто слышитъ слово, и тотчасъ с' радостію принимаетъ его.
- ка. Но не имѣетъ в' себѣ корня и не постоаненъ: когд настанетъ скорба или гоненіе за слово, тотчасъ совлазняетса.
- кв. А посѣанное в' терніи оузначаетъ того, кто слышитъ слово, но забота вѣка сегд и овольщеніе богатства заглшаетъ слово, и онд выбаетъ безплодно.
- кг. Посѣанное же на доброй землѣ оузначаетъ слышащаго слово и развмѣющаго, который и выбаетъ плодосенъ, такъ что иной приноситъ плодъ во сто кратъ, иной въ шестадесатъ, а иной в' тридцатъ.
- кд. Другю притчу предложилъ Онъ ѿмъ, гора: црство нѣсное подобно члвкѣ, посѣавшемъ доброе сѣмя на полѣ своемъ.
- ке. Когд же люди спали, пришелъ врагъ его и посѣавъ междъ пшеницею плевелы, и оушелъ.
- кз. Когд взошла зеленъ и показалса плодъ, тогда вѣвилса и плевелы.
- кз. Пришедши же раба домовладыки, сказали емъ: господинъ! не

- двое ли семя сеял ты на полъ своемъ; ѿкуда же на немъ плéвель;
- ки Онъ же сказалъ имъ: врагъ члвкъ сдѣлалъ это. А рабаи сказали емъ: хочеша ли, мы поидёмъ, соберёмъ ихъ;
- кю Но Онъ сказалъ: нѣтъ: какъ бы, собираа плéвель, бы не бидергали вмѣстѣ с' ними пшеницы.
- л Оставайте расти вмѣстѣ то и другое до жатки, и во время жатки скажѣ жнецамъ: соберите прежде плéвель, и скажите ихъ, а пшеницѣ оуверите в' житницѣ мою.
- ла Пнью притчѣ предложила Онъ имъ, гова: црство нёсное подобно зерну горчицному, которое члвкъ взялъ и посеялъ на полъ своемъ.
- лв Которое, хотя меньше всѣхъ семёнъ, но когда выростетъ, вываётъ больше всѣхъ злаковъ и становится деревомъ, такъ что прилетаютъ птицы нёсныя и оукрываются в' вѣтвяхъ егю.
- лг Пнью притчѣ сказала Онъ имъ: црство нёсное подобно закваскѣ, которую женщина, взявъ, положила в' три мѣры мѣки, доколѣ не вскисло всё.
- лд Всё сёе Исхъ говорилъ притчами, и без' притчи не говорилъ имъ.
- ле Да свдётся речённое чрез' прроча, который гова: ѿверзѣ в' притчахъ оустъ мои, и зрекѣ сокровённое ѿ созданiа мiра.

415. Книги бытiя глава 1.

- а Въ началѣ сотвори Бгъ нёо и зёмлю.
- б Земля же въ невидима, и нестроена: и тма верхъ бёзды: и Дхъ Бжiй ношашеся верхъ воды.
- г И рече Бгъ: да вдетъ свѣтъ: и быста свѣтъ.
- д И видѣ Бгъ свѣтъ, ѿкъ доврб: и разлчи Бгъ междѣ свѣтомъ, и междѣ тмою.
- е И нарече Бгъ свѣтъ дёна, а тмѣ нарече ноцъ, и быста вечеръ, и быста оутро, дёна едины.
- ё И рече Бгъ: да вдетъ твёрда посреде воды: и да вдетъ разлчяюща посреде воды и воды: и быста такъ.
- ё И сотвори Бгъ твёрда: и разлчи Бгъ междѣ водою, ѿже въ под' твёрдiю, и междѣ водою, ѿже въ над' твёрдiю.

- й И нарече Бгъ твёрда, нёо: и видѣ Бгъ, ѿкв доврѣ. и вѣста вѣчеръ, и вѣста оутро, дѣна вторій.
- ю И рече Бгъ: да совертса вода, ѿже под' нѣсѣмъ, в' собраніе едино, и да ѿвѣтса сѣша: и вѣста тѣакъ: и совраса вода, ѿже под' нѣсѣмъ, в' собраніа своа, и ѿвѣтса сѣша.
- ї И нарече Бгъ сѣшл, зѣмлю: и собраніа вѣдъ нарече морѣ: и видѣ Бгъ, ѿкв доврѣ.
- іа И рече Бгъ: да прораститъ землѣ вѣліе травное, сѣюще сѣма по родѣ и по подобію, и древо плодовитое творѣщее плодъ, емѣже сѣма егѣ в' нѣмъ по родѣ на землѣ: и вѣста тѣакъ.
- іб И изнесѣ землѣ вѣліе травное, сѣюще сѣма по родѣ и по подобію, и древо плодовитое творѣщее плодъ, емѣже сѣма егѣ в' нѣмъ по родѣ на землѣ: и видѣ Бгъ, ѿкв доврѣ.
- їг И вѣста вѣчеръ, и вѣста оутро, дѣна третій.
- ід И рече Бгъ: да вѣдѣтъ свѣтила на твёрди нѣснѣй, ѡсвѣщати зѣмлю, и различати междѣ днѣмъ, и междѣ нощію: и да вѣдѣтъ в' знаменіа, и во времена, и во дни. и в' лѣта.
- іе И да вѣдѣтъ в' просвѣщеніе на твёрди нѣснѣй, ѿкв свѣтити по землѣ: и вѣста тѣакъ.
- іж И сотвори Бгъ два свѣтила великаа: свѣтило великое в' начала днѣ, и свѣтило меншее в' начала нощи, и свѣзды.
- із И положи ѿ Бгъ на твёрди нѣснѣй, ѿкв свѣтити на зѣмлю,
- іи И владѣти днѣмъ и нощію, и различати междѣ свѣтомъ и междѣ тмѣю: и видѣ Бгъ, ѿкв доврѣ.
- ію И вѣста вѣчеръ, и вѣста оутро, дѣна четвёртый.
- їк И рече Бгъ: да изведетъ воды гады дѣшъ живихъ, и птицы летѣющыя по землѣ по твёрди нѣснѣй: и вѣста тѣакъ.
- їка И сотвори Бгъ киты великіа, и всѣкъ дѣшъ живѣтнхъ гадѣвъ, ѿже ижеводѣша воды по родѣмъ ихъ, и всѣкъ птицѣ пернатѣ по родѣ: и видѣ Бгъ, ѿкв доврѣ.
- їкв И благослови ѿ Бгъ, глѣ: раститеса, и множитеса, и напоаните воды, ѿже в' морѣхъ: и птицы да оумножатса на землѣ.
- їкг И вѣста вѣчеръ, и вѣста оутро, дѣна пятый.
- їкд И рече Бгъ: да иведетъ землѣ дѣшъ живѣ по родѣ, четверонѣгал и гады и свѣри землѣ по родѣ: и вѣста тѣакъ.

- ке И сотвори Бгъ свѣри земли по родѣ, и скотѣи по родѣ ихъ, и всѣ гады земли по родѣ ихъ, и видѣ Бгъ, ꙗкѡ двора.
- кс И рече Бгъ: сотворимъ члвѣка по образу нашему и по подобію: и да овладѣетъ рѣками морскими, и птицами небесными, (и свѣрми) и скотами, и всею землею, и всеми гады пресмыкающимися по земли.
- кз И сотвори Бгъ члвѣка, по образѣ Бжїю сотвори его: мужа и женѣ сотвори ихъ.
- ки И благослови ихъ Бгъ, гла: раститесь и множитесь, и наполните землю, и гдѣствуйте еѹ, и овладѣйте рѣками морскими (и свѣрми), и птицами небесными, и всеми скотами, и всею землею, и всеми гадами пресмыкающимися по земли.
- кю И рече Бгъ: се дахъ вамъ всякую травѣ сѣменную сѣющую сѣмя, еже есть верхѣ земли всеѣ: и всякое древо, еже имать в' себѣ плодѣ сѣмене сѣменнаго, вамъ вѣдетъ в' снѣдѣ.
- л И всемъ свѣрмъ земнымъ, и всемъ птицамъ небеснымъ, и всякому гадѣ пресмыкающемуся по земли, иже имать в' себѣ дѣшѣ живота, и всякъ травѣ зеленѣю в' снѣдѣ: и вѣста такѡ.
- ла И видѣ Бгъ всѣ, елика сотвори: и се двора сѣла. и вѣста вечерѣ, и вѣста оутро, дѣна шестый.

416. Книги бытія глава лз.

- а Вселися же Іаковъ в' землю, идѣже овита Ісаакъ, оцъ его, в' землю Ханаани.
- б Сїи же роди Іаковли: Іусифъ же баше седмнадцати лѣтъ, пасый овцы оцѣ своего с' братїею своею, ѿнъ сїи, с' сїми Баллы, и с' сїми Зѣлфы, женѣ оцѣ своего. нанесѡша же на Іусифа зла клеветѣ ко Іераню оцѣ своему.
- г Іаковъ же любаше Іусифа паче всехъ синовъ своихъ, ꙗкѡ снъ въ старости емѣ вѣста: и сотвори емѣ ризѣ пѣстрѣ.
- д Видѣвше же братїа его, ꙗкѡ любитъ его оцъ паче всехъ синовъ своихъ, возненавидѣша его, и не можахѣ глаголати к' немѣ ничтоже мирно.
- е Видѣвъ же Іусифъ сонъ, повѣда и братїи своей.

- ѡ Н рече ѿмъ: послѣшайте сна сегѡ, егѡже видѣхъ.
- ѣ Миѣхъ вѣса вѣжвѣицхъ снопаі средѣ пола: ѿ воста мой снопаі, ѿ ета прѣмѡ: вѣши же снопаі ѡвратѣвшеса поклонѣшаса моемѣ снопѣ.
- ѿ Рѣша же емѣ кратѣа егѡ: еда цѣтвѣа цѣтвовати вѣдѣши над' нами, или гѣтвѣа гѣтвовати вѣдѣши над' нами; ѿ приложиша ещѣ ненакѣдѣти егѡ снѡвѣ ради егѡ, ѿ ради словѣса егѡ.
- ѡв Видѣ же сонъ дрѣгѣи, ѿ повѣда егѡ ѡцѣ своемѣ, ѿ братѣи своѣи, ѿ рече: се видѣхъ дрѣгѣи сонъ: ѡки вы солнце ѿ лѣна, ѿ единонадѣсѣта звѣзда поклонѣхѣса мнѣ.
- ѣ Н запрети емѣ ѡцѣ егѡ, ѿ рече емѣ: что сонъ сей, егѡже еси видѣла; еда пришедше прѣидемъ ѡзъ ѿ мати твоѣа, ѿ братѣа твоѣа поклонѣтѣса тебѣ до земли;
- ѡв Позавидѣша же емѣ братѣа егѡ: ѡцѣ же егѡ соблюде слово сѣѣ.
- ѡв ѡидѡша же братѣа егѡ пасти ѡвца ѡцѣа своегѡ в' Ѣгѣпѣтѣ.
- ѣ Н рече Ісраѣила ко Іѡсѣфѣ: еда братѣа твоѣа не пасѣтъ в' Ѣгѣпѣтѣ; градѣи, да послѡ тѣа к' нимъ. рече же емѣ: се ѡзъ.
- ѡв Рече же емѣ Ісраѣила: шѣдъ, вижда, ѡще здравѣствѡютъ братѣа твоѣа, ѿ ѡвца; ѿ повѣжда ми. ѿ послѣ егѡ ѡ юдоли Хеврѡни: ѿ прѣиде в' Ѣгѣпѣтѣ.
- ѡв ѡврътѣте егѡ члѣвѣкѣ завлѣждающѣа на пола: вопросѣ же егѡ члѣвѣкѣ, глагола: чѣсогѡ ѿщѣеши.
- ѡв ѡнъ же рече: братѣи моѣа ѿщѣ: повѣжда ми, гдѣ пасѣтъ.
- ѡв Рече же емѣ члѣвѣкѣ: ѡидѡша ѡсѡдѣ: слышахъ во ѿхъ глаголющѣхъ: пойдѣмъ в' Доѡаѣмѣ. ѿ ѿде Іѡсѣфъ в' слѣдѣ братѣи своѣа, ѿ ѡврътѣте ѡ в' Доѡаѣмѣ.
- ѡв Прѣдѣзрѣша же егѡ ѿдалѣче, прѣжде приклиженѣа егѡ к' нимъ: ѿ злѣ оумѣслиша оувѣити егѡ.
- ѡв Рече же кѣждо к' братѣа своемѣ: се сновидѣцѣа ѡнаѣи ѿдетъ.
- ѡв Нѣнѣ оубо прѣидѣте, оувѣемъ егѡ, ѿ вѣржимъ егѡ во едѣнъ ѡ рѣвѣ: ѿ речѣмъ: звѣра лѡтѣа снѣде егѡ: ѿ оуврѣимъ, что вѣдѣтъ сѡнѣа егѡ.
- ѡв Глашавѣ же Рѣвимъ, ѡа егѡ из' рѣкѣа ѿхъ, ѿ рече: не оувѣемъ егѡ на дѣши.

- кв Рече же ѿмъ Рѡвимъ: не пролийте крове: вѣрзите егѡ во еди́нъ Ѡ
рѡвкъ сѣхъ, ѿже в' пѣстыни, рѡки же не возложите на него:
(тѣшася во) ѿкѡ да ѿзыметъ егѡ Ѡ рѡкъ ѿхъ, ѿ Ѡдѣстъ егѡ
ѡцѣ своемъ.
- кг Быстѣ же егда прѣиде Іўсифъ к' братѣи своѣй, соклекѡша со Іўсифа
рѣзѣ пѣстрѣю, ѿже на немъ.
- кд И поѣмше егѡ, ввергѡша к' рѡвкъ: рѡвкъ же тѡцѣ, водѣ не
ѿмѣше.
- ке И сѣдѡша ѿести хлѣвкъ: ѿ воззрѣше ѡчима, видѣша: ѿ сѣ пѣтниц
цы Исмаилтане ѿдѣхъ Ѡ Галаада, ѿ велюды ѿхъ полны ѡнѣмѣ
ма, ѿ *) ритѣны ѿ етѣкти: ѿдѣхъ же везше во Егѣпетъ.
- кз Рече же Іѡда к' братѣи своѣй: кѣа полѣза, ѡце оубѣемъ братѣ
нашего, ѿ скрѣемъ крове егѡ;
- кч Градите продадимъ егѡ Исмаилтанумъ сѣмъ: рѣцѣ же наши
да не вѣдѣтъ на немъ, ѿкѡ братъ нашъ, ѿ плѡтъ наша естѣ.
послѣшаша же братѣа егѡ.
- ки И мимоидѡша члѣвцы Мадѣмстѣи кѡпцѣ: ѿ ѿзвлекѡша ѿ воз
ведѡша Іўсифа из' рѡва, ѿ продѣша Іўсифа Исмаилтанумъ на
двѣдѣсѣтѣ златнѣцѣ: ѿ поведѡша Іўсифа во Егѣпетъ.
- кю Возвратѣса же Рѡвимъ к' рѡвѣ, ѿ не оубрѣ Іўсифа в' рѡвѣ: ѿ
растерзѣ рѣзы своѣ.
- л И прѣиде к' братѣи своѣй, ѿ рече: ѡтрѡница нѣстѣ, ѡзъ же кѣмѡ
ѿдѣ ктомъ;
- ла Вѣемше же рѣзѣ Іўсифовѣ, заклѣша кѡзлицѣ Ѡ кѡзѣ, ѿ помѣ
заша рѣзѣ кровѣю.
- лв И послѣшаша рѣзѣ пѣстрѣю, ѿ принесѡша ко ѡцѣ своемъ, ѿ рекѡ
ша: сѣю вѣрѣтѡхомъ: познавай, ѡце рѣза сѣна твоегѡ естѣ,
ѿ ѿи нѣ;
- лг И позна ѿ, ѿ рече: рѣза сѣна моего естѣ: звѣра лѡтъ снѣдѣ егѡ:
звѣра косѣити Іўсифа.
- лд И растерзѣ Іакѡвъ рѣзы своѣ, ѿ возложѣ вѣтнѣце на чрѣсла своѣ,
ѿ плакашася сѣна своего днѣ мнѡги.

*) Тѣкъ мастѣтѣй из' дрѣва текѣщѣй.

лѣ Собрáшася же вси сáнове егѡ и дщѣри, и прїидоша оутѣшити егѡ: и не хотáше оутѣшитися, глагола: ꙗкѡ снїдѡ к' снѡ моему сѣѣдѡ во адѣ. и плакаса ѡ немѡ оцѣ егѡ.

лѣс Мадїане же продáша Іўсифа во Егѡпетѣ Пентефрїю егнѡхѡ Фараѡновѡ, архїмагїрѡ.

412. Книги бытія глава ѡа.

а Бѡгъ же по двоѡ лѣтѡ днѣй, Фараѡнѡ видѣ сонѡ: мнáшеся стоáти при рѣцѣ.

б И се ꙗки из' рѣкї исхождахѡ седмѡ кравѡ добрѣ вїдомѡ, и извранны тѣлесѣ, и пасáхсѡ по врегѡ.

г Дрѡгїа же седмѡ кравѡ изыдоша по сїхѡ из' рѣкї, слáбї вїдомѡ и тѣлесѣ хѡды, и пасáхсѡ с' кравами по врегѡ рѣчнѡму.

д И пождоша седмѡ кравы слáбїа и хѡдыа тѣлесѣ седмѡ кравѡ добрыхѡ вїдомѡ, и извранныхѡ тѣлесѣ. (и сїа невидимы быша, ꙗкѡ внидоша в' чресла ѡхѡ.) востá же Фараѡнѡ.

е И видѣ сонѡ вторѡй: и се седмѡ клáси исхождахѡ из' стѣвлїа единагѡ извранны и добрѣ.

з Дрѡзїи же седмѡ клáси тѡнцыи, истончѣни вѣтромѡ, израстахѡ по нїхѡ.

з И пожрѡша седмѡ клáси тѡнцыи и истончѣни вѣтромѡ, седмѡ клáсѡвѡ извранныхѡ и полныхѡ. востá же Фараѡнѡ, и бáше сонѡ.

и Бѡгъ же заутра, и возмѡтїсѡ дѡша егѡ: и послáвѡ, созвѡ есѡ сказáтели Егѡпетскїа, и всѡ мѡдрыа егѡ: и повѣда ѡмѡ Фараѡнѡ сонѡ своѡ и не бáше сказвáи тогѡ Фараѡнѡ.

ѡ И речѣ старѣйшина вїнарекѡ к' Фараѡнѡ, глагола: грѣхѡ моѡ вспоминаю днѣсѡ.

ї Фараѡнѡ разгнѣбасѡ на равѣи своѡ, и вверже насѡ в' темнїцѡ, в' домѡ архїмагїра, менѣ и старѣйшинѡ житáрека.

їа И видѣхомѡ сонѡ ѡва едїныа нѡци азѡ и ѡнѡ, кїждѡ своѡ сонѡ видѣхомѡ.

їб Бáше же гáмѡ с' нами ѡноша, ѡтрокѡ Еврѣинѡ архїмагїровѡ: и повѣдахѡмѡ емѡ, и разсвдѡ намѡ.

- ѳі Бѣста же, ꙗкоже сказа намъ, такъ и слышася, мнѣ паки бѣти во своемъ старѣйшинствѣ, а Ѿномъ повѣшенъ.
- ѳі Пославъ же Фараѡнъ, призва Іўсифа: и изведоша егò из' твердыни, и ѡстригоша егò, и измѣниша рѣзы емъ: и прїиде к' Фараѡнъ.
- ѳі Рече же Фараѡнъ Іўсифъ: сонъ видѣхъ, и сказахъ егò нѣста: азъ же слышахъ ѡ тебѣ глаголющихъ, ꙗкъ слышавъ сна, разсуждаеши тѣмъ.
- ѳі Ѽвѣщава же Іўсифъ Фараѡнъ, рече: вез' Бѣга не ѡвѣщается спасеніе Фараѡнъ.
- ѳі Рече же Фараѡнъ Іўсифъ, глагола: во снѣ моемъ мнѣхъ стати на врезѣ рѣчнѣмъ:
- ѳі И ꙗки из' рѣки исхождахъ седма крава дверѣи видомъ, и избранны тѣлесѣи, и пасяхъся по врезѣ.
- ѳі И се дрѣвѣа седма крава исхождахъ в' слѣдъ ѡхъ из' рѣки, слыи и недверѣи видомъ, и хѣды тѣлесѣи, ꙗковыхъ не видѣ таковыхъ во всей земли Егѣпетскѣи хѣдшихъ.
- ѳі И изадоша седма крава слыи и хѣдыа седма крава первыхъ добрыхъ и избранныхъ.
- ѳа И внидоша во оутрѣвы ѡхъ: и не ꙗвишася, ꙗкъ внидоша во оутрѣвы ѡхъ и ѡвеличѣа ѡхъ сла вѣша, ꙗкъ и исперва: востава же, (паки) оуспѣхъ.
- ѳв И видѣхъ паки во снѣ моемъ, и ꙗки седма класа исхождахъ из' единачу стѣвлѣа полныи и добрыи.
- ѳг Дрѣви же седма класи тонции и вѣтромъ истончении испницахъ в' слѣдъ ѡхъ.
- ѳд И пожроша седма класи тонции и вѣтромъ истончении седма класова добрыхъ и полныхъ. рѣхъ оуево сказателемъ. и не вѣста поведааи мнѣ того.
- ѳе И рече Іўсифъ Фараѡнъ: сонъ Фараѡновъ единъ ѣста: елика Бѣга творитъ, показа Фараѡнъ.
- ѳс Седма крава дверѣи, седма лѣтъ сѣта: и седма класи добрыи, седма лѣтъ сѣта. сонъ Фараѡновъ единъ ѣста.
- ѳз И седма крава хѣдыа ꙗже изидоша по сѡхъ, седма лѣтъ сѣта. и седма класи тонции, и истончении вѣтромъ, седма лѣтъ сѣта: вѣдѣтъ седма лѣтъ глѣда.

- ки Слово же еже рѣхъ Фараѳнѣ, елика Бѣз творитъ, показá Фараѳнѣ.
- кю Се седма лѣтъ прихѳдитъ, обилнѳста многа во всей землѣ Егѳпетскѣй.
- л Приидѳтъ же седма лѣтъ глада по сѣхъ: и завѣдѳтъ сѣтшести вѣдѳщыа во всемъ Егѳптѣ, и погвѣитъ глáдъ землю:
- ла И не познаетса обилѣе на землѣ ꙗ глада вѣдѳщаго по сѣхъ: силенъ во вѣдетъ сѣлѳ.
- лв Повторѣса же сонъ Фараѳнѣ двáжды, ꙗкѳ истинно вѣдетъ слово еже ꙗ Бѣа: и оускоритъ Бѣз сотворити оно.
- лг Нѣнѣ оубо оусмотри члѣвѣка мѣдра и смѣслена, и постаѳви егѳ надъ землѣю Егѳпетскою:
- лд И да сотворитъ Фараѳнъ, и постаѳвитъ мѣстоначáлники по землѣ: и да собиранѳтъ пáтвю чáстѣ ꙗ всѣхъ плодѳкъ землѣ Егѳпетскѣа седми лѣтъ обилныхъ:
- ле И да совершѳтъ всáкъю пѣщѣ седми лѣтъ градѳщихъ добрыхъ сѣхъ: и да соверетса пшеница подъ рѣкѣ Фараѳню: пѣща во градѣхъ да хранѣтса.
- лз И вѣдетъ пѣща соблюдена землѣ на седма лѣтъ глáдныхъ, ꙗже ѣмѳтъ кѣнги в' землѣ Егѳпетскѣй, да не потребѣтса землá в' глáдѣ.
- лз Оубѳдно же кѣста слово предъ Фараѳномъ и предъ всѣми рабѣи егѳ.
- ли И рече Фараѳнъ всемъ рабѳмъ своимъ: едá ѡвръщемъ члѣвѣка сицевáго, ѣже ѣматъ Дѣа Бѣа в' себѣ;
- лю Рече же Фараѳнъ Їѳсѣфѣ: понѣже показá Бѣз тебе всá сѣа, нѣста члѣвѣка мѣдрѣйша и смѣсленнѣйша пáче тебе.
- м Тѣи вѣдѣши в' домѣ моемъ, и оустъ твоихъ да послѣшаютъ вси людѣи мои: рáзѣ престѳломъ азъ колѣе тебе вѣдѣ.
- ма Рече же Фараѳнъ Їѳсѣфѣ: се поставлѣю тѣа днѣса надъ всею землѣю Егѳпетскою.
- мв И снѣмъ Фараѳнъ пѣретенъ с' рѣки своеѣ, возложи егѳ на рѣкѣ Їѳсѣфовѣ: и ѡвлече егѳ в' рѣзъ червлѣнѣ, и возложи грѣбнѣ злáтѣ на кѣю егѳ:
- мг И всадѣ егѳ на колесницѣ своѣ вторѣю, и проповѣда предъ нимъ проповѣдникъ: и постаѳви егѳ надъ всею землѣю Егѳпетскою.

- мд Рече же Фараѳнъ Іѳсифъ: ѡзъ Фараѳнъ: вез' тебѣ не воздвѣгнетъ рѣки своѣя никтоже ко всеі земли Егѳпетскѣй.
- ме И нарече Фараѳнъ йма Іѳсифъ, Ѵсоѳо-омфанѳхъ: и даде емъ Асенѳфъ, дщѣра Петефрѣа жреца Илѳополскаго, емъ в' женѣ.
- мс Іѳсифъ же вѣше лѣтъ тридесати, егда предета Фараѳнъ, црѣ Егѳпетскомъ. изиде же Іѳсифъ ѿ лица Фараѳна, и прѣйде коію землю Егѳпетскѣю.
- мз И сотвори земля к' седми лѣтѣхъ обилнѣ жатвѣ.
- ми И совра вѣкъвю пицѣ седми лѣтѣхъ, в' нѳже вѣше обилности в' землі Егѳпетскѣй: и положи пицѣ во градѣхъ: пици пола града свѣцихъ окрестъ егѳ положи к' немъ.
- мю И совра Іѳсифъ пшеницѣ іѳкѣ песокъ морскій многѣ стѣлѣ, дондеже не можѣхъ ичести: вез' числа ко вѣше.
- и Іѳсифъ же вѣста два сына, прѣжде пришествѣа седми лѣтѣхъ глѣднѣхъ, йхже роди емъ Асенѳоа, дщѣра Петефрѣа жреца Илѳополска.
- иа Нарече же Іѳсифъ йма пѣрвенцѣ, Манассѣа, (глагола): іѳкѣ завѣсти мнѣ сотвори Бѣъ всѣ волѣзни моѣ, и всѣ, іѳже оцѣ моегѣ.
- иб Йма же второмъ нарече Ефраймъ, (глагола): іѳкѣ возрасти ма Бѣъ в' землі смиренѣа моегѣ:
- иг Минѣша же седма лѣтѣ обилнѣхъ, іѳже вѣша в' землі Егѳпетскѣй.
- ид И начаша седма лѣтѣ глѣднѣхъ приходити, іѳкоже рече Іѳсифъ: и вѣста глѣдъ по всеі землі: во всеі же землі Егѳпетскѣй (не) вѣша хлѣбѣ.
- ие И взалка всѣ земля Егѳпетскаа: возопѣ же народъ к' Фараѳнъ ѿ хлѣбѣхъ. рече же Фараѳнъ вѣмъ Егѳптаншмъ: идите ко Іѳсифъ, и еже речѣтѣ вѣмъ, сотворите.
- ис И глѣдъ вѣше на лицѣхъ всеѣ землі. Ѵвѣрзе же Іѳсифъ всѣ житницы, и продааше вѣмъ Егѳптаншмъ.
- из И всѣ страны приходяхѣ ко Егѳпетъ, кѣповѣти ко Іѳсифъ: ѿвдержаше ко глѣдъ коію землю.

418. Книги бытія глава мѣ.

- а Бѣдѣвъ же Іакѣвъ, іѳкѣ кѣпла еста (пшеницы) ко Егѳптѣ, рече сѣѣмъ своимъ: почтѣ не радите;

- к Огь слѣшахъ, ѿкъ еста пшеница во Егѣптѣ: идите тамъ, и купите намъ малъ пици, да живи вѣдемъ и не оумремъ.
- г Идоша же братѣя Іусифовы дѣсѣтъ, купити пшеницы во Егѣптѣ,
- д Беніаміна же, брата Іусифова, не шпвети е братію егѣ, рече ко: да не когда слѣчѣтѣ (на пѣтѣ) емъ слѣ.
- е Прїидоша же сѣоке Іеранелвы купити е приходѣщими: вѣше во гладѣ в'землѣ Ханаанстѣй:
- з Іусифъ же вѣше княза землѣ: сей продаше всѣмъ людемъ землѣ (тоѣ). пришедше же братѣя Іусифовы, поклонѣшася емъ лицемъ до землѣ.
- и Видѣвъ же Іусифъ братію свою, позна: и шчѣждѣшеся ѿхъ, и глаголаше ѿмъ жестоку. и рече ѿмъ: шкъдѣ прїидѣсте; они же рѣша: ш землѣ Ханаанскѣл, купити пици.
- и Позна же Іусифъ братію свою: они же не познаша егѣ.
- ѿ И поманѣ Іусифъ снаѣ своѣ, ѿже видѣ онъ: и рече ѿмъ: согладѣтан естѣ, согладѣтѣ пѣтѣй странѣ (сеѣ) прїидѣсте.
- ї Они же рѣша: нѣ, гдѣне, рабѣ твой прїидѣхомъ купити пици.
- л Всѣ есмѣ сѣоке единагѣ члѣвѣка: мѣрницы есмѣ, не сѣтъ рабѣ твой согладѣтан.
- лѣ Рече же ѿмъ: нѣ, но пѣтѣ землѣ (сеѣ) прїидѣсте согладѣтѣ.
- лѣ Они же рѣша: двѣнадѣсѣтъ есмѣ братѣя, рабѣ твой в' землѣ Ханаани: и се мѣншѣй (ш насъ) со оцѣмъ нашѣмъ днѣсѣ: а дрѣгѣгѣ нѣсѣтъ.
- лѣ Рече же ѿмъ Іусифъ: сѣе естѣ, е же рекохъ вамъ, глагола: ѿкъ согладѣтан естѣ.
- лѣ Вѣ сѣмъ швитѣсѣ: такъ ми здравѣя Фараѣна, не изѣдете шсѣдѣ, ѣще братѣ вашъ мѣншѣй не прїидѣтъ сѣмъ.
- лѣш Послите ш сѣкѣ единаго, и возмите брата вѣшего: бѣ же держѣми вѣдите, дѣндеже ѿвѣ вѣдѣтъ словеса вѣша, ѣще шстинствѣете нѣи ни: ѣще же нѣ, такъ ми здравѣя Фараѣна, воистинѣ согладѣтан естѣ.
- лѣш И дадѣ ѿ под' стрѣжѣ, на трѣ дни.
- лѣш Рече же ѿмъ в' дѣна трѣтѣй: сѣе сотворите, и живи вѣдѣте: бѣга во ѣзѣ воѣсѣ.
- лѣшѣ ѣще мѣрницы естѣ, братѣ вашъ да оудержѣтѣ единагѣ под' стрѣжею: сѣми же идите, и швезите къ пленѣю пшеницѣ вѣшѣ:

- к И брата вашого мѣншаго приведите ко мнѣ, и вѣрна вѣдѣтъ сло-
веса ваша: аще же ни, оумрете: и сотвориша такъ.
- ка И рече кійждо к' братѣ своему: ей, во грѣсѣхъ во есмь брата
ради нашего, аки презрѣхомъ скорѣнїе дѣшї егѡ, егда молѣ-
шеса намъ, и не послѣшахомъ егѡ: и сегѡ ради прїиде на ны
скорѣнїе сїе.
- кв Обѣщавъ же Рѣвїмъ, рече ѡмъ: не рѣхъ ли вамъ, глагола: не
пресвѣдите дѣтица; и не послѣшасте мене: и се кровь егѡ взы-
скѣется.
- кг Ты же не вѣдѣша, аки развѣстетъ Іусифъ: толмача во междѣ
ѡми вѣше.
- кд Обратїкся же ѡ нихъ, проплакаса Іусифъ: и паки прїиде к'
нимъ, и рече ѡмъ: и поа Ѣмеѡна ѡ нихъ, и сказа егѡ пред'
ними.
- ке Повелѣ же Іусифъ наполнити сосѣды ѡхъ пшеницы, и возвра-
тити сребро ѡхъ комѣждо во вѣтише свое, и дати ѡмъ брашно
на пѣта: и вѣста ѡмъ такъ.
- кс И возложивше пшеницѣ на бѣсы своѣ, ѡидѡша ѡтѣдѣ.

419. Иова гл. ѡю — ѡ. *

Или тѣи ѡвложилъ еси конѣ силу, и облѣкалъ же ли еси вѣю егѡ
в' страхъ; ѡвложилъ же ли еси егѡ всеорѣжїемъ, слѣвъ же персей егѡ
дѣрзостїю; Копытомъ копаа на поли играетъ, и исходитъ на поле
сѣ крѣпостїю: Орѣталъ стрѣлы посмѣлѣается, и не ѡвратїтся ѡ же-
лѣза. Над' нимъ играетъ лѣкъ и мѣчь, и гнѣвомъ потребитъ зѣмлю,
и не ѡматъ вѣры ѡти, дѡндеже кострѣвитъ трѣва. Трѣвѣ же кострѣ-
вившей глаголетъ: благоже: издалѣча же ѡвонѣетъ рѣтъ, со скака-
нїемъ и ржанїемъ. И твоєю ли хїтростїю стоїтъ ѡстрѣвъ, распро-
стѣръ крилѣ недвижима зра на югъ; Твоимъ же ли повелѣнїемъ коз-
носятся орѣла; не ѡсыта же на гнѣздѣ своемъ сѣдѣ вселѣется на кер-
сѣ камени и в' сокровѣнѣ; Тамъ же сѣи ѡцетъ брашна, издалѣча ѡчи
егѡ наблюдаютъ.

Извлечѣши ли смѣа оудицю, или ѡвложиши оудѣ ѡ ноздрѣхъ
егѡ. Или вѣжеши колацѣ в' ноздри егѡ; шиломъ же повертїши ли
оустнѣ егѡ; возглаголетъ же ли тѣ сѣ молѣнїемъ, (или) сѣ прошѣ-
нїемъ краткъ; сотворитъ же ли завѣтъ с' тобою; поймѣши же ли

ѣго раба вѣчна; понраѣши же ли съ нимъ, якоже со птицею, или
сважеши ѣго ꙗкѡ кравіа дѣтицѹ; всѧ плавающѧ соврашесѧ, не
подѣмѹтъ кожи ѣдиныа ѡшнѧ ѣго, и коравли рыбаей главы ѣго.

420. Псаломъ Ѧі.

Гдѣи, кто ѡвитаѣтъ к' жилици твоѣмъ; или кто вселѣтъ во
сѣдѣю горѣ твоѣю; ходѣи непороченъ, и дѣлаѣи правдѣ, глаголаѣи исти-
нѣ в' сѣрдцѣ своѣмъ. Нѣже не оулетѣи ꙗзыкомъ своѣмъ, и не сотвори
искреннемъ своѣмъ сла, и поношенїа не прїатъ на влїжнїа своѧ: оу-
ничїженъ ѣста пред' нимъ лѡкавнѣи, воцѣиашесѧ Гдѣа славитъ:
кленѣйсѧ искреннемъ своѣмъ, и не ѡметѣишесѧ: сревра своегѡ не даде
в' лихвѣ, и мзды на неповинныхъ не прїатъ. творѣи сїѧ не подви-
житсѧ во вѣкѣ.

421. Псаломъ ѡі.

Нѣсѧ повѣдаютъ славу Бжїю, творенїе же рѣкѣ ѣго возвѣщаѣтъ
тверда. Дѣна днѣи ѡрыгаѣтъ глѧ, и ноци ноци возвѣщаѣтъ разѡмъ.
Не сѡта рѣчи, ниже словеса, ѡхже не слышатсѧ гласи ѡхъ. Во
всю зѣмлю ѡзыде вѣщанїе ѡхъ, и в' концѣи вселенныа глаголы ѡхъ.
к' солнцѣ положи селенїе своѣ: и той ꙗкѡ женихъ ѡсходѣи ѡ чертога
своегѡ, возрадѡветсѧ ꙗкѡ ѡсполнѣи теци пѣла: ѡ краѧ нѣсе ѡсходѣ
ѣго, и срдѣтенїе ѣго до краѧ нѣсе: и нѣста ѡже оукрѣитсѧ теплотѣ
ѣго. Законъ Гдѣа непороченъ, ѡвращѣи дѡшы: свидѣтелѣство
Гдѣе вѣрно, оумѡдрѣюще младаици, ѡправданїа Гдѣа права, весе-
лїа сѣрдце: заповѣдѣ Гдѣа свѣтла, просвѣщающїа ѡчи. Страхъ
Гдѣа чїста, превывѣи в' вѣкѣ вѣка: сѡдѣи Гдѣи истинны, ѡправ-
данїа вкѡпѣ: вождѣлѣнны пѧче злата и камене чѣстна многа, и
слаждша пѧче меда и сѡта. Нѣко равъ твоѣи хранитъ ѧ: внигда сохрани-
ти ѧ воздаише много. Грѣхопадѣнїа кто разѡмѣетъ; ѡ тайныхъ
моихъ ѡчїсти ма, и ѡ чѡждїихъ пощади раба твоегѡ: ѡце не ѡвла-
даютъ мною, тогда непороченъ вѣдѣ, и ѡчищѣсѧ ѡ грѣха велика.
Нѣ вѣдѣтъ во влѧговолѣнїе словеса оуѣтъ моихъ, и побѣченїе срдѣца
моегѡ пред' твоѡю кѡишъ, Гдѣи помощнїче мой и избавителю мой.

422. Притчи Соломоновы.

ИЗЪ ВТОРОЙ ГЛАВЫ.

- а Оне, аще приимъ глагола моего заповѣди, скроеши к' себѣ,
б Послушаетъ премудрости твое оубо, и приложиши сердце твое к' разумъ: приложиши же е в' наказаніе сынъ твоёмъ.
г Аще во премудрости призовеши, и разумъ даси гласа твои, чество же взыцеша великимъ гласомъ:
д И аще взыцеша ел' такъ сребра, и такоже сокровища испытаеши ю:
е Тогда оубразумѣши страхъ Гдна, и познаніе Бже ѡбращеши:
з Яко Гда даеъ премудрость и ѡ лица егѡ познаніе и разумъ:
и И сокровищестуетъ исправляющимъ спасеніе, защищаетъ же шествое ихъ,
й Еже сохранити пѣти ѡправданій, и пѣта благоговѣнствующихъ егѡ сохранитъ.
ю Тогда оубразумѣши правдъ и сдѣ, и исправиши всѣ стези благіа.
ї Аще во приидетъ премудрость к' твою мисль, чество же твои дѣши добрѡ быти возмнитса,
аі Советъ добръ сохранитъ тѣ, помышленіе же преподѡбное соудетъ тѣ:
бі Да извакитъ тѣ ѡ пѣти слѡгѡ, и ѡ мѡжа глаголюща ничтоже вѣрно.
гі ѡ ѡставившии пѣти правыа, еже ходити в' пѣтѣхъ тмѡ!
ді ѡ веселѡииса ѡ слѡихъ, и радѡииса ѡ развращеніи слѣмъ!
еі Пуже стези стрѡпотни, и крива теченіа ихъ, еже далече тѣ сотворити ѡ пѣти правага,
си И чѡжда ѡ праведнагѡ разума, снѣ да тѣ не постигнетъ советъ слѡи,
зі ѡставаляющій оученіе ѡности, и заветъ Бжественнагѡ забывшии.
иі Постѡки во при смѣрти домъ свой, и при адѣ с' земными дѣланіа своа:
юі Вся ходѡиіи по немѡ не возвратѣтса, ниже постигнѣтъ стѣза правыхъ, ни во достигнѣтъ лѣтъ жизни.
к Аще во вѣша ходили в' стези благіа, ѡвѣли оубо вѣша стези

п ráвы глáдки. блáзи вѣдѣтъ жителѣи на землѣи, неслóбивѣи же
ѡстанѡтъ на нѣй:

ѡа Ёакѡ прáкѣи вселáтса на землѣи, ѣ преподóвнѣи ѡстанѡтъ на нѣй:

ѡб Пѡтѣе нечестѣивѣихъ ѡ землѣи погивѡтъ, прѣвѣззакóннѣи же ѣзрѣ-
нѡтса ѡ неá.

ИЗЪ ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЫ.

ѡг Блаженъ члвкъ, ѣже ѡвѣрѣте премѡдроста, ѣ смѣртенъ, ѣже
оувѣдѣт рáзвѣмъ.

ѡд Лѡчше во сѣю кѡповáти, нежели злáта ѣ сребрá сокрѡвища,

ѡе Честнѣиша же ѣста кáменѣи многоцѣннѣихъ: не сопротѣвляѣтса
ѣи ничтóже лѡкáво. благознáтна ѣста всѣмъ привлѣжáющимса
ѣи, всáко же честнóе недостóйно ѣá ѣста.

ѡз Долготá во житѣи ѣ лѣта жизни в' десницѣ ѣá, в' шѡицѣ же
ѣá вогáтство ѣ слáва: ѡ оуѣтѣ ѣá ѣсхóдитъ прáвдá, закóнъ же
ѣ милóста на лѡицѣ нóситъ.

ѡи Пѡтѣе ѣá пѡтѣе добри, ѣ всá стезѣи ѣá мирны:

ѡн Дрѣво животá ѣста всѣмъ держáщимса ѣá, ѣ вóскланяющимса
на нѡ, ѣакѡ на Гдá, твердá.

ѡо Бѣз премѡдростѣи ѡснокá зѣмлю, оуготóва же не весá рáзвѡмъ:

ѡк Бз члвктѣ ѣгѡ вѣзды рáзверзóшася, ѡкляцы же ѣсточѣиша рóсѡ.

ѡл Оне, да не преминѣши, совáюди же мóй совѣтѣ ѣ мýслá:

ѡм Да живá вѣдетъ дѡшá твоá, ѣ благодáтъ вѣдетъ на твоѣй вáи:
(вѣдетъ же ѣсцѣленѣе плóтемъ твоимъ, ѣ оуврáчевáнѣе костѣмъ
твоимъ).

ѡн Да хóдиши надѣася в' мирѣ во всѣхъ пѡтѣхъ твоихъ, ногá же
твоá не пóткнетса.

ѡо Аще во сáдѣши, вѣзвоáзненъ вѣдѣши, аще же поспѣиши, слá-
достнѡ поспѣиши:

ѡк П не оувóишися стрáха нашѣдшáгѡ, ниже оустрѣмленѣа нечестѣ-
ивѣихъ нахóдáщáгѡ:

ѡл Гдá во вѣдетъ на всѣхъ пѡтѣхъ твоихъ, ѣ оутвердѣтъ нóгѡ
твою, да не поползнѣишися.

ѡз Не ѡрецыся благотворѣити трѣвѣнцемъ, ѣгда ѣмáтъ рѡкá твоá
помогáти.

ѡи Не рцы: ѡшѣдз вóзвратѣся, ѣ зâтѣра дáмъ, силнѡ ти сѡщѡ влá-
готворѣити: не вѣси во чтó породѣтъ нахóдáщѣи дѣнь.

иі Пѣтіе же праведныхъ подобнѣ свѣчѣ свѣтатса: преходѣютъ и просвѣщѣютъ, дондеже исправитса дѣла.

иі Пѣтіе же нечестивыхъ тѣмни: не вѣдатъ, какѣ претѣкаютса.

к Оне, моймъ глаголомъ внимай; к' моймъ же словесемъ прилагай оухо твое.

ка Да не исквѣдѣютъ ти источницы твои, храни ѿ вѣ сердца твоема: кб Животъ ко сѣта всемъ шкрѣгающимъ ѿ, и всей плоти ихъ исцѣленіе.

кг Безцѣмъ храненіемъ клуди твое сердце: ѿ сѣхъ ко исхѣдница живота.

кд Омнѣ ѿ себе стрптивѣ оуста, и швидливы оустнѣ далече ѿ тебе ѿрнни.

ке Очи твоей правѣ да зрѣтъ, и вѣжди твоей да помаваютъ праведнаѣ.

кз Права теченіѣ твори твоими ногами; и пѣти твоѣ исправляй:

кз Не оуклониса ни на десно, ни на шве: ѿврати же ногѣ твою ѿ пѣти зла.

ки Пѣти ко деснѣи вѣста Гдѣ, развращеніе же сѣта, иже ѿшвю:

кю Той же права сотворитъ теченіѣ твоѣ, и хожденіѣ твоѣ к' мірѣ поспѣшитъ.

ИЗЪ ДЕСЯТОЙ ГЛАВЫ.

а Онъ премдрѣ беселитъ оца: снѣ же бездменъ печаль матери.

б Не полѣзвютъ сокрѣвица беззаконныхъ, правда же избавитъ ѿ смѣрти.

г Не оувѣетъ гладомъ Гдѣ дшш праведнѣю, животъ же нечестивыхъ низвратитъ.

д Ницѣта мѣжа смирѣетъ: рѣцѣ же мѣжественныхъ ѿбогачѣютса.

е Онъ наказанъ премдрѣ вѣдетъ, бездмный же слѣгомъ оупотребитса: спасетса ѿ зноѣ снѣ разумный, вѣротѣненъ же вывѣетъ на жѣтвѣ снѣ беззаконный.

з Благословеніе Гдѣне на главѣ праведнаѣ: оуста же нечестивыхъ покрѣетъ плача безвременный.

з Пѣматъ праведныхъ съ похвалами: има же нечестивыхъ оугаслетъ.

иі ѿ многословіѣ не извѣжнши грѣха: шадѣи же оустнѣ, раздменъ вѣдешн.

- к Оубрѣдѣ разжѣнное ѡзыкъ праведнаго: сердце же нечестиваго исчезнетъ.
- ка Оустнѣ праведныхъ вѣдаютъ высѡкаа: безвмнїи же в' сквдоности скончаваются.
- кв Благословенїе Гдѣ на главѣ праведнаго, сїе ѡвогациаетъ, и не имать приложитиса емѣ печала в' сердце.
- кг Смѣхомъ безвмный творитъ слал: премдрость же мѣжеви раждаетъ развмъ.
- кд Бз погїбели нечестивый ѡбноситса: желанїе же праведнаго прїлтно.
- ке Преходящїей вѣри, нечестивый исчезаетъ: праведный же оуклонївса спасаетса во вѣки.
- кз Іакоже грѣдїе зелѣное вѣдз збѣумъ, и дѣмъ очїма: такъ законопрестѣпленїе творящымъ є,
- кз Отрѣхъ Гдѣа прилагаетъ дни: лѣта же нечестивыхъ оумалатса.

ИЗЪ ГЛАВЫ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЙ.

- кн Не вѣди свидѣтеля лживъ на твоего гражданина, ниже пространїйса твоїма оустнама.
- кю Не рци: имже образомъ сотвори ми, сотвори емѣ, и ѡмциѣ емѣ, и мїже мѣ прѣвїдѣ.
- л Іакоже нїва мѣжз безвмный, и іакъ вїноградъ члвѣка сквдошмный:
- ла Аще ѡставиши єго, ѡпѣстѣетъ, и травюю порастетъ вѣса, и вѣдетъ ѡставленъ, ѡграды же каменные єгѡ раскопаются.
- лв Послѣдї азъ покаахса: воззрѣхъ и зврати наказанїе.
- лг Малю дремлю, малю же сплю, и малю ѡкѣмлю рѣкама перси.
- лд Аще же сїе твориши, прїдетъ прѣдїдѣци нищета твоѡ, и сквдота твоѡ іакъ влгъ течецъ.

423. Премудрости Иусеа сына Сирахова, гл. б.

- а Чадѡ, аще пристѣпаешї рабѡтати Гдѣви Бгѣ, оуготови дѣшѣ твою во исквшенїе:
- б Оуправи сердце твоѡ, и потерпи, и не скоръз вѣди во время наведенїа:
- г Прилѣписа емѣ, и не ѡстѣпи, да возрастѣши на послѣдокъ твої.

- а́ Все велико́ аще́ нанесено́ ти вѣдетъ, прїимѣ, и во измѣненїи смиренїа твоегѡ долготерпїи:
- б́ Иако во огнь иже сжигаетъ злато, и члвчцы прїятни к' пейїи смиренїа.
- в́ Вѣрѣи ѣмѡ, и застѣпитъ тѣ, и оуправи пѣтїи твоѡ, и оупокѡи нана.
- ѓ Болющїиса Гда, пождїте милости егѡ, и не оуклонїтеса, да не падѣте:
- д́ Болющїиса Гда, вѣрѣйте ѣмѡ, и не имате шпастїи мзда каша:
- е́ Болющїиса Гда, надѣйтеся на влагаа, и на веселїе вѣка и милости.
- ж́ Воззрїте на дрѣвїа рѡды, и видїте: кто вѣрѡва Гдѣви, и постыдѣся; или кто превїаетъ к' страхѣ егѡ, и оставїеса; или кто призвѣ егѡ, и презрѣ и;
- з́ Зане́ шедръ и милостивъ Гда, и оставялетъ грѣхї, и спасаѣтъ во время скорби.
- и́ Горѣ сердцама страшливкїма и рѡкама ославленнїма, и грѣшникѡ ходящїх на двѣ стезїи:
- ї́ Горѣ сѣрдцѡ ославленѡ, іако не вѣрѣетъ: сего ради покровено не вѣдетъ.
- ќ Горѣ камъ погѣвльшїма терпѣнїе: и что сотворїте, егда постѣтитъ Гда;
- л́ Болющїиса Гда не смнѣкаютъ ѡ глагольхѡ егѡ, и любащїи егѡ сохранѣтъ пѣтїи егѡ:
- м́ Болющїиса Гда поїцїѡтъ благоволенїа егѡ, и любащїи егѡ исполнатъ закона:
- н́ Болющїиса Гда оуготѡватъ сердца своѡ, и пред' нїма смиратъ дѡшї своѡ, (глаголюще):
- о́ Да впадѣма к' рѡцѣ Гдїни, а не к' рѡцѣ члвччески: іако во величество егѡ, тако и милоста егѡ.

ГЛАВА 5.

- а́ И вмѣстѡ дрѡга не вѡди врагѡ, и ма во лѡкаво стѡдѡ и поношенїе наследитъ: сїце грѣшникѡ двозыченъ.
- б́ Не возноси себе советѡма дѡшї твоеѡ, да не расхищена вѡдетъ аки ижеца дѡшѡ твоѡ:
- в́ Листвїе твое поаши, и плоды твоѡ погѣвиши, и оставиши себе іако древо сухо.

- д Дѣша лѣкава погвѣитъ сплѣвавшого ѿ, и порадованіе врагѹмъ сотворитъ єго.
- е Гортана сладокъ оумножитъ дръги своѣ, и ѣзыкъ dobroглаголикъ оумножитъ дшвры бестды.
- з Миротвѣнціи съ тобою да вѣдѣтъ мнози: совѣтницы же твои єдинъ ѿ тысащъ.
- з Аще стѣжеша дръга, во искѣшеніи стѣжи єго, и не скорѣ оувѣрша ємѣ.
- и Бѣта во дръгѣ во время своѣ, и не превѣдетъ во время скорби твоѣ.
- ю И бѣта дръга премѣнался во врага, и скаръ поношеніа твоѣю скрѣетъ.
- ї И бѣта дръгѣ ѻвциникъ трапѣзамъ и не превѣдетъ во время скорби твоѣ.
- аі И во влгихъ твоихъ вѣдетъ ꙗкоже ты, и на рабѣ твоѣ дерзнѣтъ.
- бі Аще смиренъ вѣдеша, вѣдетъ на тѣ, и ѿ лица твоѣю скрѣетъ.
- бі ѻ врагѹкъ твоихъ ѿлчѣса, и ѿ дръгѹкъ твоихъ внимай.
- ді Дръга вѣренъ, кровъ крѣпокъ: ѿвѣтѣй же єго ѿвѣтѣ сокровище.
- еі Дръгѣ вѣрнѣ нѣста ѣзмѣны, и нѣста мѣрила добротѣ єго.
- зі Дръга вѣренъ, врачеваніе житію, и воѣщѣса Гда ѿвѣрѣтѣ єго.
- зі Боѣщѣса Гда оуправлѣетъ дръжкѣ своѣ, ꙗкоже во самѣ, такъ и ѣскренній єго.

глава аі.

- а Премѣдростъ смиреннаго вознесѣтъ главѣ єго, и посреѣ белѣмѹжъ посадитъ єго.
- б Не похваля члѣвѣка въ красотѣ єго, и не вѣди ти мѣрзокъ члѣвѣкъ видѣнѣмъ своимъ.
- г Малѣ бѣта в' пернатыхъ пчелѣ, и начѣтокъ сладостей плодѣ єл.
- д Во ѿдѣланіи ризъ не похваляса, и в' денѣ славы не превозноса: ꙗкѣ дѣвна дѣла Гдна, и тайна дѣла єго пред' члѣвѣки.
- е Мнози мѣчители сѣдоша на землі, нечѣемый же оувѣзѣса вѣнцѣмъ.
- з Мнози силнѣи оукорѣни выша сѣлѣ, и славынѣи предани быша в' рѣки ѣнѣхъ.
- з Первѣе нѣже ѣспытѣеши не порицѣй, оуразѣмѣй прежде, и тогда запрѣцѣй.

- й Прѣжде нѣже оуслѣшиши, не ѡвѣщавай, и не влагайся в' средѣ
весе́ды.
- ю Ѡ ве́щи, ꙗ́же ти нѣста на потре́вѣ, не тажиса, и на сѣдѣ грѣш-
никѡвѣ не сѣдай.
- ї Чадо, дѣла́нїа твоѡ да не вѣдѣтъ ѡ мно́зѣ: ꙗ́ще оумно́жиши,
не вѣдеши непови́ненъ, и ꙗ́ще се го́ниши, не пости́гнеши, и не
оутече́ши вѣжа́ща.
- ѡи Ёсть трѣжда́йся и пота́са и тѣа́са, и толи́кѡ па́че лишáется.
- ѡи Ёсть сла́вѣ и трѣвѣ́ай застѣплѣнїа, лишáйся си́лы, и ницетѡ́ю
изѡбѣдетъ.
- ѡи И́ Очи Гдѣни призре́ста емѣ в' влага́а, и воздви́же и ѡ смире́нїа
егѡ, и вознесе́ главѣ́ егѡ, и дивѣ́шася ѡ́ немѣ́ мно́зи.
- ѡи Благо́а и сла́а, живѡ́тъ и сме́ртъа, ницетѡ́ и кога́тетко, ѡ́ Гдѣа
сѣтъ.

ГЛАВА ѡи.

- ѡи Чадо, над' мертвецѣ́мѣа исто́чї слѣзы, и ꙗ́коже слѣ́ стражда́щїа
начни пла́ча: и ꙗ́коже досто́итъ емѣ́, соскѣ́тай тѣ́ло егѡ, и не
прѣзри погребѣ́нїа егѡ.
- ѡи Го́рекѣ́ сотвори́ пла́чъ, и рыда́нїе́ теплѡ́, и сотвори́ сѣ́тованїе́,
ꙗ́коже емѣ́ досто́итъ, де́на е́динъ и два́ хѣ́ленїа́ ра́ди, и оутѣ́-
ши́са печа́ли ра́ди:
- ѡи Ѡ́ печа́ли ко сме́ртъа́ вѣва́етъ, и печа́ль се́рдечна́а сла́четъ крѣ́пость.
- ѡи Вѣ́а нанесѣ́нїи́ прека́иваетъ и печа́ль, и житї́е́ ница́гѡ в' се́рдцы.
- ѡи Не да́ждь в' печа́ль се́рдца́ твоегѡ́, ѡ́ста́ви ю́ поманѣ́вѣ́ послѣ́днна́а.
- ѡи Не завѣ́ди, нѣ́ста ко́ возвращѣ́нїа, и емѣ́ по́лззы не сотвори́ши,
и себѣ́ ѡ́сло́виши.
- ѡи Помани́ сѣ́дъ егѡ́, ꙗ́кѡ́ си́це и тво́й: ми́ѣ вче́ра, а́ тебѣ́́ днѣ́са.
- ѡи Вѣ́а покѡ́и мертвецѡ́а оупокѡ́й па́матъ егѡ́, и оутѣ́ши́са ѡ́ немѣ́
ко́ исхо́дѣ́ дѣ́а егѡ́.

ГЛАВА ѡа.

- ѡи Ѡ́ сме́ртъа, ко́ла гора́ка́ твоѡ́ ё́ста па́матъа́ члѣ́вѣ́кѡ́ ми́рнѡ́ ко́ имѣ́-
нїи́хъ сво́ихъ живѣ́щїѡ́,
- ѡи Мѣ́жеви не пекѣ́щїѡ́ и благополѣ́щїѡ́ ко́ вѣ́хъ, и ё́ще́ ко́змо-
га́ющїѡ́ прїа́ти пи́цѡ́.

- г **Ѡ** смёрте, добра сзда твѡй ѣста члвѣкѡ трѣвѡциемѡ, и оумалѡи-
цѡса крѣпостѡю,
 д **Б**з послѣдней старости сщцемѡ, и пекѡщѡса ѡ всѣхѡ, и невѣр-
ствѡицѡ, и погѡвѡицѡ терпѣнѡе.
 е **Н**е бойса сзда смёрти: помани пѣрваѡ твоѡ и послѣднѡѡ. сей бо
сзда **Ѡ** Гдѡ всѡкой плѡти:
 з **И** почтѡ Ѡмѣщѡсѡса благоколѣнѡ **В**ышнагѡ; ѡце дѣсѡтъ, ѡце
стѡ, ѡце тѣсѡца лѣтъ,
 з **Н**ѣста во ѡдѣ ѡвличѣнѡ живѡтѡ.

424. Пророка Иеремѡ гл. мѡ ст. г—кѡ.

Возмѡте оружѡе и цитѡи, и идѡте на бранѡ, ѡсѣдѡйте кѡни, и
всѣдѡйте всѡдники, и стѡните вѡ шлѣмѣхѡ вѡшихѡ, оустѡвите кѡ-
пѡи, и ѡвлекѡитѡса вѡ брѡнѡ вѡша. Чтѡ оубѡ видѣхѡ ихѡ страшнѡ-
выхѡ, и хрѡтѡи ѡвращѡицѡихѡ; крѣпциѡ ихѡ изкѡитѡ, повѣгѡша скѡ-
рѡ, и не ѡзрѣшѡса вспѡтъ, Ѡвсѡдѡ стрѡхѡ, глѣтъ Гдѡ. Не оутѡчѣтъ
лѣгкѡи, ниже возмѡжетѡ извѡвитѡса крѣпкѡи на полѡноцѡ: близ'
рѣкѡ **Е**вфратѡ повѣждѣни сѡтъ, и падѡша. Ктѡ ѣста тѡи, иже иѡкѡ
рѣкѡ восхѡдитѡ, и иѡкѡ рѣкѡ воздѡижѡтѡса волнѡи ѣгѡ; вѡды **Е**гѡпта
ѡки рѣкѡ взѡидѡтъ. и ѡки рѣкѡ восколѣблѡтѡса вѡды ѣгѡ, и рѣчѡ: взѡ-
дѡ, и покрѡиу зѣмлю, и погѡвлѡу градѡ, и живѡщѡиѡ вѡ нѣмѡ. Возсѡ-
дите на кѡни, и оустрѡйте колесницѡ, изѡидѡте силнѡи мѡрѡнѡстѡи, и
Лѡвѡне боорѡженѡиѡи цитѡѡи, и Лѡдѡне взѡидѡте налѡцѡицѡе лѡкѡ.
Дѣнѡ сей Гдѡ **Б**гѡ Вседержѡтѡла, дѣнѡ Ѡмѡцѣнѡѡ, да Ѡмѡститѡ вра-
гѡмѡ своѡмѡ: и пожрѣтъ ѡ мѣчѡ Гдѡнѡ, и насытитѡса, и оупѡетѡса
крѡвиѡ ихѡ, иѡкѡ жѣрткѡ Гдѡ Вседержѡтѡлѡу в' землѡ полѡноциѡнѡѡ,
близ' рѣкѡи **Е**вфратѡ. Взѡидѡ в' Гѡлаадѡ, и возмѡ ритѡнѡ дѣво дѡци
Егѡпетскѡ: все оумнѡжила ѣси врачѡвѡнѡ твоѡ, и цѣлѡбѡи нѣста
тебѣ. Оуслѡшѡша ѡзѡицѡи глѡсѡ, и плѡчѡ твоѡ напѡлни зѣмлю: иѡкѡ
силнѡи срѣтѡса сѡ силнѡмѡ, и Ѧва вкѡпѣ изнемогѡста, и падѡста.

425. Пророка Дѡниѡла гл. з.

- а **И** вѡста оугѡдно пред' црѣмѡ, и постѡки в' црѣствѣ кнѡзѡѡ сто
и двѡдѡсѡтъ, ѣже вѡитѡ иѡмѡ во всѣмѡ црѣствѣ ѣгѡ,
 б **Н**ад' ними же трѡ чѡнѡвѡники, Ѡ нихѡже вѣ Дѡниѡлѡ ѣдинѡ, дабѡ
Ѡдѡбѡли иѡмѡ кнѡзи слѡво, иѡкѡ да црѡ не стѡжѡютѡ.

- г. И вѣ Данїїлѣ надъ ними, ꙗкѡ дѡхъ бѡше прензобїленъ в' немѣ, и црѣ постаѣи егѡ надъ всѣмъ црѣтвомъ своїмъ.
- д. Чинѡвницы же и кнѣзи искахѡ винѣ ѡврътѣти на Данїїла: и всѣкѣа винѣ и совлѣзна и грѣхѡ не ѡврътѡша на него, ꙗкѡ вѣренъ бѡше.
- е. И рѣша чинѡвницы: не ѡвръщѣемъ на Данїїла винѣ, ꙗще не бѣ законѣхъ Бгѡ егѡ.
- ѕ. Тогда чинѡвницы и кнѣзи предѣташа црѣю, и рѣша емѡ: Дарїе црѣю, ко вѣки живїи.
- з. Овѣщѣаша вси ѡже в' царствѣ твоѣмъ коевѡды и кнѣзи, ѡпаты и ѡвладѣющїи странѡми, еже оустѡбити оустѡвѣ црѣкїи, и оукрѣпїти предѣла, ꙗкѡ ꙗще кто попрѡситъ прошенїа ѡ всѣкагѡ бога и члѣтка, до днѣи тридесѣти рѣзѣкѡ точїю ѡ тебе, црѣю, да бберженъ вѣдетъ к' рѡвѣ лѣвскїи.
- и. Нѣнѣ оубо, црѣю, оустѡѣи предѣла, и положи писанїе, ꙗкѡ да не измѣнитѣя заповѣда Мїдска и Персска, (да никтоже прѣстѣпитъ еѡ).
- ѡ. Тогда црѣ Дарїи повелѣ вписѣти заповѣда.
- ї. Данїїлѣ же егѡ оубѣдѣ, ꙗкѡ заповѣда вчинїса, внїде в' дѡмѣ своѡ: двѣрцы же ѡвѣрзѣты емѡ кз горницѣ егѡ прѡтивѣ Іерусалима, в' три же времена днѣ бѡше прѣкланѣа кулѣна своѡ, молѣса и исповѣдалса предъ Бгѡмъ своїмъ, ꙗкоже вѣ творѣи прѣжде.
- ѡи. Тогда мѡжи ѡнїи наблюдоша, и ѡврътѣоша Данїїла прѡсѣца и молѣцѣса Бгѡ своѣмъ.
- ѡи. И прїшѣдше рѣша предъ црѣмъ: црѣю, не вчинїлѣ ли еси ты предѣла, ꙗкѡ да всѣкъ члѣткъ, ѡже ꙗще попрѡситъ оу всѣкагѡ кѣа и члѣтка прошенїа, до тридесѣти днѣи, но точїю оу тебе, црѣю, да вѣржетѣя в' рѡвѣ лѣвскѣ; и речѣ црѣ: истинно слѡво, и заповѣда Мїдска и Персска не мимоїдетъ.
- ѡи. Тогда ѡвѣщѣаца предъ црѣмъ и глаголаша: Данїїлѣ, ѡже ѡ снѡвѣкѣ плѣна Іудѣйска, не покорїса заповѣди твоѣи, (и нерадѣ) ѡ предѣлѣ, егѡже вчинїлѣ еси, в' три во времена днѣ прѡситъ оу Бгѡ своѣгѡ прошенїи своїхъ.
- ѡи. Тогда црѣ, ꙗкѡ слѣшавѣ слѡво сїе, сѣклѡ ѡпечѣлїса ѡ немъ, и ѡ Данїїлѣ прѣшесѣ еже извѣбити егѡ, и кѣ даже до вѣчера прѣса еже извѣбити егѡ.

- ѳі Тогда мъжи Онѣи глаголаша црѣю: вѣжда црѣю, ꙗкѡ Мидомъ и Персомъ не лѣта еста премѣнити ксакаго предѣла и оустѣака, егѡже црѣ оустѣакитъ,
- ѳі Тогда црѣ рече, и приведоша Данїила, и ввергоша егѡ в' рѡкъ лѣвекъ. и рече црѣ Данїилъ: Бгѣ твоѣи, емѡже ты слѡжиши прїеню, той извѣвитъ тѣ.
- ѳі И принесоша камена едїнъ, и козложиша на оустѣе рѣа, и запечатѣа црѣ перстнемъ своѣмъ, и перстнемъ велмѡужъ своѣхъ, да не измѣнитса дѣанїе ѡ Данїилѣ.
- ѳі И ѡиде црѣ в' дома свой, и лѣже вез' кѣчери, и ѣди не кнесоша к' немѡ: и сонъ ѡстѣпи ѡ негѡ. и заклочїи Бгѣ оустѣа лѣкѡмъ, и не стѡжиша Данїилъ.
- ѳі Тогда црѣ востѣавъ заутра на свѣтѣ, и со тїранїемъ прїиде ко рѣѡ лѣвекъ.
- ѳі И егда привлїжиса ко рѣѡ, возопїи гласомъ крѣпкимъ: Данїиле, рѣвѣ Бгѣ вѣшнаго, Бгѣ твоѣи, емѡже ты слѡжиши прїеню, козможѣ ли извѣвити тѣ из' оустѣа лѣвѡвѣхъ;
- ѳа И рече Данїилъ црѣви: црѣю, ко вѣки живїи.
- ѳа Бгѣ мой посла Аггѣа своегѡ, и затвори оустѣа лѣвѣкъ, и не врѣдїша менѣ, ꙗкѡ ѡврѣтесѣа предъ нимъ правда моѡ, и пред' тобою, црѣю, согрѣшенїа не сотворихъ,
- ѳа Тогда црѣ велми возвеселїса ѡ немъ, и рече Данїила известїи из' рѣа, и изведенъ вѣста Данїилъ из' рѣа, *) и ксакаго тѣлнїа не ѡврѣтесѣа на немъ, ꙗкѡ вѣрока в' Бгѣа своегѡ.
- ѳа И рече црѣ, и приведоша мъжи ѡклеветѣвшыа Данїила, и в' рѡкъ лѣвекъ ввергоша ѡ, и сїны ѣхъ, и женѣи ѣхъ: и не доидоша дна рѣа, даже соидолѣша ѣмъ лѣвѣи, и всѣа кѣсти ѣхъ истончїша.
- ѳа Тогда Дарїїи црѣ написа всѣмъ людемъ, племенѡмъ, ѣзыкомъ, живѡщымъ во всѣй землї: мїръ вѣмъ да оумножитса.
- ѳа Ѣ лица моегѡ заповѣдасѣа заповѣдѣ сїа во всѣй землї црѣтѣа моегѡ, да вѣдѡтъ трѣпѣщїце и воѡщесѣа ѡ лица Бгѣа Данїилова, ꙗкѡ той еста Бгѣ живѣи и превѣкаїи ко вѣки, и црѣтѣа егѡ не разсѣплетса, и власта егѡ до концѣа.
- ѳа Подѣмлетъ и извѣлѣетъ, и творитъ знаменїа и чудеса на нѣбесїи и на землї, ѣже извѣви Данїила ѡ оустѣа лѣвѡвѣхъ.

*) И ни едїнаго врѣда.

ки Данїїла же оуправлѣше в' црѣствѣ Дарїевѣ, и в' црѣствѣ Кѹра Персина.

426. Еванг. Матѣ. гл. аї ст. ẽ — аї.

ẽ Іѡаннѣ же слышавѣ ко оузилицѣ дѣла Хр҃гова, посла два ѡ оученикѣ своихѣ.

҃ Рече емѣ: тѣ ли еси градїи, или инѡгѡ чаемѣ;

д И ѡвѣщавѣ Іисѣ рече имѣ: шедше возвѣстите Іѡаннови, ꙗже слышите и видите:

ẽ Олѣпїи прозираютѣ, и хроми ходятѣ, прокаженїи очищаютѣся, и гдси слышатѣ: мертви востанутѣ, и нищїи блговѣстѣвуютѣ:

ѕ И блженѣ еста, иже аце не совлазнитеѣ ѡ мнѣ.

з Тѣмѣ же исходѣщимѣ, начатѣ Іисѣ народѡмѣ глати ѡ Іѡаннѣ: чesѡ изыдѣсте в' пѣстыню видѣти; трѡста ли вѣтромѣ колеблемѣ;

и Но чesѡ изыдѣсте видѣти; члѣвка ли в' мѣгки рїзы ѡблеченна; сѣ, иже мѣгка носѣщїи, вѣ домѣхѣ цр҃кихѣ сѣтѣ.

ю Но чesѡ изыдѣсте видѣти; пррѡка ли; еи глѡ вамѣ, и лишше пррѡка.

ї Сїи ко еста, ѡ немѣже еста писано: сѣ азѣ посылаю Анг҃ла моего пред' лицѣмѣ твоимѣ, иже оуготовитѣ пѣтѣ твої предѣ твою.

аї Амїна глаголю вамѣ, не воста вѣ рожденныхѣ женами болии Іѡанна кр҃титела: мнїи же ко цр҃тѣи нѣнѣмѣ, болии егѡ еста.

427. Еванг. Луки. гл. ẽ ст. кѣ — лѣ.

кѣ Вѣ члѣкѣ ко Іерлїмѣ, емѣже има Оумелїнѣ: и члѣкѣ сїи праведенѣ и блгочестївѣ, члѣ оутѣхи Іилевї: и Дх҃ вѣ сѣтѣ в' немѣ.

кѕ И вѣ емѣ ѡвѣщанно Дх҃омѣ сѣимѣ, не видѣти смѣрти, прежде даже не видитѣ Хр҃та Г҃дна.

кз И прїиде Дх҃омѣ в' цѣрковь: и егда введѣста родїтеля Отрочѣ Іисѣ, сотворїти има по ѡбичаю законномѣ ѡ немѣ,

ки И той прїемѣ егѡ на рѣкѣ своєю, и блгослови Б҃га, и рече:

кю Нынѣ ѡпѣщѣеши раба твоегѡ, Вл҃ко, по глаголѣ твоемѣ, с' мїромѣ.

кѣ Икѡ видѣстѣ Очи мой спасенїе твое,

ла Еже еси оуготовалѣ пред' лицѣмѣ всѣхѣ людї:

кѵ Свѣтѣ ко ѡкровенїе ꙗзыкомѣ, и славл людїи твоимѣ Іїла:

VIII. РОДИНА, ОТЕЧЕСТВО.

428. О землѣ и находящихся на ней государствахъ, особенно русскомъ.

Ты живешь въ селѣ; а въ томъ селѣ и избы и церковь Божія, и при селѣ пашни и луга и всякія угодыя. Ты знаешь, что не одно твое село на Руси, а есть и другія села; а кромѣ селъ есть еще и города, уѣздныя, губернскіе и столицы. Все же вмѣстѣ называется Русскимъ царствомъ. Но надобно знать, что какъ ни велико Русское государство, а за нимъ есть еще и другія, большія и малыя царства, въ которыхъ также есть и пашни, и угодыя, и села, и города. Всѣ царства вмѣстѣ составляютъ то, что называется *землею*.

А земля и все, что есть на землѣ, и все небо съ солнцемъ, мѣсяцемъ и звѣздами называется *міромъ*.

Земля, на которой мы живемъ, хотя и кажется плоскою, но въ самомъ дѣлѣ она есть огромнѣйшій шаръ. Были люди, которые объѣзжали землю кругомъ, т. е. поѣхали съ одного мѣста все прямо, не поворачивая ни направо, ни налево, и пріѣхали опять на то же мѣсто. А всего пути ихъ было 37,590 верстъ. Объѣхать же нельзя было бы, если бы земля не была кругла, словно яблоко или шаръ.

Земной шаръ состоитъ изъ твердой земли. Эта земля съ начала была покрыта всею водою; но теперь третья часть земной поверхности стала сушею, а двѣ трети земли все еще покрыты водою, т. е. великимъ океаномъ и морями.

Твердую землю раздѣляютъ на пять частей свѣта; онѣ называются такъ: *Европа, Азія, Африка, Америка и Океанія*.

За 350 лѣтъ знали у насъ только Европу, Азію и Африку. Потому эти три части свѣта называются старымъ свѣтомъ. Америка и Океанія называются новымъ свѣтомъ.

Среди трехъ частей стараго свѣта стоитъ море Средиземное; на сѣверъ или на полночь отъ него Европа, гдѣ и мы живемъ; на востокъ Азія, на полдень Африка, а на западъ Великій западный океанъ, за которымъ Америка сама по себѣ на другой сторонѣ земного шара. Пониже Азіи, на Южномъ океанѣ, лежитъ Океанія.

Больше всѣхъ частей свѣта Азія и Америка; Африка почти третью частію меньше Азіи, а Европа втрое меньше Азіи и одинаковой величины съ Океаніей.

Въ этихъ пяти частяхъ свѣта многое множество различныхъ государствъ и народовъ, говорящихъ разными языками. Но не въ примѣръ больше всѣхъ наше отечество.

Русское государство занимаетъ слишкомъ восьмую часть всей земли: почти половину Европы, больше третьей части Азіи и часть Америки. У Россіи въ Европѣ: 3.430.000, въ Азіи 125.930.000, въ Америкѣ 1.127.000, а всего 130.487.000 квадратныхъ верстъ.

Границы у Русскаго царства на сѣверъ или на полночь — Сѣверный

океанъ или Ледовитое море, отъ котораго отдѣляется особое Бѣлое море, гдѣ стоитъ Соловецкій монастырь, славный угодниками Божиими.

Восточную границу Россіи составляетъ Восточный океанъ или Тихое море, за которымъ лежатъ владѣнія Россіи въ Америкѣ, откуда привозятъ дорогіе бобровые мѣха.

На полуденной или южной границѣ лежитъ Китайское государство, откуда идетъ къ намъ чай; поближе къ намъ лежитъ съ начала Туркистанъ, гдѣ живутъ Бухарцы и Хивинцы, которые привозятъ къ намъ халаты. Еще поближе лежатъ Каспійское море и Персія или Персидское государство, у котораго мы завоевали Армянскую область съ высокою горою Араратомъ.

Рядомъ съ Персією, на нашей же границѣ, лежитъ Турція и Черное море, большая половина котораго принадлежитъ намъ. Черезъ Черное море ѣздить въ Царьградъ, а тамъ и въ Иерусалимъ на поклоненіе Гробу Господню. Отъ Чернаго моря отдѣляется внутрь государства море Азовское, на берегу котораго стоитъ городъ Таганрогъ, откуда идетъ много пшеницы за море.

На западной границѣ у насъ лежитъ Австрія и Пруссія, гдѣ живетъ народъ все больше нѣмецкій.

На западъ же лежитъ у насъ Балтійское море и по ту сторону его — Шведское королевство.

Въ отечествѣ нашемъ земля больше все плоская; но есть и горы. Подалше отъ Петербурга на сѣверъ есть горы, которыя называются Финляндскими, потому что проходятъ по великому княжеству Финляндскому. Онѣ всѣ больше изъ твердаго камня — гранита, изъ котораго сдѣланъ памятникъ императору Александру Благословенному въ Петербургѣ и нижняя часть памятника въ Москвѣ Мину и Пожарскому. Въ Финляндскихъ горахъ есть однако и мраморъ, изъ котораго построены въ Петербургѣ Исакиевскій соборъ. Между Финляндскими горами много большихъ озеръ, въ которыхъ ловится много рыбы.

На сѣверѣ же Россіи, между Петербургомъ и Москвою, лежатъ горы Валдайскія; онѣ хоть и не высоки, однако изъ нихъ вытекаетъ много рѣкъ, и самыхъ большихъ: Волга, Днѣпръ и Западная Двина.

На самомъ полуденномъ концѣ Русскаго государства, на берегу Чернаго моря, лежатъ Крымскія горы; онѣ называются также Таврическими горами; по ту и сю сторону ихъ растетъ много винограда, но лучшій по ту сторону, къ морю, потому что тамъ теплѣе.

Отъ Таврическихъ горъ какъ пойдешь на востокъ и переѣдешь Черное море, такъ и упрешься въ Кавказскія горы. Онѣ очень высоки, и потому въ самые сильные жары снѣгъ не таетъ на ихъ верхушкахъ.

Кавказскія горы идутъ отъ Чернаго моря до Каспійскаго; а отъ Каспійскаго моря прямо на сѣверъ до самаго Сѣвернаго океана идутъ горы Уральскія. Онѣ гораздо ниже Кавказскихъ горъ; но въ нихъ много желѣза, мѣди, серебра и золота; и потому на Уральскихъ горахъ устроено много разныхъ рудокопныхъ заводовъ.

За Уральскими горами лежитъ Азіятская Россія или Сибирь, которую завоевалъ казакъ Ермакъ Тимофеевъ въ 1581 году послѣ Рождества Христова, стало быть за 280 лѣтъ до насъ.

Въ Сибири на полуденной сторонѣ есть также высокія горы, покрытыя снѣгомъ; онѣ называются Алтайскими и богаты золотомъ и серебромъ. Изъ Алтайскихъ горъ вытекаетъ много рѣкъ, которыя всѣ текутъ по Сибири, отъ полудня на полночь, въ Ледовитое море. Самая большая Сибирская рѣка — Лена; она течетъ безъ малаго 4.000 верстъ. Потомъ поближе сюда

океанъ или Ледовитое море, отъ котораго отдѣляется особое Бѣлое море, гдѣ стоитъ Соловецкій монастырь, славный угодниками Божиими.

Восточную границу Россіи составляетъ Восточный океанъ или Тихое море, за которымъ лежатъ владѣнія Россіи въ Америкѣ, откуда привозятъ дорогіе бобровые мѣха.

На полуденной или южной границѣ лежитъ Китайское государство, откуда идетъ къ намъ чай; поближе къ намъ лежитъ съ начала Туркистанъ, гдѣ живутъ Бухарцы и Хивинцы, которые привозятъ къ намъ халаты. Еще поближе лежатъ Каспійское море и Персія или Персидское государство, у котораго мы завоевали Армянскую область съ высокою горюю Араратомъ.

Рядомъ съ Персією, на нашей же границѣ, лежитъ Турція и Черное море, бѣольшая половина котораго принадлежитъ намъ. Черезъ Черное море ѣздить въ Царьградъ, а тамъ и въ Иерусалимъ на поклоненіе Гробу Господню. Отъ Чернаго моря отдѣляется внутрь государства море Азовское, на берегу котораго стоитъ городъ Таганрогъ, откуда идетъ много пшеницы за море.

На западной границѣ у насъ лежитъ Австрія и Пруссія, гдѣ живетъ народъ все больше нѣмецкій.

На западъ же лежитъ у насъ Балтійское море и по ту сторону его — Шведское королевство.

Въ отечествѣ нашемъ земля больше все плоская; но есть и горы. Подальше отъ Петербурга на сѣверъ есть горы, которыя называются Финляндскими, потому что проходятъ по великому княжеству Финляндскому. Онѣ всѣ больше изъ твердаго камня — гранита, изъ котораго сдѣланъ памятникъ императору Александру Благословенному въ Петербургѣ и нижняя часть памятника въ Москвѣ Мину и Пожарскому. Въ Финляндскихъ горахъ есть однако и мраморъ, изъ котораго построенъ въ Петербургѣ Исакиевскій соборъ. Между Финляндскими горами много большихъ озеръ, въ которыхъ ловится много рыбы.

На сѣверѣ же Россіи, между Петербургомъ и Москвою, лежатъ горы Валдайскія; онѣ хоть и не высоки, однако изъ нихъ вытекаетъ много рѣкъ, и самыхъ большихъ: Волга, Днѣпръ и Западная Двина.

На самомъ полуденномъ концѣ Русскаго государства, на берегу Чернаго моря, лежатъ Крымскія горы; онѣ называются также Таврическими горами; по ту и сю сторону ихъ растетъ много винограда, но лучшій по ту сторону, къ морю, потому что тамъ теплѣе.

Отъ Таврическихъ горъ какъ пойдешь на востокъ и переѣдешь Черное море, такъ и упруешься въ Кавказскія горы. Онѣ очень высоки, и потому въ самые сильные жары снѣгъ не таетъ на ихъ верхушкахъ.

Кавказскія горы идутъ отъ Чернаго моря до Каспійскаго; а отъ Каспійскаго моря прямо на сѣверъ до самаго Сѣвернаго океана идутъ горы Уральскія. Онѣ гораздо ниже Кавказскихъ горъ; но въ нихъ много желѣза, мѣди, серебра и золота; и потому на Уральскихъ горахъ устроено много разныхъ рудокопныхъ заводовъ.

За Уральскими горами лежитъ Азіятская Россія или Сибирь, которую завоевалъ казакъ Ермакъ Тимофеевъ въ 1581 году послѣ Рождества Христова, стало быть за 280 лѣтъ до насъ.

Въ Сибири на полуденной сторонѣ есть также высокія горы, покрытыя снѣгомъ; онѣ называются Алтайскими и богаты золотомъ и серебромъ. Изъ Алтайскихъ горъ вытекаетъ много рѣкъ, которыя всѣ текутъ по Сибири, отъ полудня на полночь, въ Ледовитое море. Самая большая Сибирская рѣка — Лена; она течетъ безъ малаго 4.000 верстъ. Потомъ поближе сюда

сперва течетъ рѣка Енисей, на которой стоятъ города Енисейскъ и Красноярскъ; затѣмъ рѣка Обь, а еще поближе рѣка Иртышъ, которая впадаетъ въ Обь. На Иртышѣ стоятъ города Омскъ и Тобольскъ; въ этой рѣкѣ утонулъ Ермакъ Тимофеевъ, завоеватель Сибири.

Въ Европейской Россіи рѣкъ и рѣчекъ много множество: изъ нихъ такихъ, по которымъ плаваютъ суда съ товаромъ и сплавляютъ лѣсъ да дрова, считается до 200.

Но самая главная и большая рѣка есть Волга. Всего она течетъ безъ мала 3.500 верстъ и впадаетъ въ Каспійское море.

На ней стоятъ губернскіе города: Тверь, Ярославль, Кострома, Нижній Новгородъ, Казань, Симбирскъ, Саратовъ, Самара и Астрахань, которая стоитъ почти на концѣ Волги, недалеко отъ Каспійскаго моря, и торгуетъ красною рыбою и персидскими товарами.

На Волгѣ, кромѣ губернскихъ городовъ, стоятъ многія уѣздные города, и всѣ торговые. Изъ нихъ самый богатый есть Рыбинскъ, торгующій на многіе милліоны рублей хлѣбомъ.

Въ Волгу втекаетъ много судоходныхъ рѣкъ; но самыя главныя двѣ: справа Ока, слева Кама. На рѣкѣ Окѣ стоятъ губернскіе города: Орелъ, Калуга, Рязань и Нижній Новгородъ; въ Нижнемъ течетъ также и Волга и бываетъ славная ярмарка, на которую привозятъ товаровъ со всѣхъ концовъ Русскаго царства на 50 милліоновъ рублей серебромъ. Рѣка Кама течетъ отъ Уральскихъ горъ, и пониже Казани впадаетъ въ Волгу; на Камѣ стоитъ одинъ только губернскій городъ—Пермь. По Камѣ идетъ много жезла и мѣди въ Нижній на ярмарку.

Изъ Уральскихъ же горъ идетъ рѣка Уралъ и впадаетъ въ Каспійское море. На Уралѣ стоитъ городъ Оренбургъ, а на низу живутъ Уральскіе казаки; дальше же за Уралъ рѣку, на востокъ, живутъ Киргизы: народъ кочевой, домовъ у нихъ нѣтъ; они зимою и лѣтомъ живутъ въ юртахъ изъ войлока.

Почти въ томъ же мѣстѣ, гдѣ выходитъ рѣка Ока въ Орловской губерніи, въ Тульской начинается рѣка Донъ и течетъ на полдень въ Азовское море, которое само течетъ въ Черное море. Близъ Дона стоитъ губернскій городъ Воронежъ, а ниже начинается Земля Войска Донскаго. Донцы живутъ по обѣимъ сторонамъ Дона; у нихъ главный городъ Новочеркасскъ.

Днѣпръ начинается неподалеку отъ Волги и течетъ въ Черное море. Самый главный городъ на Днѣпрѣ есть Кіевъ, съ пещерами и мощами Св. Угодниковъ. Пovyше Кіева, на Днѣпрѣ, стоятъ губернскіе города Могилевъ и Смоленскъ, который въ 1812 году разорили Французы. Пониже Кіева, на Днѣпрѣ же, стоитъ губернскій городъ Екатеринославъ, построенный въ честь императрицы Екатерины II. За Екатеринославомъ начинаются на Днѣпрѣ каменные пороги, которые мѣшаютъ баркамъ и плотамъ ходить внизъ; плаваютъ же по нимъ безопасно только весною въ половодье. На концѣ Днѣпра, почти у самаго Чернаго моря, стоитъ городъ Херсонъ, построенный императрицею Екатериною II; изъ Херсона водою ходятъ въ городъ Одессу, который стоитъ самъ по себѣ на берегу Чернаго моря. Въ Одессѣ нѣтъ никакой рѣки, а гордъ большой, торговый; прїѣзжаетъ много всякаго иностраннаго народа, все больше моремъ. Между Херсономъ и Одессою стоитъ городъ Николаевъ, гдѣ строятся военные корабли. Въ Николаевѣ идетъ рѣка Бугъ. Бугъ чѣмъ выше отъ города, тѣмъ мельче, и судового хода по немъ почти не бываетъ.

Подальше отъ Одессы въ Черное же море впадаетъ рѣка Днѣстръ, которая къ намъ идетъ изъ Австріи.

Мы все говорили о рѣкахъ, которыя текутъ больше на полдень; а еще есть много, которыя текутъ и на полночь—либо въ Балтійское море, либо въ Бѣлое и Ледовитое.

Въ Балтійское море течетъ рѣка Висла, на которой стоитъ городъ Варшава; по близости течетъ рѣка Нѣманъ, на которой губернскіе города Гродно и Ковно.

Самая большая рѣка, которая впадаетъ въ Балтійское море, есть рѣка Западная Двина; она начинается неподалеку отъ Волги, изъ Валдайскихъ горъ, и течетъ мимо губернскихъ городовъ Витебска и Риги. Рига городъ большой и торговый; ведетъ торгъ больше съ Нѣмцами лѣсомъ, хлѣбомъ, пенькою и льномъ.

Въ Балтійское же море впадаетъ рѣка Нева, на которой, какъ извѣстно, стоитъ городъ Петербургъ, столица Русскаго царства.

Рѣка Нева не длинна, всего 60 верстъ, но широка и глубока, и воды въ ней всегда много, отъ того что она течетъ изъ большого Ладожскаго озера.

Въ Ладожское озеро впадаютъ много рѣкъ; но самыя большія двѣ: Волховъ, идущій изъ озера Ильменя, и Свирь, которая идетъ изъ озера Онеги. Онежское озеро и Ильмень также большія озера, но меньше Ладожскаго.

Почти у самаго Ильменя озера, на рѣкѣ Волховѣ, стоитъ городъ Новгородъ.

На Онежскомъ озерѣ стоитъ городъ Петрозаводскъ, гдѣ императоръ Петръ I своими руками ковалъ желѣзо, и гдѣ теперь лютъ пушки. — Изъ Новгорода и Петрозаводска можно проѣхать прямо водою чрезъ Ладожское озеро въ Неву, и потомъ въ Петербургъ.

Ладожское озеро очень бурливо; отъ того Петръ Великій и велѣлъ вокругъ него, отъ Невы до Волхова, вырыть каналъ, который идетъ на 109 верстъ и называется Ладожскимъ.

Самая главная рѣка, текущая въ Бѣлое море, есть Сѣверная Двина; на ней стоитъ городъ Холмогоры, гдѣ славный холмогорскій скотъ, и городъ Архангельскъ, куда на корабляхъ пріѣзжаетъ за хлѣбомъ и лѣсомъ разный иностранный народъ, а больше Англичане.

* 429. Шѣсеня о городахъ.

Много въ свѣтѣ разныхъ царствъ, странъ, земель и государствъ, и во всякой есть землицѣ главный городъ или столица. А у насъ-то ихъ два: *Петербургъ* да *Москва*; въ Петербургѣ Нева межъ гранитомъ бѣжитъ, а старушка Москва на Москвѣ же стоитъ.

Франція — земля утѣхъ, гдѣ мѣшаютъ съ дѣломъ смѣхъ; тамъ *Парижъ* веселый, умный — главный городъ, очень шумный.

Въ Англии, друзья, живетъ все промышленный народъ; городъ *Лондонъ* тамъ столицей, всѣхъ морей слыветъ царницей.

Да и Лондонъ не одинъ: *Единбургъ* тамъ есть, *Дублинъ*: Единбургъ-то у Шотландцевъ, Дублинъ — городъ у Ирландцевъ.

Перейдемте ближе къ намъ, ближе къ сѣвернымъ странамъ; Шведы — намъ народъ сосѣдній, тамъ *Стокгольмъ* съ *Упсалою* древней.

Данія чуть-чуть южнѣй, *Копенгагенъ* городъ въ ней; близко — Прусская граница: въ Пруссіи *Берлинъ* столица.

Вотъ Голландія, и тамъ главный городъ *Амстердамъ*; *Брюссель* городъ у Бельгійцевъ, *Віenna* то же у Австрійцевъ.

Вотъ Швейцарія — страна, горъ огромнѣйшихъ полна; много есть тамъ мѣстъ отличныхъ, городовъ же нѣтъ столичныхъ.

Апельсинный лѣсъ шумитъ: это югъ; тамъ есть *Мадридъ*, главный городъ у Испанцевъ; *Лиссабонъ* — у Португальцевъ.

А Италія! она — благодатная страна; тамъ есть *Римъ*; въ немъ храмъ чудесный, свѣту пѣлому извѣстный.

Римъ въ Италіи не одинъ: тамъ *Неаполь* есть, *Туринъ*, есть *Флоренція* въ Тосканѣ; знаютъ всё и о *Миланѣ*.

До Турецкой мы земли наконецъ теперь дошли; городъ тамъ *Константинополь*, да еще *Адрианополь*.

Да, на свѣтѣ много царствъ, странъ, земель и государствъ, и во всякой есть землицѣ главный городъ или столица. Миръ, любовь всемъ странамъ! Люди все — братья намъ! Весь хорошъ Божій свѣтъ, но милѣй для насъ нѣтъ нашей Руси родной: наша жизнь — ей одной!

430. Печорскій край.

Печорскій край заключается между Ледовитымъ океаномъ, Уральскими горами, Камой и Вычегдой. Это огромное пространство, заключающее въ себѣ самыя разнообразныя богатства, пространство мало населенное и мало извѣстное, обратило на себя въ послѣднее время особенное вниманіе. Намъ поражаютъ здѣсь прежде всего непроходимыя лѣса, которые истребляются пожарами, рубятся жителями безъ всякой бережливости, нерѣдко только для удобнѣйшаго сбора кедровыхъ шишекъ, — и которыхъ все еще чрезмѣрно много! Лѣса эти наполнены всякаго рода звѣрами и птицами. Большая часть дорогихъ мховъ, въ которые мы кутаемся, привозятся отсюда. Дичь, цѣнящаяся у насъ иногда очень дорого, водится тамъ и ловится въ огромномъ количествѣ. Также много здѣсь рыбы въ озерахъ и рѣкахъ; прекрасныя семги, вкусныя сиги достаются почти даромъ. Въ океанѣ огромными стадами разгуливаютъ тюлени, моржи, а часто встрѣчаются и киты.

Сѣверная часть этого края состоитъ изъ необозримыхъ тундръ, по которымъ пасутся многочисленныя стада оленей и кочуютъ полудикіе Самоѣды. Бѣдная жизнь этихъ людей въ ихъ жалкихъ чумахъ, ихъ нравы, обычаи, религія, ихъ занятія представляютъ не менѣе особенностей и интереса. Жители Печорскаго края состоятъ изъ Русскихъ, Зырянъ и Самоѣдовъ. Главныя занятія ихъ состоятъ въ звѣроловствѣ, рыболовствѣ и оленеводствѣ. Дремучіе лѣса сдѣлали ихъ отличными охотниками, рѣка и море — хорошими рыбопромышленниками и отважными мореходами, а огромныя тундры, своимъ мохомъ доставляющія оленямъ круглый годъ прекрасный кормъ, — опытными оленеводцами.

Пустынная страна эта, въ которой часто на разстояніи 300 верстъ не попадается ни одной деревушки, лишена путей сообщенія и правильно устроенныхъ дорогъ; только по рѣкамъ сообщаются жители на лодкахъ и не большихъ суденышкахъ. Путешествіе по этой странѣ представляетъ бездну затрудненій: надобно пробиваться своими средствами, пѣшкомъ, верхомъ, на лодкѣ, гдѣ какъ удобнѣе. Самый удобный путь — водный, и тотъ сопряженъ

со многими неудобствами: по верховьямъ рѣчекъ разбросаны часто огромные камни, образующіе пороги, грозящіе заплеснуть или разбить лодку.

Въ южной части края жители бѣдны, питаются по большей части толченой осиновой корой съ молокомъ или рыбой, если она есть. Огромное количество бѣлокъ, которыхъ они настрѣливаютъ, не доставляетъ имъ достаточнаго дохода, потому что продается, за не имѣніемъ дорогъ, по очень дешевой цѣнѣ, а хлѣбъ по той же причинѣ очень дорогъ.

Зима здѣсь долгая; настоящее лѣто продолжается мѣсяца 2½, въ теченіе которыхъ солнце почти не скрывается за горизонтомъ.

431. Кола.

Кола—самый сѣверный городъ въ Европейской Россіи. Онъ лежитъ въ Архангельской губерніи, въ пятидесяти верстахъ отъ Сѣвернаго океана, при слияніи рѣкъ Колы и Туломы.

Климатъ Колы по мѣстоположенію еще довольно умѣренный. Зима наступаетъ въ началѣ Октября и продолжается до половины Апрѣля. Въ продолженіе всей зимы сѣверныя сіянія составляютъ здѣсь обыкновенное явленіе. Въ концѣ Апрѣля рѣки Кола и Тулома вскрываются ото льда. Въ этихъ рѣкахъ по два раза въ сутки бываетъ приливъ и отливъ съ моря. Во время отлива вода дѣлается почти негодною для употребленія, а по отливѣ принимаетъ прежній вкусъ. Съ начала Іюня и до половины Августа продолжается лѣто и называется межоннымъ временемъ, какъ короткій промежутокъ между весной и осенью. Въ Колѣ солнце не восходитъ на горизонтъ съ половины Ноября по исходъ Декабря, и тогда только около полудня показывается заря на небѣ, а ночи озаряются яркою луною и сѣвернымъ сіяніемъ; лѣтомъ же солнце не скрывается за горизонтъ въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ.

Почва земли здѣсь каменистая, и жители не сѣютъ хлѣба, который не успѣлъ бы созрѣть по краткости лѣта. Сѣнокосныхъ луговъ здѣсь тоже почти нѣтъ. Для коровъ и лошадей закупаютъ кормъ въ другихъ мѣстахъ, и держатъ ихъ въ весьма маломъ количествѣ. Такъ въ 1855 году въ Колѣ было 5 лошадей, 32 головы рогатаго скота и 40 овецъ. Главное занятіе Колянъ — рыбная ловля въ рѣкахъ. Впрочемъ они участвуютъ съ жителями окрестныхъ странъ и въ дальнихъ морскихъ рыбныхъ и звѣринныхъ промыслахъ. Жителей въ Колѣ считается 432 человекъ.

432. Кивачъ.

Два года тому назадъ, проѣзжая Олонецкую губернію, я посѣтилъ знаменитый водопадъ Кивачъ. Онъ находится въ 68 верстахъ отъ города Петрозаводска. Дорога отъ этого города къ водопаду прелестна: множество деревень, густые лѣса и обширные луга—ежеминутно встрѣчаются. Въ 40 верстахъ отъ Петрозаводска находится Кончезерскій чугуноплавильный заводъ, построенный императоромъ Петромъ Великимъ въ 1707 году; отличный чугунъ, выплавляемый здѣсь, доставляется въ С. Петербургъ для издѣлій Александровскаго завода. Отсюда проѣзжая далѣе 9 верстъ, немного въ сторонѣ отъ большой дороги, встрѣчаются вамъ такъ называемыя двор-

цовыя минеральныя воды. Въ царствованіе императора Петра Великаго и Императрицы Екатерины II воды эти славились цѣлительными своими свойствами: изъ многихъ губерній пріѣзжали больные и здѣсь лѣчились, а нынѣ, съ открытіемъ кавказскихъ и другихъ минеральныхъ водъ, ихъ весьма рѣдко посѣщаютъ. Противъ самыхъ минеральныхъ водъ стоятъ развалины четырехъ небольшихъ деревянныхъ дворцовъ, построенныхъ императоромъ Петромъ Великимъ; этотъ монархъ очень часто жилъ здѣсь со всѣмъ дворомъ своимъ и принималъ иностранныхъ посланниковъ. Здѣсь же находится небольшая деревянная церковь во имя св. апостоловъ Петра и Павла.

Одинъ изъ здѣшнихъ жителей показывалъ мнѣ посаженные здѣсь императоромъ Петромъ Великимъ двѣ березы—одну, названную въ честь этого монарха—Петровскою, а другую въ честь имени супруги его—Екатерининскою. Великій примѣръ для подданныхъ! Императоръ Петръ 1-й, не смотря на свое величіе, трудился какъ простой работникъ. Онъ показалъ этимъ, что трудъ дѣлаетъ честь не только простому гражданину, но даже и великому государю. Далѣе, въ верстѣ отъ минеральныхъ водъ, стоитъ прекрасная, живописная деревенька Воронова; отсюда до Кивача надо плыть водою, потому что дорога сухимъ путемъ до водопада весною затруднительна и опасна. Въ небольшой, но спокойной лодочкѣ я и еще одинъ военный офицеръ поплыли къ Кивачу. Рѣка Суна, по которой мы плыли, живописно изгибаясь по пустыннымъ, но красивымъ берегамъ Карелии, съ шумомъ разбѣгается у деревни Моховой, находящейся въ двухъ верстахъ отъ Кивача, и потомъ, заключенная между двумя горами, бросается съ трескомъ и визгомъ въ огромную, наполненную большими камнями лощину, и образуетъ собою картину ужасную, великолѣпную,—это Кивачъ! Шумъ водопада столь силенъ, что вы не можете разслушать ни одного слова, хотя бы вамъ кричали со всею силою на ухо.

Бросьте по теченію какое угодно огромное бревно—вода разломаетъ его въ мелкія щепы и выброситъ на берегъ верстахъ въ двухъ ниже водопада. Рассказываютъ, что во время отдаленной древности Литовцы вели войну съ Россією; шайка первыхъ напала на одну русскую деревню близъ Кивача и, захвативъ нѣсколько мужиковъ въ плѣнъ, поплыла съ ними по Сунѣ. Крестьяне, зная опасность приближенія своего къ Кивачу, въ трехъ верстахъ отъ водопада бросились въ рѣку и выплыли на берегъ. Литовцы же, ничего не зная, продолжали плыть, и, достигши Кивача, всѣ погибли въ шумящихъ волнахъ его.

Окрестности Кивача прелестны: по обѣимъ сторонамъ его стоятъ большіе лѣса, наполненные всякаго рода звѣрями и птицами. Медвѣди, волки, лисицы и зайцы водятся здѣсь во множествѣ; изъ птицъ же куропатки, рябчики, тетери и глухари летаютъ стадами. Русскіе промышленники покупаютъ ихъ битыхъ тысячами и привозятъ къ намъ въ Петербургъ. Крестьяне Олонецкой губерніи—народъ трудолюбивый и честный. Мнѣ случилось видѣть ихъ житье-бытье. Не смотря на бѣдность и неплодородіе земли, большая часть изъ нихъ живутъ порядочно; войдите въ хижину ихъ—во всемъ видны чистота и опрятность; всякая вещь лежитъ на своемъ мѣстѣ; хозяйка не валяется, какъ лѣнивцы, праздно на полатяхъ, а всегда что нибудь работаютъ; даже дѣти ихъ имѣютъ всегда какое нибудь занятіе: плетутъ лапти, щеплютъ лучину, бьютъ масло и проч. За то они хотя не богаты, но живутъ безъ нужды.

433. Эльтонское озеро.

Эльтонское озеро находится на луговой сторонѣ Волги, въ Астраханской губерніи, Царевскомъ уѣздѣ. Оно имѣетъ видъ нѣсколько продолговатый, въ длину 20, въ ширину 16 верстъ. Въ озеро впадаетъ восемь небольшихъ рѣчекъ, но изъ него не выходитъ ни одного источника. Въ жаркое лѣто эти рѣчки пересыхаютъ, или имѣютъ слабое теченіе; зимою же, при самыхъ жестокихъ морозахъ, не замерзаютъ. Вода въ нихъ теплая, на вкусъ соленая, горьковатая.

При озерѣ находится нѣсколько казенныхъ зданій: православная церковь, дома для священника, смотрителя, магазины для складовъ соли и проч.

Дно Эльтонскаго озера покрыто солью въ такомъ изобиліи, что ею можно снабжать весь міръ; но ее берутъ только, по мѣрѣ надобности, на небольшомъ пространствѣ. Вода озера заключаетъ въ себѣ чрезмѣрное множество соляныхъ частицъ, съ примѣсью щелочныхъ веществъ, и называется рапою или тузлукомъ. Она отличается такою ослѣпительною бѣлизною, что при солнечномъ сіяніи на нее нельзя смотрѣть безъ боли для глазъ, особенно же слабыхъ. Рапою покрыта большая часть озера, а все прочее имѣетъ отвердѣлую толщу соли, которой дна доселѣ не могли достать. Если вѣрять рассказамъ, то раскапывали будто бы на 30 сажень, и чѣмъ глубже копали, тѣмъ соль оказывалась чище и столь крѣпкою, что желѣзные ломы откакивали.

Глубина рапы на озерѣ различная: весною въ аршинѣ, среди же лѣта, когда озеро испаряется отъ жаровъ, доходитъ до четверти аршина. По этой жидкости плаваютъ работники на досчаникахъ и гребутъ изъ-подъ рапы особыми лопатами соль, которую складываютъ на свои продолговатыя лодки. Соль, которую они берутъ, есть самая чистая: она образуется ежегодно отъ осадка рапы.

Добытую изъ озера соль рабочіе привозятъ къ берегу и складываютъ въ продолговатыя скирды, гдѣ она остается до тѣхъ поръ, пока достаточно просохнетъ, а потомъ уже складывается въ запасные магазины. Въ Эльтонскомъ озерѣ ежегодно добывается до 1.000.000 пудовъ отличной соли.

Такъ какъ всякая соль образуется кристалльными слоями, то можно приготовить изъ нея разныя вещи. Сдѣланную какую нибудь вещь изъ дерева, напримѣръ крестъ, чашу, или тому подобное, кладутъ въ рапу и оставляютъ тамъ на двѣ или на три недѣли: положенная такимъ образомъ вещь окристаллизовывается, а самое вещество превращается въ соль. Окристаллизованныя вещи портятся только въ сырую погоду.

Почва около Эльтонскаго озера солонцоватая и глинистая; послѣдняя очень вязкая и весьма удобная къ выдѣлыванію кирпича. Въ окрестностяхъ растетъ весьма тошная трава, которая, по мѣрѣ углубленія въ степь, дѣлается лучшею, каковою появляется не ближе двадцати пяти-верстного разстоянія.

434. Чудское озеро.

Прекрасно озеро Чудское,
Когда надъ нимъ свѣтило дня
Изъ синихъ водъ, какъ шаръ огня,

Встаётъ въ торжественномъ покоѣ:

Его красой озарена,
Цвѣтами радуги играя,
Лежитъ равнина водяная,
Необозрима и пышна;
Прохлада утрення вѣтъ,
Едва колыхнутся лѣса,
Какъ блестяки золота свѣтлѣтъ
Ихъ переливная роса;
У пробудившагося берега
Стоять, готовые для бѣга,
И тихо плещутъ паруса;
На лодку мрежи собирая,
Рыбакъ взываетъ и поетъ,
И пѣсня русская, живая,
Разносится по глади водъ.

Прекрасно озеро Чудское,
Когда блистательнымъ столбомъ
Свѣтило искрится ночное
Въ его кристаллѣ голубомъ:
Какъ тѣнь, отброшенная тучей,
Вдоль искривленныхъ береговъ,
Чернѣютъ образы лѣсовъ,
И кое-гдѣ огонь пловучій
Горитъ на челнахъ рыбаковъ; —
Безмолвна синяя пучина,
Въ дубровахъ мракъ и тишина,
Небесъ далекая равнина
Сіянья мирнаго полна;
Лишь изрѣдка, съ богатымъ ловомъ
Подъемля сѣти изъ воды,
Рыбакъ живить веселымъ словомъ
Своихъ товарищей труды;
Или путемъ дугообразнымъ
Съ небесныхъ падая высотъ,
Звѣзда надъ озеромъ блеснетъ,
Огнемъ разсыплется алмазнымъ
И въ отдаленіи пропадетъ.

Н. Лыковъ.

435. Финляндія.

Здѣсь повсюду земля кажетъ видъ опустошенія и безплодія, повсюду мрачна и угрюма. Здѣсь лѣто продолжается не болѣе шести недѣль, бури и непогоды царствуютъ въ теченіе девяти мѣсяцевъ, осень ужасная, и самая весна нерѣдко принимаетъ видъ мрачной осени; куда не обратишь взоры, вездѣ, вездѣ встрѣчаешь или воды, или камни. Здѣсь глубокія длинныя озера омываютъ волнами утесы гранитныя, на которыхъ вѣтеръ съ шумомъ качаетъ сосновыя роши; тамъ цѣлыя развалины древнихъ гранитныхъ горъ, обрушенныхъ подземнымъ огнемъ, или разлитіемъ океана. Въ концѣ Апрѣ-

ля начинается весна; — снѣгъ таетъ поспѣшно, и источники, образованные имъ на горахъ, съ шумомъ и пѣною низвергаются въ озера, которыя, посредствомъ явнаго или подземнаго соединенія съ Ботническимъ заливомъ, несутъ ему обильную дань снѣга. Если озеро тихо, то высокіе, пирамидальныя утесы, по берегамъ стоящіе, начертываются длинными полосами въ зеркалѣ водъ. — На нихъ-то хищныя птицы вьютъ свои гнѣзда и, по древнему преданію Скандинавовъ, въ часы пасмурнаго вечера вызываютъ крикомъ своимъ бурю — изъ тайной глубины пещеръ. Вѣтеръ повѣялъ съ сѣвера, и поверхность соннаго озера пробудилась какъ отъ сна!.. Видишь ли, какъ она пѣнится? Слышишь ли, съ какимъ глухимъ и протяжнымъ шумомъ разбивается о гранитныя, неподвижныя скалы, которыя нѣсколько вѣковъ презираютъ порывъ бурь и ярость волнъ? Сосѣдніе лѣса повторяютъ голосъ бури, и вся природа является въ ужасномъ разстройствѣ. Сія мрачныя явленія напоминаютъ мнѣ мрачную мифологію Скандинавовъ, которымъ Божество являлось почти всегда въ гнѣвѣ, карающимъ слабое человѣчество.

Лѣса Финляндскіе непроходимы; они растутъ на камняхъ. Вѣчное безмолвіе, вѣчный мракъ въ нихъ обитаетъ. Деревья, сокрушенныя временемъ, или дуновеніемъ бури, заграждаютъ путь предприимчивому охотнику. Въ сей ужасной и бесплодной пустынѣ, въ сихъ пространныхъ верстахъ, путникъ слышитъ только рѣзкій крикъ плотоядной птицы, завыванія волка, ищущаго добычи, паденіе скалы, низвергнутой рукою всеокрушающаго времени, или ревъ источника, образованнаго снѣгомъ, который стрѣлою протекаетъ по каменному дну между скалъ гранитныхъ, быстро преодолагаетъ всѣ препятствія и увлекаетъ въ теченіи своемъ деревья и огромныя камни. Вокругъ него пустыня и безмолвіе! — Посмотри далѣ: огонь небесный, или неутомимая рука пахаря зажгли сей боръ; опаленныя сосны, исторгнутыя изъ утробы земной съ глубокими корнями; обожженныя скалы; дымъ, восходящій густымъ, чернымъ облакомъ отъ сего огня: все это образуетъ картину столь дикую, столь мрачную, что путешественникъ невольно содрогается и спѣшитъ отдохнуть взорами или на ближнемъ озерѣ, которое величественно дремлетъ въ отлогихъ берегахъ своихъ, или на зеленой полянѣ, гдѣ волъ жуеетъ сочную и густую траву, орошенную водами источника.

Какіе народы въ древности населяли землю сію? Гдѣ признаки ихъ бытія? Гдѣ слѣды ихъ? Время все изгладило; или сіи сыны дикихъ лѣсовъ не ознаменовали себя никакимъ подвигомъ, и исторія, начертавшая малѣйшія событія странъ полуденныхъ и восточныхъ, молчитъ о народахъ сѣвера? Но существовали народы сіи — угрюмые, непобѣдимые сыны первобытной природы, или изгнанники изъ странъ счастливѣйшихъ: они населяли сіи пещеры, питались млекою звѣрей и полагали предѣломъ блаженства удачу на охотѣ, или побѣду надъ врагомъ, изъ черепа котораго (страшное воспоминаніе!) пили кровь и славили свое могущество. Когда зима покрывала рѣки льдами, сыпала иней и снѣга, тогда дикіе чада лѣсовъ выходили изъ логовищъ своихъ и пролагали путь по морямъ Гиперборейскимъ къ новымъ пустынямъ, къ новымъ лѣсамъ. Вооруженные сѣкирою и палицею, они идутъ войной на стада пустынныхъ чудовищъ; ихъ мчатъ быстрые олени; ихъ несутъ лыжи по равнинамъ снѣжнымъ; они сражаются, побѣждаютъ и учреждаютъ кровавую трапезу! Томимые голодомъ, нуждою, исполненные мужества, рѣшимости, презирая равно и жизнь и смерть, не знаютъ опасности; въ звѣрскомъ изступленіи наполняютъ крикомъ лѣса — и эхо повторяетъ гласъ ихъ въ пространной пустынѣ. — Но сіи пустыни, сіи вертепы, сіи непроходимыя лѣса, въ среднихъ вѣкахъ повторяли голосъ Скальда. И здѣсь поэзія разыграла цвѣты свои, она смягчила нравы, укротила звѣрство

и утѣшила страждущее человѣчество своими волшебными пѣснями о богахъ, о герояхъ, о лучшемъ мѣрѣ и о прекрасной будущей жизни. Разныя племена народовъ собрались во едино, составили селенія на берегахъ сего залива. Мало по малу и самая природа приняла другой видъ, не столь суровый и дикій.

Батюшковъ.

436. Вазуза и Волга.

Волга съ Вазузой долго спорили, кто изъ нихъ умнѣе, сильнѣе и достойнѣе большаго почета. Спорили, спорили, другъ друга не переспорили, и рѣшились вотъ на какое дѣло: «Давай вмѣстѣ ляжемъ спать, а кто прежде встанетъ и скорѣе придетъ къ морю Хвалынскому, та изъ насъ и умнѣе, и сильнѣе и почету достойнѣе.» Легла Волга спать, легла и Вазуза. Да ночью встала Вазуза потихоньку, убѣжала отъ Волги, выбрала себѣ дорогу и прамѣе и ближе, и потекла. — Проснувшись, Волга пошла ни тихо, ни скоро, а какъ слѣдуетъ; въ Зубцовѣ догнала Вазузу, да такъ грозно, что Вазуза испугалась, назвалась меньшою сестрою и просила Волгу принять ее къ себѣ на руки и снести въ море Хвалынское. — А все-таки Вазуза весною раньше просыпается и будитъ Волгу отъ зимняго сна.

437. Сожъ и Днѣпръ.

Быль, жилъ слѣпой старикъ Двина; у него было два сына: старшій — Сожъ, младшій Днѣпръ. Сожъ былъ буйнаго нрава, таскался по лѣсамъ, горамъ и полямъ; а Днѣпръ отличался кротостію, сидѣлъ все дома и былъ любимцемъ матери. Сожа не было дома, когда мать обманомъ заставила старика отца благословить на старѣйшинство младшаго сына. Двина благословилъ его: «разлейся, мой сынъ, рѣкою широкою и глубокою, протекай города, омывай села безъ счету до моря; твой братъ да будетъ тебѣ слугою. Богатѣй и тучнѣй до конца вѣковъ!» Днѣпръ разлился рѣкою по тучнымъ дугамъ и дремучимъ лѣсамъ; а Сожъ на третій день воротился домой и сталъ жаловаться. «Если хочешь повелѣвать братомъ, сказалъ ему отецъ, бѣги скорѣе скрытыми путями, непроходимыми, темными лѣсами, и если обгонишь брата — то онъ послужитъ тебѣ.» Сожъ пустился въ погоню мѣстами непроходимыми, размывалъ болота, прорѣзывалъ овраги и рвалъ корни дубовъ. Днѣпру сказалъ о томъ ястребъ, и онъ прибавилъ бѣгу, прорѣзывая высокія горы, чтобы не сворачивать въ бокъ. А Сожъ уговорилъ ворона летѣть прямо къ Днѣпру, и только что обгонитъ его хоть на шагъ — каркнуть три раза; самъ же нырнулъ подъ землю, разсчитывая выскочить на верхъ по крику ворона и такимъ образомъ опередить брата. Но ястребъ напалъ на ворона; воронъ закаркалъ прежде, нежели опередилъ рѣку Днѣпръ. Сожъ выскочилъ изъ-подъ земли и—со всего размаху впалъ въ Днѣпръ.

438. Самарскія степи.

Самара лежитъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Волга круто поворачиваетъ вправо, гдѣ ея теченіе принимаетъ направленіе отъ востока къ западу. Прой-

да въ этомъ направленіи около 110 верстъ, Волга поворачиваетъ возлѣ Сызрани прямо на югъ и течетъ дальше къ Хвалынску, Вольску и Саратову.

На этомъ пространствѣ нагорный берегъ Волги богатъ деревьями, построенными во многихъ мѣстахъ не дальше какъ на сто сажень отъ рѣки, часто на скатѣ горы, иногда на вершинахъ тамошнихъ живописныхъ горъ, извѣстныхъ подъ именемъ Жегулевскихъ.

Лѣвый берегъ — луговой или низменный, съ перваго взгляда кажется совершенно пустыннымъ: на немъ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ни одной деревушки, ни одного дома ближе десяти верстъ отъ Волги; потому что во время половодья Волга покрываетъ всѣ низменные мѣста вплоть до степи. Эта полоса, отъ пяти до десяти верстъ и болѣе въ ширину и много сотенъ верстъ въ длину, покрыта необыкновенно сочными поемными лугами. Трава по поясъ взрослому человѣку, густая, мягкая; идешь по ней — ноги путаются, а ляжешь отдохнуть — сердце радуется. А кругомъ свистъ, гулъ и трескотня безчисленныхъ насѣкомыхъ: тамъ посвистываетъ перепелка, здѣсь трещить коростель; вотъ онъ подходитъ ближе, ближе, вотъ ужъ затрещалъ у васъ надъ самымъ ухомъ и вдругъ, увидя васъ, притихъ, и только слышно, какъ онъ, убѣгая въ испугъ, шелеститъ мягкой травой.

Но поемные луга не вездѣ сплошные. Во многихъ мѣстахъ есть углубленія, въ которыхъ остается вода, и тутъ образуются длинныя озера, поросшія непроходимо частымъ ивовымъ кустарникомъ. Во многихъ мѣстахъ Волга пускаетъ отъ себя длинныя рукава въ сторону; обыкновенно эти воложки или маленькія волги довольно мелки; многіе протоки можно переѣзжать въ бродъ, другіе гораздо глубже, и надо хорошо знать мѣстность, чтобы, переѣзжая, не утопить въ воложкѣ лошадей. Вездѣ берега покрыты очень частыми кустами, сажени въ полторы или двѣ вышиною, и очень рѣдко попадаются между ними тамъ одна, а тамъ двѣ, три старыя узловатныя ивы. Въ немногихъ мѣстахъ есть длинныя возвышенія, покрытыя лѣсомъ, называемыя *травы*. Воздухъ надъ поемными лугами или займищами оживленъ безчисленнымъ множествомъ чаекъ и мартышекъ, которыя иногда цѣлыми стаями выютъ надъ воложками и озерами, отнимаютъ одна отъ другой пойманную рыбу, кричатъ, стремглавъ падаютъ одна за другою въ воду, вслѣдъ за упавшею добычей; потомъ опять поднимаются, крутятся въ воздухѣ тѣснымъ клубомъ и вдругъ, когда которой нибудь удастся наконецъ проглотить рыбу, всѣ спокойно разлетаются въ разныя стороны. Только одна которая нибудь, можетъ быть, самая обиженная, изрѣдка покрикиваетъ сердито и жалобно.

На воложкахъ и озерахъ водится множество дикихъ утокъ, которыя тамъ вовсе не дики. Охотникъ спокойно подходитъ къ нимъ на полвыстрѣла, даетъ имъ отплыть и, когда онѣ удобно расположатся, стрѣляетъ въ самую гущу стада. Мѣстами изъ кустарника быстро взлетаетъ огромный сѣбно-бѣлый пелеканъ; а тамъ, на ужающей высотѣ, распластавъ крылья, величественно плаваетъ въ воздухѣ беркутъ, бѣлоголовый орелъ.

Тамъ, гдѣ кончаются поймы, куда ужъ не заходитъ вода Волги въ весенній разливъ, начинаются степи — еще богаче, еще великолѣпнѣе займищъ. Въ степи воздухъ несравненно суше, и трава хоть не такая густая и сочная, какъ на поемныхъ лугахъ, за то цвѣтовъ тамъ гораздо больше. Волга въ иной годъ долго не сходитъ; такъ покаместъ поймы еще мокнутъ подъ водой, степь давно ужъ разцвѣла; тамъ утки выжидаютъ еще, чтобы изъ воды выглянули *сырты* и *травы*, а тутъ перепелки выводятъ птенцовъ и немолчнымъ крикомъ своимъ день и ночь наполняютъ воздухъ. Никакіе

драгоценные ароматы в многоцветных скляночках не сравнятся с благоуханием наших степей, и всякая человеческая музыка уступить в звучности и разнообразии чудному вечернему их говору.

Много раз мне случалось странствовать по степи. Вези меня, ящикъ, только не по большой пыльной дорогѣ, а по заросшей травой тропѣ, дальше, дальше все въ степь! Коня мчатся все вихремъ, дорога глаже всякаго шоссе, степь раскрывается въ обѣ стороны шире и шире, и охватываетъ меня своими мощными объятиями. Вотъ сибгурка, прехорошенькая птичка, бѣгаетъ по дорогѣ и суетливо что-то подбираетъ; вотъ лошади почти наѣхали на нее; она быстро вспорхнула и перенеслась шаговъ на сто впередъ и торопится подобрать свой кормъ на дорогѣ, а тамъ опять изъ-подъ ногъ лошадей вспархиваетъ и летитъ дальше. Вотъ въ двухъ шагахъ отъ дороги сидитъ пеголица съ тоненькимъ прелестнымъ хохолкомъ и вѣжливо даетъ проѣхать тройкѣ. Вотъ пронеслись дружною семьей и въ одинъ мигъ обогнали быстрыхъ лошадей горлицы. Вотъ поднимается изъ травы, распутивъ свой красивый хвостъ, дикій голубь или вихирь; а тамъ надъ стадомъ овецъ носится и перелетаетъ стая скворцовъ въ нѣсколько сотъ; а перепелки, никогда не показываясь изъ травы, на каждомъ шагу встречаютъ и провожаютъ проѣзжаго своимъ свистомъ. Быстро мчится *тарантасъ*; а проѣзжий, спокойно покачиваясь на его длинныхъ дрогахъ, едва успѣваетъ слѣдить глазами за мелькающимъ ковылемъ, за кустами дикой вишни, за голубыми и малиновыми цвѣточками.

Но вотъ въ сторонѣ, на небольшомъ *сырту* или на возвышеніи, множество мельницъ; подъѣзжаемъ ближе—село. Дома большіе, крѣпкіе. Земля здѣсь добрая, хорошо родитъ пшеницу и щедро вознаграждаетъ трудъ пахаря. Каждый крестьянинъ держитъ лошадей десять, иной и двадцать; есть такіе, у которыхъ и по сорока и по пятидесяти лошадей.

Но вотъ деревня промелькнула, и проѣзжий опять погружается въ безграничную степь. И, кажется, что тутъ хорошаго? Ни деревца нигдѣ, ни кустика, все равнина, да равнина, и конца ей не видно; но въ этой безконечности, при быстрой и продолжительной ѣздѣ, и есть что-то обаятельное, чарующее, отъ чего голова кружится.

439. Кавказъ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ сибгами у края стремнины:
Орель, съ отдаленной подъявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отселѣ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.
Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной,
Сквозь нихъ, низвергаясь, шумятъ водопады,
Подъ ними утесовъ нагія громады;
Тамъ ниже мохъ тощій, кустарникъ сухой;
А тамъ уже роци, зеленяя сѣни,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.
А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ,
И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,
И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,

Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ брегахъ,
И пищій паѣздникъ таясь въ ущелья,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельи;
Играетъ и воеетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной,
И бьется о берегъ въ враждѣ безполезной,
И лижетъ утесы голодной волной...
Вотще! нѣтъ ни пищи ему, ни отрады:
Тѣснять его грозно нѣмыя громады.

Пушкинъ.

440. Грузія.

Мгновенный переходъ отъ грознаго Кавказа къ миловидной Грузіи восхитителенъ. Воздухъ юга вдругъ начинаетъ повѣвать на путешественника.

Съ высоты Гуть-горы открывается Кайшаурская долина съ ея обитаемыми скалами, съ ея садами, съ ея свѣтлой Арагвой, извивающейся какъ серебряная лента, и все это въ уменьшенномъ видѣ, на днѣ трехверстной пропасти, по которой идетъ опасная дорога.

Мы спускались въ долину. Молодой мѣсяцъ показался на ясномъ небѣ. Вечерній воздухъ былъ тихъ и тепелъ. Я ночевалъ на берегу Арагвы, въ домѣ Г. Ч. На другой день я разстался съ любезнымъ хозяиномъ и отправился далѣе.

Здѣсь начинается Грузія. Свѣтлыя долины, орошаемыя веселой Арагвою, смѣнили мрачныя ущелья и грозный Терекъ. Въмѣсто голыхъ утесовъ, я видѣлъ около себя зеленныя горы и плодоносныя деревья. Водопроводы доказывали присутствіе образованности. Одинъ изъ нихъ поразилъ меня совершенствомъ оптическаго обмана: вода, кажется, имѣетъ свое теченіе по орѣ снизу вверхъ.

Пушкинъ.

441. Каспійское море.

Вгляните на востокъ: тамъ вдали, въ глубинѣ, между синью неба и дали, видите ли вы, какъ яснѣетъ полоса оживленнаго серебра? Это Каспійское море. Но кто скажетъ, гдѣ граница горъ съ моремъ, гдѣ кончаются горы и начинается море? Вотъ оно, — эта гармонія, слышимая одной душѣ, сливающая въ одинъ ладъ, въ одинъ блескъ и земное и небесное. Вотъ радуга прекраснаго, возникающая какъ листъ между міромъ и Богомъ.

Любуюсь вновь и вновь.... Прекрасно! До того прекрасно, что невольныя слезы навертываются на глазахъ. Солнце вровень со мною, словно горящій корабль, плыветъ въ яхонтовомъ океанѣ воздуха, прыщетъ, пышитъ лучами, льетъ позолоту свѣта, наводитъ чернъ тѣней на далекіе волнистые хребты. Изъ-за нихъ кой-гдѣ пробивается молодая зелень полей, а по ней узорно вьются ручьи и рѣчки, и вся эта картина улыбается вамъ изъ мрачныхъ рамъ ущелья, жива, ярка, блестяща, какъ вѣшній сонъ юности, недоступна и далека, какъ потерянный край Эдема. Лучами и кругами расходятся отъ меня горы, возникаютъ, выглядываютъ другъ изъ-за друга то иззубренныя дождями, то пробитыя на вылетъ трещинами, индѣ чернѣя дре-

мучимъ лѣсомъ, тамъ красуюсь полосами снѣговъ, или разсыпаясь въ холмы, которые какъ эмиры въ зеленыхъ чалмахъ сидятъ подъ тѣнію палатъ падишаха міра.

442. Москва.

Городъ чудный, городъ древній,
Ты вмѣстилъ въ свои концы
И посады и деревни,
И палаты и дворцы!

Опоясанъ лентой пашень,
Весь пестрѣешь ты въ садахъ;
Сколько храмовъ, сколько башенъ
На семи твоихъ холмахъ!

Исполинскою рукою
Ты, какъ хартіи, развить;
И надъ малою рѣкою
Сталъ великъ и знаменитъ!

На твоихъ церквахъ старинныхъ
Вырастаютъ деревья;
Глазъ не схватить улицъ длинныхъ...
Это—матушка Москва.

Кто, силачъ, возьметъ въ охапку
Холмъ Кремля—богатыря?
Кто собьетъ златую шапку
У Ивана звонаря?

Кто царь-колоколь подниметъ?
Кто царь-пушку повернетъ?
Шляпы кто, гордецъ, не сниметъ
У святыхъ въ Кремль воротъ?...

Ты не гнула крѣпкой выи
Въ бѣдовой своей судьбѣ,
Развѣ пасынки Россіи
Не поклонятся тебѣ!

Ты, какъ мученикъ, горѣла,
Бѣлокаменная!
И рѣка въ тебѣ кипѣла
Бурнопламенная!

И подъ пепломъ ты лежала
Полоненною,
И изъ пепла ты возстала
Неизмѣнною!...

Провѣтай же славой вѣчной,
Городъ храмовъ и палатъ!
Градъ срединный, градъ сердечный,
Коренной Россіи градъ!

Ө. Глинка.

443. Нижній Новгородъ.

Городъ весь называется базаромъ. Узкая полоса домовъ вдоль берега Оки и Волги—нижній базаръ, а на горѣ—верхній. «Гдѣ вы остановились?» спроситъ васъ ктонибудь. И если вы хотите, чтобы васъ поняли, не говорите, что остановились возлѣ почтамта, возлѣ гимназіи, возлѣ собора,—просто на верхнемъ базарѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Нижній Новгородъ, знаменитѣйшая ярмарка въ Европѣ, такъ и кипитъ торговою дѣятельностью. Еще далеко до начала ярмарки на той сторонѣ почти что ни проходу, ни проѣзду нѣтъ: стуются дома, балаганы, шалаши и шалашики для торговли и товаровъ. Стукотня топоровъ, визгъ шилъ, крики рабочихъ, говоръ какъ будто такъ, безъ цѣли толпячагося народа; все это съ перваго раза удивитъ проѣзжаго, который мирно, безъ шума проѣхалъ отъ Москвы.

Я былъ въ Нижнемъ Новгородѣ въ половинѣ Іюня. Мостъ черезъ Оку еще не былъ готовъ, такъ приходилось переѣзжать рѣку на паромѣ. Съ той стороны только что причалилъ къ плоту паромъ, тяжело нагруженный телѣгами, людьми, лошадьми и разными товарами; а толпа Татаръ, босикомъ, въ длинныхъ, пониже колѣна, сѣрыхъ рубашкахъ, безъ пояса и въ сѣрыхъ шляпахъ, выгружаетъ все это на берегъ. Работаютъ они необыкновенно усердно, живо, и все толкуютъ что-то по своему и кричать во все горло.

На нижнемъ базарѣ народъ толпится во всю ширину и во всю длину улицы. Это большею частію бурлаки, которые ищутъ работы, или сговариваются, какъ бы уѣхать на низъ. На низовыхъ пристаняхъ довольно легко бываетъ найти работу, такъ бурлаки и сговариваются иногда человекъ по тридцати, по сорока и по пятидесяти, покупаютъ какуюнибудь старую большую лодку и пускаются внизъ по Волгѣ.

Нижній базаръ — главное мѣсто всякой торговли, сдѣлокъ, подрядовъ, найма, уговоровъ; а какъ только повернешь на гору,—улицы почти пусты. Подъемъ на гору чрезвычайно крутъ, такъ что прямо подниматься невозможно; устроены двѣ довольно отлогія дороги по косогору, и обѣ онѣ почти сходятся на верху, на верхнемъ базарѣ: одна оканчивается возлѣ стѣнъ Кремля, а другая проходитъ черезъ самый Кремль. Домовъ на скатъ почти вовсе нѣтъ, да и быть имъ трудно, потому что негдѣ устроить двора, да и дождевая вода, когда бѣжитъ по крутизнѣ, того и гляди, подмоетъ домъ.

Всякій разъ, какъ поднимаешься въ Кремль, ужасно усташь; за то оттуда не налбуешься на Волгу и на Волжскія равнины. Въ устьѣ Оки толпятся всякія суда: расшивы съ однимъ большимъ парусомъ тяжело тянутса по Волгѣ; тамъ, близъ противоположнаго берега, чернѣетъ точка: это расшива, ставшая на мель; а тамъ, среди волнъ, мелькаетъ что-то... щепка это, или лодка? Волга такъ широка, что лодка кажется едва замѣтною щепкой.

На луговой сторонѣ Волги, близъ берега, чернѣетъ какъ будто полѣница; но вотъ между дровами три шпиля; неужели это церкви?—Да, и то, что кажется дровами—огромнѣйшее село Боръ съ тремя церквями. Нѣсколь-

ко лѣвѣ Бора большой островъ, покрытый, какъ видно, кустарникомъ; съ одной стороны онъ прилегаетъ къ Волгѣ, а съ другой его обтекаетъ рукавъ Волги—Воложка. На немъ нѣтъ никакого жилья, потому что онъ весь покрывается водою въ половодье.

Ближе къ этому берегу лодокъ и судовъ всякаго рода гораздо больше; здѣсь же стоятъ на якорѣ и два, три парохода различныхъ компаній. Эти пароходы возятъ пассажировъ и товары вверхъ до Рыбинска и внизъ до Астрахани. Пассажиры помѣщаются на самомъ пароходѣ, а товары въ большихъ плоскодонныхъ баркахъ или баржахъ, которыя прицѣпляются къ пароходу длиннымъ канатомъ.

Въ Кремлѣ, неподалеку отъ собора, на большой площади, противъ казармъ, стоитъ памятникъ одному изъ самыхъ знаменитыхъ людей нашего отечества, Козьмѣ Минину, спасителю Россіи въ страшныя времена безначалія.

444. Кіевъ.

Высоко передо мною
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ;
Днѣпръ сверкаетъ подъ горою
Переливнымъ серебромъ.

Слава, Кіевъ многовѣчный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный,
Руси чистая купель!

Громко пѣсни раздалися,
Въ небѣ тихъ вечерній звонъ:
«Вы откуда собралися,
Богомольцы, на поклонъ?»

— «Я оттуда, гдѣ струится
Тихій Донъ, краса полей.»

— «Я оттуда, гдѣ клубится
Безпредѣльный Енисей!»

— «Край мой — теплый берегъ Эвксина!»

— «Край мой — берегъ тѣхъ дальнихъ странъ,

Гдѣ одна сплошная льдина

Оковала океанъ.»

— «Дикъ и страшень верхъ Алтая,

Вѣченъ блескъ его снѣговъ;

Тамъ страна моя родная!»

— «Мнѣ отчизна старый Псковъ.»

— «Я отъ Ладоги холодной, —

«Я отъ синихъ волнъ Невы.»

— Я отъ Камы многоводной.»
«Я отъ матушки Москвы.»

Слава, Дѣпръ — сѣдыя волны!
Слава, Кіевъ — чудный градъ!
Мракъ пещерь твоихъ безмолвный
Краше царственныхъ палатъ.

Знаемъ мы: въ вѣка былые,
Въ древною ночь и мракъ глубоку,
Надъ тобой блеснулъ, Россія,
Солнца вѣчнаго востокъ!

Хомяковъ.

445. Славяне.

Въ старину въ отечествѣ нашемъ, Россіи, не было такихъ прекрасныхъ городовъ, какъ напр. Петербургъ и Москва. На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь красивыя строенія, нѣкогда видны были непроходимыя дѣса, топкія болота и дымныя избушки; мѣстами были и города, но вовсе не такіе обширные, какъ въ наше время: въ нихъ жили люди, красивые лицомъ и станомъ, гордые славными дѣлами предковъ, честные, добрые и ласковые дома, но страшные и непримиримые на войнѣ. Ихъ называли *Славянами*.

Они были такъ честны, что въ обѣщаніяхъ своихъ, вмѣсто клятвъ, говорили только: «если я не сдержу моего слова, то *да будетъ мнѣ стыдно!*» и всегда исполняли обѣщанное; такъ храбры, что и отдаленные народы боялись ихъ; такъ ласковы и гостепріимны, что наказывали того хозяина, у котораго гость былъ чѣмъ нибудь оскорбленъ.

446. Призваніе Варяговъ Русь.

Славяне раздѣлялись на разныя племена; у сѣверныхъ или новгородскихъ Славянъ не было даже государя: они почитали начальникомъ своимъ того, кто болѣе всѣхъ отличался на войнѣ. Но какъ всѣ были храбры, то нерѣдко случалось, что такихъ начальниковъ было много. Каждый изъ нихъ хотѣлъ приказывать по своему; народъ не зналъ, кого слушать, и отъ того происходили у нихъ безпрестанные споры и несогласія. Всѣ дѣла пошли у нихъ дурно, и они переставали даже побѣждать своихъ непріятелей. Долго не знали они, что дѣлать; наконецъ придумали средство привести все въ порядокъ. На берегахъ Балтійскаго моря жилъ народъ по имени Варяги-Русь, происходившій отъ великихъ завоевателей въ Европѣ—Норманновъ.

Эти Варяги-Русь почитались отъ сосѣдей народомъ умнымъ: у нихъ давно ужъ были государя, были и законы, по которымъ эти государя управляли ими, и отъ того Варяги жили счастливо и имъ удавалось даже иногда побѣждать Славянъ.

Вотъ старики славянскіе, видя благополучіе Варяговъ и желая такого же своей родинѣ, уговорили всѣхъ Славянъ отпрасить пословъ къ этому храброму и предприимчивому народу просить у него князей управлять ими.

Послы сказали варяжскимъ князьямъ такъ: «*Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ: приходите княжить и владѣть нами.*»

447. Первые русскіе князья.

На этотъ зовъ въ 862 году собрались три князя варяго-русскихъ, три брата: *Рюрикъ*, *Синеусъ* и *Труворъ*, и пришли съ родными своими къ Славянамъ. Рюрикъ сдѣлался государемъ въ одномъ изъ первыхъ городовъ, основанныхъ Славянами, въ Новѣгородѣ; Синеусъ на Бѣлозерѣ, поюреди Финскаго племени, а Труворъ въ городѣ Изборскѣ, у Славянъ, жившихъ въ нынѣшней Псковской губерніи. Отъ этихъ то трехъ варяго-русскихъ князей Славяне начали называться *Русскими*, а земля ихъ—*Русью*, въ послѣдствіи *Россією*. Синеусъ и Труворъ скоро умерли, и Рюрикъ сдѣлался одинъ великимъ княземъ русскимъ и основателемъ Русскаго государства. Онъ княжилъ два года съ братьями и 15 лѣтъ одинъ.

448. Олегъ.

(879—912)

Послѣ Рюрика остался маленькій сынъ *Игорь*, который еще не могъ быть государемъ; а потому Рюрикъ передъ смертію своею просилъ своего родственника и товарища *Олега* управлять государствомъ, пока вырастетъ Игорь.

Олегъ былъ храбръ и уменъ, побѣдилъ много сосѣднихъ народовъ и такъ увеличилъ Россію, что при немъ она простиралась почти до горъ Карпатскихъ, которыя лежатъ въ Венгріи. Но этотъ Олегъ не во всемъ заслуживалъ похвалы.

Вмѣстѣ съ Рюрикомъ пріѣхали къ Славянамъ многіе Варяги, которые еще на родинѣ служили ему и, любя добраго начальника, не хотѣли разстаться съ нимъ (дружина). Рюрикъ за такое усердіе дарилъ нѣкоторымъ изъ нихъ деревни и селенія славянскія: отъ этого появились у насъ *помѣщики*, т. е. такіе бояре, которые владѣли людьми и землями. Но не всѣ эти помѣщики были довольны своими помѣстьями: инымъ казалось веселѣе искать счастья на войнѣ, нежели сидѣть дома.

Двое изъ такихъ смѣлыхъ воиновъ, по имени *Аскольдъ* и *Диръ*, отправились съ товарищами къ югу отъ Новгорода, и на прекрасныхъ берегахъ рѣки *Днѣпра* увидѣли маленькій городокъ, который имъ очень понравился. Этотъ городокъ былъ—*Кіевъ*. Они не долго думали: завладѣли имъ и сдѣлались государями Кіевскими.

Олегъ, управляя Новгородомъ послѣ смерти Рюрика, слышалъ, что всѣ пріѣзжавшіе изъ Кіева хвалили новое княжество, и вздумалъ завоевать его. Но онъ зналъ, что князья Кіевскіе и народъ ихъ храбры, что они будутъ сражаться съ такою же смѣлостію, какъ и его войны, и потому рѣшился употребить хитрость. Подошедъ къ Кіеву, онъ оставилъ войско назади, приплылъ къ Кіевскому берегу въ небольшой лодкѣ только съ Игоремъ и нѣсколькими воинами, и послалъ сказать государямъ Кіевскимъ, что съ ними желаютъ видѣться купцы варяжскіе изъ Новгорода, ихъ друзья и земляки. Аскольдъ и Диръ были очень рады такимъ гостямъ и тотчасъ отправились

на лодку ихъ. Но лишь только они вошли туда, какъ вдругъ воины Олега окружили ихъ, а самъ Олегъ, поднявъ на рукахъ маленькаго Игоря, сказалъ: «*Вы не князья, но я князь, и вотъ сынъ Рюрика!*» Въ эту самую минуту воины бросились на обоихъ князей Киевскихъ и убили ихъ.

Вотъ одно дурное дѣло Олега; а впрочемъ онъ былъ хорошей опекунъ маленькаго воспитанника своего, заботился о пользѣ народа русскаго, соединилъ оба новыя государства Варяговъ въ одно, сдѣлалъ столицей Киевъ, и такъ прославился своею храбростію, что даже Греки въ Константинополѣ боялись его и имени Русскаго. Олегъ имѣлъ съ ними войну: подходилъ къ самымъ стѣнамъ славной столицы ихъ, въ знакъ побѣды повѣсилъ свой щитъ на воротахъ ея и взялъ дань съ Грековъ.

Олегъ управлялъ государствомъ тридцать три года, и Игорь сдѣлался государемъ не раньше, какъ по смерти Олега. Народъ назвалъ его *отцомъ*, т. е. мудрымъ, хитрымъ.

449. Святая Ольга.

Отъ 945 до 955 года.

Гораздо болѣе Игоря прославилась прекрасная супруга его, *Ола*. Святославъ, сынъ ея, былъ еще очень малъ, когда умеръ отецъ его, и потому Ольга правила государствомъ вмѣстѣ съ двумя знаменитыми воеводами: бояриномъ Асмудомъ, дядькою маленькаго Святослава, и Свѣнелдомъ, начальникомъ войска.

Ольга родилась простою дѣвушкой въ деревнѣ Выбутъ, около города Пскова. Молодой князь Игорь пріѣхалъ туда на охоту и случайно увидѣлъ эту деревенскую красавицу, которая такъ понравилась ему своею скромностью и умомъ, что онъ женился на ней. Въ высокомъ дворцѣ государя она была такъ же умна и любезна, какъ прежде въ маленькомъ домикѣ своихъ родителей; такъ же добра и ласкова съ окружающими ее знатными боярными, какъ прежде съ своими сельскими подружками.

Услышавъ о несчастной смерти Игоря, Ольга обѣщалась отмстить жестоко злымъ Древліанамъ, и тотчасъ послала войско на землю ихъ. Древліане отправили пословъ съ оправданіями, но Ольга приказала казнить ихъ, не желая слушать ихъ оправданій, и когда войско ея покорило Древліанъ, она наложила большую дань на этотъ ненавистный для нея народъ и присоединила землю его къ своему государству.

Ольга, вмѣстѣ съ маленькимъ Святославомъ, объѣзжала свои области и вездѣ приводила въ порядокъ то, что было разстроено. Съ тѣхъ поръ, какъ государи наши начали жить въ Киевѣ, Новгородъ уже пересталъ быть столицею государства Русскаго. Князья Киевскіе, воюя съ Греціею и съ соседними народами, не имѣли времени заботиться объ отдаленныхъ подданныхъ своихъ, Новгородцахъ, и позволили имъ самимъ выбирать своихъ судей и начальниковъ, которые бы чинили судъ и расправу, т. е. награждали добрыхъ, наказывали злыхъ и собирали съ народа дань для князя Киевскаго. Главнаго изъ такихъ начальниковъ Новгородцы называли *посадникомъ*. Зная, что князь Киевскій живетъ далеко отъ нихъ, они начали менѣе уважать его и думали, что могутъ обойтись и безъ государя, имѣя своего посадника. Ольга поѣхала туда и умными распоряженіями заставила Новгородцевъ вспомнить, что они должны быть покорны государю своему, хотя бы онъ жилъ еще гораздо далѣе отъ нихъ.

Народъ любилъ и благословлялъ добрую мать государя своего. Но изъ всѣхъ прекрасныхъ дѣлъ Ольги самое лучшее и самое великое было то, что она приняла вѣру христіанскую. Нужно знать, что въ это время Рускіе были еще всѣ *язычниками*, т. е. поклонялись не истинному Богу, а *идоламъ*, которые носили различныя названія: *Былбогъ* почитался создателемъ міра, *Перунъ*—богомъ молніи, *Дажбогъ*—солнца, *Волосъ*—скотоводства, и т. д. Умная Ольга первая поняла всю нелѣпость идолопоклонства; она почувствовала въ сердцѣ своемъ, что есть истинный Богъ, безъ Котораго не могъ быть міръ и все, что мы видимъ въ этомъ мірѣ. Къ тому же она много слышала о вѣрѣ христіанской, съ тѣхъ поръ какъ жила въ Кіевѣ: воины Олега и Игоря, бывшіе въ Греческой имперіи, рассказывали дома о счастіи и добродѣтели истинныхъ христіанъ, о святости вѣры ихъ, терпѣніи, съ которымъ они переносили бѣдствія здѣшней жизни, надѣясь на награду въ будущей. Греки давно уже были христіанами, и въ столицѣ ихъ, Константинополѣ, жилъ *патріархъ*, т. е. начальникъ духовенства христіанъ греческихъ. У него-то Ольга хотѣла учиться закону Божию и для того поѣхала въ Константинополь, въ 955 году, когда сынъ ея уже выросъ и она перестала управлять государствомъ.

Патріархъ и императоръ Греческій, Константинъ Багрянородный, дивились уму и кротости Русской государыни. Патріархъ съ радостію рассказывалъ ей о жизни, страданіяхъ, смерти и воскресеніи Иисуса Христа; научилъ ее всему, что должны знать всѣ любящіе Господа и вѣрующіе въ Него, и потомъ окрестилъ ее. Императоръ былъ крестнымъ отцомъ Ольги; въ крещеніи ее назвали *Еленою*. Съ восторгомъ возвратилась она въ Кіевъ, радуясь тому, что можетъ просвѣтить душу сына своего и сдѣлать его также христіаниномъ. Но молодой, гордый Святославъ не хотѣлъ слышать о новомъ законѣ. Княгиня печалилась, что не можетъ раздѣлить съ милымъ сыномъ счастье знать истиннаго Бога, и умерла съ этою печалью черезъ 14 лѣтъ послѣ крещенія. Церковь признала ее *святою*, а исторія — *мудрою*.

450. Пѣсьнь Баяна.

О ночь, о ночь, лети стрѣлой!

Несносенъ отдыхъ Святославу:

Онъ жаждетъ битвы роковой.

О ночь, о ночь, лети стрѣлой!

Несносенъ отдыхъ Святославу:

Цимискій! крѣпокъ ли твой щитъ?

Не тонки ль кованья латы?

Нашъ князь убійственно разитъ.

Цимискій! крѣпокъ ли твой щитъ?

Не тонки ль кованья латы!

Дружинѣ борзыхъ дай коней:

Не то — мечи ее нагонять,

И не ускачетъ отъ мечей.

Дружинѣ борзыхъ дай коней;

Не то — мечи ее нагонять.

Ты рать обширную привелъ;
Не много насъ, но мы Славяне:
Ударъ нашъ мѣтокъ и тяжелъ.
Ты рать обширную привелъ;
Не много насъ, но мы Славяне.

О ночь, о ночь, лети стрѣлой!
Поля, откройтесь для побѣды!
Проснися, ужасъ боевой!
О ночь, о ночь, лети стрѣлой!
Поля, откройтесь для побѣды!

Н. Языковъ.

451. Владиміръ Великій.

(980—1015)

Хотя Владиміръ воспитывался у бабки своей Ольги, но тѣмъ не менѣе остался язычникомъ: Ольга очевидно не могла имѣть на него такого вліянія; какое имѣли всѣ прочія окружавшія его лица, преданныя идолопоклонству. Въ началѣ княженія своего онъ даже выказалъ себя самымъ ревностнымъ защитникомъ вѣры отцовъ своихъ, поставилъ новые кумиры на холму за теремнымъ дворомъ, и позволялъ преслѣдовать первыхъ русскихъ христіанъ. Вотъ что объ этомъ рассказываетъ древній лѣтописецъ нашъ, Несторъ: Ходилъ Владиміръ на Ляховъ и занялъ города ихъ: Перемышль, Червень и другіе, которые и теперь подъ Русью; побѣдилъ и Вятичей и наложилъ на нихъ дань отъ плуга, какъ и отецъ его бралъ. Когда князь пришелъ къ Киеву и приносилъ жертву кумирамъ съ людьми своими, то старцы и бояре сказали ему: «бросимъ жребій на мальчиковъ и дѣвицъ; на кого падеть, того и зарѣжемъ богамъ». Въ это время жилъ въ Киевѣ одинъ Варягъ, который пришелъ изъ Греціи и держалъ христіанскую вѣру; былъ у него сынъ, прекрасный лицомъ и душою: на этого-то молодого Варяга и палъ жребій. Посланные отъ народа пришли къ старому Варягу и сказали ему: «паль жребій на твоего сына; богамъ угодно взять его къ себѣ, и мы хотимъ принести его имъ въ жертву». Варягъ отвѣчалъ: «у васъ не боги, а дерево, нынче есть, а завтра сгніетъ; ни ѣдятъ, ни пьютъ, ни говорятъ, но сдѣланы руками человѣческими изъ дерева. А Богъ одинъ, Которому служатъ Греки и кланяются, Который сотворилъ небо и землю, звѣзды и дуну, и солнце и человѣка, далъ ему жить на землѣ; а эти боги что сдѣлали? сами сдѣланные. Не дамъ сына своего бѣсамъ!» Посланные рассказали эти рѣчи народу; толпа взяла оружіе, пошла къ Варягову дому и разломала заборъ вокругъ него; Варягъ стоялъ на сѣняхъ съ сыномъ. Народъ кричалъ ему: «дай сына своего богамъ!» Онъ отвѣчалъ: «если они боги, то пусть пошлютъ какого нибудь одного бога взять моего сына; а вы о чемъ хлопочете?» Яростный кликъ былъ отвѣтомъ толпы, которая бросилась къ Варягамъ, подскла подъ сѣни и убила ихъ.

Но не долго было торжество язычниковъ: событія, подобныя упомянутому, не могли не произвести глубокаго впечатлѣнія на лучшихъ людей Руси и

въ особенноти на Владиміра. Будучи отъ природы добръ и милосердъ, онъ не могъ остаться равнодушнымъ къ кровавымъ жертвоприношеніямъ и, слыша, съ какою твердостью христіане переносили мученіе и даже смерть за свою вѣру, съ какою увѣренностію отвергали идолопоклонство, невольно долженъ былъ усомниться въ святости боговъ своихъ; мысль, что они дѣйствительно только дерево, безъ всякой жизни и власти, стала сильно беспокоить его; онъ началъ вспоминать поученія, слышанныя имъ въ дѣтствѣ отъ бабки, и понялъ наконецъ, подобно ей, что есть истинный, единый Богъ, Который сотворилъ все. Рѣшаясь отречься отъ язычества, онъ однако долго не зналъ, какую принять вѣру, какая изъ другихъ вѣръ лучшая. Поэтому онъ велѣлъ призвать къ себѣ проповѣдниковъ разныхъ вѣроисповѣданій: магометанскаго, еврейскаго, римско-католическаго и греческаго, и сталъ спрашивать ихъ; всѣ убѣждали Владиміра принять новую вѣру, восхваляя свою и порицая вѣру другихъ. Но великій князь былъ остороженъ. Онъ не вѣрилъ на слово и, тронутый наиболѣе разказами Грековъ объ ихъ законѣ, отправилъ пословъ русскихъ въ чужія земли, съ тѣмъ чтобы, увидѣвъ всѣ вѣры и всѣ богослуженія, по возвращеніи своемъ они сказали ему, точно ли вѣра греческая такъ хороша, какъ объ ней разказываютъ. Послы русскіе исполнили въ точности приказаніе великаго князя и, возвратившись, не могли нахвалиться благочестіемъ Грековъ и святымъ служеніемъ въ церквахъ ихъ. «Вкусивъ сладкаго», говорили они, «не захочешь горькаго.» Услышавъ такой отзывъ, Владиміръ рѣшился принять христіанскую вѣру отъ Грековъ.

Владиміръ могъ бы креститься и въ собственной своей столицѣ, потому что уже со времени Ольги въ Кіевѣ была греческая церковь; но онъ хотѣлъ блеска и величія при семъ важномъ дѣйствиі, или хотѣлъ, такъ сказать, завоевать христіанскую вѣру. Собравъ многочисленное войско, онъ пошелъ на Корсунь, городъ греческій; Корсунцы заперлись въ городѣ и крѣпко оборонялись. Владиміръ послалъ сказать имъ: «если не сдадитесь, то три года простою здѣсь»; но они не послушались. Тогда Владиміръ, устроивъ свое войско, велѣлъ дѣлать насыпи около города; но Корсунцы, подкопавши городскую стѣну, уносили насыпаемую землю къ себѣ въ городъ. Въ это время одинъ житель Корсунскій, именемъ Анастасъ, пустилъ стрѣлу въ станъ русскій, а на стрѣлѣ было написано: «на востокъ отъ тебя колодезь; изъ него вода идетъ по трубѣ въ городъ; откопай колодезь и перейми воду.» Владиміръ тотчасъ велѣлъ копать, и точно воду переняли у гражданъ; тогда послѣдніе, изнемогши отъ жажды, сдались. Владиміръ вошелъ въ городъ съ дружиною и послалъ къ императорамъ Василию и Константину съ такими словами: «Вотъ я взялъ славный городъ; слышу, что у васъ есть сестра дѣвица: если вы не отдадите ее за меня, то и столицѣ вашей будетъ отъ меня то же, что и Корсуню»... Оба царя, услышавъ это, сильно огорчились, и отвѣчали: «не прилично христіанамъ выдавать своихъ сестеръ за невѣрныхъ; если крестишься, то и сестру нашу получишь, а вмѣстѣ съ нею царство небесное, и съ нами будешь единовѣрникъ; если же не хочешь креститься, то не можемъ выдать за тебя сестры.» Владиміръ отвѣчалъ посламъ: «скажите царямъ, что я готовъ креститься, потому что прежде испыталъ вашъ законъ, и мнѣ правится ваша вѣра и богослуженіе.» Цари, услышавъ это, обрадовались и послали сестру свою, именемъ Анну, которую насилу могли уговорить идти: она съѣла на корабль, простиглась съ родными, и съ плачемъ поплыла черезъ море. Когда царевна пріѣхала въ Корсунь, Владиміръ крестился, а послѣ крещенія обвѣчался съ Анною.

452. Крещение Руси.

Наставленный Херсонским митрополитомъ въ тайнахъ и нравственномъ ученіи христіанства, Владиміръ спѣшилъ въ столицу свою озарить народъ свѣтомъ крещенія. Истребленіе кумировъ служило пріуготовленіемъ къ сему торжеству: одни были изрублены, другіе сожжены. Перуна, главнаго изъ нихъ, привязали къ хвосту, били тростями и свергнули съ горы въ Днѣпръ. Чтобы усердные язычники не извлекли идола изъ рѣки, воины княжескіе отталкивали его отъ береговъ и проводили до самыхъ пороговъ, за коими онъ былъ изверженъ волнами на берегъ (и сіе мѣсто долго называлось Перуновымъ). Изумленный народъ не смѣлъ защитить своихъ мнимыхъ боговъ, но проливалъ слезы, бывшія для него послѣднею данію суевѣрія: ибо Владиміръ на другой день велѣлъ объявить въ городѣ, чтобы все люди русскіе, вельможи и рабы, бѣдные и богатые шли креститься, — и народъ, уже лишенный предметовъ древняго обожанія, устремился толпами на берегъ Днѣпра, разсуждая, что новая вѣра должна быть мудрою и святою, когда великій князь и бояре предпочли ее старой вѣрѣ отцовъ своихъ. Тамъ явился Владиміръ, провождаемый соборомъ греческихъ священниковъ, и по данному знаку безчисленное множество людей вступило въ рѣку: большіе стояли въ водѣ по грудь и шею; отцы и матери держали младенцевъ на рукахъ; іереи читали молитвы крещенія и пѣли славу Вседержителя. Когда же обрядъ торжественный совершился, когда священный соборъ нарекъ всехъ гражданъ Кіевскихъ христіанами: тогда Владиміръ въ радости и восторгѣ сердца, устремивъ взоръ на небо, громко произнесъ молитву: «Творецъ земли и неба; дай имъ познать Тебя, Бога истиннаго; утверди въ нихъ вѣру правую. Будь мнѣ помощію въ искушеніяхъ зла, да восхвалю достойно святое имя Твое!...» Въ сей великій день, говорить лѣтописецъ, земля и небо ликовали.

Карамзинъ.

453. Ярославъ первый.

Въ 1019 году на престолѣ Кіевскомъ воцарился *Ярославъ*. Онъ не менѣе отца своего Владиміра Святого способствовалъ ко благу и счастью Руси. День и ночь занимался чтеніемъ греческихъ священныхъ книгъ, приказывая ихъ списывать и переводить на русскій языкъ, строилъ великолѣпные храмы Божіи, украшалъ ихъ драгоценными камнями, поставлялъ священниковъ, назначалъ имъ жалованье, заводилъ школы для духовныхъ, и свѣтъ истинной вѣры вскорѣ озарилъ самыя отдаленныя мѣста земли русской. Но не одною ревностію къ вѣрѣ былъ славенъ Ярославъ, онъ столько же заботился и о другихъ нуждахъ народа. Онъ первый увидѣлъ необходимость написать для Русскихъ *законы*, которые могли бы удерживать ихъ отъ несправедливыхъ поступковъ; и эти законы, составленные Ярославомъ, извѣстны подъ общимъ наименованіемъ *Русской Правды*.

Такимъ образомъ Ярославъ со славою княжилъ тридцать девять лѣтъ. При концѣ жизни онъ раздѣлилъ государство на удѣлы между сыновьями и внуками, убѣждая ихъ быть дружными между собой и почитать старшаго брата, бывшаго княземъ Кіевскимъ. «Милыя дѣти мои», говорилъ умирающій Ярославъ стоящимъ передъ нимъ сыновьямъ и внукамъ, «скоро уже

меня не станеть, потому прошу васъ исполнить мою послѣднюю просьбу. Я оставляю вамъ въ управленіе всю землю русскую, нашу отчизну, которую самъ Богъ повелѣваетъ намъ хранить болѣе самихъ себя. Чтобы не обидѣть никого изъ васъ, я каждому дарю нѣсколько городовъ, составляющихъ его *область* или *удѣль*, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы меньшіе братья повиновались старшему брату. Въ старшемъ братѣ, великомъ князѣ Киевскомъ, вы должны видѣть второго отца и государя. Помните, дѣти мои, что отъ братскаго согласія будетъ зависѣть не только ваше собственное счастье, но и благоденствіе всего государства. При согласіи вы всегда можете оборонять землю русскую отъ враговъ иноземныхъ, а покорность младшихъ братьевъ старшему будетъ способствовать цѣлости и единству государства. Если вы будете исполнять мое завѣщаніе, то Богъ благословитъ васъ, и земля русская насладится счастьемъ. Если же нѣтъ, если между вами возникнутъ распри и несогласія, какія напримѣръ нѣкогда произвелъ недостойный братъ мой Святополкъ, то вы видѣли, какъ Богъ наказалъ жестоко дядю вашего: то же будетъ и съ вами, и земля русская много претерпитъ горя. И такъ помните мои послѣднія просьбы, исполняйте мое завѣщаніе, и благословеніе отцовское не отыметса отъ васъ.» Произнеся эти слова, Ярославъ скончался, а на престолъ Киевскій восшелъ старшій сынъ его, *Изяславъ*. Прочіе же сыновья получили въ управленіе свое разные удѣлы.

454. Пророки и волшебники.

Въ 1071 году явился въ Киевѣ волхвъ, который сказывалъ народу, что Діѣбрь скоро потечетъ вверхъ, и всѣ земли переменятся; что Греція будетъ тамъ, гдѣ Россія, а Россія тамъ, гдѣ Греція. Невѣжды вѣрили, а благоразумные надъ нимъ смѣялись, говоря ему, чтобы онъ самъ берегся. Сей человекъ (пишетъ Несторъ) дѣйствительно пропалъ въ одну ночь безъ вѣсти.

Около того же времени сдѣлался въ Ростовской области голодъ. Два кудесника или обманщика, жители Ярославля—основаннаго, думаю, великимъ княземъ Ярославомъ—ходили по Волгѣ и въ каждомъ селеніи объявляли, что бабы причиною всего зла и скрываютъ въ самихъ себѣ хлѣбъ, медъ и рыбу. Люди приводили къ нимъ матерей, сестеръ, женъ; а мнимые волхвы, будто бы надрѣзывая имъ плеча и высыпая изъ своего рукава жито, кричали: «видите, что лежало у нихъ за кожей!» Сія злодѣи съ шайкою помощниковъ убивали невинныхъ женщинъ, грабили имѣніе богатыхъ и дошли наконецъ до Бѣлаозера, гдѣ вельможа Янъ, сынъ Выштинъ, собиралъ дань для князя Святослава: онъ велѣлъ ловить ихъ, и чрезъ нѣсколько дней Бѣлозерцы привели къ нему двухъ главныхъ обманщиковъ, которые не хотѣли виниться, и, доказывая мудрость свою, открывали за тайну, что діаволь сотворилъ тѣло человека, гниющее въ могилѣ, а Богъ душу, парящую на небеса; что антихристъ сидитъ въ безднѣ; что они вѣрують въ его могущество и знаютъ все сокровенное отъ другихъ людей. «Но знаете ли вы собственную вашу участь? сказалъ Янъ. «Ты представишь насъ Святославу», говорили кудесники: «а если умертвишь, то будешь несчастливъ». Смѣясь надъ сею угрозою, онъ велѣлъ ихъ повѣсить на дубу, какъ государственныхъ преступниковъ.

Не только въ Скандинавіи, но и въ Россіи Финны и Чудь славились волшебствомъ, подобно какъ въ древней Италіи Тосканцы. Несторъ рассказываетъ, что Новгородцы ходили въ Эстонию узнавать будущее отъ тамо-

пнихъ мудрецовъ, которые водились съ черными крылатыми духами. Одинъ изъ такихъ кудесниковъ торжественно осуждалъ въ Новгородѣ вѣру христіанскую, бранилъ епископа и хотѣлъ идти пѣшкомъ чрезъ Волховъ. Народъ слушалъ его какъ челоѣка божественнаго. Ревностный епископъ облачился въ святительскія ризы, сталъ на площади и, держа крестъ въ рукахъ, звалъ къ себѣ вѣрныхъ христіанъ. Но ослѣпленные граждане толпились вокругъ обманщика: одинъ князь Глѣбъ и дружина его приложились къ св. кресту. Тогда Глѣбъ подошелъ къ мнимому чародѣю и спросилъ: предвидитъ ли онъ, что будетъ съ нимъ въ тотъ день? Волшебникъ отвѣтствовалъ: «я сдѣлаю великія чудеса». «Нѣтъ!» сказала смѣлый князь — и топоромъ разбѣкъ ему голову. Обманщикъ палъ мертвый къ ногамъ его, и народъ увѣрился въ своемъ заблужденіи.

Карамзинъ.

455. Владиміръ Мономахъ.

(1113—1125)

Владиміръ Всеволодовичъ, внукъ Ярослава I, во всякомъ возрастѣ умѣлъ заслуживать любовь всѣхъ окружавшихъ его. Въ дѣтствѣ своемъ онъ былъ послушный сынъ; въ молодости — смѣлый изъ князей на полѣ битвы, привѣтливый дома, почтительный къ родителямъ, которые въ знакъ особенной любви своей къ нему столько же, какъ и за храбрость, назвали его *Мономахомъ*, т. е. единоборцемъ; въ зрѣлыхъ лѣтахъ онъ былъ добрымъ государемъ въ наслѣдственномъ владѣніи, умнымъ совѣтникомъ великаго князя, благодѣтелемъ бѣдныхъ, побѣдителемъ враговъ отечества.

Слава его еще болѣе увеличилась въ послѣдніе годы княженія Святополка: онъ уговорилъ въ это время всѣхъ князей идти на жестокихъ Половцевъ, раззорившихъ русскую землю. Владиміръ говорилъ такъ увлекательно о счастіи избавить отъ опасности жизнь и имѣніе своихъ соотечественниковъ, о славѣ—умереть за родину, что всѣ князья забыли на время ссоры свои и съ благороднымъ усердіемъ собрали войновъ во всѣхъ княжествахъ. Согласіе ихъ подавало имъ надежду побѣдить, и эта надежда точно исполнилась: они побѣдили Половцевъ совершенно и заключили съ ними самый выгодный миръ. Всею славою этой побѣды, всѣми выгодами этого мира—Россія была обязана Мономаху. Народъ зналъ это, и при всякомъ случаѣ старался показать благодарность и особенную любовь свою къ Владиміру. Эта любовь была наконецъ такъ велика, что, когда великій князь Святополкъ умеръ, жители Кіевскіе объявили, что не хотятъ слышать ни о какомъ другомъ государѣ, кромѣ общаго любимца всѣхъ Русскихъ—знаменитаго Мономаха. Сначала онъ отказывался, потому что были другіе наслѣдники престола ближе его: *Олегъ Черниговскій* и братья его—дѣти старшаго Владимірова дяди, *Святослава*; но потомъ, видя, что въ Кіевѣ происходятъ ужасныя безпорядки отъ безначалія, согласился на желаніе Кіевлянъ, тѣмъ болѣе что и самъ Олегъ, старинный непріятель его и главный наслѣдникъ великаго княженія, не спорилъ съ народомъ, и молчаніемъ своимъ подтверждалъ его выборъ.

Мономахъ во все время двѣнадцатилѣтняго княженія своего продолжалъ отличаться храбростію. Не смотря на старость свою, онъ усмирилъ еще разъ Половцевъ и два новыхъ народа, появившихся на Руси: *Торковъ* и *Бе-*

реидтсвъ. Съ его времени эти грубые народы уже не были так страшны Русскимъ. Многие изъ нихъ покорились Владиміру и поселились на берегахъ Днѣпра. Ихъ называли предни наши *Черными клобуками*; это названіе произошло отъ того, что они носили черныя шапки.

Кромѣ побѣдъ надъ народами чужими и надъ непокорными князьями удѣльными, Мономахъ славился и другими дѣлами: онъ старался улучшать законы, строить церкви и общественныя дома, обводилъ каменными стѣнами старыя города, закладывалъ новыя. Въ числѣ сихъ послѣднихъ былъ на рѣкѣ Клязьмѣ городъ *Владиміръ*, основанный въ Суздальской области и названный *Затскимъ*, для отличія его отъ другого Владиміра, бывшаго на Волыни.

456. Духовное завѣщаніе Владиміра Мономаха.

Приближаясь ко гробу, благодарю Бога за долгіе дни мои: рука Его довела меня до глубокой старости. А вы, дѣти любезныя, и всякій, кто будетъ читать это писаніе, исполняйте правила, въ немъ написанныя.

Страхъ къ Богу и любовь къ людямъ есть начало добродѣтели. Великъ Господь; чудесны дѣла Его! О, дѣти мои! хвалите Бога! Любите также людей. Не постъ, не монашество спасетъ васъ, но благодаренія. Не забывайте бѣдныхъ, кормите ихъ и помните, что вы имѣете, принадлежить Богу и поручено вамъ только на время. Будьте отцами сиротъ; судите вдовицъ сами; не давайте сильнымъ обижать слабыхъ. Не убивайте ни праваго, ни виноватаго; жизнь и душа христіанина священны. Не призывайте напрасно имени Бога; давъ же клятву, не преступайте ее. Не оставляйте больныхъ; не страшитесь видѣть мертвыхъ: все умремъ. Принимайте съ любовью благословеніе священниковъ и не удаляйтесь отъ нихъ; дѣлайте имъ добро, чтобъ они молились за васъ Богу. — Не имѣйте гордости ни въ умѣ, ни въ сердцѣ, и думайте: мы не вѣчны, *сегодня живы, а завтра въ гробъ!* Бойтесь всякой лжи. — Почитайте старыхъ людей какъ отцовъ; любите младшихъ какъ братьевъ. — Въ хозяйствѣ сами за всемъ смотрите, чтобы гости не осудили ни дома, ни обѣда вашего. — На войнѣ будьте дѣтельны; тогда не время думать о праздникахъ. — Путешествуя въ своихъ областяхъ, не давайте жителей въ обиду княжескимъ отрокамъ. Всего же болѣе почитайте гостя, и знаменитаго, и простаго, и купца, и посла: гости распускаютъ въ чужихъ земляхъ и добрую, и худую о насъ славу. Кланяйтесь каждому человѣку, когда идете мимо. — Лѣность — мать пороковъ, берегитесь ея. — Старайтесь, чтобъ солнце никогда не заставало васъ въ постелѣ! Идите рано въ церковь принести Богу молитву утреннюю: такъ дѣлалъ отецъ мой, такъ дѣлали все добрыя люди. Когда озаряло ихъ солнце, они хвалили Бога съ радостію. Потомъ садились думать съ дружиною, или судить народъ, или ѣздили на охоту. Такъ жилъ и вашъ отецъ. Я самъ дѣлалъ все, что могъ бы велѣть отроку: на охотѣ и на войнѣ, днемъ и ночью, въ жаръ лѣтній и въ холодъ зимній не зналъ покоя, не надѣялся на посадниковъ, не давалъ бѣдныхъ и вдовъ въ обиду сильнымъ; самъ смотрѣлъ за церковью и за божественнымъ служеніемъ, за домашнимъ порядкомъ, копошнєю, охотою, ястребами и соколами. Всѣхъ походовъ моихъ было семьдесятъ три; а другихъ маловажныхъ не упомяну. Я заключилъ съ Половцами девятнадцать мирныхъ договоровъ, взялъ въ плѣнъ и выпустилъ изъ неволи болѣе ста лучшихъ князей ихъ, а болѣе двухъ сотъ казнилъ и

топилъ въ рѣкахъ.—Кто ѣздилъ скорѣе меня? Выѣхавъ рано изъ Чернигова, я бывалъ въ Кіева, у родителя, прежде вечерень.—Любя охоту, мы часто ловили звѣрей съ вашимъ дѣдомъ. Своими руками въ густыхъ лѣсахъ вьзаль я дикихъ коней вдругъ по нѣскольку. Два раза буйволъ бросалъ меня на рогахъ; олень бодаль, лань топтала ногами; медвѣдь прокусилъ сѣдло, лютый звѣрь однажды бросился и уронилъ коня подо мною! Сколько разъ падалъ я съ лошади! Дважды разбилъ себѣ голову, повреждалъ руки и ноги, не берегъ жизни въ юности и не щадилъ головы своей. Но Господь хранилъ меня. И вы, дѣти мои, не бойтесь смерти, ни битвы, ни звѣрей свирѣпыхъ, но будьте мужественны во всякомъ случаѣ, посланномъ отъ Бога. Если Господь опредѣлитъ кому умереть, то не спасутъ его ни отецъ, ни мать, ни братья. Богъ лучше сохранить, нежели люди.

457. Владиміръ на Клязьмѣ.

Городъ Владиміръ расположенъ на лѣвой, гористой стѣронѣ рѣки Клязьмы. Владиміръ Мономахъ плѣнился мѣстоположеніемъ и основалъ здѣсь городъ, назвавъ его Владиміромъ Залѣскимъ. Въ послѣдствіи, при Андрѣ Боголюбскомъ, городъ былъ въ цвѣтущемъ состояніи, но съ усиленіемъ Московскаго княжества онъ сталъ упадать. Соборная церковь Богоматери была предметомъ удивленія Русскихъ и иностранцевъ по великолѣпію и богатству. Во время взятія Владиміра Татарами (1238), семейство великаго князя съ многими боярами и жителями заперлось въ этой церкви, въ надеждѣ спасенія; но Татары не пощадилъ святыни, зажгли церковь, и все находившіяся въ ней, исключая немногихъ, сдѣлались жертвою пламени. Съ того времени Владиміръ навсегда утратилъ свое великолѣпіе.

Видъ изъ городского садика, возлѣ церкви, очень хорошъ: внизу быстрая Клязьма и на ней плывучій мостъ, расположенные по горѣ огороды, разбросанные кой-гдѣ домишки и вдали луговая сторона, которая покрывается водою въ весеннее время. Городъ вообще не великъ и въ немъ одна только порядочная улица; церквей до пятнадцати, жителей около семи тысячъ душъ. Помѣщики здѣсь не живутъ, а пріѣзжаютъ только временно, по своимъ дѣламъ. Богатыхъ купцовъ совсѣмъ нѣтъ. Губернію вообще можно назвать промышленною, а не земледѣльческою: почва земли большею частію песчаная. По садоводству владимірскія вишни считаются лучшими.

458. Начало Москвы.

Къ сожалѣнію лѣтописцы современные не упоминаютъ о любопытномъ для насъ ея началѣ, ибо не могли предвидѣть, что городокъ, бѣдный и едва извѣстный въ отдаленной землѣ Суздальской, будетъ со временемъ главою обширѣйшей монархіи въ свѣтѣ. По крайней мѣрѣ знаемъ, что Москва существовала въ 1147 году Марта 28, и можемъ вѣрить новѣйшимъ лѣтописцамъ въ томъ, что Георгій былъ ея строителемъ. Они рассказываютъ, что сей князь пріѣхалъ на берегъ Москвы рѣки, въ село зажиточнаго боярина Кучки, Степана Ивановича, велѣлъ умертвить его за какую-то дерзость, и, плѣненный красотою мѣста, основалъ тамъ городъ, а сына своего, Андрея, княжившаго въ Суздальскомъ Владимірѣ, женилъ на прелестной дочери казненнаго боярина. «Москва есть третій Римъ». — говорятъ сіи по-

вѣствователи—«и четвертаго не будетъ. Капитолій заложенъ на мѣстѣ, гдѣ найдена окровавленная голова человѣческая: Москва также на крови основана и къ изумленію враговъ нашихъ сдѣлалась царствомъ знаменитымъ.» Она долгое время именовалась Кучковымъ.

Карамзинъ.

459. Нашествіе Татаръ.

Въ началѣ XII вѣка Россію постигло большое несчастье. Туча варваровъ изъ глубины Азіи прошла по русской землѣ, искоренила цѣлыя поколѣнія, разрушила до основанія города и села, и когда стихла, Россія наполнена была одними развалинами. Виною нашего злосчастія былъ дикій Татаринъ Темучинъ.

Этотъ Темучинъ болѣе всѣхъ другихъ хановъ прославился завоеваніями и побѣдами: онъ покорилъ не только многія сосѣдственныя орды татарскія, монгольскія и киргизскія, но даже былъ и въ Китаѣ и сжегъ главный городъ Китайцевъ, Пекинъ. Подданные Темучина почитали его человѣкомъ необыкновеннымъ, посланнымъ къ нимъ отъ Бога для прославленія ихъ царства. Эта мысль еще болѣе утвердилась въ нихъ съ тѣхъ поръ, какъ явился къ нимъ какой-то мнимый пророкъ или колдунъ, и объявилъ всему народу и войску татарскому, что Богъ отдаетъ Темучину всю землю и повелѣваетъ ему называться впередъ Чингисханомъ или великимъ ханомъ. Послѣ такого объявленія Темучинъ уже не встрѣчалъ болѣе неприятелей между татарскими народами: всѣ они почитали за грѣхъ противиться повелѣнію Божію. Не находя болѣе противниковъ въ Азіи и все еще желая увеличивать свою славу, Чингисханъ пошелъ въ 1223 году къ странамъ западнымъ, и тѣмъ рѣшилъ судьбу Россіи.

Недалеко отъ береговъ Каспійскаго моря полководцы Чингисхана встрѣтили Половцевъ, разбили ихъ и гнали за ними до самыхъ границъ нашихъ. Побѣжденные Половцы убѣжали въ Кіевскую область, и въ числѣ ихъ былъ ханъ Котьянъ, тесть Мстислава Храбраго. Этотъ ханъ встревожилъ всю Россію своими разказами о страшныхъ Татарахъ, умолялъ князей идти противъ нихъ, увѣряя, что если они не сдѣлаютъ этого, то Татары придутъ и въ русскую землю такъ же, какъ пришли въ половецкую.

Князья русскіе, всегда любившіе войну и славу, не со страхомъ, но съ жадностію слушали рассказы стараго Котяна: имъ хотѣлось летѣть на встрѣчу новыхъ, еще не виданныхъ враговъ, и вотъ самые храбрые изъ нихъ: Мстиславъ Галицкій, Мстиславъ Черниговскій и Мстиславъ Кіевскій со многими молодыми князьями, не согласившись со старшими, безразсудно пошли искать Татаръ.

На Дибрѣ смѣльчаки встрѣтили пословъ Татарскихъ. Они еще не начинали ссоры, а напротивъ того приглашали князей русскихъ битъ вмѣстѣ съ ними Половцевъ, которыхъ Татары называли своими рабами и конюхами. Но князья думали, что мирныя предложенія Татаръ происходятъ отъ трусости, и съ гордостію отвергли ихъ. Молодой князь Волынской Данилъ вмѣстѣ съ тестемъ своимъ Мстиславомъ Храбрымъ первые бросились на показавшійся вдали отрядъ неприятельскій и совершенно разбили его. Эта первая удача заманила далѣе минутныхъ побѣдителей: они переправились со всѣмъ войскомъ за Дибрѣ, и девять дней шли до рѣки *Калки*. Здѣсь-то, на берегахъ этой несчастной для Русскихъ рѣки, начались бѣдствія Россіи!

здѣсь-то 31 Мая 1224 года Русскіе потерпѣли ужасное пораженіе, отъ котораго не спасли ихъ ни храбрость всего войска, ни отчаянное мужество неустрашимаго Данила Волынскаго! Этотъ герой въ жару сраженія не чувствовалъ раны, полученной въ грудь, и продолжалъ бить Татаръ. Все прекрасное войско русское исчезло: шесть князей и семьдесятъ славныхъ богатырей были убиты! Едва десятая часть спаслась бѣгствомъ вмѣстѣ съ Мстиславомъ Галицкимъ и Даниломъ Волынскимъ.

460. Александръ Невскій.

Когда всѣ княжества Русскія почти исчезли подъ жестокими ударами Татаръ; когда всѣ князья ихъ клялись предъ трономъ Батюга быть его вѣрными подданными; когда счастье, слава и радость, казалось, совсѣмъ оставили города и селенія предковъ нашихъ,—была еще область, гдѣ раздавались вѣсти побѣды, былъ еще князь, никогда не преклонявшій колѣнъ въ шатръ хана Татарскаго. Эта область была Новгородская; этотъ князь—Александръ Ярославичъ Невскій.

Необыкновенно умный и храбрый Александръ еще въ молодыхъ лѣтахъ сдѣлался наслѣдникомъ отца своего въ Новгородѣ, и съ того времени безпрестанныя побѣды его надъ Чудью, Финнами, Литовцами и Ливонскими рыцарями разносили славу его по всѣмъ странамъ. Но не однимъ этимъ врагамъ было худо отъ него: разъ онъ побѣдилъ даже Шведовъ и Норвежцевъ. За эту побѣду его и назвали *Невскимъ*. Вотъ какъ это случилось.

Въ 1240 году королю Шведскому вздумалось завоевать Ладогу и даже Новгородъ. Для того онъ отправилъ на рѣку Неву множество судовъ съ Шведами и Норвежцами подъ начальствомъ зятя своего Биргера. Биргеръ, привыкшій къ побѣдамъ, велѣлъ гордо сказать князю Новгородскому: «Иди сражаться со мною, если смѣешь; я уже въ землѣ твоей!» Александръ не утрашился, не показалъ посламъ шведскимъ досады, но спокойно отвѣчалъ имъ, что готовъ къ сраженію. Тотчасъ собралъ онъ небольшое войско свое, отслужилъ молебствіе въ Софійской церкви и потомъ, вышедши къ своей вѣрной дружинѣ, весело сказалъ ей: «Насъ не много, а врагъ силенъ; но Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ: идите съ вашими князьями!» Надежда Александра на небесную помощь перешла и въ сердце воиновъ его. Весело приблизились они къ берегамъ Невы, гдѣ стояли Шведы, дружно бросились на многочисленныхъ враговъ подъ личнымъ начальствомъ своего неустрашимаго князя, и одержали надъ ними совершенную побѣду.

Далеко распространилась слава о храбрости и доблестныхъ подвигахъ Новгородскаго князя; дошла она и до орды Татарской, до слуха Батюга, который пожелалъ его видѣть. И мужественный Александръ, любившій отечество свое болѣе своей славы, показалъ собою всѣмъ князьямъ примѣръ кротости и смиренія, которыми въ то плачевное время единственно и можно было избѣгнуть еще большаго гнета: съ покорной головой явился онъ въ орду къ татарскому хану, ходатайствовалъ у него по дѣламъ русской земли и такъ понравился Батюгу, что вскорѣ былъ утвержденъ великимъ княземъ Владимірскимъ и всей Руси. Двѣнадцать лѣтъ княжилъ Невскій, и княжилъ чрезвычайно благоразумно: много онъ потрудился для своего отечества, много пострадалъ за него, но освободить его отъ владычества Татаръ не могъ. Еще было рано. Татары были несравненно сильнѣе насъ, а потому надо было покорствоваться и ждать, пока русскія силы умножатся и

окрѣпнуть. Такъ и дѣлалъ Александръ, убѣждая всѣхъ другихъ князей своимъ примѣромъ дѣлать то же самое. «За наше смиреніе», думалъ онъ, «Богъ не оставитъ насъ. Придетъ время, когда Русь, руководимая святымъ Промысломъ, побѣдитъ и прогонитъ Татаръ и возсіяетъ въ славу цѣлому міру!»

461. Іоаннъ Даниловичъ Калита.

Въ 1328 году сдѣлался великимъ княземъ Александръ II Михайловичъ; но судьба назначила ему жребій отца его и брата, замученныхъ въ орду по приказанію хана Узбека. Ханскій посолъ Шевкалъ прибылъ въ Тверь съ многочисленною толпою Татаръ; и вскорѣ разнеслась молва, будто онъ намѣренъ обратить Россіянь въ магометанскую вѣру. Слухъ сей былъ несправедливъ; но великій князь допустилъ убить Шевкала съ его толпою.

Узбекъ, раздраженный такимъ поступкомъ, призвалъ къ себѣ Іоанна Калиту, и давъ ему 50,000 войска и пятерыхъ предводителей, велѣлъ идти воевать Тверскую область. Іоаннъ не смѣлъ послушаться. Вскорѣ взяты были города: Тверь, Торжокъ, Кашинь, а другіе обращены въ груды развалинъ, и множество плѣнныхъ отведено въ плѣнъ. Въ награду за то ханъ прислалъ Іоанну грамоту на великое княжество. Любя свой удѣльный городъ Москву, онъ не переселился во Владиміръ, но основалъ столицу великаго княжества въ Москвѣ.

Вскорѣ по полученіи великаго княжества Іоаннъ ѣздилъ въ орду благодарить Узбека, и представилъ ему своихъ дѣтей какъ будущихъ усердныхъ слугъ. Онъ возвратился оттуда съ повелѣніемъ непременно представить къ нему князя Александра, бѣжавшаго изъ Твери сперва въ Новгородъ, а потомъ во Псковъ. Іоаннъ съ многочисленнымъ войскомъ отправился подъ Псковъ. Ни разоренія окрестностей Пскова, ни угрозы не имѣли никакого дѣйствія, ибо Псковитяне рѣшились защищать несчастнаго князя до послѣдней возможности. Александръ, жалѣя пролітія крови, оставилъ Псковъ и удалился въ Литву. Пробывъ около полутора года у Гедимина, онъ опять возвратился во Псковъ, и 10 лѣтъ управлялъ имъ; но при всемъ томъ, не могли забыть своей родины, рѣшился ѣхать въ орду. Предавъ себя милости хана, онъ получилъ отъ него прощеніе и возвратился въ прежній свой удѣлъ Тверь.

Такая переменна обстоятельство Іоанну не понравилась, и онъ рѣшился во что бы ни стало погубить Александра. Пользуясь довѣренностію хана, онъ отправился въ орду и оклеветалъ Александра, котораго призвали въ орду и вмѣстѣ съ сыномъ его Феодоромъ лишили жизни.

Калита, по свидѣтельству лѣтописцевъ, былъ государь добрый, набожный, щедрый для бѣдныхъ и другъ духовенства. Онъ носилъ при себѣ мѣшокъ съ деньгами и одѣлалъ ими немощныхъ, отчего и прозванъ Калитою. Но поступки его съ несчастнымъ княземъ Александромъ II Михайловичемъ и лишнее рабство предъ ханомъ, властолюбіе и зависть много уменьшаютъ достоинство добрыхъ его качествъ.

462. Сраженіе на берегахъ р. Вожи, 11 Августа 1378 года.

Господствовавшій въ орду Мамай не равнодушно смотрѣлъ на увеличивающееся могущество великаго князя Дмитрія Іоанновича IV. Отлагая

до времени явное на него нападеніе, онъ послалъ подвластнаго ему князя Бегича съ сильнымъ войскомъ разорять Россію; но Дмитрій, узнавши заблаговременно о замыслахъ Татаръ, успѣлъ собрать значительную армию.

Непріятели встрѣтились на берегахъ рѣки Вожи. Бегичъ началъ битву; переправясь черезъ рѣку, онъ съ крикомъ ударился всею массою своего войска на Русскихъ; но увидѣвши, что они крѣпко стоятъ, велѣлъ своимъ ѣхать маюю рысью, пуская стрѣлы. Дмитрій стоялъ въ срединѣ своего ополченія, поручивъ одно крыло князю Данилу Пронскому, а другое воеводѣ Тимошею. По данному знаку всѣ Русскіе устремились на Татаръ. Двѣ арміи слились въ одну массу и вступили въ рукопашный бой. Трескъ оружія, яростный крикъ сражающихся, вопль и стоны раненыхъ и умирающихъ, ржаніе и топотъ лошадей, все это заглушало голоса начальниковъ, ободрявшихъ своихъ воиновъ. — Татары, подобно бурному океану, стремились поглотить своихъ противниковъ; Русскіе, уподобляясь гранитному утесу, съ свойственною имъ храбростью отражали напоръ степныхъ варваровъ. Тщетно Бегичъ со всею неустрашимостію старался прорвать центръ Русскихъ; тщетно Монголы, слѣдуя примѣру своего храбраго полководца, бросались съ яростью на Русскихъ: непоколебимая твердость нашихъ воиновъ разстроила непріятеля и взяла верхъ надъ Татарами. Враги обратили тылъ и въ беспорядкѣ побѣжали за рѣку. Побѣдители рубили, кололи и топтали Татаръ въ Вожѣ цѣлыми сотнями; нѣсколько знаменитыхъ мурзъ находились въ числѣ убитыхъ.

Ночь и густая мгла слѣдующаго утра спасли остатки Мамаевыхъ полковъ. На другой день не видно уже было ни одного непріятеля: только шатры, кибитки и телѣги со всякимъ товаромъ были разбросаны по степи.

Эта побѣда достопамятна тѣмъ, что была первою, одержанною Русскими надъ Татарами съ 1224 года. За нею послѣдовала вторая, блистательная побѣда на Куликовскомъ полѣ.

Рѣка Вожа протекаетъ въ Рязанской губерніи и уѣздѣ около 35 верстъ, принимаетъ въ себя рѣчку Мечу, и въ двадцати верстахъ выше Рязани впадаетъ въ Оку.

163. Битва Куликовская.

Это было 8-го Сентября 1380 года. Въ шестомъ часу дня войско русское дошло до поля Куликова, которое простиралось болѣе нежели на 10 верстъ. Здѣсь Русскіе увидѣли непріятелей. Татаръ было болѣе, нежели Русскихъ. Дмитрій, не смотря на просьбы князей и бояръ, которые умоляли его не подвергать опасности жизнь свою, сражался въ передовомъ полку. Онъ первый ударилъ на враговъ. Мѣсто его было въ рядахъ простыхъ воиновъ. Три часа продолжалась страшная битва; кровь лилась на всемъ обширномъ полѣ, но все еще нельзя было рѣшить, кто останется побѣдителемъ. Въ одномъ мѣстѣ Русскіе тѣснили Татаръ, въ другомъ Татара—Русскихъ. Однако жъ уже Большія или княжескія знамена спасены были отъ рукъ Мамай; уже нѣкоторые изъ полковъ Московскихъ хотѣли было бѣжать, какъ вдругъ князь Владиміръ Андреевичъ, начальникъ засаднаго полка, выступилъ изъ роши, которая скрывала его отъ всѣхъ, и быстро, неустрашимо бросился на Татаръ. Это смѣлое движеніе князя рѣшило судьбу сраженія: удивленные и измученные непріятели не могли уже противиться свѣжему войску, и всѣ побѣжали! Мамай, увидѣвъ это бѣгство,

вскричалъ съ тоскою отчаянія: «Великъ Богъ христіанскій!» и также побѣжалъ за своими войнами. Русскіе гнали ихъ до рѣки Мечи, убивали и топили безъ счета, и взяли въ добычу множество лошадей и верблюдовъ, навьюченныхъ разными драгоценностями.

Радость и счастье побѣдителей были неописанны. Перваго героя этого знаменитаго въ русской исторіи дня, великаго князя Дмитрія Іоанновича, назвали Донскимъ, второго, князя Владиміра Андреевича, — Храбрымъ. Они вмѣстѣ со всѣми оставшимися въ живыхъ князьями и боярами объѣзжали поле Куликово: много было убито Русскихъ, но въ четверо болѣе Татаръ; всего же, по увѣренію нѣкоторыхъ историковъ, было до 200,000 тѣлъ. Въ числѣ убитыхъ были также два инока Троицкаго монастыря — Александръ Пересвѣтъ и Ослябя. Великій князь плакалъ надъ всѣми ими, и въ знакъ благодарности къ храбымъ защитникамъ отечества приказалъ вѣчно праздновать память ихъ въ Дмитріевскую Субботу, которая бываетъ между 18 и 26 числами Октября.

Такъ счастливому Дмитрію удалось въ одинъ день избавить Россію отъ сильнаго непріятеля! Извѣстіе о побѣдѣ его восхитило не только жителей Москвы и областей великаго княжества, но и всѣхъ другихъ княжествъ. Народъ вездѣ смотрѣлъ на Донскаго, какъ на ангела-хранителя; вездѣ встрѣчали его съ неизъяснимымъ восторгомъ какъ освободителя отечества отъ жестокой власти варваровъ; всѣ думали, что это освобожденіе уже исполнилось, что слава и счастье Россіи уже навсегда возобновились, что Татары послѣ Куликовской битвы никогда уже не осмѣлятся идти на Русскихъ!...

464. Іоаннъ III.

(1505—1533)

Вступленіе на престолъ Московскій Іоанна III, сына Василя Темнаго, послужило къ окончательному возрожденію монархіи русской. Іоаннъ былъ остороженъ, дѣятеленъ, справедливъ, обдумывалъ каждый свой поступокъ, всѣ дѣйствія свои устремлялъ ко благу Россіи.

Іоаннъ Васильевичъ глубоко постигалъ, что Россія никогда не можетъ быть счастлива, пока въ ней существуетъ разновластіе, и что ей поэтому необходимо имѣть единаго правителя, которому бы все покорялось. Съ другой стороны онъ сознавалъ необходимость освобожденія земли русской отъ господства Татаръ. Поощряемый убѣжденіями духовенства, Іоаннъ III наконецъ со славою совершилъ и то, и другое. Сперва онъ смирилъ всѣхъ непокорныхъ князей, удѣлы ихъ присоединилъ къ княжеству Московскому, уничтожилъ вольность Новгорода и провозгласилъ себя *царемъ и самодержцемъ всея Россіи*.

Тогда, собравъ сильное войско, отправилъ пословъ объявить татарскому хану, что отнынѣ Россія есть государство независимое, что болѣе она не платитъ дани и что царь русскій не признаетъ надъ собой постыдной власти хана. Тщетно татарскій ханъ Ахмать думалъ смирить русскаго царя и, предводительствуя огромными полчищами, вторгнулся въ Россію. Но увидѣвъ обширность русскаго воинства и убѣдившись въ единодушій князей, онъ немедленно опять вышелъ, и вскорѣ послѣ того татарскія царства стали приходить въ разрушеніе.

Такъ совершилось то, о чемъ думалъ Александръ Невскій, къ чему стремились Іоаннъ Калита, Дмитрій Донской. Такъ уничтожилось гибельное

разновластіе князей, и земля русская освободилась отъ татарскаго владычества. Россіи открылось обширное поприще славы; но еще много трудовъ и тяжкихъ испытаній должна была она претерпѣть, чтобы достигъ того величія, которымъ пользуется въ наше время.

165. Іоаннъ Грозный.

По кончинѣ Василя объявленъ царемъ трехлѣтній сынъ его Іоаннъ IV Васильевичъ подъ опекою матери своей, великой княгини Елены, изъ рода Глинскихъ.

Пять лѣтъ управляла Елена государствомъ благоразумно и твердо, при содѣйствіи боярина Оболенскаго: преждевременная смерть ея была истиннымъ несчастіемъ и для Іоанна, и для Россіи: Боярская дума вступила въ управленіе дѣлами; но честолюбивые и своскорыстные бояре не думали о благѣ государства, не заботились о защитѣ его отъ враговъ вишнихъ, а только враждовали между собою за почетъ и мѣста (мѣстничество), губили другъ друга, грабили народъ и совершенно нерадѣли о воспитаніи юнаго государя. Самыя жестокія смуты произведены были князьями Шуйскими и Глинскими. Такъ прошло десять лѣтъ. Только кратковременное управленіе боярина Бѣльскаго, который на берегахъ Оки отразилъ набѣгъ Крымскаго хана, представляетъ зрѣлище нѣсколько утѣшительное.

Между тѣмъ Іоаннъ безъ руководителя, предоставленный самому себѣ, окруженный разгульною и развратною молодежью, предавался неумѣренно забавамъ, занимался травлею звѣрей, черствѣлъ душою и не обращалъ никакого вниманія на дѣла государственныя. Въ 1547 году Іоаннъ, достигшій 17-тилѣтняго возраста, вѣнчался на царство и вступилъ въ бракъ съ прекрасною и добродѣтельною *Анастасіею*, дочерью боярина Романа Захарыина. Вскорѣ неожиданное происшествіе произвело въ царѣ дивную перемену. Въ Москвѣ выскринулъ страшный пожаръ и истребилъ почти всю столицу. Когда Іоаннъ со слезами смотрѣлъ на необятное пепелище, гдѣ волновался народъ, доведенный до отчаянія, предсталъ предъ царя іерей *Сильвестръ* и такъ подѣйствовалъ на него своими увѣщаніями, что безпечный дотоле Іоаннъ далъ клятву предъ народомъ, на площади, посвятить жизнь свою благу подданныхъ и быть царемъ правосуднымъ. Съ этой поры онъ избралъ себѣ въ совѣтники мудраго старца Сильвестра и молодого окольничаго Адашева, человѣка украшеннаго рѣдкимъ умомъ и добродѣтелями.

По указаніямъ Сильвестра и Адашева Іоаннъ занялся утвержденіемъ порядка внутри государства, разстроенаго во времена разнобоярщины. Онъ исправилъ и дополнилъ *Судебникъ* Іоанна III, наблюдалъ за правосудіемъ и благочиніемъ, учредилъ стрѣльцовъ, первое постоянное войско въ Россіи, построилъ на границахъ крѣпости, ввелъ книгопечатаніе, приглашалъ изъ западной Европы ученыхъ и художниковъ, и вступилъ въ торговныя и дружественныя сношенія съ Англійей, гдѣ царствовала тогда королева Елизавета.

Въ то же время Іоаннъ торжествовалъ и надъ вишними врагами. Въ 1552 году, предводительствуя сильнымъ войскомъ, онъ взялъ приступомъ Казань и навсегда присоединилъ ее къ Россіи, а потомъ покорилъ и Астра-

ханское царство, держалъ въ страхѣ крымскихъ Татаръ и успѣлъ было привлечь къ себѣ въ подданство Донскихъ казаковъ.

Когда сила Татаръ рушилась, въ степяхъ южной Руси появились толпы удалцовъ, которые не признавали надъ собою ни чей власти, жили грабительствомъ, нападая и на Татаръ, и на Турокъ, и на Польшу, и на Россію. Эти шайки извѣстны были подъ именемъ *казаковъ*. Мало по малу они соединились въ большое общество и поселились одни на Днѣпрѣ около пороговъ и назвались *Запорожскими*, а другіе близъ устья Донца и назвались *Донскими*. Последніе, поддавшись Россіи, составили для нея оплотъ отъ набѣговъ Крымскихъ Татаръ.

Къ несчастью блистательные успѣхи въ продолженіе 13-ти лѣтъ сдѣлали Іоанна гордымъ и самонадѣннымъ, а споры бояръ о назначеніи наслѣдника при самомъ одрѣ царя, когда онъ лежалъ въ тяжелой болѣзни, поселили въ душѣ его подозрительность и истребили въру въ добродѣтель человѣческую. Сильвестръ и Адашевъ впади въ немилость и были удалены отъ двора. Первый постригся въ монахи, потомъ былъ перевезенъ въ Соловецкій монастырь и отданъ подъ строгій надзоръ; другой, посланный къ войску въ Ливонію, заключенъ въ тюрьму въ Дерптѣ, и умеръ тамъ отъ горести. Поводомъ къ обвиненію этихъ великихъ людей была смерть царицы Анастасіи. Такъ Іоаннъ и Россія лишились вдругъ трехъ главныхъ дѣйствующихъ, удерживавшихъ царя на пути добродѣтели и охранявшихъ счастье отечества.

Іоаннъ совершенно измѣнился, окружилъ себя недостойными любимцами и явился такимъ же, какимъ былъ до Московскаго пожара. Начались казни и преслѣдованія мнимыхъ злодѣевъ и измѣнниковъ, гибли цѣлыя семейства, опустошились цѣлыя города. Мучимый подозрительностію, Іоаннъ неожиданно оставилъ Москву, поселился въ слободѣ Александровской (нынѣ городъ Александровъ, во Владимірской губерніи) и учредилъ для своей безопасности *опричнину*, т. е. отдѣлилъ себѣ нѣсколько городовъ въ свое собственное владѣніе и учредилъ избранную стражу, опричниковъ; вся же остальная Россія получила названіе *земщины*, и страдала отъ неумолимой строгости царя и отъ своеволія опричниковъ, которые не подлежали никакому суду. Но и всѣ необычайныя мѣры къ охраненію личной безопасности не могли успокоить тревожной души Іоанна: онъ собрался даже бѣжать въ Англію, и велъ объ этомъ переговоры съ королевой Елисаветою.

Вѣншія дѣла также приняли несчастный оборотъ. Еще при Сильвестрѣ и Адашевѣ Іоаннъ задумалъ покорить Ливонію. Войска русскія неоднократно одерживали надъ рыцарями побѣды, брали города и до того ослабили орденъ, что вождь его или гермейстеръ Готгардъ *Кетлеръ* уступилъ Ливонію (1561) преемнику Сигизмунда, Польскому королю и Литовскому великому князю Сигизмунду II Августу, а самъ получилъ отъ него герцогство Курляндію въ зависимости отъ Польши. Тогда Іоаннъ повелъ войну съ Сигизмундомъ Августомъ, и въ началѣ одерживалъ верхъ; но когда царь пересталъ заботиться о благѣ и устройствѣ государства, когда Литва соединилась съ Польшею въ одну *рѣчь посполитую* (республику) подъ властію избирательнаго короля, и когда на польскій престолъ былъ избранъ мужественный Седмиградскій князь Стефанъ *Баторій*, — дѣла приняли другой оборотъ. Баторій отнялъ Ливонію у Іоанна, и побѣдами своими привелъ его въ такой страхъ, что онъ униженно просилъ мира и отказался навсегда отъ

притязаній на эту страну. Пользуясь тогдашнимъ несчастнымъ положеніемъ Россіи, король шведскій отнялъ Иванъ-городъ и Копорье, а крымскій ханъ произвелъ неожиданное вторженіе и сжогъ Москву.

Только одно счастливое событіе нѣсколько озарило послѣдніе мрачныя годы царствованія Іоанна, прозваннаго отъ народа *Грознымъ*. Атаманъ Донскихъ казаковъ *Ермакъ Тимофеевъ*, при содѣйствіи именитыхъ людей Строгановыхъ, владѣвшихъ соловаренными заводами на Вычегдѣ, перешелъ за Уральскія горы, разбилъ тамъ хана Кучума, овладѣлъ его столицей Искеръ на рѣкѣ Тоболи, и тѣмъ положилъ основаніе завоеванію Сибири.

Послѣ 50-лѣтняго царствованія Іоаннъ умеръ. Царство поручилъ онъ сыну своему Θεодору, назначивъ ему нѣсколькихъ совѣтниковъ; а другому сыну, Димитрію, далъ въ удѣлъ городъ Угличъ, гдѣ и жилъ онъ съ матерью своею Марією Θεодоровною изъ рода Нагихъ.

466. Новгородъ.

О Новгородъ, Новгородъ! ты ли это? Да гдѣ же твои концы, гдѣ граждане, гдѣ дворъ Ярослава, гдѣ вѣче? Мнѣ сказалъ кто-то: «дворъ Ярослава вонъ тамъ на площади, на рынкѣ, гдѣ написано: *постоямый дворъ*, идите туда». Богъ съ нимъ! подумалъ я, и пошелъ въ Кремль, въ церковь св. Софій. Это древнѣйшій изъ храмовъ Новгородскихъ, драгоценный памятникъ временъ Ярослава. Вызолоченный куполь его окруженъ четырьмя главами, крытыми бѣлымъ желѣзомъ. Образа большею частію старинныя; замѣчательнѣйшіе изъ нихъ: Спасителя, присланный греческимъ царемъ князю Владиміру, Корсунской Богоматери, св. Софій и св. апостоловъ Петра и Павла — богато украшенные; своды также исписаны образами. Въ храмѣ покоятся мощи князя Владиміра Ярославича, умершаго въ 1054 году, матери его Анны, Θεодора, брата Александра Невскаго, и другихъ. Огромное мѣдное паникадило, присланное сюда царемъ Борисомъ Годуновымъ, виситъ на пяти чугунныхъ цѣпяхъ, — въ немъ вѣсу до 500 пудъ. Въ соборной сокровищницѣ очень много драгоценныхъ вещей, напр. рукописное Евангеліе XV вѣка, одежды св. угодниковъ, изъ коихъ драгоценнѣйшая — патріарха Никона, вышитая жемчугомъ; серебряныя и золотыя сосуды, чаши, блюда, митры, наконецъ долбня, сдѣланная по образцу долбни царя Іоанна Грознаго. Съ любопытствомъ смотрѣлъ я на эту послѣднюю вещь. Описывать ее нечего: просто окрашенная дубинка; подлинникъ ея былъ, кажется, желѣзный: онъ служилъ Іоанну для обузданія непослушныхъ. Страшно вспомнить прошедшее; при одной мысли объ Іоаннѣ волосъ становится дыбомъ. Провидѣніе спасло Новгородцевъ отъ варваровъ Монголовъ, но въ замѣнъ того послало имъ грознаго Іоанна. Шесть недѣль тѣшился онъ казнію; ежедневно бросали въ Волховъ отъ 500 до 1000 человѣкъ: вода краснѣла кровію, и рѣка долго не могла пронести труповъ въ Ладожское озеро. Но за что же такая кара постигла Новгородъ? За мнимую измѣну архіепископа и сообщниковъ его! Той же участи подверглись почти всѣ города и селенія, лежація отъ Москвы до Новгорода.

Черезъ Волховъ построенъ отличный мостъ на десяти каменныхъ основахъ (быкахъ). Городской садъ въ большомъ безпорядкѣ; однако же мѣстоположеніе его весьма хорошо, на полдень, и потому весьма удобно для разведенія разныхъ деревьевъ и кустарниковъ.

Въ Новгородѣ, кромѣ служащихъ, почти нѣтъ живущихъ помѣщиковъ;

богатые из них переселяются въ Петербургъ. Въ четырехъ верстахъ отъ города лежитъ Юрьевъ монастырь, который славится внутреннимъ устройствомъ своимъ и великолѣпиемъ.

467. Борисъ Годуновъ.

Царица Ирина Θεодоровна приняла присягу; но черезъ девять дней послѣ похоронъ Θεодора сложила съ себя царскій санъ, вступила инокинею въ монастырь и предоставила патриарху, боярамъ, и воеводамъ избрать царя. Престоль предложили Борису Θεодоровичу, какъ брату царицы и бывшему правителю государства. Борисъ долго отказывался, и только по настоятельнымъ убѣжденіямъ патриарха, бояръ и народа согласился принять вѣнецъ царскій. Онъ началъ править съ прежней мудростію, упрочивалъ безопасность государства, распространялъ завоеванія въ западной Сибири и строилъ тамъ города, открылъ кораблямъ всѣхъ народовъ свободный доступъ въ русскія гавани, покровительствовалъ наукамъ и вызвалъ изъ Европы многихъ ученыхъ. Но слишкомъ недолго Борисъ наслаждался своимъ величіемъ. Скоро смутилось сердце царя, а потомъ настало смутное время и для всего царства. Борисъ убѣдился, что смерть царевича Дмитрія удаляла отъ него сердца народа, считавшаго всѣ его заботы и благодѣянія только лицемеріемъ. Боязнь овладѣла душою Бориса; онъ сдѣлался подозрительнымъ, сталъ слушать доносчиковъ, и по извѣтѣмъ ихъ неумолимо преслѣдовалъ обвиненныхъ, а особенно бояръ, любимыхъ народомъ. Жертвами его ненависти между прочимъ сдѣлались и родственники добродѣтельной царицы Анастасіи съ ихъ семействами. Изъ этого рода остались въ живыхъ только Θεодоръ Никитичъ Романовъ, постриженный въ монахи подъ именемъ Филарета, — супруга его Ксенія, также постриженная подъ именемъ старицы Марѣи, и шестилѣтній сынъ ихъ *Михаилъ*. Поэтому не удивительно, что ужасный небывалый голодъ, постигшій Россію въ 1601 году, а за нимъ моръ, приписаны народомъ грѣхамъ и преступленіямъ виновника смерти Дмитрія. Между тѣмъ какъ Борисъ истощался въ усиліяхъ отвратить ужасныя народныя бѣдствія, до него дошла роковая молва, что царевичъ Дмитрій — живъ.

468. Самозванецъ.

Появился въ Литвѣ человекъ, ложно выдававшій себя за Дмитрія, будто бы спасеннаго въ Угличѣ отъ злобы Годунова. То былъ Григорій Отрепьевъ, бѣглый монахъ Чудова монастыря. Польскій король Сигизмундъ III призналъ его за истиннаго царевича и позволилъ ему набирать войско для возвращенія престола. Съ дружинами безпокойной польской шляхты и съ Запорожскими казаками самозванецъ выступилъ въ Россію, гдѣ многіе считали его дѣйствительно царевичемъ Дмитріемъ. Однако войско царское нанесло ему рѣшительное пораженіе близъ Сѣвска, и самозванецъ уже готовился бѣжать въ Польшу, какъ вѣсть о скоростижной смерти Бориса измѣнила положеніе дѣлъ. Эта вѣсть сильно потрясла умы въ народѣ и была принята какъ знаменіе Божескаго правосудія. Хотя Москва и присягнула сыну Борису, Θεодору, умному, прекрасному юношѣ; но войско и предводитель его Басмановъ предались самозванцу, а вслѣдъ за тѣмъ и въ Моск-

въ произошло волненіе: юнаго царя взяли подъ стражу и вскорѣ потомъ умертвили. Самозванецъ былъ признанъ въ столицѣ законнымъ государемъ, и вся Россія послѣдовала этому примѣру.

Лжедмитрій торжественно вступилъ въ Москву при радостныхъ кликахъ народа. Чтобы отклонить всякое подозрѣніе, онъ вызвалъ въ Москву мать царевича Дмитрія и принялъ ее съ сыновнею лѣтностію; возвратилъ изъ ссылки всѣхъ сосланныхъ Борисомъ; знаменитаго инока Филарета возвелъ въ санъ митрополита. Ростовскаго, а бывшей супругѣ его Марѣ съ сыномъ ея назначилъ для жительства Ипатьевскій монастырь въ Костромѣ. Однако жъ легкомысліе самозванца, его беззавѣстность, презрѣніе русскихъ обычаевъ и уставовъ православной церкви, приверженность къ католицизму, предпочтеніе Поляковъ и Нѣмцевъ природнымъ Русскимъ, скоро открыли глаза обманутому народу. Бракъ самозванца съ Польскою Мариною, дочерью Сеномирскаго воеводы Мнишка, не принявшею православія, утвердилъ общее убѣжденіе, что разстрига-царь намѣревался подчинить Россію папѣ введеніемъ латинской вѣры. На пагубу еретика составилъ въ Москвѣ заговоръ и распространился по другимъ городамъ. Вездѣ начали собирать войско и готовиться къ сверженію похитителя съ престола. Посреди пировъ, окруженный Поляками, дерзко оскорблявшими Русскихъ на каждомъ шагу, Лжедмитрій не думалъ объ отвращеніи опасности. Не прошло и года со дня вступленія его въ Москву, какъ произошло общее противъ него возстаніе. Самозванецъ лишился жизни, а Марина съ отцомъ были спасены. На другой день боярская Дума, по требованію народа, объявила царемъ князя Василія Іоанновича Шуйскаго, бывшаго душою заговора и главнымъ виновникомъ гибели самозванца.

469. Палицынъ.

Подобно генію хранителю дѣйствовалъ всюду Авраамій Палицынъ. Въ 1609 году открылся въ Москвѣ величайшій недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, доводившій жителей до крайности; тогда Палицынъ позволилъ имъ брать хлѣбъ изъ магазиновъ, принадлежавшихъ Троицкому монастырю, чрезъ что спокойствіе возстановилось и народъ оживился.

Въ 1610 году Авраамій и Діонисій явились величайшими поборниками вѣры и свободы отечества. Польскій гетманъ Жолкевскій, видя невозможность покорить Москву войною, принялъ личину доброжелательства и вызвался охранять столицу отъ самозванцевъ. Простодушные Русскіе повѣрили и позволили занять Жолкевскому Москву, а войско свое послали въ Новгородъ для защищенія отъ Шведовъ. Овладевъ Москвою, Жолкевскій принялся грабить казну и частныя имущества, и злодѣйствовать самовластно. Узнавъ это, Авраамій и Діонисій поклялись спасти Россію. Во всѣ города писали они призывныя грамоты, собирали ратныхъ людей изъ крестьянъ и монастырскихъ слугъ, надъ конми ввѣривъ начальство князю Трубецкому, пошли и сами въ рядахъ ихъ какъ простые воины; ободрали унывающихъ, снабжали съѣстными припасами и вновь разсылали повсюду призыванія, заклиная именемъ Бога всѣхъ идти на брань. Однажды казаки, неудовольствованные жалованьемъ, взбунтовались; Авраамій, не имѣвшій денегъ, предложилъ имъ свои ризы и церковную утварь; тронутые казаки ничего не взяли

и поклялись умереть или взять Москву. Послѣ трехдневной упорной битвы побѣда убѣждала наконецъ успѣхомъ старанія вѣрныхъ сыновъ церкви и отечества, и Поляки въ унижительномъ бѣгствѣ искали себѣ спасенія.

430. Мининъ.

Мининъ спокойно доживалъ дни свои въ Нижнемъ Новгородѣ, занимаясь торговлею, которая, будучи добросовѣстна, отнюдь не унижительна никому, почему и семейство его пользовалось хорошимъ расположеніемъ жителей. Сказываютъ, что однажды, проходя по улицѣ, Мининъ былъ привлеченъ болышимъ стеченіемъ народа къ одному дому и подошелъ узнать причину. Читали воззваніе Авраамія Палицына. Вѣсть о плачевномъ состояніи Москвы, о тиранствахъ Поляковъ и мысль объ угрожаемомъ рабствѣ, сильно поразила Козьму. Толпа разбрелась; а онъ, какъ вкопанный, стоялъ на улицѣ и чуть внятнымъ голосомъ шепталъ: «святая вѣра поругана! церкви осквернены! младенцы избиты! Все дѣлается безнаказанно, и гдѣ же? внутри Россіи! Боже праведный, неужели Ты отвратилъ лицо Свое отъ насъ и допустилъ намъ пережить безчестіе отчизны!»

Вечерній звонъ колоколовъ наконецъ прервалъ печальныя думы Минина и напомнилъ о семействѣ, давно ожидавшемъ его къ обѣду.

Въ тотъ же день увѣдомилъ Мининъ всѣхъ друзей и знакомыхъ своихъ, чтобы по весьма необходимой нуждѣ пришли къ нему.

Съ растерзаннымъ сердцемъ, блѣднымъ лицомъ и слезами на глазахъ, онъ встрѣтилъ своихъ гостей. — «Что съ тобою, Козьма?» спрашивали пришедшіе; «не больны ли дѣти?» — «Нѣтъ!» отвѣчалъ онъ. — «Не повесъ ли убытковъ?» — «Ахъ нѣтъ! мое несчастіе есть общее наше несчастіе, ни съ чѣмъ въ мірѣ несравненное! Вѣра и отечество наше погибаютъ; но мы можемъ спасти ихъ. Не пощадимъ жизни и имущества для избавленія Москвы; продадимъ дома свои, заложимъ женъ и дѣтей своихъ и выкупимъ изъ бѣды отечество. Богъ благословитъ наше предпріятіе!» Успокоившись, Мининъ пересказалъ гостямъ содержаніе посланія Палицына, и присутствовавшіе Нижегородцы, увлеченные сердечнымъ краснорѣчіемъ Минина, воскликнули: «умремъ за Русь святую!»

Такъ созрѣло великое дѣло избавленія Россіи.

431. Князь Пожарскій.

19-е число Марта 1611 года означено въ лѣтописяхъ нашихъ кровавою чертою. Нельзя безъ содроганія вообразить объ этомъ ужасномъ днѣ убійствъ, совершившихся въ Москвѣ. Кровь священниковъ, старцевъ, женъ и младенцевъ лилась ручьями. Крики, стоны умирающихъ, звукъ оружія и буйныя восклицанія Поляковъ оглашали воздухъ; храмы, дома пылали, солнце скрылось, и багровое зарево освѣщало городъ! Ярость враговъ дошла до высочайшей степени! Не многіе изъ бояръ успѣли спастись отъ смерти; иные вынесены на рукахъ изувѣченные.

Покрытый ранами, на смертномъ одрѣ лежалъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій; лучъ лампы освѣщала его комнату, и изрѣдка тяжелый вздохъ страдальца нарушалъ глубокую тишину. Вдругъ послышался шумъ у дверей; внезапно къ постелѣ умирающаго подбѣжалъ челоуѣкъ въ одеждѣ

крестянина. — «Князь!» вскричалъ пришлецъ, смѣло схвативъ руку его, — «князь! Россія гибнетъ отъ супостатовъ: иди на избавленіе ея!» Потомъ упалъ на колѣни и, прерываемый рыданіями, продолжалъ: «Товарищи мои, подвизаемые вѣрою, стеклись сюда и велѣли мнѣ звать тебя, князь, съ собою на брань за вѣру и отечество; будь нашимъ вождемъ, самъ Богъ повелѣваетъ тебѣ.» — Князь, оживленный будто бы свыше, не чувствуя боли, приподнялся, осынилъ себя крестнымъ знаменіемъ и сказалъ: «да будетъ воля Его святая, иду съ вами!»

Пожарскій принялъ начальство надъ ополченіемъ. Ничто не могло остановить героя. Гибельно врагамъ, утѣшительно Россіянамъ было его шествіе. Увѣнчанный священнымъ именемъ избавителя отечества, онъ доказалъ позднѣйшему потомству, что великая душа его чужда была честолюбія, и что всѣ помысленія его стремились къ истинному благу отчизны, когда, Богомъ вдохновенный, онъ завѣщалъ Русскимъ отраду и счастье съ владычествомъ августѣйшаго дома Романовыхъ.

432. Иванъ Сусанинъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города Костромы есть село Домнино. Въ немъ живутъ болѣе 100 свободныхъ поселянъ, которые не платятъ никому податей и не исполняютъ никакихъ повинностей, т. е. не мостятъ дорогъ, не представляютъ рекрутъ на службу государству, однимъ словомъ: не знаютъ никакихъ тягостей жизни общественной, но пользуются всеми выгодами ея. Этихъ счастливыхъ называютъ бѣлопашцами. Всѣ они — потомки крестьянина Ивана Сусанина, который пожертвовалъ жизнью своею за царя при слѣдующемъ случаѣ.

Въ то время, когда Русскіе единодушно избрали на престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова, т. е. въ 1613 году, Поляки были нашими злѣйшими врагами. Узнавъ объ этой новости и предвидя, какъ повредитъ этотъ выборъ намѣренію ихъ завладѣть Россіею, — они рѣшились погубить избраннаго царя. Шестнадцатилѣтній Михаилъ, котораго отецъ былъ плѣнникомъ въ Варшавѣ, а мать, неволью постриженная, проводила печальные дни въ кельѣ монастырской, находился въ то время въ своемъ помѣстьѣ, близъ города Костромы. И вотъ Поляки посылаютъ туда отрядъ воиновъ съ приказаніемъ убить Михаила. Убийцы же пришли въ село Домнино, о которомъ мы говорили въ началѣ этого разсказа, и которое также принадлежало къ помѣстью Романовыхъ. Оставалось не болѣе версты до той деревни, гдѣ былъ господскій домъ — жилище Михаила. Къ счастью убійцы не знали дороги въ эту деревню и случайно встрѣтили крестьянина Ивана Сусанина. Нетерпѣливо начали они спрашивать у него, какъ имъ найти помѣстье новаго царя Михаила Ѳеодоровича и, чтобы не показаться подозрительными, злодѣи притворились, что посланы отъ друзей его съ тѣмъ, чтобы прежде всѣхъ поздравить его съ неожиданнымъ счастьемъ. Но Сусанинъ былъ уменъ и смѣливъ; онъ скоро догадался, что имѣлъ дѣло не съ друзьями, но съ самыми жестокими врагами своего господина. По платю онъ тотчасъ увидѣлъ въ нихъ Поляковъ, а въ то время этого довольно было, чтобы встревожить всякаго Русскаго. Чувствуя, что отъ его скромности и осторожности зависѣла жизнь боярина его, онъ въ ту же минуту рѣшился на всякое пожертвованіе, чтобъ только спасти его. Искусно скрывъ радость, которая взводилова сердце его при извѣстїи о томъ, что молодой Михаилъ Ѳеодо-

ровичъ избранъ царемъ Россіи, онъ отвѣчалъ на распросы Поляковъ самымъ простодушнымъ разговоромъ о томъ, что онъ очень хорошо знаетъ помѣстье Романовыхъ, что часто бываетъ тамъ и можетъ проводить дорогихъ гостей помѣщика до самаго дома его. Притворное простодушіе крестьянина обмануло Поляковъ: они повѣрили словамъ его и велѣли вести себя, какъ онъ знаетъ. Но куда же онъ повелъ ихъ? Совсѣмъ въ противную сторону отъ настоящей дороги! А между тѣмъ успѣлъ еще отправить къ молодому царю вѣсть объ угрожавшей ему опасности. Долго Поляки шли съ проводникомъ своимъ, нигдѣ не останавливаясь, и наконецъ ночью пришли въ самый густой, дремучій лѣсъ, гдѣ никогда никто не проходилъ и не проѣзжалъ. И тамъ еще Сусанинъ долго водилъ ихъ, увѣряя, что сбился въ темнотѣ съ тропинки. Наконецъ злодѣи начали догадываться, что проводникъ обманываетъ ихъ, и съ гнѣвомъ сказали ему это. — Нѣтъ! отвѣчалъ неустрашимый Сусанинъ, уже предвидя свою мучительную смерть, нѣтъ! не я васъ, но вы обманули сами себя. Какъ могли вы думать, что я выдамъ вамъ нашего государя? Онъ спасенъ теперь, и вы очень далеко отъ его помѣстья....

Злодѣи, видя передъ собою вѣрную смерть въ лѣсу, гдѣ никогда еще не было протоптано ни одной тропинки и гдѣ земля покрыта была глубокимъ снѣгомъ (это случилось зимою), бросились съ неописанною яростію на вѣрнаго слугу Романовыхъ и умертвили его самымъ безчеловѣчнымъ образомъ.

За такое самопожертвованіе Сусанина царь щедро наградилъ его дѣтей: онъ даровалъ имъ земли, лежавшія въ окрестностяхъ села Домнина, полвину деревни Деревнищъ, принадлежавшей къ этому селу, и наконецъ всѣ преимущества, которыя должны на вѣчныя времена отличать потомковъ Сусанина отъ другихъ государственныхъ крестьянъ. Надобно однакожь сказать, что потомки его не носятъ названія Сусаниныхъ, но Сабининыхъ. Это потому, что Иванъ не имѣлъ сына: у него была только одна дочь Антониды, которая вышла за мужъ за Богдана Сабинина и имѣла двухъ сыновей — Данила и Константина. Вотъ они-то и воспользовались царскою наградою за героическій поступокъ своего дѣдушки, и отъ нихъ-то происходятъ и всѣ бѣлопашцы.

433. Пословицы историческія.

Кто противъ Бога и великаго Новагорода? — Языкъ до Кіева доведетъ. Москва царство, а деревня рай. Астрахань осетрами, а Сибирь соболями. Нужда изъ Сызрани пѣшкомъ въ Москву шла. Хозяинъ въ дому, что ханъ въ Крыму. Незванный гость хуже Татарина. Никто столько Руси бѣдъ не надѣлалъ, какъ ханъ крымскій, да папа римскій.

Радимичи волчьа хвоста бѣгаютъ. Чужое взять, свое потерять. Въ одинъ день по двѣ радости не живетъ. Душа на Великой, а сердце на Волховѣ. Каменецъ вѣнецъ, кругомъ вода, а въ срединѣ бѣда. Къ кому Богородица, а къ намъ Литва. Москва людна и хлѣбна. Не великъ городокъ, да семь воеводъ. Не тяга сынъ боярскій.

434. Ученіе Петра Великаго.

Никита Монсеевичъ Зотовъ, изъ почетнаго званія дьяковъ, былъ учителемъ Петра Великаго.

Каждое утро уроки начинались съ русской грамоты и съ обученія закону Божію. Послѣ обѣда Зотовъ говорилъ Петру о дѣлахъ славныхъ государей.

Стѣны комнаты, въ которой обучался Петръ, Зотовъ велѣлъ покрыть листами, на коихъ представлена была вся російская исторія въ лицахъ и расписана красками. Тамъ видѣнъ былъ Святославъ, окруженный въ битвѣ врагами, но взывающій къ воинамъ: «Ляжемъ здѣсь! мертвымъ не бываетъ стыда!» Тамъ представленъ Владиміръ, свергающій идола Перуна въ рѣку, и пирующій съ богатырями; тамъ князь Александръ, поразившій шведскаго короля у береговъ Невы. Въ другихъ покояхъ выставлены были рисунки, представляющіе знаменитые европейскіе города: древнюю Вѣну, огромный Парижъ, торговый Амстердамъ, виды великолѣпныхъ зданій и проч. Зотовъ водилъ Петра по комнатамъ и объяснялъ ему всё сіи предметы.

Царевичъ не только со вниманіемъ слушалъ своего учителя, но самъ обо всемъ подробно спрашивалъ, любопытствуя все узнать и желая всему научиться, такъ что утомлялъ самого учителя, который не успѣвалъ отвѣчать на всё его вопросы.

Бояре почитали такіе труды неприличными достоинству царскому; патриархъ и царица согласились съ ними, думая, что Петръ изнуряетъ силы свои.

Однажды, по просьбѣ бояръ и царицы, патриархъ сталъ увѣщевать юнаго царя. Упражненія твои полезны, говорилъ онъ ему, а здоровье твое всего дороже. И мы, твои богомольцы, просимъ тебя не ослаблять твоего здоровья трудами безмѣрными.

— Святый Владыко, молвилъ Петръ, видно кто нибудь излишнее говорилъ тебѣ о трудахъ моихъ.

Патриархъ сказалъ, что онъ самъ о томъ знаетъ, и много разъ отъ бояръ о томъ слышалъ.

— Видно бояре худо знаютъ, отвѣчалъ Петръ, какъ другіе пари европейскіе воспитываютъ дѣтей своихъ въ безпрестанныхъ трудахъ. Наука безъ труда не бываетъ. Я тружусь по охотѣ, и это меня укрѣпляетъ; при томъ же, прибавилъ Петръ вздохнувъ, много времени проходитъ у меня и въ пустыхъ забавахъ, отъ которыхъ однако никто меня не отводить.

475. Жизнь Петра Великаго въ Сардамѣ.

Донныя жители Сардама гордятся тѣмъ, что у нихъ жилъ и учился Петръ Великій, и предаче народное повторяетъ множество разсказовъ объ его Сардамскомъ житіи-бытіи. Такъ, напримѣръ, вспоминаютъ тамъ, какъ отличался онъ искусствомъ между всѣми плотниками и мастерами, и получилъ за это званіе баса или мастера, какъ онъ работалъ на пыльной мельницѣ, въ маслостроителнѣ и на бумажной фабрицѣ. Мельница-крупчатка, гдѣ обтесалъ онъ доску, донныя называется *царскою*. Посѣтители домика удивляются искусству въ сдѣланныхъ царемъ корабельныхъ моделяхъ, тамъ сохраняемыхъ. Царь самъ носилъ себѣ дрова на кухню, топилъ печку, стряпалъ кушанье. Войдя однажды въ домъ къ знакомому плотнику въ грязныхъ башмакахъ, онъ былъ остановленъ сердитою хозяйкою; смиренно скинулъ онъ башмаки и, изъ опасенія замарать чистый полъ, остался въ чулкахъ. Онъ посѣтилъ мать бывшаго въ Россіи мастера Іозіаса, запросто завтра-

каль съ нею и обѣдалъ у жены другого мастера Рейсена. «Почему знаешь ты моего мужа?» спросила его жена Арріена Метъе, отъ котораго царь привезъ ей поклонъ изъ Россіи.—«Мы работали съ нимъ вмѣстѣ у Московскаго царя», отвѣчалъ Петръ. «Но кто же ты самъ?» спросила его любопытная Голландка. «Я плотникъ», отвѣчалъ царь.—Идя однажды по улицѣ, царь толкнулъ какого-то мальчишку, не дававшего ему дороги. Шалуныъ разсердился и бросилъ въ лицо царю гнилое яблоко. Царь утерся и сказалъ: «виноватъ! я все думаю, что я еще въ Москвѣ!» Купивши у одного Сардамца боть, по приглашенію продавца царь долженъ былъ распить съ нимъ въ магарычъ кружку пива. Онъ купилъ себѣ, кромѣ бота, яхту, самъ отдѣлалъ на ней мачту, прогуливался въ ней по морю, плавалъ нѣсколько разъ въ Амстердамъ и однажды, пустившись въ шлюпкѣ по заливу въ бурное время, едва не утонулъ, когда сильнымъ волненіемъ перекачнуло шлюпку. Бывшіе при царѣ успѣли схватить его. «Мнѣ надобно было окреститься въ Нѣмецкомъ морѣ!» сказалъ Петръ смѣясь.

436. Князь Яковъ Федоровичъ Долгоруковъ.

Армія наша (въ 1700 году) осаждала уже Нарву; успѣхъ казался несомнѣннымъ, какъ неожиданная измѣна нашего военачальника, герцога де-ла-Кроа, дала дѣлу иной оборотъ. Самого царя не было; голодь, ненастная погода ослабили бодрость солдатъ новобранцевъ, и положеніе нашихъ войскъ требовало отступленія. Карлъ XII, согласившись съ предложеніемъ Долгорукова на свободный пропускъ всей арміи, обязался въ томъ честнымъ словомъ и, въ доказательство вѣрности, пожалъ руку у Долгорукова. Однако же герой Фридрихсгама запятналъ честь свою постыднымъ поступкомъ: позволивъ большей части лучшихъ нашихъ войскъ переправиться чрезъ Серру, онъ бросился на оставшіеся полки, обезоружилъ ихъ и объявилъ военнопльнными. Вмѣстѣ съ Долгоруковымъ непріатели схватили и прочихъ генераловъ, и всѣхъ отправили въ Стокгольмъ. 10 лѣтъ провелъ здѣсь Яковъ Федоровичъ, посвящая все это время изученію шведскаго правовѣдѣнія и полезныхъ наукъ.

Недостатокъ въ продовольствіи хлѣбомъ, оказавшійся въ 1711 году въ Стокгольмѣ, принудилъ шведское правительство перевезти часть нашихъ плѣнныхъ въ Готенбургъ. Плыва моремъ и пользуясь немногочисленностію отряда, Долгоруковъ вознамѣрился овладѣть фрегатомъ и возвратиться въ отечество. Уговоривъ товарищей, онъ предложилъ исполнить предпріятіе въ Субботу, въ часъ вечерней службы, когда запоютъ: «Держайте, людие Божіи.» Въ одно мгновеніе Шведы были окружены, иные связаны и заключены подъ палубу, иные брошены въ море; а шкиперъ, утрашенный угрозами князя, направилъ путь къ Ревельской гавани, и скоро фрегатъ возвѣстилъ о своемъ прибытіи пушечными выстрѣлами.

Съ распростертыми объятіями принялъ царь своего вѣрноподданнаго и, цѣлуя, хвалилъ его храбрость и умъ. Долгоруковъ не могъ говорить отъ радости, увидѣвши Петра, — онъ плакалъ. Царь и окружавшіе его также плакали. Скоро князь назначенъ былъ сенаторомъ, съ завѣдываніемъ сверхъ того комиссаріатомъ. Съ сего времени начинается рядъ его дѣяній, пріятныхъ монарху, полезныхъ отечеству.

437. Кто онъ?

На берегу Невы великой,
По тропиночкѣ лѣсной
Ѣхалъ всадникъ. Вкругъ все дико:
Ель, сосна да мохъ сѣдой.

Передъ нимъ рыбацья хата;
Подъ сосной, у синихъ волнъ
Старый рыбарь бородатый
Колотилъ дыравый челнъ.

Всадникъ молвилъ: «Дѣдъ, здорово!
«Богъ на помощь! Какъ живешь?
«Много ль ловишь ты, и лова
«Гдѣ добычу продаешь?»

Отвѣчалъ старикъ сердито:
«Рыбы мало ли въ рѣкѣ?
«Только нѣтъ иного сбыта,
«Какъ въ сосѣднемъ городкѣ.

«Да теперъ мнѣ что въ ловитьвѣ?
«Вишь, какая здѣсь возня!
«Вы дрались, а бомбой въ битвѣ
«Челнъ прошибло у меня.»

Всадникъ прочь съ коня; безмолвно
Взялъ топоръ и млатъ съ пилой,
Мигомъ сбиль борты у челна,
Руль привѣсилъ за кормой.

«Ну, старинушка, готово!
«Смѣло въ воду челнъ содвинь,
«И на счастье Петрово
«Сѣти на морѣ закинь!»

Онъ исчезъ. Старикъ строптивый
Думалъ, молча: «Что за диво?
«Съ виду смѣлѣе онъ царемъ,
«А гораздъ такъ топором!»

Полонскій.

438. Утреннія занятія Петра Великаго.

Петръ Великій ложился спать въ 10 часовъ вечера, и вставалъ лѣтомъ и зимою въ три часа утра. Вставши, онъ часъ ходилъ по комнатѣ, читая Санктпетербургскія газеты, или пересматривая въ рукописи переводы книгъ, сдѣланные по его повелѣнью. Ни одна книга не выходила изъ печати, не бывъ пересмотрѣна самимъ государемъ. Въ 4 или въ 5 часовъ Петръ, безъ

чаю и кофею, выпивъ рюмку анисовой водки, отправлялся, съ тростью въ одной рукѣ и съ записной книжкой въ другой, смотрѣть производившіяся работы.

Однажды онъ назначилъ Бранденбургскому посланнику фонъ-Принцию приемную аудіенцію въ 4 часа утра. Посланникъ, не полагая, что государь встанетъ такъ рано, думалъ, что не опоздаетъ, явившись во дворецъ въ пять; но онъ не засталъ Петра, который уже работалъ на марсѣ военного корабля. Фонъ-Принциъ, имѣвшій важныя порученія и не могшій вступить въ переговоры съ русскими министрами, не видавъ царя, принужденъ былъ отправиться въ Адмиралтейство. Когда Петру доложили о пріѣздѣ посланника, онъ сказалъ: пусть побезпокоится придти сюда, если не умѣлъ застать меня во дворцѣ. Посланникъ принужденъ былъ по вантамъ взбираться на гротъ-мачту, и государь, сѣвъ на бревно, принялъ отъ него вѣрющую грамоту и выслушалъ обыкновенныя привѣтствія.

439. Полтава.

Полтава знаменита побѣдою, одержанною близъ нея Петромъ I надъ Карломъ XII, 27 Іюня 1709 года. Въ старину она была обведена землянымъ валомъ съ пятью воротами; но въ настоящее время отъ ея прежнихъ укрѣпленій не осталось и слѣдовъ.

Въ числѣ Полтавскихъ достопримѣчательностей, напоминающихъ славную побѣду Петра, обращаетъ между прочимъ на себя вниманіе деревянная, низенькая церковь Спаса. Она стоитъ на площадкѣ, недалеко отъ мѣста, на которомъ въ старину находились Куриловскія ворота. Церковь эта достопамятна тѣмъ, что здѣсь, по преданію, жители Полтавы, осажденные Шведами и терзаемые голодомъ, молились и клялись не сдаваться; а послѣ побѣды Петръ Великій здѣсь принесъ первое молебствіе, поселившись въблизи, въ домѣ одного Полтавскаго обывателя.

Чтобы предохранить церковь Спаса отъ разрушенія, надъ нею устроена каменная одежда; внутри же церкви, для поддержанія стѣнъ, возведены четыре каменные столба.

Домикъ, въ которомъ Петръ I отдыхалъ послѣ Полтавскаго сраженія, давно уже не существуетъ; но всякій въ городѣ укажетъ теперь мѣсто близъ церкви Спаса, гдѣ онъ стоялъ. На этомъ мѣстѣ воздвигнуть въ 1847 году бронзовый памятникъ, представляющій четырехугольный, массивный столбъ, на гранитномъ основаніи. Сверху столба шлемъ, лавры, щитъ и мечъ. На сторонѣ, обращенной къ церкви Спаса, надпись:

Здѣсь Петръ I покоился
послѣ трудовъ своихъ
27 Іюня 1709 г.

Благоговѣй!

Мѣсто свято есть!

Кромѣ памятника подлѣ церкви Спаса, въ Полтавѣ есть также другой монументъ, напоминающій побѣду Русскихъ надъ Шведами. Онъ находится на главной площади города, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ по преданію побѣдитель Карла XII былъ впервые встрѣченъ жителями Полтавы. Памятникъ этотъ состоитъ изъ чугунной колонны на гранитномъ пьедесталѣ; сверху колонны орелъ съ распростертыми крыльями, обращенными къ другому памятнику въ честь Петра I-го — къ Полтавскому Петровскому кадетско-

му корпусу. На пьедесталѣ памятника находится надпись: Іюня 27-го дня, 1809 года.

Въ шести верстахъ отъ Полтавы, близъ дороги на Диканьку и Зеньковъ, находится такъ называемая Шведская могила, гдѣ погребены русскіе воины, павшіе въ Полтавскомъ бою. Убитые Шведы были похоронены въ особыхъ ямахъ, которыхъ нѣтъ нынѣ уже возможности отыскать. Эта исполнинская могила имѣетъ въ окружности при подошвѣ около 52 сажень, на верхней площадкѣ 4 сажени и въ отвѣсѣ 5 сажень. Отъ посѣщающихъ могилу вершина ея и бока раздѣлены на крестъ четырьмя тропинками; дожди размыли эти тропинки, и могила кажется составленною изъ двухъ насыпей. Похоронивъ убитыхъ воиновъ 28 Іюня 1709 года, Петръ I собственноручно водрузилъ надъ могильнымъ холмомъ крестъ съ надписью: «Воины благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчавшіеся, лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1709, Іюня 27-го дня.» Лѣтъ тридцать тому назадъ, на мѣсто этого стараго, за ветхостію снятаго креста поставленъ новый съ надписью, слова которой взяты изъ рѣчи Петра Великаго къ воинамъ, на канунѣ битвы: «А о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь его не дорога; только бы жила Россія, благочестіе, слава и благосостояніе ея.» На другой сторонѣ креста находится надпись, въ когорой означено, что подъ могилою погребены: 1 бригадиръ, 2 полковника, 1 подполковникъ, 3 майора, 45 оберъ-офицеровъ, 1293 капрала и рядовыхъ, всего — 1345 человекъ. Ежегодно у подошья холма со времени Петра I-го совершается въ день 27-го Іюня торжественная панихида.

Близъ Шведской могилы воздвигнута въ новѣйшее время церковь во имя преподобнаго Сампсонія, четвероугольная, очень простой архитектуры; а съ другой стороны могилы выстроены два дома для инвалидов-сторежей.

Поле, на которомъ происходило Полтавское сраженіе, видно съ могилы какъ на ладони.

480. Гонимъ.

Кто при звѣздахъ и при лунѣ
Такъ поздно ѣдетъ на конѣ?
Чей это конь неутомимой
Бѣжить въ степи необозримой?

Казакъ на сѣверъ держитъ путь,
Казакъ не хочетъ отдохнуть
Ни въ чистомъ полѣ, ни въ дубравѣ,
Ни при опасной переправѣ.

Какъ стекло булатъ его блеститъ,
Мѣшокъ за пазухой звенитъ;
Не спотыкаясь конь ретивой
Бѣжитъ, размахивая гривой.

Червонцы нужны для гонца,
Булатъ — потѣха молодца,
Ретивый конь — потѣха тоже;
Но шапка для него дороже.

За шапку онъ оставить радъ
Коня, червонцы и булатъ;
Но выдасть шапку только съ бою,
И то лишь съ буйной головою.

Зачѣмъ онъ шапкой дорожить?
Затѣмъ, что въ ней доносъ зашить,
Доносъ на гетмана злодѣя
Царю Петру отъ Кочубея.

Пушкинъ.

481. Русскія рѣки.

Волга.

Девять обширныхъ губерній пьютъ мою воду; поэты
Мнѣ, какъ царицѣ, поютъ громкія пѣсни свои.

Днѣпръ.

Помню: по волнамъ моимъ свирѣпой грозой въ Византію,
Въ легкихъ неслися ладьяхъ витязи сѣверныхъ странъ,
И, возвратившись съ набѣга въ Кіевъ престольный съ добычей,
Славили падшихъ друзей, тризну справляя по нихъ.

Ураль и Донъ.

Мы плодородье даемъ стѣоронѣ, не обильной водою;
Въ пѣсняхъ лихихъ казаковъ наши гремятъ имена.

Нева.

Гордо, привольно теку я въ крутыхъ берегахъ изъ гранита;
Кратокъ, но славенъ мой бѣгъ; я украшаю собой
Городъ богатый, чудесный—столицу имперіи сильной;
Быстро по волнамъ моимъ въ море летать корабли.

Сѣверная Двина.

Плодь сочетанья двухъ рѣкъ — прекрасной Сухоны и Юга,
Въ Бѣлое море я шлю съ грузомъ богатымъ суда.

Иртышъ.

Я отометилъ Ермаку, покорителю царства Кучума:
Въ волнахъ сердитыхъ моихъ завоеватель погибъ.

Лена.

Рѣки! вы славны, не спору; но я исполню передъ вами:
Въ устьѣ обширномъ моемъ сотни лежатъ острововъ.

Москва.

Я не обильна водами и не тянуса по картѣ
Длинной чертою, какъ вы, рѣки отчины моей;
Но на моихъ берегахъ красуется гордо столица,
Главы златыя Кремля смотрятся въ воды мои.

Терекъ и Курь.

Быстро по камнямъ межъ горъ съ шумомъ и пѣной мы мчимся,
Ропотомъ втора своимъ пѣснямъ Кавказа сыновъ.

Почайна.

Я хоть ничтожная рѣчка, но мои воды священны:
Въ прежніе годы онѣ были купелью Славянъ.

Калка.

Грустно мнѣ вспомнить поныѣ, какъ страшный врагъ отъ востока
Въ Русь святую проникъ, какъ на моихъ берегахъ,
Грозный, во прахъ онъ разсѣялъ дружины князей знаменитыхъ,
Какъ, имъ разбитый, бѣжалъ съ поля Мстиславъ Удалой.

Сить.

Ахъ! и я вспоминаю съ тоскою про то поражение,
Гдѣ подъ мечами Татаръ князь Георгій погибъ.

Непрядьва.

Рѣки! утѣштесь: я видѣла битву героя Донского,
Гдѣ нашъ губительный врагъ, имъ пораженный, бѣжалъ.

482. Одесса.

Одесса до 1789 года была не что иное какъ бѣдная турецкая деревушка, называвшаяся *Хаджибей*. Ея положеніе при Черномъ морѣ очень понравилось императрицѣ Екатеринѣ, и такъ какъ она давно желала учредить въ этихъ мѣстахъ портъ, то и поручила князю Потемкину овладѣть Хаджибеемъ. Вскорѣ турецкое селеніе дѣйствительно перешло къ намъ во владѣніе, благодаря стараніямъ храбраго вице-адмирала де-Рибаса. Получивъ извѣстіе о побѣдѣ, государыня приказала основать тутъ немедленно городъ и портъ. И вотъ явился сперва маловажный городишко съ плохенькими зданіями и малонаселенный; но портъ его представлялъ очень удобное убѣжище для кораблей, которые въ немъ были совершенно защищены отъ всѣхъ вѣтровъ, поэтому скорѣ со всѣхъ сторонъ приплыли въ него суда. Такимъ образомъ Одесса оживилась, и главная причина ея будущей славы — торговля основалась. Насталъ 1789 годъ, и вдругъ въ Россіи явился французскій герцогъ Ришелье, искавшій спасенія въ нашемъ отечествѣ

отъ безпорядковъ, колебавшихъ Францію; у насъ онъ нашелъ покровительство, и въ 1803 году императоръ Александръ назначилъ его градоначальникомъ Одессы.

Поговорите объ этомъ человѣкѣ съ кѣмъ нибудь изъ Одесскихъ жителей, и каждый скажетъ вамъ, что герцогъ былъ другомъ рода человѣческаго: какъ отецъ родной песя о жителяхъ, когда въ Одессѣ свирѣпствовала чума; посѣщалъ больныхъ, утѣшалъ ихъ, и мертвымъ самъ, собственными руками приготовлялъ послѣднее убѣжище; онъ же основалъ и *лицей*, давшій отечеству нашему уже много полезныхъ и достойныхъ гражданъ. Благодарная Одесса воздвигла ему памятникъ на морскомъ берегу возлѣ бульваровъ, и каждая мать, прогуливаясь тутъ съ сыномъ и указывая на бронзовую статую, стоящую на гранитномъ пьедесталѣ, скажетъ: «Вотъ, другъ мой, изображеніе герцога де-Ришелье, которому отецъ твой очень многимъ обязанъ. Чти его память, люби его и всегда внутренно благодари за благодѣянія, которыми онъ украсилъ воспоминаніе о себѣ.» Одною рукою указываетъ онъ на портъ, какъ бы любясь множествомъ судовъ подъ разноцвѣтными флагами, которыя летаютъ по морю на бѣлыхъ парусахъ; въ другой рукѣ онъ держитъ свитокъ, вѣроятно указъ.

Пройдемъ на морской бульваръ; какая очаровательная картина представляется глазамъ: внизу, въ саженьяхъ тридцати, волнуется Черное море, покрытое красивыми кораблями, плывущими во всѣхъ направленіяхъ; за деревьями мелькаютъ прекрасныя зданія, какъ то: домъ графа Воронцова, присутственныя мѣста, публичная бібліотека; налѣво открывается прекрасная биржа, живая, суетящаяся, шумливая, и отъ нея тянется рядъ красивыхъ строеній; предъ вами величественная статуя Ришелье, а немного въ сторонѣ красивый, огромный карантинъ, около котораго толпятся нестройными группами корабли.

183. Два великана.

Въ шапкѣ золота литого
Старый Русскій великанъ
Поджидалъ къ себѣ другого
Изъ далекихъ чуждыхъ странъ.

За горами, за долами
Ужъ гремѣлъ объ немъ разсказъ,
И помѣряться главами
Захотѣлось имъ хоть разъ.

И пришелъ съ грозой военной
Трехвѣдлный удалецъ,
И рукою дерзновенной
Хватъ за вражескій вѣнецъ.

Но улыбкой роковою
Русскій витязь отвѣчалъ:
Посмотрѣлъ, трихнулъ главою —
Ахнулъ дерзкій, и упалъ.

Но упалъ онъ въ дальнемъ морѣ
На невѣдомый гранитъ,
Тамъ, гдѣ буря на просторѣ
Надъ пучиною шумитъ.

Дерматовъ.

484. Домикъ Петра Великаго.

Петербургъ поражаетъ своимъ великолѣпиемъ всякаго путешественника. Широкия, чистыя улицы правильно разсѣкаютъ его по всѣмъ направленіямъ. Храмы, дворцы и монументы невольно останавливаютъ вниманіе каждаго. Но лучшимъ украшеніемъ Петербурга составляетъ конечно Нева, на берегахъ которой онъ расположенъ. Кто не любовался этою прекрасною рѣкою въ ясную, лунную ночь?... Освѣщенная мѣсяцемъ, какъ горделиво омываетъ она гранитный берегъ, занятый рядомъ прекрасныхъ строеній!

Если бы мы не имѣли достовѣрныхъ свидѣній, свидѣтельствующихъ о времени построенія Петербурга, то трудно было бы повѣрить, что за полтора ста лѣтъ на томъ мѣстѣ, гдѣ красуется теперь столица наша, были одни лишь обширныя лѣса и болота.

Правый берегъ Невы не богатъ зданіями; но между ними есть одинъ домикъ простой, незатѣливой архитектуры, который неоцѣнимъ для каждаго, любящаго свое отечество.

Въ этомъ домикѣ жилъ при первоначальномъ устройствѣ Петербурга блаженной и вѣчной славы достойный памяти императоръ Петръ I-й. Домикъ этотъ или дворецъ очень не великъ. По продольному фасаду онъ имѣетъ 5 сажень и $1\frac{3}{4}$ аршина, по поперечному—2 сажени и $1\frac{1}{2}$ аршина, а высота подъ крышу—1 сажень и 8 вершковъ. Въ немъ только три комнаты и сѣни. Наружныя стѣны окрашены масляною краскою подъ видъ кирпича.

Какимъ неизъяснимымъ чувствомъ наполняется душа при посѣщеніи этого скромнаго жилища великаго императора. Благоговѣнный трепетъ невольно овладѣваетъ сердцемъ, и какъ высоко и свято это чувство!...

Первая комната, на лѣво изъ сѣней, обращена нынѣ въ часовню. Въ переднемъ углу находится рѣзная кіота, сдѣланная изъ липъ Лѣтняго сада времяз императора Петра I-го. Въ этой кіотѣ хранится веруководственный образъ Спасителя, сопутствовавшій всюду императору. Богатый вѣнецъ, усыпанный сорока осмью драгоценными камнями, украшаетъ его.

Направо изъ сѣней находится довольно обширная комната, служившая кабинетомъ императору. Въ ней два широкіе окна. Одно изъ нихъ — къ сторонѣ лѣтняго сада, а другое обращено къ крѣпости; каждое окно состоитъ изъ нѣсколькихъ рамъ, въ которыя вставлены небольшія стекла въ жестяныхъ оправкахъ.

Въ этой комнатѣ находятся два стола, крытые стекломъ, въ которыхъ хранятся разныя приношенія; но изъ числа всѣхъ этихъ вещей обращаютъ на себя особенное вниманіе два костяныя ожерелья, выточеныя превосходнымъ образомъ самимъ императоромъ. Далѣе вдоль стѣнъ разставлены кресла и стулья, сдѣланныя изъ липъ Лѣтняго сада. У окна, обращеннаго къ крѣпости, помѣщается простое кресло и подножная скамейка работы Петра Великаго.

Весь домикъ окруженъ галлереею, въ которой хранится четырех-весельная верейка съ веслами и рулемъ. Изъ описанія отечественныхъ достопамятностей можно полагать, что эта верейка работы самого императора, на которой онъ объѣзжалъ берега Невы и осматривалъ производившіяся тогда работы въ Петербургѣ.

Длина этой верейки по борту тридцать пять четвертей, каждое весло въ двадцать четвертей. Вѣхій парусъ, принадлежащій къ этой верейкѣ, хранится въ кабинетѣ императора.

Прошло болѣе полтора ста лѣтъ, какъ существуетъ этотъ домикъ. Ши-

роко раскинулся съ тѣхъ поръ Петербургъ, и со всѣхъ сторонъ окружилъ его своими обширными зданіями. Маленькій дворецъ, сохраняя скромное названіе домика Петра Великаго; переживетъ еще много столѣтій, и внушитъ внукамъ нашимъ то же святое чувство благоговѣнія, съ какимъ каждый изъ насъ посѣщаетъ его нынѣ.

485. Петропавловская крѣпость и Петропавловскій соборъ въ С. Петербургѣ.

Петропавловская крѣпость, основанная Петромъ Великимъ, лежитъ на небольшомъ островкѣ, образуемомъ Невою. Стѣны ея обложены болѣею частью плитами изъ тесанаго гранита. Въ крѣпость входятъ тремя воротами: Невскими, Петровскими и Никольскими. Петровскія ворота снаружи украшены разными барельефами и арматурами, и въ томъ числѣ деревяннымъ рѣзнымъ изображеніемъ апостола Петра, представленнаго съ двумя огромными ключами въ рукахъ. Внутри крѣпости находятся: Петропавловскій соборъ, монетный дворъ, государственное казначейство и проч.

Петропавловскій соборъ—одно изъ замѣчательнѣйшихъ зданій въ С. Петербургѣ—огромнаго размѣра и имѣетъ продолговатую фигуру: съ одной стороны храма, надъ алтаремъ, возвышается большой куполь, а съ другой—высокая четвероугольная колокольня, оканчивающаяся острымъ шпилемъ, виднымъ издалека. Шпиль увѣнчанъ яблокомъ съ ангеломъ и крестомъ. Говоря о колоколнѣ Петропавловскаго собора, нельзя не вспомнить о крестьянинѣ Петрѣ Телушкинѣ, который въ 1830 году безъ пособія лѣсовъ, помощію одной веревки, взлѣзъ на шпиль колокольни и исправилъ поврежденія въ крестѣ и ангелѣ съ полнымъ успѣхомъ. Въ награду за это смѣлое предпріятіе Телушкинъ получилъ отъ государя значительную сумму денегъ и серебряную медаль на Анненской лентѣ для ношенія на шеѣ.

Стѣны Петропавловскаго собора внутри украшены разными лѣпными орнаментами, а въ старину были расписаны изображеніями изъ Священнаго писанія. Надъ окнами, около карнизовъ, развѣшено множество знаменъ, флаговъ, крѣпостныхъ ключей, щитовъ, булавъ и т. д.—трофеи войнъ временъ Петра I, Екатерины II, Павла I, Александра I и Николая I. Иконостасъ собора въ старинномъ русскомъ вкусѣ, отличной рѣзной работы и богато вызолоченъ. Кромѣ драгоценной утвари, въ соборѣ замѣчательно между прочимъ большое паникадило, висящее противъ царскихъ вратъ. Оно выточено изъ слоновой кости руками Петра I-го, находившаго истинное удовольствіе въ работахъ подобнаго рода.

Петропавловскій соборъ замѣчателенъ особенно еще тѣмъ, что въ немъ, начиная съ Петра Перваго, погребены въ отдѣльныхъ склепахъ Русскіе государи и ихъ семейства. Надъ склепами, въ которыхъ покоятся державныя особы, находятся гробницы или саркофаги; послѣдніе сдѣланы изъ гранита безъ всякихъ украшеній, и только покрыты богатыми парчевыми покрывами. Къ каждому саркофагу, въ передней части, прикрѣплена доска, на которой изображено имя покойщейся державной особы, годъ ея рожденія, преставленія и время царствованія.

486. Казанскій соборъ.

Казанскій соборъ построенъ въ царствованіе Александра Перваго. Это огромное зданіе, украшенное снаружи колоннами, бронзовыми барельефами,

статуями; куполь надъ храмомъ овальный, съ позолоченнымъ крестомъ. Въ Казанскомъ соборѣ есть много иконъ превосходной живописи; но самая замѣчательная изъ нихъ, по историческимъ воспоминаніямъ, образъ Казанской Божіей Матери, отъ котораго и самый храмъ получилъ свое названіе. Риза на этой иконѣ изъ чистаго золота и украшена жемчугомъ и драгоценными каменьями, всего цѣною на 10.000 рублей. Полъ въ Казанскомъ соборѣ мозаическій, набранный изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ и аспида. Иконостаъ серебряный, литой; онъ сдѣланъ изъ серебра, отнятаго въ 1812 году у Французовъ Донскими казаками, которые принесли въ даръ собору сто пудовъ этого металла. По правую сторону, у подкупольнаго столба, находится императорское мѣсто; оно сдѣлано изъ разныхъ мраморовъ и драпировано зеленымъ бархатомъ, съ украшеніями, вышитыми золотомъ, и съ русскими гербами. Надъ мѣстомъ сдѣлана надпись изъ бронзовыхъ вызолоченныхъ литеръ: «Сердце царево въ руцѣ Божіей». Стѣны собора украшены трофеями, взятыми у Французовъ во время нашествія ихъ на Россію. У подкупольнаго столба, на бронзовыхъ, ярко вызолоченныхъ дощечкахъ, висятъ ключи отъ крѣпостей и городовъ, завоеванныхъ Русскими въ 1812 и 1813 годахъ, и находится подъ стекломъ жезлъ маршала Даву, потерянный имъ въ битвѣ съ Русскими.

Въ Казанскомъ соборѣ покоится прахъ Кутузова Смоленскаго, спасителя отечества въ 1812 году. Гробница его окружена прекрасною бронзовою рѣшеткою.

На площади, передъ соборомъ, стоятъ двѣ колоссальныя бронзовыя статуи, изображающія двухъ фельдмаршаловъ: одинъ изъ нихъ Кутузовъ, другою Барклай-де-Толли.

487. Пѣнь Русскому Царю.

Боже, Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли!

Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю,—
Все ниспошли!

Перводержавную
Русь православную,
Боже, храни!

Царство ей стройное,
Въ силѣ спокойное,—
Все жъ недостойное
Прочь отжени!

Воинство бранное,
Славою избранное,
Боже, храни!

Воинамъ мстителямъ,
Чести спасителямъ,
Миротворителямъ—
Долгіе дни!

Мирныхъ воителей,
Правды блюстителей,
Боже, храни!

Жизнь ихъ примѣрную,
Нелицемерную,
Доблестямъ вѣрную
Ты помини!

О Провидѣніе,
Благословеніе
Намъ ниспошли!

Къ благу стремленіе,
Въ счастья смиреніе,
Въ скорби терпѣніе
Дай на земли!

Будь намъ заступникомъ,
Вѣрнымъ соутникомъ
Насъ провожай!

Свѣтлопрелестная
Жизнь наднебесная,
Сердцу извѣстная,
Сердцу сіяй!

Жуковский.

ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКІЯ БУКВЫ.

А	а	азъ	А	а	Оу V	оу δу	укъ	У	у
Б	б	буки	Б	б	Ф	ф	фертъ	Ф	ф
В	в	вьди	В	в	Х	х	хпръ	Х	х
Г	г	гаголь	Г	г	Ѡ	ѡ	отъ	от	
Д	д	добро	Д	д	Ц	ц	цы	Ц	ц
Е	е	естъ	Е	е	Ч	ч	червь	Ч	ч
Ж	ж	живьте	Ж	ж	Ш	ш	ша	Ш	ш
З	з	зъло	З	з	Щ	щ	ща	Щ	щ
И	и	изже	И	и	Ъ	ъ	ерь	Ъ	ъ
І	і	і	І	і	Ы	ы	еры	Ы	ы
К	к	како	К	к	Ь	ь	ять	Ь	ь
Л	л	люди	Л	л	Ю	ю	ю	Ю	ю
М	м	мысльте	М	м	Ѡ	ѡ	о	О	о
Н	н	нашь	Н	н	Ѡ ѡ	ѡ Ѡ	я	Я	я
О	о	онъ	О	о	Ѡ	ѡ	кци	Кс	кс
П	п	покой	П	п	Ѡ	ѡ	пси	Пс	пс
Р	р	рцы	Р	р	Ѡ	ѡ	ѡта	Ѡ	ѡ
С	с	слово	С	с	V	v	ижича	V	v
Т	т	твердо	Т	т					

Ц И Ф Р Ы.

ā	1
ḅ	2
ḥ	3
l̄	4
ē	5
š	6
z̄	7
ñ	8
ḡ	9
ī	10
āi	11
ḅi	12
ḥi	13
l̄i	14
ēi	15
ši	16
z̄i	17
ñi	18
ḡi	19

ḅ	20
ḅa	21
l̄	30
l̄m	40
ñ	50
z̄	60
ō	70
ñ	80
č	90
ḥ	100
z̄	200
ḥ	300
ḡ	400
ḡ	500
ḡ	600
ḡ	700
ō	800
ñ	900
ā	1000